ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

М 55/204
801-17/617
ФБ к под
М 55/204

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ XIII

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
30628-38

2014243340

Предисловие редактора

Настоящий том является непосредственным продолжением XII тома, в котором мы напечатали статьи Плеханова за время борьбы с экономизмом. Но только хронологически. С ноября 1903 г. в развитии Плеханова начинается новый этап. Гранью явился второй партс'езд, на котором влияние Плеханова достигло своего зенита. Именно он проводил и защищал новую программу партии, демонстрируя полную солидарность редакции «Искры» и «Зари» во всех программных вопросах. Как в статьях «Ортодоксальное буквоедство», так и во всех выступлениях на с'езде, он особенно подчеркивал и свое полное согласие с Лениным, с которым он солидаризировался также и в организационном вопросе, не остановившись даже пред разрывом со старыми товарищами по группе «Освобождение Труда».

Не прошло, однако, и двух месяцев, как Плеханов разошелся с Лениным. К решению, что необходимо, в интересах сохранения единства партии, вступить в соглашение с Мартовым и остальными членами старой редакции «Искры» и «Зари», Плеханов пришел после событий, разыгравшихся на с'езде заграничной Лиги русской революционной социал-демократии (в конце октября 1903 г.).

После выхода Ленина из редакции «Искры» Плеханов кооптировал представителей «меньшинства». В статье «Чего не делать», которою начинается предлагаемый том, он старается обосновать свою «примиренческую» позицию. Чем мягче Плеханов отзывается о «бывших экономистах» и о «меньшинстве», тем сердитее становится его полемика с «большинством» и с Лениным. Обнаруживаются разногласия не только в организационных вопросах, но и в вопросах тактики. И, наконец, в статьях «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» (июль и август 1904 г.) Плеханов, к великому удивлению читателей «Искры», подвергает весьма запоздалой, но очень резкой критике «слабую во всех отношениях брошюру» «Что делать?» Ленина. Оказалось также, что между Плехановым и Лениным были острые разногласия и в программных вопросах. Так, в названной статье мы находим загадочное указание на какие-то статьи, в которых Плеханов критиковал взгляды Ленина. «В одной—двух позднейших статьях мне,— пишет Плеханов, — случилось, по другому поводу, опровер-

гать и осмеивать многие из тех узко-метафизических доводов, которые когда-то выдвигал Ленин во время наших споров о нашем проекте программы» [1]).

Новые материалы, опубликованные со времени выпуска нами XII тома сочинений Плеханова, показали, что и до второго партс'езда в редакции «Искры» и «Зари» не все обстояло благополучно. Особенно страстные споры по вопросам программы и тактики происходили именно между Плехановым и Лениным. Споры эти оставались совершенно неизвестными не только «периферии», но и более тесному кругу «искровцев», тем более, что поведение Плеханова на с'езде свидетельствовало, что между ним и Лениным нет никаких разногласий. Если молодые члены с'езда поняли, наконец, что в казавшейся им сначала монолитной редакции наметилась трещина, то согласие Плеханова на новый состав редакции — без Засулич и Аксельрода — еще более подчеркивало его солидарность с Лениным.

Вот почему новые статьи Плеханова, направленные против Ленина, вызывали большое недоумение среди читателей. И в то же время в самый разгар этой полемики с Лениным Плеханов приходит к убеждению, что, несмотря на почти полное согласие с «меньшевиками» в вопросах тактики, он не может работать с ними, и начинает издавать собственный орган «Дневник социал-демократа». А в мае 1905 г., после женевской конференции меньшевиков, он выходит из редакции «Искры». В третьем номере «Дневника» Плеханов, имея уже пред собой опыт октябрьской забастовки, подробно доказывает, что, несмотря на свою антипролетарскую и антиреволюционную точку зрения, либеральная буржуазия может своей оппозицией правительству принести пользу революционному пролетариату, и что вследствие этого мы поступили бы вопреки прямому и очевидному интересу революции, если бы раз навсегда повернулись спиной к этой буржуазии, сказав себе и другим, что от нее решительно нечего ждать теперь для дела свободы. Эти тактические положения, как известно, определили линию поведения Плеханова в эпоху первой русской революции.

В приложениях мы даем речи Плеханова на с'езде Лиги и речи его на Амстердамском международном социалистическом конгрессе.

Д. Рязанов.

Май 1926.

[1]) В примечании Плеханов пишет, что «этих статей я не могу назвать *по независящим от меня причинам*». Будем надеяться, что нашим молодым лениноведам удастся установить, какие свои статьи имел в виду Плеханов.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

(1903 — 1905)

Чего не делать

По мере того, как растет и крепнет движение российского пролетариата, роль, исполняемая его сознательными представителями, становится все более и более ответственной. Прежде, в эпоху так называемой теперь кружковщины, — которую, впрочем, не следует поминать лихом, потому что она завещала нам немало ценных приобретений, — вредные последствия наших ошибок ограничивались узкими пределами одного или нескольких *кружков*. Теперь, когда мы имеем дело с *массой*, влияние это стало несравненно шире. А когда Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия получит, наконец, столь необходимую для нее централистическую организацию, тогда каждая ошибка, сделанная центром, неизбежно будет распространяться по всей окружности. Кому много дано, с того много и взыщется. В нашем центре нам нужны люди, отличающиеся не только смелостью, решительностью и настойчивостью, но также и огромной *осмотрительностью*. Они должны быть, поистине, *мудры, как змии*.

Но первым признаком политической мудрости является уменье считаться с данным положением дел. Кто не обладает таким уменьем, тот не рожден для политической деятельности и тот поступит благоразумнее, если будет отклонять от себя всякие ответственные политические роли. Политика требует от людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знает неизменных, раз навсегда данных правил. Это само собою разумеется, но об этом не бесполезно напомнить теперь, когда в нашей среде стала распространяться склонность к подобным правилам, грозящая принести большой вред нашей партии. Мы знаем, что эта склонность вышла из весьма почтенного источника. Она возникла как реакция против той беззаботности насчет политических принципов, которой так невыгодно отличались наши «экономисты». Но эта реакция, к сожалению, в свою очередь приводит к совершенно нежелательной крайности и обещает придать всему нашему политическому мышлению тот же *метафизический* характер,

каким отличалось, к величайшему вреду для нашего дела, мышление «экономистов». Экономисты рассуждали по формуле: «да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого». Они показали себя совершенно неспособными возвыситься до *диалектики,* основное положение которой гласит, что отвлеченной истины нет, что истина всегда конкретна и что все зависит от обстоятельств времени и места. Борьба с этими упрямыми, неисправимыми метафизиками была необходима в интересах революционного движения. Но если, одержав над ними полную победу, мы станем подражать их приемам мысли, если мы сами ударимся в политическую односторонность, то наша победа окажется далеко не такой плодотворной, какою мы ее считали до сих пор. Более того. В таком случае иной насмешник не без основания спросит нас, пожалуй: да кто же, собственно, победил — вы или ваши противники?

Товарищ Ленин, в статье, посвященной нашей аграрной программе и напечатанной в четвертой книжке «Зари», остроумно пошутил над «прямолинейностью известной птицы». Его остроумную шутку следует почаще вспоминать не только в прениях об аграрном вопросе. «Прямолинейность известной птицы» в практической политике еще опаснее, нежели в теоретических рассуждениях. Она тем более опасна здесь, что легко может быть принята за *твердость характера,* с которой она на самом деле не имеет ровно ничего общего, гораздо легче уживаясь с обыкновенным упрямством, отнюдь еще не обеспечивающим ни ясности политической мысли, ни твердого стремления к раз намеченной цели: известно ведь, что прямолинейные и упрямые люди часто бывают непостоянны.

В политике неизменные, раз навсегда принятые правила неизбежно и быстро ведут к *поражению.* Кто хочет стать достойным *победы,* у того должно оставаться неизменным одно только желание во что бы то ни стало прийти к своей цели. Все остальное у него может и должно быть изменчиво, потому что все остальное имеет для него лишь *относительную* ценность.

Следующий пример хорошо, надеемся, покажет, до какой степени нужно нам остерегаться «прямолинейности известной птицы».

Все мы, так называемые ортодоксы, — иначе: сторонники революционной социал-демократии, — обязаны вести энергичную и непримиримую борьбу с «*ревизионизмом*» во всех его видах и разновидностях. Ревизионизм совершенно несогласим с нашими взглядами. Его конечный вывод — полное отрицание *социализма.* Поэтому помириться с ревизионизмом может только тот, кто сознательно или бессознательно

склоняется к примирению с существующим, *буржуазным,* порядком вещей. Таково общее правило. Спрашивается, значит ли оно, что, всегда враждуя с *ревизионизмом,* мы всегда и везде обязаны враждовать с *ревизионистами?* Люди, отличающиеся «прямолинейностью известной птицы», конечно, скажут, что — *да.* Мы же полагаем, что здесь, как и везде, наша практическая политика должна определяться обстоятельствами времени и места. Это кажется странным. Однако читатель сейчас увидит, что в действительности тут нет ничего странного.

Представьте себе, что наш центр, — который, разумеется, должен состоять из решительных и непримиримых врагов «ревизионизма», — имеет дело с одной или несколькими группами таких социал-демократов, которые прежде поддавались влиянию «ревизионизма» и боролись с «ортодоксами» во имя «свободы критики», но теперь увидели ту опасность, которая в нем заключается, признали все основные положения «ортодоксального» социализма, — марксизма тож, — и теперь только вследствие некоторой непоследовательности и, так сказать, *инертности* мысли защищают те или другие «догмы», любезные «ревизионистам». Как должен отнестись наш центр к таким группам? Предать их анафеме? Исключить их из партии? Это было бы, пожалуй, легко и уж, конечно, как нельзя более «прямолинейно». Но было ли бы это целесообразно? Другими словами: было *ли* бы это полезно *для единства нашей партии и для борьбы с тем же «ревизионизмом»?* Мы думаем, что — *нет.*

Зачем же мы воюем с «ревизионистами»? Затем, чтобы лишить их влияния на пролетариат, которому они указывают ложную дорогу. Стало быть, война с ними ведется не ради войны, а имеет целью ослабление *«ревизионизма»,* и если она не достигает этой цели, если, по той или другой причине, она не только *не ослабляет* названного влияния, а *усиливает* его, то она становится *вредной* и тогда лучше всего прекратить ее как можно скорее. Но в случае, предположенном нами выше, война с «ревизионистами» привела бы именно не к ослаблению, а к усилению влияния «ревизионизма», так как она помешала бы некоторой части социал-демократов разорвать с ним окончательно или даже заставила бы их опять сблизиться с ним. Поэтому она была бы вредна для партии, и тот, кто сказал бы, что она все-таки должна быть об'явлена, обнаружил бы непростительный педантизм и страшную близорукость. Наш центр должен обладать большим запасом *воинственности:* воинственность необходима ему как представителю революционного класса. Но там, где интересы нашей партии

требуют *мира,* он обязан быть *миролюбивым, мягким и уступчивым.* Руководитель организованного пролетариата, отстаивающий дело первостепенной важности, он *не имеет права* поддаваться своим воинственным *наклонностям,* когда они противоречат *политическому расчету.*

Очень смешны и, если хотите, жалки те мягкотелые люди, которые вот уже много и много лет, с упорством, достойным гораздо лучшей участи, плаксиво рекомендуют нам «товарищеские приемы в полемике». Но почему они смешны и жалки? Только потому, что по своей политической наивности они хотят навязать нам в товарищи таких... «товарищей», которые совсем не способны итти с нами по одной дороге. А если бы они советовали нам щадить таких противников, которые *могут* быть нашими товарищами и *уже становятся ими,* то их советы были бы очень разумны, а потому и сами они заслуживали бы похвалы, а не насмешки. Резкость хороша только там, где она уместна. Неуместная же резкость достойна скорее Собакевича, чем «ортодоксального» социал-демократа.

Вопрос о том, уместна или неуместна резкость в том или другом отдельном случае, конечно, может быть решен только путем взвешивания всех, свойственных этому случаю, обстоятельств. Но не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время нам не следует быть резкими по отношению к товарищам, некогда склонявшимся к «экономизму». К великой чести этих товарищей надо сказать, что огромное большинство их, увидев, куда ведет бернштейнианство, родственное «экономизму» по приемам мысли, стало все более и более сближаться с нами и признало все главные положения «ортодоксального» социализма. У нас, правда, и теперь еще есть о чем поспорить со многими из них; разногласия не вполне исчезли. Но теперь эти разногласия так *несущественны,* что горячиться и ссориться из-за них совсем не стоит. И было бы очень вредно для нашего дела, если бы эти, повторяем, несущественные разногласия продолжали делить нас на два враждебных лагеря. Прежде мы *боролись;* теперь мы можем ограничиться *обменом мыслей.* Прежде у нас были сторонники «Зари» и «Искры» и были сторонники «Рабочего Дела» и «Красного Знамени», теперь у нас должны были бы быть только сторонники *революционной социал-демократии,* воззрения которых, — как бы они ни расходились между собою в частностях, — с удобством могли бы выражаться на страницах одного и того же органа, гостеприимно открытого и для тех и для других. Этого *еще нет:* но это уже *могло бы быть* с большой

пользой для нашей партии, и потому *надо, чтобы это было.* Во всяком случае мы не должны делать ничего такого, что способно было бы этому *воспрепятствовать.*

В настоящее время, когда наша партия вышла, — или, по крайней мере, готовится выйти,—из своего детского возраста, нам не мешало бы бросить критический взгляд на свои собственные политические представления и спросить себя, нет ли между ними таких, которые приличны только детям. Такие представления, несомненно, существуют Укажем пока одно из них. У нас многие привыкли думать, что социал-демократ должен быть неуступчив, если не желает грешить оппортюнизмом. Но неуступчивость неуступчивости рознь, и есть такая неуступчивость, которая, *по своим практическим последствиям,* равносильна самому нежелательному виду *уступчивости.* Неуступчивость по отношению к тем, которые могли бы стать нашими товарищами, делает нас менее сильными в борьбе с такими противниками, которые нашими товарищами никогда не будут. Пользуясь нашей слабостью, эти противники захватывают такие позиции, которые принадлежат нам по праву. И выходит, что ложный стыд перед уступчивостью делает нас поневоле уступчивыми там, где уступчивость становится обязательной.

Для своего полного расцвета движение рабочего класса нуждается в известных правовых учреждениях, обеспечивающих ему некоторую степень *политической свободы.* Где отсутствует эта свобода, движение происходит при ненормальных условиях. И одним из самых вредных последствий такой ненормальности является *сектантский дух исключительности,* нередко проявляющийся во взаимных отношениях организованных фракций пролетариата. Этот сектантский дух составляет одновременно одно из следствий и одну из причин слабости социализма. Великие интересы рабочего класса требуют от нас, чтобы мы сделали все человечески возможное для устранения из нашей среды такого вредного духа. Теперь это нужнее, чем когда бы то ни было. По мере того, как совершается развитие нашей общественной жизни и по мере того, как обостряются классовые противоречия, свойственные нашему обществу, растет и число сознательных врагов революционной социал-демократии, а вследствие того и ее политическое положение становится, в некотором смысле, все более и более трудным. Чтобы справиться с возрастающими трудностями нашего положения, нам нужно привлечь в наши ряды всех тех, которые могут быть нам полезны, а полезны нам будут все те, которые, твердо держась точки зрения пролетариата, обладают в то же время желанием и способностью

к планомерной, организованной работе. И мы, конечно, привлечем к себе все эти полезные элементы, если только сумеем понять лежащие на нас практические обязанности и не станем подражать «прямолинейной птице».

Другой пример. В числе тех задач, которые мы должны решить под страхом самого гибельного застоя, нет задачи более важной, чем *задача нашего самовоспитания в духе партийной дисциплины.* Без дисциплины вообще немыслимо никакое организованное политическое действие. Тем более необходима она при наших российских условиях, лишающих нас всякой законной возможности действовать открыто. Наконец, еще более нужно стремиться к самовоспитанию в духе дисциплины нам, русским революционерам, главный недостаток которых заключается, как известно, в *анархическом индивидуализме,* чрезвычайно затрудняющем дружную совместную работу. Наш центр *обязан* очень строго относиться к нарушению дисциплины в наших рядах. И, тем не менее, было бы очень жаль, если бы он временами не умел воздержаться от исполнения этой своей важной обязанности. Когда речь идет о дисциплине, ему нужно быть втройне осмотрительным и осторожным. Та дисциплина, к которой мы стремимся, совсем не то, что дисциплина, царствующая в казарме. Солдат подчиняется начальству *по принуждению:* мы исполняем, — когда исполняем, — требования партийной дисциплины *по доброй воле.* Добрая воля революционера составляет *единственную психологическую основу* нашей дисциплины. Все, что укрепляет эту основу, полезно для нашего революционного воспитания, все, что расшатывает ее, вредно для него. Укрепляется она многими и разнообразными воздействиями. Мы не станем перечислять их: это было бы слишком долго. Скажем только, что в их ряду *требование повиновения* занимает не первое место. Далеко нет! Очень часто у российского революционера является непобедимое желание нарушить дисциплину именно потому, что ему напоминают о ней. Это, разумеется, очень нехорошо, и это коренится в чувстве, не имеющем ровно ничего общего с преданностью революционной идее. Но, к сожалению, это так, и с этим нельзя не считаться. Если бы мы позабыли об этом или если бы мы не сочли нужным принимать во внимание психологию современного российского революционера, то наши усилия привели бы нас к цели, прямо противоположной той, к которой мы стремимся, т.-е. ***вместо того, чтобы организовать партию, мы содействовали бы ее дезорганизации, и вместо того, чтобы воспитывать себя в духе дисциплины, мы укрепляли бы свою склонность к анархии.*** А это было бы уже совсем плохой услугой партии. При таком положении дел ясно, что несвоевременная требовательность легко может оказаться, по своим последствиям для дела, хуже всякой слабости. Ясно также, что в интересах поддержания и укрепления дисциплины иногда бывает полезно закрыть глаза на ее нарушение. Ясно, наконец, что об этом нужно почаще вспоминать именно теперь, когда мы только начали закладывать основы нашей партийной организации и когда частые случаи нарушения дисциплины неизбежны просто в силу плохой привычки, унаследованной от долгой эпохи разброда и «кустарничества». Неудобная всегда и везде «прямолинейность известной птицы» неудобна для нас в настоящее время более, чем когда-нибудь, потому что теперь она может привести нашу партию *буквально на край погибели.*

Одним словом, мы обязаны избегать всего того, что могло бы вызвать в нашей среде новые *расколы.* Расколов у нас было слишком много, и они принесли нам слишком много вреда. Теперь надо всеми силами охранять *единство.* Наша партия должна сохранить его под страхом полной потери политического кредита. Если у нас возникнут новые расколы, то рабочие, — которых, как это всякий знает, немало смущали и прежние наши распри, — совершенно перестанут понимать нас, и мы явим миру печальное и смешное зрелище штаба, покинутого армией и деморализованного внутренней борьбой. Кому принесет пользу этот плачевный для нас результат, догадаться нетрудно.

Не бойтесь, — говорят некоторые, слишком радужно настроенные товарищи, — будущее все-таки принадлежит нам, и наша партия с честью выйдет изо всех затруднений. На это мы отвечаем, что мы и сами твердо уверены в будущем торжестве российской социал-демократии, но эта отрадная уверенность совсем не избавляет нас от священной обязанности критически относиться к своим собственным поступкам. Торжество нашей партии будет подготовлено совокупностью условий, из которых иные будут иметь *положительное,* а иные *отрицательное* значение. Было бы из рук вон плохо, если бы в этой алгебраической сумме перед знаком, изображающим *нашу* практическую деятельность, стоял *минус.* Ведь более жестокой насмешки судьбы, более злой иронии истории невозможно и придумать.

Есть между нами еще один разряд оптимистов, плохо уяснивших себе нынешнее положение дел. Оптимисты этого разряда убеждены, что новые расколы были бы не вредны, а скорее полезны для нашей партии. В пользу этого странного мнения не приводится других дово-

дов, кроме того, что российская социал-демократия сильно выросла именно в последние годы, когда ее раздирали жестокие междоусобия. При этом упускают из виду, что междоусобия *не помогали росту социал-демократии, а замедляли его. Забывают, кроме того, что чем менее значительны разногласия, существующие между членами одной и той же партии, тем вреднее для нее расколы, вызываемые такими разногласиями.* Когда мы воевали с «экономистами», всякий неглупый человек мог без труда понять, из-за чего ведется война. А теперь в наших рядах господствует такое единомыслие, что новый раскол не имел бы никакого серьезного основания и показался бы понятным и извинительным разве только глупым людям. А потому и кредиту нашей партии он повредил бы несравненно сильнее, чем вредили ему прежние, тоже очень вредные расколы.

Все течет, все изменяется. Наши приемы деятельности тоже не могут оставаться без перемен. Чеховский «человек в футляре» был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. Нам, социал-демократам, футляры не к лицу, и было бы очень смешно и очень плохо, если бы мы не сообразовались с требованиями политической погоды. Последовательные марксисты не могут быть и, конечно, не будут *утопистами* централизма.

Ответ на письмо тов. Ленина

(От редакции «Искры»)

Печатая здесь интересное письмо тов. Ленина, мы считаем необходимым сделать по его поводу несколько замечаний.

Мы очень рады, что этому товарищу понравилась наша статья «Чего не делать», и мы безусловно согласны с тем, что нам нужно «света, больше света». Да и кто мог бы не согласиться с этим? Но в наше время, когда известно так много различных способов освещения, нельзя не знать, что свет свету рознь. Партия, опирающаяся *на массу*, должна защищать великие *классовые интересы*, и ей нужен такой свет, при котором они выступали бы с наибольшей выпуклостью. А это совсем не тот свет, в котором нуждаются люди, привыкшие вглядываться в мелочи и дрязги кружковой жизни, которые могут казаться важными и достойными освещения лишь до тех пор, пока великие классовые интересы не сделались могучими факторами общественного развития. Тов. Ленин и сам советует «решительно отбросить традиции сектантской кружковщины». Очень кстати также тов. Ленин решительно заявил о своем отрицательном отношении к «собакевическим» приемам организационной политики. Чем чаще влиятельные в партии товарищи будут напоминать о вредности таких приемов, тем невозможнее станут заявления, подобные слышанному нами, о том, что не раньше можно будет заняться положительной организационной работой в нашей партии, чем из ее среды будут выброшены все «бундофилы», «рабочедельцы» и «южно-рабоченцы» (от группы «Южный Рабочий»). Такие заявления могут только компрометировать точку зрения революционной социал-демократии, и тов. Ленин очень хорошо сделал, подчеркнув свое насмешливо-отрицательное отношение к революционным Собакевичам (которых, впрочем, тов. Ленин напрасно характеризует как «глупых»: среди них встречаются и очень умные люди). Но он как будто забыл, что именно

«сектанты», пропитанные духом *«кружковщины»*, особенно охотно пристают к *массе* со своими ничтожными, хотя и ожесточенными распрями, иногда с полной искренностью приписывая им значение мировых вопросов и наивно воображая, что устные или печатные толки о них могут значительно содействовать ее политическому воспитанию. Тов. Ленин как будто забыл еще и то, что политический свет тоже имеет *свои законы интерференции,* благодаря которым неумелое осуществление девиза *«больше света»* ведет иногда к затмению. Стараться сделать пролетариат судьею в бесчисленных распрях, возникающих между кружками, значит склоняться к самому худшему из всех видов псевдо-*«демократизма»*.

По мнению тов. Ленина, необходимо, чтобы партия знала всю деятельность каждого кандидата на роль руководителя. Тов. Ленин прав: партия окажется в затруднительном положении, если ей придется иметь дело с мало знакомыми ей кандидатами. *Мы по опыту очень хорошо знаем это.* Но тов. Ленин впадает в очевидное преувеличение, когда говорит, что партия должна «всегда видеть каждое, хотя бы и частичное «поражение» того или иного своего руководителя». Нам думается, что есть такие «частичные» поражения, которые очень досадны для отдельных руководителей, но которые не заслуживают теперь серьезного внимания партии и которыми с удобством может заняться,—как выражается Щедрин,—лет через тридцать «Русская Старина». О *таких* поражениях пусть пока квакают лягушки того или иного Пошехонья. Впрочем, редакция «Искры», поскольку от нее зависит, безусловно готова познакомить всех членов партии со всем тем, что относится к ныне существующим в нашей среде разногласиям и что может пролить свет на позиции спорящих между собою сторон.

Тов. Ленин думает, что свет нам нужен, между прочим, для того, чтобы мы могли распределить роли между своими руководителями, вручив одному из них сантиментальную скрипку, другому свирепый (?) контрабас, а третьему дирижерскую палочку. Мы ничего не имеем против скрипки и контрабаса, но что касается дирижерской палочки, то мы состоим на ее счет при особом мнении. История западного движения показывает, что вопрос о ней играл особенно важную роль именно в период сектантской «кружковщины» и утрачивал свое значение прямо пропорционально росту *классового самосознания пролетариата.* Так, в Германии он не становится на очередь уже со времен не всегда умелого «дирижера» Швейцера.

Казалось бы, что при «громадном» оркестре из одной скрипки и одного контрабаса (а в глазах некоторых товарищей, признаться, «идеальная» партия все больше начинает принимать такие «громадные» размеры) не требуется особого «дирижера». А, между тем, логика кружковщины непременно повела бы к тому, что чем более партия приблизилась бы к таким «идеальным» размерам, тем вопрос о «палочке» (или, что то же, вопрос о месте на «полочке») стал бы казаться важным. Мы обязаны принять все меры к тому, чтобы вопрос о том, кому махать этой палочкой, не делал нас упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми, а потому решительно неспособными к участию в оркестре, несколько превышающем своими размерами колоссальный оркестр из нежной скрипки и сердитого контрабаса.

В заключение, мы решительно и с полным убеждением скажем, что в настоящее время мы не можем себе представить такие расколы в нашей партии, которые заслуживали бы название неизбежных. Совершенно напротив: единство *вполне возможно* теперь и именно потому оно *безусловно обязательно.* Именно в этом и заключается главная мысль нашей статьи, вызвавшей такие лестные отзывы со стороны уважаемого товарища Ленина.

Нечто об «экономизме» и об «экономистах»

(Мысли вслух по поводу второго с'езда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии)

Еще очень близко от нас то время, когда мы вели упорную и ожесточенную войну с «экономизмом», и тогда каждая строчка, посвященная ему в наших изданиях, являлась более или менее решительной вылазкой против этого направления. Мы нимало не удивимся поэтому, если заглавие нашей статьи вызовет у читателя ожидание новых нападок на «экономизм». Но хотя подобное ожидание совершенно естественно, мы наперед об'являем его ошибочным. На этот раз мы взялись за перо совсем не с полемической целью. Мы находим, что полемики с «экономизмом» было уже довольно и что она достигла своей цели, не оставив камня на камне в его теоретических построениях и лишив его всякого влияния на российский пролетариат. Воевать с ним было бы так же бесцельно и так же странно, как бороться с мертвым телом. Однако отсюда еще не следует, что он уже совсем не предс гавляет теперь для нас никакого интереса. Нелепо бороться с трупом: но его можно подвергнуть *вскрытию, и его вскрытие может дать полезный урок тем, которые еще полны жизни.* В настоящей статье мы хотим взглянуть на «экономизм» именно с этой, *анатомической,* точки зрения. Нам хочется вскрыть покойника для того, чтобы его *организация* об'яснила нам ту историческую *функцию,* которую ему суждено было отправлять при жизни.

Латинская пословица гласит: de mortuis aut bene, aut nihil (поминай мертвого добром или не говори о нем ничего). Заговорив об «экономизме», мы, к сожалению, не можем последовать благожелательному совету, даваемому этой пословицей. Мы вынуждены с первых же слов помянуть покойника лихом. Всякий, кто дал себе труд внимательно вдуматься в его теорию, понимает, что она угрожала самому существованию социал-демократии в России. Люди, выработавшие ее и занимавшиеся ее распространением в нашей среде, были идеологами *мелкой буржуазии,* по самой природе своей неспособными стать на точку зрения *пролетариата* и именно по этой «достаточной причине» старавшимися *сузить учение Маркса,*—за которое они ухватились как за самое стройное социологическое учение своего времени,— до пределов своей собственной мещанской ограниченности. Как всегда бывает, как всегда будет и как всегда должно быть в случаях подобных экспериментов над знаменитым автором «Капитала», теоретики «экономизма» оперировали с помощью некоторых, весьма существенных *теоретических ошибок.* Важнейшими из таких ошибок являлись, как известно, два взгляда: во-первых, взгляд на отношение *экономии* к *праву* в процессе исторического развития человеческих обществ; во-вторых, — и в тесной связи с только что указанным, — взгляд на роль великих исторических партий в деле развития самосознания тех классов, интересы которых они представляют. Оба эти взгляда имели важное *практическое* значение. Если бы они были усвоены российским пролетариатом, то этот класс сделался бы совершенно неспособным к борьбе за полное свое освобождение от ига капитала и мог бы лишь послушно итти в хвосте либеральной буржуазии, которая, со своей стороны, время от времени кидала бы ему, в награду за благонравие, более или менее жалкую «социальную реформу».

Сообразно с природой того общественного класса, который они представляли в области идеологии, теоретики «экономизма» были, сами того не подозревая, теоретиками «*социального мира*», от которого пролетариат не может ровно ничего выиграть, но, напротив, рискует потерять даже то, чего он уже добился *социальной войной.* Однако этого смертного греха против рабочего класса было бы вполне достаточно для оправдания самой беспощадной войны с «экономизмом». Но это еще не все. Не будучи в состоянии понять отношение экономии к праву вообще, а следовательно, и к общественному праву, теоретики «экономизма» нередко выступали проповедниками таких политических идей, усвоение которых пролетариатом очень значительно ослабило бы его энергию даже в борьбе с существующим у нас политическим порядком. В этом случае голос классового инстинкта умолкал у них под влиянием ошибочной догмы и, — вот как вредно влияние «догматизма»! — они, идеологи мелкой буржуазии, так сильно заинтересованной в торжестве политической свободы, выступали иногда союзниками царизма. Правда, они делали это невольно и бессознательно. Но это не уменьшало вредного влияния их учения, и это еще

раз показывает, до какой степени была, в свое время, для нас обязательна война с «экономизмом». Ополчаться против него должен был каждый социал-демократ, понявший истинный его характер и не желавший изменить своему знамени.

Но если все это так, — а все это несомненно так, — то спрашивается: чем же можно об'яснить хотя временный, но тем не менее огромный успех «экономизма» именно в нашей социал-демократической среде? Разве она склонна была тогда к измене пролетариату? На этот вопрос даже самый ожесточенный ее хулитель не решился бы,— разумеется, если бы захотел быть справедливым, — ответить утвердительно без весьма важных оговорок. Правда, в эпоху расцвета «экономизма» наша социал-демократическая среда далеко еще не отличалась такой однородностью состава, какая свойственна ей в настоящее время. Тогда в ней еще только подготовлялось то *слоение,* благодаря которому немалая часть лиц, к ней примыкавших, открыто перешла потом в буржуазный лагерь. Все эти лица, — будущие «критики», ренегаты марксизма, — не могли не ухватиться за «экономизм», как за учение, обещавшее им превратить самого Маркса в орудие умственного порабощения пролетариата буржуазией. Но не эти лица задавали тон тем социал-демократам, которые занимались агитацией между рабочими: эти лица в огромном большинстве своем уже тогда были так сильно пропитаны духом современного буржуазного эгоизма, что им совсем не нравилась перспектива попасть в тюрьму или в ссылку за «нелегальную» деятельность. Они старательно избегали прямых сношений с самоотверженными носителями социалистической идеи и ограничивались тем, что шумели «промеж себя» и в так называемом обществе, которое скоро поняло, несмотря на их непривычную для него марксистскую терминологию, что они составляют кость от его кости и плоть от его плоти. В рабочей же среде действовали тогда, — как действуют и теперь, — лишь люди, всей душой преданные пролетариату и всем сердцем ненавидящие буржуазию. И эти-то самоотверженные люди, всецело стоявшие на стороне рабочего класса, тоже увлеклись, на время, «экономизмом». Что же влекло их к нему? Так как мы не можем допустить, что в этом своем увлечении они повиновались буржуазному инстинкту, то у нас остается одно возможное об'яснение: они не поняли истинного характера «экономизма». Но это об'яснение требует нового об'яснения: почему же истинный характер интересующей нас доктрины остался непонятным для этой категории его последователей? Потому ли, что они были

неспособны к мышлению? Думать так мы опять не имеем права; в деле мышления средний социал-демократ «экономического» толка был нисколько не слабее нынешнего социал-демократа «политического» направления. Конечно, надо говорить правду: крупных звезд с «теоретического неба» экономисты вообще не хватали. Но именно потому, что надо быть правдивым, мы должны признать, что не очень много таких звезд нахватали пока и нынешние «политики». У «экономиста»-практика теория вообще обреталась не в авантаже. Но нынешний практик «политического» оттенка тоже не бог знает как прилежит к теории. Если уж пошло на правду, то мы скажем, что нынешние наши практики-«политики» отличаются такою же беззаботностью насчет теории, какою отличались практики-«экономисты» недавнего прошлого. Беззаботность насчет теории — застарелый недостаток российской революционной среды, и на ее счет у нас будет скоро особый разговор с читателем. Теперь же мы только заметим, что недостаток, свойственный нынешним «политикам» в такой же мере, в какой его имели «экономисты», не может удовлетворительно об'яснить ошибку, составляющую главный отличительный признак только этих последних. Ясно, стало быть, что об'яснения этой ошибки надо искать в каких-то других психологических особенностях наших товарищей «экономического» периода. Постараемся же открыть эти особенности.

Перечитайте «Рабочую Мысль», главный орган «экономистов»-практиков; перечитайте все, впрочем очень немногочисленные, издания наших товарищей, группировавшихся вокруг этого органа. Вы найдете там много ошибок, и вы поймете, почему «Рабочая Мысль» так сильно раздражала противников «экономизма». Но так как теперь ее ошибки уже не имеют практического значения, то мы советуем вам не останавливаться на них, а обратить главное внимание на преобладающее практическое стремление ее редакции и сотрудников, красной нитью проходящее через все их воззвания, статьи и заметки. Это практическое стремление может быть характеризовано как *стремление во что бы то ни стало придать нашему социалистическому движению широкий массовый характер.* До сих пор социализм был делом интеллигенции; рабочие проникались его идеями лишь в качестве *отдельных лиц,* в лучших случаях — *отдельных кружков,* которые тем более отдалялись от *массы,* чем яснее становилось их социалистическое сознание. Но социализм, отдаляющийся от массы, обречен на полное бессилие и остается возвышенной мечтой, благородным духовным развлечением немногих умственных эпикурейцев. И это *бессилие* отда-

лившегося от массы *социализма* составляет *силу царского правительства,* опирающегося на *бессознательность массы.* Чтобы уничтожить эту темную силу и чтобы придать социализму тот характер, который он имеет в передовых странах цивилизованного мира, — т.-е. характер могучего фактора развития всей общественной жизни, — необходимо связать его идеалы с житейскими нуждами российского пролетариата, необходимо сделать его идеологическим выражением тяжелой повседневной борьбы этого класса со своими угнетателями. Но так как эта борьба находится еще в зачаточном состоянии; так как она еще не вышла из той *стадии,* на которой поле зрения борющихся ограничивается их ближайшими *экономическими* интересами; так как отношение этих интересов к существующему у нас *политическому* порядку еще совсем не ясно рабочему классу, *то выражение* должно быть приведено в соответствие с *тем, что выражается,* и наша социалистическая проповедь должна принять по преимуществу *экономический* характер. Когда эта проповедь сделает свое дело, когда экономическая борьба примет широкие размеры, когда участвующая в ней масса поймет, наконец, что царское правительство не может не стоять на стороне ее эксплоататоров, тогда настанет время для *политической* агитации и тогда мы поведем пролетариат против царизма. А до тех пор всякое занятие политикой останется пустым занятием, способным лишь услаждать невольные, но длинные и скучные досуги оторванной от жизни интеллигенции. Так рассуждали «экономисты»-практики, и поскольку их рассуждения не встречали сочувствия в «интеллигентской» среде, по самому положению своему склонявшейся главным образом к *политической* борьбе, постольку они становились врагами интеллигенции. Все мы знаем, что в устах многих и многих из них слово «интеллигент» стало почти бранным словом. Эта их вражда к интеллигенции, у которой рабочие могли многому научиться, замедляла развитие классового самосознания пролетариата и потому заслуживала осуждения. Но осуждая ее, вы должны вспомнить, откуда она взялась, а вспомнив, откуда она взялась, вы принуждены будете согласиться, что вина «экономистов»-практиков смягчается в высшей степени важным обстоятельством: тем, что в течение предыдущего периода нашего социалистического движения наша интеллигенция в самом деле была совершенно оторвана от народной массы. Тому, кто твердо держится точки зрения современного научного социализма, легко заметить все промахи гремевших против интеллигенции «экономистов»-практиков. Но в том-то и дело, что эта точка зрения была чужда

как этим «экономистам», так и — особенно — тем, против кого они прежде всего направили удары своей критики: первоначально они выступали почти исключительно против *народовольцев,* более или менее видоизменивших свою программу вследствие споров с *социал-демократами,* но все-таки решительно неспособных усвоить себе, во всей ее полноте, ту величайшую практическую истину нашего времени, что социализм становится влиятельной общественной силой лишь в той мере, в какой он служит теоретическим выражением освободительной борьбы пролетариата. «Экономисты»-практики искажали положение «Коммунистического Манифеста»: «*всякая классовая борьба есть борьба политическая*», истолковывая его в том смысле, что *всякое столкновение людей одного класса,*—в данном случае рабочих,— *с людьми другого класса,* — в данном случае с предпринимателями, — *составляет акт политической борьбы.* Но то же положение еще хуже понималось, а вернее сказать — совсем игнорировалось теми, которые по старой памяти воображали, что политическая борьба может стать победоносной, совсем *не становясь классовой борьбой.* Эта вторая и еще более грубая ошибка об'ясняет первую, которая явилась как неизбежная реакция против нее. Разумеется, очень жаль, что эта реакция не направилась в ту сторону, в которую пыталась направить ее группа «Освобождение Труда», с самого начала восьмидесятых годов стоявшая на точке зрения Маркса. Однако на нет и суда нет. Миросозерцание группы «Освобождение Труда» было слишком сложно для того, чтобы оно могло быть усвоено большинством тогдашних социал-демократов: оно казалось им странным, сомнительным и очень близким к миросозерцанию народовольцев, с которыми у них происходили почти ежедневные стычки. Об этом теперь нельзя говорить без улыбки. Но уверены ли вы, что все нынешние «политики» вполне усвоили себе взгляды названной группы? Что касается нас, то мы — увы! — далеко не уверены в этом. Как бы там ни было, но в наш «мудреный» век без идей трудно прожить даже самому «практичному» практику. И вот наши товарищи отправились за идеями туда, куда им вовсе не следовало отправляться: к любомудрам, «новые» идеи которых были впоследствии изложены в пресловутом «Credo». Таким образом произошло одно из самых печальных qui pro quo, какие только знает история нашего движения; люди, искренно и самоотверженно отстаивавшие интересы *пролетариата,* с глубоким недоверием отворачивались от учения *пролетарского* по преимуществу, — т.-е. от марксизма в его чистом виде, — и радостно приветствовали «критические»

упражнения господ, занимавшихся переделкой научного социализма на *буржуазный* лад. Притягательная сила этих ребяческих упражнений обусловливалась тем, что своим, — теоретически, как уже сказано, совершенно несостоятельным, — истолкованием отношения *экономии* к *праву* и роли *партий* в политическом воспитании *классов* они подкрепляли не менее ошибочное, но очень дорогое тогда «экономистам»-практикам учение о «стадиях» и оправдывали исключительно экономический характер тогдашней агитации среди рабочих. Ошибки теоретиков *буржуазии* были как нельзя более по сердцу практическим защитникам пролетарских интересов. Тогда решительно невозможно было не возмущаться при виде этого недоразумения, но *теперь,* когда оно целиком стало делом прошлого времени, пора уже вспомнить, что оно все-таки было *только* недоразумением и что между «экономистами»-*практиками,* с одной стороны, и «экономистами»-*теоретиками*— с другой, лежала, *по существу их стремлений,* целая пропасть. Вспомнить это очень полезно теперь еще и потому, что нам в самом деле приходится «*ликвидировать*» период господства «экономизма», а при ликвидации всегда необходимо определить как *пассив,* так и *актив:* иначе она будет неправильной и несправедливой. В активе же «экономистов»-практиков выступает, — как цифра чрезвычайно внушительная для социалиста, — их, уже указанное нами выше, стремление превратить социализм из дела кружков в дело целого класса. Эта внушительная цифра покрывает значительную часть их *долга.* Другой и, пожалуй, не менее увесистой цифрой является то обстоятельство, что они, — «экономисты»-*практики,* — отреклись от своих *теоретических* выразителей тотчас же, как только увидели, какие практические выводы вытекают из их «критики Маркса». В этом отношении на них весьма отрезвляюще подействовали подвиги французских мильерандистов и немецких бернштейнианцев, и после этого им оставалось только сделать тот шаг, которого они, к сожалению, не могли сделать в момент своего выступления на историческую сцену: *стать «ортодоксальными» марксистами.* Многие из них уже и стали таковыми. И вот с этими-то людьми *нам необходимо теперь столковаться.* Их мы не имеем права называть *не только врагами, но даже и противниками: они — наши товарищи, хотя бы они и отличались от нас некоторыми оттенками мысли.* Подобные оттенки ничему не вредят. Напротив, можно без всякого преувеличения сказать, что там, где они исчезают, мысль и в самом деле превращается в окостенелую догму и совершенно перестает работать.

В изданиях так называющейся партии так называющихся социалистов-революционеров не замечается никаких разногласий; в этом отношении в них всегда и все «обстоит благополучно». Но кто же берет эту «партию» всерьез, кроме некоторых наивных молодых людей, лишенных самых элементарных представлений и о социализме, и о революции? Отсутствие всякого серьезного усилия мысли составляет главнейший отличительный признак всех ее многочисленных литературных произведений. Наша партия не может уподобиться ей. Если спор означает *не*благополучие, то нам, социал-демократам, не суждено быть благополучными. В нашем деле, еще более, чем во всяком другом, *спор есть,* по выражению древне-греческого философа, *отец всех вещей.* Очень может быть, что мы и в *настоящее время* вынуждены будем спорить с тем или другим из тех товарищей, которые *когда-то* выступали «экономистами» на практике. Но *наши возможные споры с ними не должны мешать полному товарищескому сближению между нами.* Это сближение является теперь одним из очень важных для нас очередных практических вопросов. Число наших непримиримых врагов, — число сознательных врагов революционных стремлений пролетариата, — с каждым днем растет и не может не расти в возрастающей прогрессии. Перестанем же дробить наши силы. Мы уже выросли из пеленок кружковщины, всегда страшно суживающей политический кругозор людей и делающий их способными расходиться из-за ничтожнейших поводов. Мы стали самой влиятельной политической партией в нашей стране, а политическое влияние *обязывает,* и никак не меньше, чем «*дворянство*». Все мы без исключения, — и вчерашние «экономисты», и нынешние «политики», — должны «ликвидировать» свои старые счеты и дружно взяться за новую *совместную* работу в широких рамках новой партийной организации, в которой найдется место для самых многоразличных талантов и для самых разнообразных наклонностей. И все мы до единого должны смотреть на *разброд,* как на тяжелое *политическое преступление.* Непримиримость по отношению к врагам рабочего класса, терпимость по отношению к его друзьям, т.-е. нашим товарищам, — вот девиз, которого следует неизменно держаться всем нам, солдатам революционной армии труда. Довольно усобиц! Нам необходимо единение!

Бывшие «экономисты»-практики и теперь, конечно, не менее, чем прежде, настаивают на необходимости для нас постоянно расширять русло социалистического движения и поддерживать рабочую массу в ее повседневной экономической борьбе с эксплоататорами. Но кто же

из нас сомневается в великом теоретическом и практическом значении этой мысли? Случалось, правда, что некоторые «политики» заходили в своей реакции против «экономизма» слишком далеко и вели исключительно *политическую* агитацию. Это была ошибка, на которую уже указывал наш орган и повторение которой станет тем менее вероятным, чем более упрочится взаимное товарищеское влияние между «политиками» и «экономистами». Нам сдается даже, что некоторая «экономическая» односторонность могла бы быть не бесполезной теперь в качестве противовеса против крайностей нашего увлечения «чисто политической» борьбою. Что касается организационных вопросов, то соглашение здесь, пожалуй, покажется нам гораздо более затруднительным, если мы припомним все те споры, которые велись между «экономистами» и «политиками» по поводу «демократизма» в организации. Но и здесь нам надо начать с «ликвидации» старых споров, старых полемических увлечений и старых односторонностей, вследствие которых наши «экономисты», казалось, забывали подчас о том, что нам приходится действовать в самом гнусном изо всех полицейских государств, когда-либо существовавших в подлунном мире, а наши «политики» как будто упускали иногда из виду, что наша цель — *классовое движение пролетариата, а отнюдь не заговор интеллигенции, убедившейся в том, что рабочие нужны для революции,* как говаривал покойный Л. Тихомиров. Во всяком случае, мы твердо убеждены, что при наличности доброй воли у обеих сторон они могли бы, нимало не мешая одна другой, работать рука об руку и в самом добром согласии, опираясь на устав, выработанный вторым с'ездом нашей партии. Устав этот не лишен крупных недостатков. Но к числу его достоинств принадлежит то его несомненное, хотя и отрицательное, свойство, что он *не создает никаких препятствий для широкой организации рабочих*. Поэтому наши товарищи, — бывшие «экономисты», — сделали бы огромную политическую ошибку, если бы увидели в нем непреодолимое препятствие для сближения своего с «политиками».

Повторяем: довольно усобиц! Нам необходимо единение!

Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли»

Дела давно минувших дней...

Некоторые товарищи дружеским и лестным для нас, — бывших членов бывшей группы «Освобождение Труда», — образом напомнили нам о том, что осенью нынешнего года исполнилось двадцать лет со времени возникновения этой группы и выхода в свет ее первого издания: моей брошюры «Социализм и политическая борьба». Это дружеское напоминание воскресило в моей памяти целый ряд событий, из которых иные имеют, как мне кажется, историческое значение. И мне захотелось рассказать читателю, как и почему мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли». Если я не ошибаюсь, эпизод этот остался неизвестным даже многим из людей, принимавших тогда очень близкое участие в революционном движении, а между тем он не лишен поучительности. Но, чтобы выяснить наши отношения в названной редакции, я должен характеризовать наше отношение к «народовольству» вообще, а для этого мне придется начать несколько издалека.

В конце Воронежского с'езда, состоявшегося летом 1879 года, я вышел из организации «Земли и Воли», убедившись в том, что она не может и не хочет отказаться от тех приемов борьбы, которые впоследствии получили общее и, в сущности, очень неудачное название *терроризма* и которые я со всей силой твердого убеждения считал вредными для нашего прямого и самого важного дела: агитации в «народе» на почве его ближайших нужд и его непосредственных требований. «Землевольцы» в своем большинстве соглашались, что «терроризм», возведенный в систему, скоро положил бы конец нашей агитационной деятельности в «народе», но в то же время они находили, что следует «покончить с Александром II», так как после неудачного покушения Соловьева и его казни это стало будто бы необходимым «*для чести*

партии». Меня раздражала их непоследовательность, так как мне было ясно, что «покончить с Александром II» можно только посредством «терроризма», — называвшегося тогда *дезорганизацией правительства,*— т.-е. только посредством именно такого шага, который большинство моих товарищей само же об'явило совершенно не согласимым с нашими агитационными задачами. Я уехал из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что *народничество,* казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом *социализма,* погибает, главным образом, благодаря нелогичности самих *народников;* я сознавал, что один в поле не воин, и с тоской спрашивал себя: что же мне остается делать? Но в Киеве я скоро узнал, что в Петербург приехали из-за границы В. И. Засулич, Л. Дейч и Л. Стефанович, — которых на Воронежском с'езде выдавали за решительных сторонников «дезорганизации правительства», — и что они, напротив, отстаивают старый, *агитационный,* способ действий. Я поспешил в Петербург и здесь, к удовольствию своему, убедился, что названные товарищи согласны со мною почти во всех вопросах революционной теории и практики. С неменьшим удовольствием увидел я также, что частью под влиянием этих товарищей, а частью под влиянием многочисленных столкновений с «дезорганизаторами», отстаивавшими новые способы борьбы со всем жаром новообращенных, «землевольцы», обнаружившие такую странную непоследовательность на с'езде, заметили свою ошибку и старались поправить ее, насколько это было в их силах. Поэтому у меня снова явилась надежда, если не положить конец террористическим попыткам, то, по крайней мере, снова оживить агитационную деятельность в «народе». А так как для всех нас, отстаивавших эту деятельность, было очевидно, что террористы не сочувствовали и, при тогдашних условиях, не могли сочувствовать ей, опасаясь, что она уменьшит приток к ним сил из среды революционной молодежи [1]), то мы решили, что нам нельзя избежать разрыва с ними, и стали заранее готовиться к выступлению в виде отдельной фракции. Так возникла мысль об издании газеты «Черный Передел», по имени которой нас стали называть *черноперед-ельцами.* В идейном отношении мы оставались последовательными

[1]) На Воронежском с'езде покойный Александр Михайлов, споря с народниками, заявил, что в настоящее время жить в деревне значит «даром есть крестьянский хлеб». Это — та же самая мысль, которую развивала в первом же своем номере газета «Народная Воля», говоря, что теперь работать в крестьянстве, это — «биться, как рыба об лед». Дальше в этом направлении итти было некуда.

народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору. Но известно, что нередко идеи получают наиболее стройный вид как раз тогда, когда их господство близится к концу. Споры с террористами, вращавшиеся главным образом вокруг вопроса о том, имеет ли *социалист* право заниматься *политической борьбой,* заставляли нас глубже вдумываться в главнейшие теоретические основы нашего учения, и тут, против нашего ожидания, в глубине нашей души начинал пошевеливаться червяк раз'едающего *сомнения.* У некоторых из нас, — у меня в том числе, — явилась сильная потребность дать себе серьезный, основанный на обстоятельном знакомстве с литературой предмета, отчет в том, что же собственно представляет собою современный социализм и в какой мере и почему он исключает «политику». Так обстояло дело с *теорией.* А что касается *практики,* то опыт, — опять-таки вопреки нашему ожиданию, — скоро показал нам, что идея «хождения в народ», еще так недавно и так сильно увлекавшая наших молодых революционеров, утратила всякую серьезную власть над их *сердцами.* Очень значительная часть революционной молодежи сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мысли о том, что деятельность в крестьянстве при существующих у нас политических условиях заранее осуждена на полное бесплодие. И это, разумеется, не могло не огорчать нас; но наше главное горе заключалось совсем не в этом, а в том, что даже та часть молодежи, которая горячо и искренно отстаивала деятельность в народе, на практике совершенно уклонялась от нее и, умиляясь перед вековечною прочностью экономических «устоев» деревенской жизни, вовсе не собиралась покидать город. Мы не могли скрывать от себя, что настроение того общественного слоя, от которого зависела тогда судьба нашего движения, становится все более и более благоприятным именно для осуждаемой нами «политики». А между тем, положение тех из нас, которые, подобно Стефановичу, Дейчу, Засулич, П. Аксельроду и мне, очень деятельно разыскивались полицией, становилось все более и более затруднительным благодаря той же «политике», выражавшейся в систематическом терроре, на который правительство отвечало осадным положением и почти повальными обысками. Вследствие этого, наши «легальные» и менее скомпрометированные товарищи уговаривали нас уехать за границу и там дождаться более благоприятного для нашего дела времени. Мы уже начинали тогда опасаться, что это время наступит не скоро, но обстоятельства были сильнее нас, «пропадать» понапрасну нам не

хотелось, и в начале 1880 года Стефанович, Дейч, Засулич и я в самом деле отправились «за рубеж», а несколько месяцев спустя с'ехались в Женеве, где в то время было чрезвычайно много российской революционной братии, собравшейся с самых различных концов России. Усердно засев за книги, мы не прерывали, однако, сношений с нашими оставшимися в России товарищами и преимущественно с П. Аксельродом, которому, по всей справедливости, принадлежала руководящая роль в тамошней народнической среде. Но книги готовили нам новую неожиданность, имевшую решающее влияние на всю нашу дальнейшую политическую судьбу. Когда мы брались за них, мы были убеждены, что они рассеют сомнения, невольно возникавшие у нас, и помогут нам найти незыблемую теоретическую основу для наших народнических стремлений. А вышло наоборот. Чем более знакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество, как со стороны *теории,* так и со стороны *практики.* По крайней мере о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера «Черного Передела», т.-е. летом того же 1880 года [1]), я был уже едва ли не на половину *социал-демократом;* неудивительно, поэтому, что передовая статья, написанная мною для этого номера, недавно ввела в заблуждение товарища Невзорова, на основании ее решившего, что миросозерцание *народников* заключало в себе очень много *социал-демократических* элементов. А чем более изменялось наше отношение к народнической *теории,* тем более шаткой становилась в нашем мнении и та, заимствованная у социалистов-утопистов, основная мысль народнической *практики,* что *социализм исключает «политику».* Политическая борьба с правительством, которую с такой героической энергией вели тогда народовольцы, начинала выступать перед нами совсем не в том свете, в каком она представлялась нам во время распадения общества «Земля и Воля». Правда, мы и тогда ни на одну минуту не приближались к той... мечте, что она могла бы окончиться непосредственной победой социализма: наше народническое прошлое и наши вновь приобретенные сведения по научному социализму одинаково отдаляли нас

[1]) Первый номер этого органа был уже почти совсем набран в нашей петербургской типографии, когда она была взята полицией. Вследствие этого пришлось перенести издание «Черного передела» в Женеву, где и вышли его первые два номера. Тем временем народники опять завели тайную типографию, и третий номер «Черного Передела» редактировался и печатался в России.

от этого. Но мысль о том, что Россия не минет фазы *капитализма* и что, вследствие этого, *промышленному пролетариату* суждено стать главной силой революционного движения, становилась для нас все более вероятной, а потому мы тем яснее начинали сознавать, что *нам необходима политическая свобода.* А это сознание, в свою очередь, располагало нас к сближению с «народовольцами». Мы совсем не были убеждены в том, что они победят; напротив, мы хорошо видели, что за ними нет ни одной серьезной общественной силы, и потому их поражение временами казалось нам неизбежным. В этом случае я с полною уверенностью могу говорить опять-таки только лично о себе. Но, что касается меня, то я и в письмах к своим друзьям и на собраниях русской колонии в Париже, — где я жил в то время, — не раз высказывал свое убеждение в том, что, «покончив» с Александром II, «партия Народной Воли» нанесла смертельный удар самой себе и что на первое марта 1881 г. мы должны смотреть, как на начало конца «народовольства».

Читатель удивится, вероятно, услыхав, что это убеждение вскоре было подкреплено свидетельством одного из самых влиятельных, вернее сказать, самого влиятельного из народовольцев того времени, но это было в самом деле так.

Когда, весною 1882 года, приехала за границу Ек. Дм. Тихомирова, она без обиняков сообщила нам, что «партия Народной Воли» совершенно обессилена, и что ее муж, — столь известный Л. Тихомиров,— окончательно разочаровался в программе этой партии. Сам он, приехав за границу вслед за своей женой, высказался на этот счет несравненно сдержаннее: недаром он слыл в революционных кружках большим «дипломатом». Но мы сами были слишком опытны в революционной «дипломатии» для того, чтобы не понять из его запутанных фраз,— обыкновенно сопровождавшихся частыми и продолжительными зевками, именно там, где нужно было говорить решительно и определенно,— что дело народовольцев совсем проиграно [1]). Но ввиду этого мы сочли себя нравственно обязанными поддержать наших бывших товарищей, которых мы привыкли ценить на общем деле, которые были на-голову разбиты ненавистным нам врагом и с которыми мы уже с 1881 года не переставали поддерживать дружеские сношения, помогая им всем, чем только мы могли тогда помочь. Кроме того, «партия Народной

[1]) Впоследствии, именно в брошюре «Почему я перестал быть революционером», г. Тихомиров признавался, что в то время, о котором я теперь говорю, он уже считал свою партию *трупом.*

Воли» пала не в один день, и в довольно продолжительном процессе ее падения бывали моменты под'ема, в которые совсем уже стыдно было бы сидеть сложа руки, не поддерживая того движения, которое при всех своих недостатках было хорошо уже тем, что являлось единственным в то время энергичным протестом против самодержавия. Вдобавок, у нас возникла надежда прийти к соглашению с «народовольцами» на почве новой для нас тогда и все более увлекавшей нас теории научного социализма. Мы не упускали случая обратить внимание «народовольцев» на ее преимущества, и хотя они, как и все наши российские *«люди дела»*, были довольно беззаботны насчет теорий, но самая их беззаботность позволяла нам ожидать, что они без большого труда отстанут от дурной привычки, усвоенной редакцией их газеты «Народная Воля», превозносить Дюринга на счет Маркса [1]). Как бы там ни было, а наши взаимные отношения все более и более упрочивались. Еще в 1881 г. я послал в редакцию «Народной Воли» рецензию на брошюру Драгоманова «Le tyrannicide en Russie», вышедшую скоро после смерти Александра II. Редакция не напечатала этой рецензии, не желая, — как писала она мне, — «поднимать полемику», но благодарила за сочувственное отношение к памяти деятелей 1 марта и приглашала к дальнейшему сотрудничеству. А вскоре после этого у Исполнительного Комитета явилась мысль издавать за границей научно-революционный журнал. Редактирование этого журнала Комитет поручал покойным С. М. Кравчинскому и П. Л. Лаврову, при чем советовал им пригласить меня в качестве третьего редактора. С. М. Кравчинский и П. Л. Лавров тотчас же последовали этому совету, и таким образом я стал соредактором «народовольческого» издания. Но этому изданию еще не скоро пришлось выйти из состояния проекта: дело затягивалось по многим причинам и пошло несколько быстрее только после приезда за границу в 1882 году г. Тихомирова, бывшего членом Исполнительного Комитета и редакции «Народной Воли». Да и г. Тихомирову, заменившему С. М. Кравчинского в редакции предполагавшегося издания, удалось кое-как справиться с препятствиями только к лету 1883 года, когда мы общими силами взялись за составление первой книжки нашего журнала, получившего название «Вестника Народной Воли». У меня долго сохранялся в бумагах написанный П. Л. Лавровым проект редакционного устава; может быть, он цел и до сих пор; но искать его у меня нет теперь ни времени, ни охоты, ни надобности. Для меня важнее упомянуть здесь о *неписанном* уставе, выработанном мною вместе с г. Тихомировым и определявшем все направление будущего издания. Этот *неписанный* устав оказался необходимым потому, что когда мы ближе ознакомились с тогдашними взглядами г. Тихомирова, мы увидели в них очень много такого, с чем совершенно не могли примириться наши, уже окончательно сложившиеся тогда, социал-демократические понятия. Я уже не говорю о том, что всякий раз, когда заходила речь о Марксе, г. Тихомиров «с ученым видом знатока» изрекал сугубые пустяки. Но даже и в вопросах практической политики нам нельзя было подчас избежать очень неприятных споров с ним. По поводу происходивших тогда на юге России анти-еврейских беспорядков он рассуждал, как антисемит [1]). И хотя в своем качестве «дипломата» в сущности совершенно равнодушного ко всему, что выходило за пределы узко-практических нужд «партии», он довольно быстро покидал занятые им идейные позиции, когда убеждался, что высказываемые им мысли неприятны тем, которых он старался привлечь к своему делу, и хотя, вследствие этого, нам скоро удалось заставить его высказать *противоположный* взгляд на значение еврейских погромов, но нас все-таки очень смущала царившая в его голове невероятная путаница понятий. Не то, чтобы мы ни в чем не сходились с ним, нет, — в обширной области вопросов, волновавших тогдашний русский революционный мир, было немало таких, на которых мы встречались дружелюбно, хотя и подходили к ним с разных сторон. К их числу принадлежал, например, вопрос о народничестве. Г-н Тихомиров не отказался от народнического предрассудка насчет старых «устоев» крестьянского быта; но он по опыту знал, до какой степени несогласимо народничество с революционной постановкой политических задач, и потому сильно не благоволил к нему. Он не без удовольствия слушал наши насмешки над тогдашними теоретиками народничества и даже

[1]) — Скажите, почему вы хвалите Дюринга и порицаете Маркса? — спросил я весною 1882 г. одного из самых видных членов Исполнительного Комитета. — Неужели вы не видите, что Маркс гораздо основательнее Дюринга? — «Мы, собственно говоря, ничего не имеем против Маркса, — возразил мой собеседник, — но мы думаем, что наша программа больше подходит к учению Дюринга. А вы как полагаете?» — Я ответил, что, по моему мнению, им выгоднее держаться за Маркса: «В этом случае вы сделаете только одну ошибку, именно при переходе от марксова учения к своей программе; а держась за Дюринга, вы будете ошибаться на каждом шагу, потому что он сам целиком состоит из ошибок».

[1]) Так рассуждал не один он. В № 39 «Искры» мы привели яркий образчик мнений об анти-еврейских беспорядках, высказывавшихся тогда газетою «Народная Воля».

сам выступил с политической статьей против покойного Юзова. Эту статью он прочитал мне и сделал в ней несколько поправок согласно моим указаниям. Еще более охотно выслушивал он наши политические суждения. Его приятно поражало, что сторонники марксовой теории, которая, по его мнению, должна была внушать «квиетизм», держались самых крайних политических взглядов. «Да вы — настоящий народоволец», — не раз говорил он мне, а это было у него самой высокой похвалой.

Что нас не могло вводить в заблуждение подобное единомыслие, это читатель увидит сам из следующего характерного факта. Летом в 1882 г. я и В. И. Засулич посоветовали г. Тихомирову, как одному из представителей Исполнительного Комитета за границей, познакомиться и сблизиться с вожаками германской социал-демократии [1]). Мы не сомневались в том, что он охотно примет наш совет, так как сближение с немецкими социал-демократами, очевидно, могло быть только выгодным для «партии Народной Воли». Но оказалось, что мы ошиблись. Г-н Тихомиров ответил нам, что не находит нужным сближаться с «немцами», потому что,—нынешний читатель ни за что не догадается, почему, — потому что в партии, состоящей из нескольких сот тысяч человек, наверное, много никуда негодного народа, и ни в какие деловые сношения с нею вступать невозможно. По его словам, с «немцами» можно было бы «толковать» только в том случае, если бы они согласились распустить свою нынешнюю партию и составить боевую организацию из нескольких сот решительных, на все готовых людей. Мы долго не могли прийти в себя от изумления. Это был редкий перл, своей величиной и своим ярким блеском отнюдь не уступавший тому, которым мы любовались в разговоре с г. Тихомировым об еврейских погромах. Но менее крупные перлы его взглядов выступали чуть не ежедневно на божий свет по разным более мелким поводам, и не нужно было большой проницательности, чтобы увидеть, как далеки были наши тогдашние взгляды от «народовольства» г. Тихомирова. У меня явилось даже сильное сомнение в том, что я буду в состоянии работать с ним в одном издании. Тогда я решился об'ясниться с ним начистоту. Наше об'яснение состоялось в присутствии С. М. Кравчинского и привело к совершенно неожиданным для меня результатам. Когда я поставил г. Тихомирову на вид, что я — убежденный социал-демократ и мог бы,

[1]) Я нахожу неудобным сообщать здесь, по какому именно частному поводу мы обратились к нему с этим советом.

не насилуя себя, работать только в социал-демократическом журнале, он отвечал, что я, повидимому, ошибаюсь на его счет; что на самом деле он против социал-демократии ровно ничего не имеет, но что русские революционеры крайне предубеждены против нее и отвернутся от нас, если мы сразу об'явим себя ее сторонниками. Он советовал нам сначала *подготовить* русского читателя к усвоению социал-демократических взглядов и только потом, когда это будет сделано, выставлять перед ним социал-демократическую программу. Я хорошо знал тогдашнего читателя наших революционных изданий и видел, что г. Тихомиров ничего не преувеличивал, говоря об его предубеждении против социал-демократии: слово социал-демократ было тогда в нашей революционной среде обидным, почти бранным словом.

Ввиду этого мы с г. Тихомировым решили, что наш будущий журнал современем об'явит себя социал-демократическим, но сделает это лишь после того, как ему удастся рассеять анархические предрассудки нашей читающей публики. Я до сих пор не понимаю, чем именно руководствовался г. Тихомиров, делая мне эту огромную и совершенно неожиданную уступку: вероятно, тут на него повлияли одновременно и его «дипломатия», и его равнодушие к теории, и его разочарование в народовольческой программе и его желание привлечь нас к своей «партии». Но что́ бы там ни повлияло, а договор был заключен, и в результате его явилась моя заметка о книге Аристова «Афанасий Прокофьевич Щапов», написанная именно согласно с планом постепенного подготовления русского революционного читателя к восприятию социал-демократических идей. Сравнивая Щапова с Чернышевским, я говорил в ней, что первый относится ко второму, «как современный демократ относится к *социал-демократу*» (курсив в подлиннике) и что, конечно, «наши симпатии лежат на стороне последнего». Далее, я напоминал слова Маркса о том, что социальная революция XIX века может черпать свою поэзию не в прошлом, а только в будущем, и что она не может начаться до тех пор, пока не уничтожатся все суеверия прошлого; это направлялось против народнической идеализации «устоев». Я прибавлял к этому, что пришла уже пора критической оценки «всех элементов нашего народничества» и что «между этими элементами взгляды Щапова,—на взаимные отношения народа и государства, на раскол и общину, — занимают... очень видное место и уже по одному тому заслуживают полного внимания наших социалистических писателей». Я называл Чернышевского родоначальником русской социал-демократии, а в заключение говорил нашим революционерам,

что старые формы народной жизни и народного миросозерцания слишком тесны для того, чтобы воплотить в себе практику и теорию нового движения. «Укрепившись в этом сознании, наша социально-революционная партия начнет третий, не предвиденный Щаповым, период «земского строения», равно далекий как от земско-вечевого, так и от единодержавно-бюрократического «опыта» — именно *период социально-демократический*».

Это было, кажется, ясно, пожалуй, даже слишком ясно для первого раза; но мне хотелось высказаться еще яснее, и я написал для первой же книжки «Вестника Народной Воли» статью «Социализм и политическая борьба», в которой пошел еще дальше и критиковал самое «партию Народной Воли». Моя критика отличалась значительной резкостью; так, я утверждал, что названная партия *была самой революционной, но зато и самой беспринципной, изо всех существовавших у нас революционных партий*. Г-н Тихомиров морщился и усиленно зевал, уговаривая меня быть помягче, но соглашался на помещение в первой же книжке «Вестника Народной Воли» и статьи, и рецензии. С своей стороны, П. Аксельрод написал для той же книжки большую статью о социализме и мелкой буржуазии, насквозь пропитанную духом марксизма. Словом, мы не поленились для первого урока русскому читателю и могли только одобрять уступчивость г. Тихомирова. Но... человек предполагает, а тайная полиция располагает.

Однажды, летом 1883 года, я пошел проводить г. Тихомирова, заходившего ко мне по редакционным делам, как вдруг мы столкнулись лицом к лицу с *Дегаевым*. Я знал его в Петербурге, когда он был артиллерийским офицером и учился в Артиллерийской академии. В то время, о котором у меня идет речь, он считался арестованным, и потому г. Тихомиров не меньше меня удивился неожиданной встрече с ним в Женеве. Дегаев казался смущенным и торопливо заявил, что ему необходимо тотчас же переговорить с г. Тихомировым. Я поспешил оставить их вдвоем.

На другой день у нас предстояло собрание для переговоров с г. Тихомировым о вступлении нашей группы, — тогда еще не имевшей определенного имени, — в «партию Народной Воли». Когда он пришел на это собрание, мы увидели, что он уже не тот, каким был в последние месяцы. Из его об'яснений мы узнали, что «молодые товарищи в России» очень недовольны его сближением с нами, так как опасаются, что благодаря ему в движении возьмет верх нежелательное для них влияние бывших «чернопередельцев». Вместе с тем он сказал нам, что по уставу

партии мы можем быть приняты только по одиночке и по выбору, а не целой группой. Прежде он находил возможным принять нас именно как группу. Когда мы напомнили ему об этом, на него напала сильная зевота, и никакого толку мы от него не добились. К концу собрания было совершенно ясно, что г. Тихомиров решил круто изменить свою политику в отношении к нам. И в самом деле, после этого он в разговорах с нами решительно высказывался *против* социал-демократии и не без красноречия расписывал прелести воспетых народниками крестьянских «устоев». Это было неприятно, но делать было нечего. Я вышел из редакции «Вестника Народной Воли». Мы выступили как группа, назвавшаяся группой «Освобождение Труда», и моя статья «Социализм и политическая борьба» явилась в виде отдельной брошюры после того, как я дополнил ее и *значительно смягчил заключавшуюся в ней критику «партии Народной Воли»*. Рецензия же моя о книге Аристова и статья П. Аксельрода остались в «Вестнике» как будто бы на память о той быстро минувшей поре, когда г. Тихомиров собирался вместе с нами подготовлять русского читателя к пониманию социальной демократии.

Мне остается прибавить только два слова... *Дегаев уже был тогда в сношениях с Судейкиным,* чего не подозревали ни мы, ни г. Тихомиров. Стало быть, *дегаевская поездка за границу для передачи т. Тихомирову мнения «молодых товарищей» о сближении его с нами не обошлась без участия Судейкина*. Думайте об этом что хотите, я же повторю: *человек предполагает, а тайная полиция располагает.*

Забавное недоразумение

Margarete. Das ist alles recht schön und gut;
Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bischen andern Worten.

. . . . . .

Faust. Liebes Kind!

(*Goethe,* Faust.)

В № 37 «Освобождения» г. Независимый распространяется о моей статье «Чего не делать», напечатанной в № 52 нашего органа. Он довольно лестно отзывается о ней и сожалеет только о том, что я недостаточно последователен. Ему хотелось бы, чтобы я взглянул на взаимные отношения либералов и социал-демократов с той самой точки зрения, с которой я смотрю на обязанности нашего центра по отношению к внутренним делам нашей партии. Но ему кажется, что я не решаюсь поступать так, и, огорченный слабостью моей суб'ективной логики, он возлагает свои приятные упования на об'ективную логику жизни. «Нам особенно ценно, — говорит он, — что взгляды автора статьи суть не отвлеченные убеждения, а наоборот, вопреки всем теоретическим убеждениям, были, так сказать, с бою завоеваны самою жизнью, вынуждены теми неумолимыми требованиями, которые она пред'являет к реальной политической работе русских революционеров. Именно в этом лежит ручательство, что эти взгляды не погибнут, а разовьются и будут широко практически использованы».

Я тоже очень твердо убежден в том, что мои взгляды в недалеком будущем восторжествуют на практике. Но я пришел к этому убеждению совсем не тем путем, каким был приведен к нему г. Независимый, и чем более я вдумываюсь в статью этого публициста, — носящую *знаменательное* название: «Знаменательный поворот»,—тем яснее я вижу, что между нами существует огромное и забавное недоразумение. Пусть извинит меня г. Независимый, если я прямо скажу ему, что он обна-

руживает наивность, достойную гётевской Гретхен. Эта бедная девушка смешала, как известно, пантеистическую философию Фауста с тем, что говорит, только в других выражениях, приходский священник. А г. Независимый смешал сказанное мною об обязанностях российского социал-демократического центра с тем, что проповедует теперь, «только немножко другими словами», бывший марксист г. Петр Струве. Ввиду этой трогательной наивности, — которую я не смею считать *притворной,* — у меня, как у Фауста, вырывается невольное восклицание: милый ребенок! Но если Фауст не нашел нужным вывести Гретхен из ее умилительного заблуждения, то я, напротив, вижу себя вынужденным заметить г. Независимому, что взгляды, высказанные мною в статье «Чего не делать», нимало не похожи на политическую философию г. редактора «Освобождения» и прочих священнослужителей российского либерализма. Эта разница об'ясняется, может быть, тем, что Фауст был влюблен в Маргариту, между тем как чувства, питаемые мною по отношению к указанным священнослужителям, имеют очень мало общего с любовной страстью. Но как бы там ни было, а об'ясниться нам необходимо.

По словам г. Независимого, моя статья «веско и неопровержимо доказывает, что *радикализм требований не тождественен и не связан с радикализмом приемов осуществления требований* (курсив г. Независимого). Открытое и решительное заявление этой мысли, хотя бы с частной целью и без признания всех вытекающих из нее выводов, составляет заслугу сотрудника «Искры» и отрадный симптом победы реалистического понимания над доктринерским утопизмом».

Горячо благодаря г. Независимого за это поздравление с «победой», я позволю себе спросить его, где именно говорится у меня о радикализме требований в его отношении к *радикализму приемов?* Г-н Независимый обещал привести in extenso наиболее характерные места моей статьи, «откидывая детали, касающиеся исключительно партийных злоб дня». Почему же он не сдержал этого обещания? Почему он «откинул» именно то место, где «веско и неопровержимо» доказывается мысль, принятая им за главную мысль моей статьи? На этот весьма естественный вопрос можно дать только один ответ, едва ли очень «отрадный» для г. Независимого: *потому, что у меня совсем не говорится ни о радикализме требований, ни о радикализме приемов, ни о взаимном отношении этих двух радикализмов.* Г-н Независимый приписал мне мысль, которую ему, как видно, хотелось найти в моей статье, но которой я на самом деле вы высказывал и не доказывал ни

слабо, ни «неопровержимо», ни «веско», ни легкомысленно. Что сказать о таком «приеме» изложения чужих статей? Не знаю, как кто, а я не вижу в нем ни «заслуги», ни даже просто «отрадного симптома».

Г-н Независимый говорит, что «соображения», высказанные мною в статье «Чего не делать», резюмируются в следующих моих строках:

«Все течет, все изменяется. Наши приемы деятельности не могут оставаться без перемен. Чеховский «человек в футляре» был замечателен тем, что всегда, даже в хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. Нам, социал-демократам, футляры не к лицу, и было бы очень смешно и очень плохо, если бы мы не сообразовались с требованиями политической погоды».

В этих строках заключается основное положение моей статьи, из которого в самом деле вытекает тот вывод, что радикализм приемов вовсе не всегда обязателен в интересах радикализма требований. Но из него вытекает также много других выводов и, между прочим, тот, что очень невысока ценность людей, которые, подобно германским и российским «ревизионистам», делают из умеренности и аккуратности настоящую «догму». Как бы основательны ни были все такие *выводы,* надо помнить, что каждый из них в отдельности несравненно *более узок,* чем то *положение,* из которого он вытекает, и что поэтому ставить тот или другой из них на место этого положения значит учинять самую невероятную и самую непозволительную путаницу понятий. Если публицист «Освобождения» учинил такую путаницу, то я имею право видеть в его странном поступке некий «симптом», характеризующий все его миросозерцание. На этот «симптом» стоит обратить внимание. Почему из весьма многочисленных выводов, вытекающих из основного положения моей статьи, г. Независимый выбрал только тот, согласно которому радикализм требований не всегда должен вести за собою радикализм приемов? И почему этот вывод так понравился ему, что он об'явил его главной мыслью моей статьи? Дело ясно. Г-н Независимый сам принадлежит к почтенному лагерю людей, возводящих в «догму» умеренность и аккуратность; он сам сидит *в футляре этой «догмы»* и потому, естественно, приурочивает к ней все то, что долетает до него сквозь толстую крышку футляра. Он насквозь пропитан буржуазной «догмой», и мне остается только хохотать, когда я слышу его рассуждения о вреде догматизма и о пользе широких взглядов. Врачу, исцелися сам!

Если бы «публицист» «Освобождения» не был ослеплен узким догматизмом умеренности и аккуратности, он понял бы, что главная мысль

статьи «Чего не делать» идет вразрез со всей философией, проповедуемой образованными представителями нашей либеральной буржуазии. Если все течет, все изменяется, если у политического деятеля, преследующего великую историческую цель и имеющего, как говорят французы, le diable au corps (чорта в теле), может и должно оставаться неизменным одно только желание во что бы то ни стало добиться победы; если все остальное имеет для него лишь относительную ценность, то ясно, что *принцип целесообразности* является главнейшей заповедью его *практического разума.* Для такого деятеля во всякое данное время наилучшее *средство* есть то, которое вернее всех других ведет к *цели.* Я думаю, что такой деятель совершенно прав; но я думаю так единственно потому, что моя философия происходит по прямой линии от *Гегеля,* а в политике я стою на точке зрения партии, которая выражает и отстаивает «разрушительные» стремления революционного *пролетариата* и потому *не может не держаться* того убеждения, что *народное благо — высший закон.* А согласимо ли это убеждение с теми учениями о нравственности, которые так старательно распространяются теперь образованными представителями российской буржуазии, — т.-е. единомышленниками г. Независимого, — и которые, при всем своем кажущемся разнообразии, все одинаково тесно связаны с моралью *Канта* и все одинаково хорошо показывают, что *буржуазия* не утрачивает духа *консерватизма* даже тогда, когда проникается *освободительными* стремлениями? Нет, с *этими* учениями указанное убеждение совершенно не согласимо, и г. Независимый обнаружил наивность Маргариты именно тогда, когда вообразил, что статья, насквозь проникнутая этим убеждением, «*знаменует поворот*» в сторону политической философии современного либерализма. Когда я писал свою статью, я наперед знал, что ее поймут *не все* читатели: ведь если бы она была сразу понята *всеми,* то это значило бы, что она содержит в себе лишь самые избитые истины. Но я думал, что классовый инстинкт подскажет публицистам «Освобождения», в чем заключается истинное содержание моей статьи, и побудит их высказать мне строгое порицание за мою революционную «безнравственность». Вышло не так. Г-н Независимый, позабыв своего либерального Моисея и своих не менее либеральных пророков, поспешил со мною «родным счесться». Это до такой степени странно, что я до сих пор преисполнен изумления.

Gretchen!
Wo steht dein Kopf?

Либеральная Гретхен думает, что мысли, высказанные в моей статье, были навязаны мне жизнью, «вопреки всем теоретическим положениям». Выходит, что, по мнению Гретхен, мысли эти стоят в противоречии с теоретическими основами моих политических взглядов. Это опять страшно наивно. Я предлагаю «милому ребенку» попробовать доказать мне, что, например, содержание книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» [1]) хотя бы чуть-чуть, хотя бы на одну иоту противоречит тому, что я говорю в статье «Чего не делать». Гретхен никогда не докажет этого по той причине, что и нельзя доказать это. Статья «Чего не делать» представляет собою лишь последовательное применение к частному случаю общих теоретических взглядов, излагаемых и защищаемых Бельтовым. Чтобы не понимать этого, нужно опять-таки сидеть в футляре и воображать, что все те, которые не соглашаются лезть в него, страдают «прямолинейностью известной птицы».

Но допустим, что милая Гретхен не сделала промаха, не погрешила против либеральной морали, неожиданно одобрив статью, провозглашающую принцип целесообразности верховным принципом в политике. Тогда нам все-таки нужно будет помнить, что далеко не все те, которые признают этот принцип, могут итти вместе. Если один преследует *одну* цель, а другой — *другую,* то принцип целесообразности, — решительнее и явственнее, чем всякий другой, — предписывает им «*разойтись розно*». А это — именно тот случай, который мы имеем перед собою теперь. «Независимая» Гретхен делает вид, что и она, подобно мне, обеими ногами стоит в политике на точке зрения целесообразности. Я, с своей стороны, делаю вид, что я этому верю, но цель милого ребенка, — или того, кто его вдохновляет, — уже не для виду только, а на самом деле, состоит в том, чтобы *завоевать политическую свободу, но в то же время помешать пролетариату дойти до полного сознания враждебной противоположности своих интересов с интересами буржуазии.* Моя же цель,—и опять не для виду только, а на самом деле, — заключается в том, чтобы как можно скорее довести рабочий класс до этого сознания. Я убежден, — и то, что чуть не ежедневно происходит на наших глазах, та жизнь, на которую ссылается Гретхен, как нельзя лучше обнаруживает правильность моего убеждения, — что *даже борьба с абсолютизмом будет становиться у нас тем решительнее*

[1]) Теперь уже нет никакой надобности скрывать, что она написана мною.

и тем победоносней, чем скорее и чем больше наш пролетариат проникнется идеями революционной социал-демократии. С точки зрения *моей цели* деятельность Гретхен и ее внушителей представляется и должна представляться мне *вредной, поскольку эта деятельность направлена на затемнение классового самосознания пролетариата.* Поэтому принцип целесообразности побуждает меня *бороться с единомышленниками Гретхен, а не сближаться с ними.* Правда, деятельность людей этого направления имеет в моих глазах *не одно только вредное* значение, так как они стремятся *не только* к затемнению классового самосознания пролетариата: как я уже сказал, они в то же время стараются добиться политической свободы. В качестве врага царского самодержавия, я не могу не признать, что *эта сторона* их деятельности *полезна,* хотя умеренность и аккуратность, свойственные им и усердно возводимые ими в политическую добродетель, не позволяют им принести нашей стране всю ту пользу, которую они могли бы принести ей. Я готов поддерживать их каждый раз, когда они будут готовиться нанести удар царизму, и жалею только о том, что в этой области они до сих пор «поспешают с медленностью». Но для того, чтобы *поддерживать их* в таких случаях, мне и моим единомышленникам вовсе и не нужно становиться с ними под одно знамя. Скажу больше. Если бы мы стали под одно знамя с ними, то мы неизбежно и очень значительно ослабили бы революционную энергию пролетариата, что могло бы быть полезно только царизму. Поэтому такой шаг, как видно очень желательный для Гретхен, заслуживал бы самого строгого осуждения с точки зрения того самого политического расчета, о котором она так неумело распространяется. В статье «Чего не делать» я действительно советую своим товарищам сделать *поворот,* но только вовсе не в сторону духовного сближения с либеральной буржуазией. Совсем напротив. Тот поворот, который я имею в виду и который я настоятельно рекомендую, — поворот к более широкому практическому кругозору,— впервые сделает из нас, социал-демократов, об'единенную и сплоченную политическую партию пролетариата, а только такая партия и может послужить надежным оплотом против вторжения в нашу рабочую среду буржуазных влияний.

Гретхен этого не понимает и не подозревает. Это ее право и ее дело. *Ее* недогадливость меня очень забавляет и ни капельки не печалит. Но, хотя я и ожидал недоразумений, мне все-таки жаль, что некоторые мои товарищи тоже увидели в моей статье какое-то намерение уступить какому-то оппортюнизму. *От них* я могу требовать не-

сравненно большего, чем от г. Независимого. Недоразумение, идущее с их стороны, уже не забавляет меня, а наводит на меня грусть. Но об этом *грустном недоразумении* я поговорю в следующей статье, где мне придется отметить также и то ехидное злорадство, то злостное хихиканье, с которыми отнеслись к новым несогласиям в нашей среде наши братья (на манер Каина) социалисты-реакционеры. Это «братское злорадство» и это «товарищеское» хихиканье поучительны во многих отношениях. Между прочим, они еще раз чрезвычайно ясно показывают всем нам, *чего нам ни в каком случае не следует делать.*

Ответ на письмо Н. Ленина о его выходе из редакции «Искры»

(От редакции «Искры»)

Юпитер, ты сердишься...

Товарищ Н. Ленин напечатал письмо в редакцию «Искры» на тему: «Почему я вышел из редакции?» По мнению автора, вопрос этот носит не личный только характер, и т. Ленин счел своим долгом об'ясниться об этом с публикой. Это было правом т. Ленина, и редакция считала бы себя обязанной поместить его письмо в «Искре», если бы т. Ленин не коснулся в нем *таких фактов из организационной жизни партии,* относительно которых между ЦК партии и группой членов ее (в том числе четырех редакторов «Искры») состоялось, по предложению ЦК, соглашение «предать их забвению». Поэтому редакция, прежде чем решиться напечатать письмо т. Ленина, запросила заграничного представителя ЦК, отменено ли сообщенное упомянутым членом партии желание ЦК «предать забвению» факты, ныне затронутые т. Лениным. Получив на этот свой запрос ответ, который нельзя назвать иначе как уклончивым, редакция известила т. Ленина, что обратится непосредственно к ЦК и только тогда поместит «письмо», когда ЦК официально возьмет на свою ответственность опубликование на столбцах «Искры» сведений из области его деловой практики, по существу своему не предназначавшихся для гласности. Несмотря на это предупреждение, т. Ленин немедленно издал свое «письмо», а вышеупомянутый член ЦК разрешил его печатание в партийной типографии (тайно от редакции центрального органа), при чем, однако, не обозначил на брошюре заголовка партии.

Находя такой образ действия т. Ленина и заграничного представителя ЦК неправильным и выражая свое удивление по поводу того, что Ленин, говоря об «отказе» поместить его письмо, не привел мо-

Библиотека имени В. И. Ленина

тивов этого «отказа» (который, как видит читатель, был только *отсрочкой впредь до выяснения истинных намерений ЦК),* редакция, по существу поднятого т. Лениным вопроса, заявляет:

В своем письме Ленин, опровергая статью «Наш с'езд» в № 53 «Искры», решительно утверждает, что возникшие на с'езде и проявляющиеся до сих пор в партии организационные разногласия имеют корни *в недовольстве части членов партии* тем, что их или их друзей *не выбрали в центральные учреждения* и что те принципиально-различные тенденции организационной политики, которые мы попытались наметить в № 53, выдуманы для того, чтобы «прикрасить» позицию партийного меньшинства, позицию людей, дезорганизующих партию ради того, чтобы добиться «представительства в центрах».

Своим утверждением Ленин пытается набросить *моральную тень* на мотивы действия половины партии и большинства редакции «Искры» и свести ведущуюся в партии борьбу двух организационных тенденций на уровень жалкой и презренной борьбы «из-за мест».

«Это — дело вкуса, и мы не намерены пойти за Лениным по этому пути. Мы знаем, что и он, между прочим, очень энергично боролся и борется *за определенный состав ЦК и ЦО,* но до сих пор мы думали, что в основе этой борьбы лежало стремление добиться таким путем укрепления в партии определенных принципов, которые мы считаем ложными и для партии вредными, но т. Ленин признает единственно-спасительными. Мы хотели бы думать то же самое и после того, как т Ленин об'явил своих политических противников «генералами», дезорганизующими партию из-за «представительства в центрах». В одном можем мы ручаться т. Ленину: для борьбы с вредными и дезорганизующими, на наш взгляд, тенденциями, представителем которых он является, *нам никогда не придется, за недостатком более убедительных аргументов, апеллировать к низменности мотивов противника.* И мы теперь же заявляем: в редактируемом нами органе партии не найдется места для такого сорта «обсуждения» жгучих партийных вопросов, которое, как мы уже говорили в № 53, вместо «света» приводит к затмению. На письмо т. Ленина мы вынуждены ответить фактическим разбором его «данных» и его аргументов в особой брошюре, в которой перепечатаем и его достопримечательное «письмо». Столбцы же «Искры» мы считаем себя обязанными приберечь для тех, которые намерены обсуждать все волнующие партию вопросы, не сводя их на почву так называемых на обывательском языке «личностей».

Письмо об обстоятельствах, сопровождавших выход т. Ленина из редакции «Искры»

Женева, 29 января 1904 г.

Уважаемый товарищ!

По поводу обстоятельств, сопровождавших выход т. Ленина из редакции, я могу сказать одно: эти обстоятельства, как видно, значительно изгладились из его памяти. Спешу освежить его воспоминания.

Он говорит: «Атмосфера раскола после с'езда Лиги надвинулась так грозно, что Плеханов решил кооптировать старую редакцию». Это неточно. По уставу Плеханов не имел никакого права «*решить*» это: кооптация могла быть только *единогласной.* Я просто «решил», что неуступчивость партийных центров наносит огромный ущерб партии и что поэтому надо своевременно сделать уступки. А так как я был убежден, что т. Ленин не согласится с этим, то я «*решил*» *выйти в отставку, о чем и довел до сведения т. Ленина.* Он позабыл или нашел неудобным вспоминать об этом.

«Я предвидел, — продолжает он, — что оппозиция не удовлетворится этим, — и считал невозможным переделывать решение партийного с'езда в угоду *кружку.* Еще менее считал я позволительным становиться поперек дороги возможному миру в партии и поэтому вышел после № 51 из редакции «Искры», заявив при этом, что от сотрудничества не отказываюсь и не настаиваю даже на опубликовании о моем выходе, если установится добрый мир в партии».

Это опять неточно. Когда я сказал т. Ленину, что я хочу выйти из редакции, не считая возможным поддерживать своим участием в ней политику неуступчивости, ведущую партию к гибели, т. Ленин возразил: «Нет, уж лучше я выйду, потому что, если выйдете вы, то всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся даже Плеханов». На другой день товарищ Ленин подписал свою отставку.

Несколько дней спустя, он зашел ко мне и сказал, что свой выход из редакции он рассматривает вовсе не как уступку меньшинству.

«Чемберлен, — прибавил он, — вышел из министерства именно затем, чтобы более упрочить свою позицию, так и я». Я тогда же принял к сведению эти слова, и с тех пор, когда мне говорят о миролюбии т. Ленина, я вспоминаю о Чемберлене, а когда я встречаю в газетах имя Чемберлена, я вспоминаю о миролюбии т. Ленина.

Что касается вопроса о доведении до сведения публики факта выхода т. Ленина из редакции, то вот относящиеся сюда документы.

I

Не разделяя мнения члена Совета партии и члена редакции ЦО, Г. В. Плеханова, о том, что в настоящий момент уступка мартовцам и кооптация шестерки полезна в интересах единства партии, я слагаю с себя должность члена Совета партии и члена редакции ЦО.

Н. Ленин.

P. S. Во всяком случае, я отнюдь не отказываюсь от посильной поддержки своей работой новых центральных учреждений партии.

II

..В номере «Искры» с об'явлением о с'езде я прошу также поместить мое, прилагаемое при сем, заявление. Конечно, на случай, если установится полный мир в партии (на что я надеюсь) и если вы найдете это нужным, я мог бы, среди прочих условий мира, обсудить и напечатание такого заявления.

Преданный вам *Ленин.*

18 ноября.

Текст заявления:

В редакцию ЦО РСДРП.

У. Т! Прошу поместить в «Искре» следующее заявление:

«Н. Ленин с 1 ноября (нов. ст.) 1903 г. не состоит более в редакции «Искры».

С социал-демократическим приветом *Н. Ленин*».

Лично мне ни на одну минуту не казался важным вопрос о том, узнает или не узнает читающая публика о выходе т. Ленина, но последние строки второго письма показали мне, что сам т. Ленин приписывал этому вопросу огромнейшую важность и готов был *уступить свое молчание об этом за подходящий эквивалент*. Я очень удивился этому и стал с сожалением думать, что он отчасти усвоил себе привычки тех людей, с которыми он воевал в № 50 «Искры», в статье «Минимум логики и максимум беззастенчивости». Я не нашел нужным покупать его молчание. Вот все, что я пока могу сообщить Вам. Этого, полагаю, достаточно, чтобы очень значительно *дополнить и исправить* сказанное т. Лениным.

Еще одно. Поведение т. Ленина возмущает Вас. По-моему, Вы относитесь к нему слишком строго. Я думаю, что многие странности его поступков об'ясняются просто-напросто тем, что он *совершенно лишен чувства смешного.*

Преданный Вам *Г. Плеханов.*

P. S. Вы сами прекрасно знаете, что кооптация, сделанная мною, *не противоречила решению* с'езда, который уставом, принятым им, предоставил редакции пополнять свой состав по собственному усмотрению.

Г. П.

Грустное недоразумение

... Такова наша жизнь: сначала смешно, потом грустно!

В. Г. Белинский.

В статье «Забавное недоразумение», напечатанной в № 55 «Искры», я смеялся над либеральным публицистом, придавшим моей статье «Чего не делать» очень странное истолкование. Теперь я буду говорить о недоразумениях, порожденных той же статьей, но вызывающих во мне уже совсем другое чувство. Там я имел дело с противником; здесь мне придется спорить с товарищами. Я хохотал, когда мою мысль наивно искажал человек чужого лагеря; мне становится грустно, когда ее не хотят или не могут понять мои, так сказать, сослуживцы. Большим утешением было бы для меня думать, что я один виноват в таком непонимании. Но, к сожалению, мы не властны в своих мыслях...

Огорчающие меня недоразумения не то что велики, а прямо необ'ятны. Один «товарищ из массы» в ехиднейшем письме в редакцию «Искры», полном беспощаднейших сарказмов, следующим образом описывает впечатление, произведенное на него моей злополучной статьей.

«Куда апеллировать? — таков вопрос, который являлся у нас каждый раз, когда приходилось натолкнуться на «ересь» в литературе или на практике. — В «Искру», — бывал моментальный ответ. Он не высказывался, он мыслился и мыслился вслед за вопросом... Ответ давался машинально, как машинально протягивается рука к глазам, чтобы защитить от внезапно ударившего в них света. Необходимое было всегда под рукой, и мы умели ценить его. Необходимо «оно было и сегодня, когда мы прочли статью «Чего не делать» в № 52, но то, против чего «оно» было необходимо, оказалось... в «Искре». Странный оптический обман — казалось, что заголовок «Искры» был отпечатан криво, и странное чувство — казалось, что читаешь что-то чужое, хотя хорошо знакомое, и над этим чужим выведен заголовок «Искры», немного криво, небрежно»...

Хотя автор этого письма сам выражается, как видит читатель, несколько «небрежно», но выписанные мною строки все-таки произвели на меня сильнейшее впечатление. Я стал опасаться, что меня скоро заподозрят в сочувствии к г.г. Бернштейну, Мильерану и прочим «критикам Маркса». И это опасение еще более усилилось под влиянием следующих мыслей автора письма.

Пришпилив ехиднейшими кавычками те строки моей статьи, в которых говорится, что кому много дано, с того много и взыщется, и что люди нашего центра должны быть мудры, как змии, он прибавляет, что люди центра, кроме того, должны «не делать salto mortale в буквальном смысле, salto mortale, не способных увлечь за собою сознательных представителей российского пролетариата, — для этого «Искра» до № 52 слишком хорошо воспитала их, — но способных на минуту сшибить вас с ног, а когда вы снова встанете и очнетесь, поставить перед вами неизбежный вопрос: что же это такое?».

Час от часу не легче! Ересь, высказанная мною, оказывается способной сшибить с ног даже прекрасно воспитанного «Искрой» сознательного представителя российского пролетариата. Стало быть, это — сногсшибательная ересь в полном смысле этого слова. Каково же быть обвиненным в такой ереси? Необходимо оправдаться как можно скорее.

Но в чем же собственно состоит эта страшная ересь?

Повидимому, она состоит в слишком снисходительном отношении к тем из наших социал-демократов, которые, — как говорю я в моей статье, — прежде поддавались влиянию «ревизионизма», а потом увидели заключающуюся в нем опасность, признали все основные положения марксизма и теперь только по некоторой непоследовательности и инертности мысли защищают те или иные «догмы», любезные «ревизионистам». Я спрашивал, как должен был бы отнестись наш центр к таким социал-демократам, и отвечал, что он сделал бы большую ошибку, если бы вздумал исключить их из партии. Это очень не нравится товарищу, нечаянно сшибленному мною с ног. На этот раз он не только подчеркивает и берет в ехидные кавычки период, заключающий в себе характеристику социал-демократов, некогда склонявшихся к «ревизионизму», но в середину этого периода помещает несколько язвительных скобок, из которых торчат язвительные замечания. Так, после того, что сказано у меня о некоторой их непоследовательности, у него в скобках посажено: «*только!*» (курсив наш); после признания известной инертности мысли загородили дорогу скобки, заключающие

в себе негодующе-насмешливый вопрос: «у *сознательных* представителей пролетариата?» (курсив наш). Словом, товарищ не дает мне ни отдыху, ни сроку. Но, к стыду своему, я должен сознаться, что меня не сшибают с ног ни ехидные кавычки, ни придирчивый курсив, ни язвительные скобки. Я просто-напросто недоумеваю: неужели автор письма находит, что мы должны были бы гнать из партии людей, провинившихся лишь в некоторой инертности мысли и непоследовательности? Это уж слишком неблагосклонно, как говорит один персонаж у Г. И. Успенского. Много ли бы нас осталось в таком случае? И удалось ли бы самому автору письма попасть в число оставшихся? Я не твердо уверен в этом... Правда, он не выносит еретического духа. Но ведь этого еще недостаточно...

Впрочем, надо заметить, что автор письма прямо не говорит: «гони»; можно, значит, допустить, что, и по его мнению, гнать не следует. Но тогда, почему же он упал на землю от удивления? Почему же он колет меня кавычками, язвит скобками и стращает курсивом? Чем отличалась бы тогда моя сногсшибательная ересь от его собственного мнения?

«Но их [1]) нет, — гремит он, — «экономисты» вымерли, а наши отечественные «критики марксизма» находятся уже давно «по ту сторону добра и зла». Или, может быть, есть признак их скорого возрождения — в новой форме? Тогда, конечно, наш центр должен знать, как поступать. Мы полагаем, он знает, как поступить».

Замечу прежде всего, что «экономисты» в свое время тоже принадлежали к числу наших отечественных критиков марксизма, хоть и попали в это число более по недоразумению [2]). Но это — мимоходом. Главным же образом, мне интересно, как надо понимать слова автора письма о том, что экономисты вымерли. Если он хочет сказать, что «экономизм» перестал существовать как течение нашей социалистической мысли и как фракция нашей социал-демократической партии, то он прав. Но ведь и я говорю не о течении и не о фракции, а только об «одной или нескольких группах». Или автор думает, что у нас теперь даже и групп таких более уже не существует? Если да, то мне легко показать ему, что он заблуждается. Тем легче, что в моей статье говорилось не о таких «экономистах», с которыми я воевал когда-то, наверно, не менее энергично, чем автор письма, не о таких экономистах, которые приветствовали теоретические подвиги г. Бернштейна и его российских единомышленников, а о таких, — пусть читатель простит мне это вынужденное повторение, — о таких, которые поняли опасность, заключающуюся в «ревизионизме», и признали все основные положения «ортодоксального» марксизма. Такие «экономисты» уже перестали быть «экономистами». Сторонниками «ревизионизма» их можно называть разве только по преданию. «Ревизионист» тем и отличается от «ортодокса», что не признает основных положений марксизма под тем предлогом, что их необходимо подвергнуть пересмотру (Revision, ревизия). Раз он вернулся к признанию этих положений, он тем самым отказался от «ревизионизма». И если я протягиваю ему руку, то странно кричать, что я примиряюсь с ревизионизмом, а падать от изумления на землю значит или ровно ничего не понимать во всем этом вопросе, или страдать падучей болезнью ума, в которой моя «ересь» уже, конечно, совсем не «причинна».

Я спрашиваю автора письма: существуют ли в нашей среде группы таких товарищей, к которым подходит сделанная мною выше характеристика? Если он имеет хоть некоторое понятие о положении дел внутри нашей партии, то он ответит на этот вопрос не иначе, как в утвердительном смысле, потому что иначе и невозможно ответить на него. А если они существуют, то вопрос о том, как должны относиться к ним мы, «ортодоксальные» марксисты, получает немаловажное значение. Теперь, когда об'единение стало для нас практическим вопросом дня, было бы смешно, если бы мы позабыли о той борьбе, которую мы вынуждены были вести с некоторой частью своих товарищей, и не спросили себя: нельзя ли теперь, ввиду очевидной перемены их позиции, — ввиду явного отказа их от «ревизионизма», — заключить с ними такой мир, который положил бы конец печальному междоусобию, обеспечив в то же время всю чистоту наших принципов? И если бы была возможность закончить *это* междоусобие *таким* миром, то мы не заслуживали бы названия серьезных людей, если бы не воспользовались ею. Я убежден, что такая возможность в настоящее время существует в полной мере. Я печатно высказал это убеждение и готов еще и еще раз сделать это. Если тот или другой товарищ думает, что я ошибаюсь, то пусть он покажет мне это, пусть он возьмет на себя труд доказать мне, что существующие в нашей среде группы бывших «экономистов» до сих пор еще чужды точки зрения «ортодоксального» марксизма. Это будет «*вопрос факта*», о котором можно спорить даже с очень большим увлечением, но по поводу которого ни один здоро-

[1]) Т.-е. товарищей, когда-то увлекавшихся экономизмом. — *Г. П.*

[2]) О том, как и почему это произошло, см. мою статью **«Нечто об «экономизме» и «экономистах»** в № 53 **«Искры»**. [См. выше.]

вый человек не упадет на землю, не станет видеть окружающие его предметы «немного криво» и не закричит: «караул, изменяют принципам!»

Правда, я допускаю, что у наших бывших экономистов осталась еще некоторая непоследовательность и некоторая инертность мысли, благодаря которым они все-таки продолжают повторять иные «догмы» ревизионистов. И автор письма упирает на это своим придирчивым курсивом. Но после всего вышесказанного ясно, что эти «догмы» никоим образом не могут быть отнесены к числу тех, которые направляются ревизионистами против основных положений нашего учения и которые заставляют нас бороться с этими господами не на живот, а на смерть. Бывшие «экономисты» расходятся иногда с нами по второстепенным или даже третьестепенным вопросам нашей теории и практики, вроде вопроса о том, какая доля участия в выработке социалистического сознания рабочих принадлежит интеллигенции, вопроса о типах организации и т. п. Разойдясь в этих вопросах с нами, бывшие «экономисты» и до сих пор аргументируют подчас так, как не стал бы аргументировать ни один вполне последовательный марксист. Тут им случается иногда, по старой памяти, заимствовать тот или другой довод у «ревизионистов». Утверждая это, я не имею в виду каких-нибудь печатных произведений этих товарищей, а просто припоминаю те разговоры, которые мне приходилось вести с некоторыми из них. Именно разговоры с ними и убедили меня в том, что эти товарищи, — между которыми есть очень почтенные и ценные деятели, — страдают лишь некоторой непоследовательностью и инертностью мысли, по поводу которых спорить необходимо, но расходиться было бы прямо бессмысленно [1]). Я не предлагал никаких уступок «ревизионизму», а только констатировал почти окончательный отказ от него бывших «экономистов». Разумеется, я мог ошибиться в определении характера их нынешних взглядов, но при чем тут ересь, да еще ужасная, сногсшибательная ересь?

Обо всем этом не стоило бы много толковать, если бы обвинение меня в ереси, — которое заставит расхохотаться всякого понимающего

[1]) Надо заметить еще, что в рассуждениях об этих вопросах даже у тех из нас, которых никто не заподозрит в ревизионизме, замечается довольно значительная непоследовательность и довольно большая инертность мысли. Это легко было бы показать на примере кое-каких печатных произведений, пользующихся у нас, по недоразумению, совершенно безупречной репутацией. И я когда-нибудь сделаю это.

человека, — не являлось печальным проявлением некоторых дурных привычек мысли, усвоенных некоторыми нашими «ортодоксальными» товарищами. Товарищ, сшибленный с ног моею «ересью», говорит, что, когда он, встретившись с тем или иным еретическим мнением, спрашивал себя: «куда апеллировать?», у него прежде, — до грехопадения нашего органа, ввергнутого мною в пучину еретических мнений, — тотчас и «машинально» являлся ответ: в «Искру». Я боюсь, что автор письма мыслит «машинально» чаще, чем он сам подозревает это. Мне сдается, что он обвинил меня в ереси тоже совершенно «машинально», т.-е. совсем не вдумавшись в смысл того, что было сказано мною, а слепо повинуясь той ассоциации, благодаря которой слово: «ревизионист» обыкновенно вызывало у него крик: «ересь!» И это очень, очень жаль. Ортодоксальный марксизм — прекрасная вещь; но «машинальность» очень нехороша, особенно в мышлении «ортодоксов». «Ортодокс» должен мыслить диалектически, а диалектика исключает «машинальный», раз навсегда заученный ход мыслей. Вот почему меня так сильно огорчают недоразумения, вызванные моей статьей «Чего не делать» в нашем собственном лагере; вот почему я пустился в такие пространные об'яснения с автором письма. Я хочу сказать этому автору и всем тем, которые с ним согласны: берегитесь, товарищи, вы усваиваете себе такие приемы мышления, в сравнении с которыми непоследовательность некоторых бывших «экономистов» оказывается самым легким недостатком; вы, того и гляди, станете настоящими метафизиками и не умеющими мыслить иначе, как по формуле: да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого; а это в нашем деле хуже всего.

Не знаю, приведет ли к чему-нибудь такое предостережение, но думаю, что его следовало сделать. Реакция против утопической расплывчатости, стремящейся об'единить всех и вся, привела некоторых из наших товарищей к противоположной крайности. Они стали судить обо всем, совершающемся в нашем движении, с помощью двух-трех коротеньких формул, заключающих в себе, по их мнению, всю квинтэссенцию «ортодоксии». Но наше движение теперь так широко и так глубоко, что его не обнимешь подобными коротенькими формулами. Поэтому товарищи, оперирующие с их помощью, по необходимости рассуждают «криво» и, будучи одушевлены самыми лучшими намерениями, поступают так, что врагам пролетариата остается подчас только рукоплескать им. Они показывают себя неспособными «построить партию». Их горизонт не выходит за пределы кружка. Отсюда — излишняя

подозрительность во взаимных отношениях людей, принадлежащих к разным кружкам, открывание ересей там, где их нет и следа, расхождение и раз'единение там, где люди должны были бы сойтись и об'единиться. Формулы, приносящие эти печальные плоды, так узки, что во имя их можно было бы обвинить в измене марксизму самого Маркса. В самом деле, Маркс говорит где-то, что доктринер выдвигает на первый план то, что раз'единяет рабочих, между тем как человек, не зараженный доктринерством, стремится об'единить их. Не оппортюнизм ли это? А как вел себя Маркс при основании Международного Товарищества Рабочих? Как старательно обходил он в написанном им уставе этого общества все те спорные вопросы тогдашнего рабочего движения, по поводу которых об'единяемый пролетариат мог бы тотчас же, к огромному вреду для дела, разбиться на враждующие между собою фракции! Что скажет об этом автор письма? Не было ли это торжеством систематического оппортюнизма? Мне очень жаль, что около Маркса не было тогда никого из наших «твердых». Они бы шутить с ним не стали. Они попáдали бы на землю от благородного негодования, а потом, поднявшись на ноги, смутили бы его роковым вопросом: «что же это такое?..» [1])

Хуже всего то, что близорукость, порождаемая и культивируемая такими приемами мышления, некоторыми товарищами рассматривается как нечто почти величественное. Вот пример. В редакционной заметке по поводу напечатанного в номере «Искры» письма т. Ленина выражено пожелание относительно того, чтобы стремление к дирижерской палочке (о которой говорится в указанном письме) не делало нас неуживчивыми, прямолинейными, упрямыми, близорукими, узкими, подозрительными и т. д. Это пожелание было формулировано мною, и когда я формулировал его, я никак не ожидал, что я опять встречу употребленные мною эпитеты в следующих строках «письма в редакцию» (мы переживаем теперь эпоху писем в редакцию) т. Александрова:

«А что, вопрошают эти глубокие и опытные знатоки жизни, а что если в центральные учреждения попадут люди неуживчивые, прямолинейные, упрямые, близорукие, подозрительные (чудище обло, озорно, огромно, стозевно, столаяй), люди, которые, — увы! — возлюбили махать палочкой, стремятся копировать Швейцеров и во имя бес-

[1]) Правда, Маркс умел и не уступать. Но он не всегда пользовался этим уменьем. А это и есть оппортюнизм. Не правда ли?

препятственного и невинного по внешности, но коварного по существу занятия — махания палочкой — кулаками по-сабакевически вышибут из партии... все не вполне и безусловно искровские, т.-е. не вполне сознательные, элементы?» и т. д. [1]).

Глубокими и опытными знатоками жизни называются здесь товарищи, расходящиеся с т. Александровым по некоторым организационным вопросам. Не мое дело решать, в какой мере правильно передано в цитированных мною строках то, что говорят эти товарищи. Я только нахожу необходимым заметить, что т. Александров не понял, какое впечатление вызывает во мне представление о людях, характеризованных мною эпитетами: неуживчивые, прямолинейные и т. д. Тов. Александров выразил, что это представление может быть, хотя бы и в насмешку, поставлено рядом с представлением о некоем чудище. Он жестоко ошибся. Люди, какими нам не следует быть и которых я характеризовал указанными эпитетами, представляются мне, конечно, очень неприятными, но я не вижу в них ровно ничего чудовищного. Чудище, о котором он вспоминает, во всяком случае *обло* и *огромно*, т.-е. очень *велико* по своим размерам [2]). Люди же en question совсем, совсем маленькие люди. «Чудище могло бы ужаснуть того, кто поверил бы в его существование; а такие люди, во мне по крайней мере, неспособны были бы вызвать ничего, кроме презрения к ним самим, да глубочайшего сожаления о той партии, в которой они могут не только занимать известное место, но даже вздорить из-за «дирижерской палочки». Я смеюсь над такими людьми, а т. Александров вообразил, что они меня ужасают, представляясь мне какими-то романтическими злодеями. Он, как видно, — и далеко не один он, — склонен к идеализации этих «игрушечного дела людишек». А это — чрезвычайно плохой знак. Тут большая опасность для партии.

Я сказал в статье «Чего не делать», что наш центр должен быть смелым, настойчивым и решительным, но должен также уметь *уступать*, когда этого потребует польза дела. По этому поводу т. Александров ставит вопрос, кажущийся ему «коварным»:

«Представим себе какую-нибудь ортодоксальную группу, которая для того, чтобы проявить в партии во что бы то ни стало свой

[1]) См. приложение к № 55 «Искры».

[2]) Товарищ Александров почему-то снабжает это чудище непонятным признаком: столаяй — вместо и лаяй, т.-е. и лающее. Кстати. В моей заметке ни о каких вышибаниях кулаком не говорится. Это украшение слога принадлежит т. Александрову.

особый оттенок, выступит с требованием представительства в центрах. Не уступит ли ей редакция, во имя мира в партии «во что бы то ни стало», редакторство «Искры»?» Не правда ли, товарищи, вопрос коварный, но право же вполне уместный. «Ваша статья в № 52, приведшая в недоумение многих и многих из нас, партийных работников, дает повод и к таким «мирным» комбинациям мысли».

В предыдущем номере редакция «Искры» уже раз'яснила т. Александрову, что его вопрос не столь коварен, как кажется. Лично от себя я добавлю к этому раз'яснению, что это скорее до крайности, донельзя, простодушный, чем сколько-нибудь коварный вопрос; он показывает, что т. Александров совершенно не понял статьи «Чего не делать». Этот товарищ продолжает думать схематически, рассуждая по формуле: да—да, нет—нет и пр., а между тем я всеми силами старался доказать, что с этой формулой далеко не уйдешь, и что нам теперь необходимо усвоить другой метод мышления. Еще раз попробую раз'яснить свою мысль.

Тов. Александров стоит на точке зрения формальной; он справляется только с *уставом;* он рассуждает *юридически:* противоречит или не противоречит данное желание данных товарищей данному параграфу устава. И такой точки зрения держатся, так рассуждают у нас очень многие. А я говорю, что мы должны уметь *подняться выше формализма,* что нам нужно теперь держаться *не юридической, а политической точки зрения.* В этом и состоят наши *разногласия.*

Человек, сумевший возвыситься *над формализмом,* рассуждает *по существу;* человек, сумевший подняться до *политической* точки зрения, справляется *не с уставом,* или вернее, *не только с уставом, но и с фактическим положением дел, с данным соотношением сил.* А каково у нас в партии это положение? На что указывает нам это соотношение?

Буду говорить прямо, иначе меня опять не поймут. Я принадлежал на с'езде партии к *большинству,* которое, — как это видно из только что вышедших протоколов с'езда, — и произвело выборы в партийные центры. Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда, на одном из последних заседаний, один из наших перешел к *меньшинству,* то с'езд оказался разделенным *на две равные части,* — обстоятельство, нашедшее свое выражение в формулировке одной из его резолюций. Выходило, что *люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всеми.* Я тогда же почувствовал, что это было ненормально. Но я еще не знал

тогда, к каким практическим неудобствам поведет такая ненормальность. Впоследствии я увидел, что неудобства эти страшно велики, и постарался устранить их, насколько это от меня зависело. Я сделал известную товарищам кооптацию. И для меня очевидно, что наш ЦК обязан поступить таким же образом: *он должен принять меры к тому, чтобы явиться выражением всей нашей партии, а не одной только ее части.* Это, разумеется, необязательно с точки зрения устава, но этого несомненно требует интерес дела. И пока это требование не будет исполнено теми, «кому ведать надлежит», до тех пор наш *Центральный* Комитет останется, так сказать, *эксцентричным.* А ему нужно сделаться в самом деле *центральным.*

Будет ли исполнено это требование? Этого я не знаю. Но я хорошо знаю, что исполнение его является единственным средством вывести нашу партию из состояния тяжелого кризиса, который чрезвычайно ослабляет наши позиции и усиливает позиции наших многочисленных врагов и противников. Кому нужен этот кризис? Во всяком случае не нашей партии; во всяком случае не тому классу, который она представляет.

Понимаете ли вы меня на этот раз, т. Александров? Если опять нет, то я посоветую вам вспомнить слова дедушки Крылова: «*Что враг советует, то верно худо*», и прочитать последние номера «Революционной России»; они раз'яснят вам очень многое.

Публицисты этого почтенного органа захлебываются от радости при виде наших расхрей. Почему? *Потому, что они полезны им.* Публицисты этого органа обвиняют меня в оппортюнизме. Почему? Потому, что *для них выгодна неуступчивость наших «твердых».*

Кризис, переживаемый нами, возбудил в социалистах-революционерах такие надежды, которые им самим покажутся совершенно несбыточными, когда он окончится.

Социалисты-реакционеры опять спекулируют на наши несчастья, как спекулировали они на них во время нашей борьбы с «экономистами», которых они, кстати сказать, *усердно поддерживали.* Прислушайтесь к тому, что говорят эти господа, т. Александров, и вы, может быть, поймете меня. *Что радует врага, то верно худо.*

Довольно! Я хотел было поговорить еще с г.г. социалистами-реакционерами, но недостаток места не позволяет мне этого. Скажу только два слова.

Нам, партии пролетариата, предстоит пережить, может быть, еще не один кризис. Но что делать! Рим построился не в один день. По-

строить его было несравненно, бесконечно труднее, чем намалевать те декоративные города и деревни, которыми любовалась Екатерина II во время своей поездки по Новороссии. Внутри *этих* городов и деревень все обстояло благополучно; в них ***невозможны*** были никакие распри. Так же благополучно все и в партии социалистов-реакционеров. Ведь она сама есть не более как намалеванная декорация. Мы не завидуем ее благополучию!

Замечания к письму уфимцев и уральцев

(От редакции «Искры»)

Печатая здесь письмо, написанное в ответ нам «представителями комитетов» Уфимского, Средне-Уральского и Пермского, мы, — оставляя в стороне вопрос о том, почему нам отвечают *представители комитетов,* а не сами комитеты, — считаем полезным сделать от себя несколько замечаний.

I. Авторы письма упрекают «Рабочее Дело» в том, что «не оно учило партию, а партия его учила». Это значит, что, по их мнению, орган, претендующий на сколько-нибудь серьезное значение, должен иметь смелость *руководить* партией и не бояться давать подчас некоторым ее «представителям» более или менее суровые уроки. Мы думаем, что это мнение справедливо особенно в применении к *центральному органу,* которому, по уставу, принадлежит идейное руководство партией. Вот почему мы прямо и откровенно скажем авторам письма, что их рассуждения о событиях 1848 г. и о Парижской Коммуне отличаются сбивчивостью, предполагающей до последней степени скудные исторические сведения. Люди, об'ясняющие слабость Франкфуртского парламента тем, что в нем были представлены «все революционные течения Германии 1848 года», хорошо сделали бы, если бы, вместо того, чтобы «представлять» те или другие комитеты, решились поучиться. В противном случае они ничего хорошего не скажут тому рабочему классу, «впереди» которого им хочется шествовать. Мы знаем, что авторы письма могут, позабыв свое собственное мнение, обидеться на нас за наш прямой совет и даже, по свойственной им решительности, пожелать так или иначе «раскассировать» нас. Но, как ни страшен нам их гнев, а нечего делать: долг прежде всего.

II. Авторы письма, характеризуя «экономистов», говорят: «На интеллигенцию, т.-е. на революционную социал-демократию, они смотрят свысока». Это «*то-есть*» очень замечательно. В головах авторов письма понятие: ***«революционная социал-демократия»,*** очевидно, покрывается

понятием: «*интеллигенция*». Тут—несомненнейшая ересь и притом такая ересь, на какую способен теперь далеко не всякий социалист-«революционер». Чтобы, «нимало сумняшеся», держаться такой ереси, надо обеими ногами встать на точку зрения «*интеллигенции*», т.-е. *мелкой буржуазии,* занимающейся «свободными профессиями». А между тем, авторы письма воображают себя *ортодоксами*. О, дети, как опасны ваши лета! Бедный товарищ Ленин! Хороши же его «ортодоксальные» сторонники!

III. Просак, в который попали авторы письма, ясно показывает нам, что совершенно прав был П. Аксельрод, утверждавший в одном из своих недавних фельетонов, что организационные взгляды некоторой части наших товарищей грозят, в конце концов, вплотную подвести их к воззрениям *буржуазной демократии*. П. Аксельрод, вероятно, совсем не рад тому, что его опасения так скоро начали оправдываться.

IV. Авторы письма, повидимому, думают, что статья «Красный с'езд в красной стране», напечатанная в № 49 «Искры», написана Лениным. На самом же деле она принадлежит пишущему эти строки. И ему же принадлежит статья «Чего не делать», напечатанная в № 52 нашего органа. Названных товарищей очень удивит это открытие, и они обвинят нас в непоследовательности. Но такое обвинение только покажет нам лишний раз, *до какой степени низкопробна их собственная последовательность*. Немецкие ревизионисты совсем не похожи теперь на наших *бывших* «экономистов». Нынешнее положение их в партии тоже совсем иное. Неудивительно поэтому, что теперь и относиться к ним приходится иначе, чем к «экономистам». Казалось бы, это понятно само собою. Но авторы письма видят предметы сквозь такой густой туман, что для них остаются непонятными самые бесспорные истины. Чтобы хоть несколько рассеять этот туман, необходимы довольно длинные, хотя и весьма элементарные, рассуждения; недостаток места вынуждает нас отложить их до следующего номера; теперь же мы ограничимся высказыванием следующей мысли, справедливость которой, надеемся, несомненна даже и для автора письма: *наша* последовательность, последовательность марксистов, заслуживающих этого названия, т.-е. усвоивших себе известные понятия и способных оперировать ими, отнюдь, никогда и нимало не должна походить на «дикую непреклонность убеждений» той партии *крепкоголовых* (в «Помпадурах» Щедрина), которая славилась уменьем «зыком наводить трепет на противников» и вся политическая мудрость которой сводилась к убеждению в том, что «для предводителя нужно одно: чтобы он шел неуклонно». Sapienti sat.

«А все-таки движется!»

Наши товарищи социал-демократы, находящиеся теперь в Акатуевской каторжной тюрьме, написали следующее воззвание *ко всем революционерам России*.

«Накануне катастрофы царское правительство стоит во всей своей безобразной наготе. Оно торопится совершить все, что только в состоянии свершить правительство, совмещающее азиатский деспотизм со служением интересам буржуазии.

«Голод и разорение крестьянских масс; всенародное невежество, охраняемое попами; алкоголизм, как главная статья государственных доходов; армия, флот и шпионство, как главные статьи государственных расходов; казни, ссылки, тюрьма, каторга, розги; полицейский и чиновный произвол; убийства сотен рабочих (самодержавие не больше щадит русские жизни, чем враги — японцы); предательство, как систематическая политика в области рабочего вопроса; раздувание бессмысленной племенной вражды, иезуитское натравливание национальностей друг на друга; внутренняя политика, спекулирующая на народное ослепление; грабеж национальных имуществ армян, вандальское разрушение европейской цивилизации Финляндии; полное всеобщее политическое рабство, — вот неполный перечень признаков, которыми будут очерчены последние дни царского самодержавия на страницах истории.

«Вынужденная» война с Японией — его последнее слово: «вынужденная» разбойнической внешней политикой в несчастном Китае!

«Товарищи! До нас, оторванных от родины, глухо доходят сведения о том, как относится народ к войне. Мы слышали лишь казенные доклады о порывах патриотических чувств, о «народных» манифестациях верноподданничества и шовинизма.

«И среди этой оргии ни одного звука сознательности, ни одной нотки революционного протеста.

«Не в такой момент мы сошли со сцены. Мы видели массы городского пролетариата, таящие тлеющую ненависть к самодержавной

шайке. Мы оставили революционную социал-демократию накануне действительного сплочения во всероссийскую политическую партию пролетариата, единую программой, крепкую стройной организованностью. Перед нами прошел небывалый смерч стихийных южных стачек. На наших глазах разбойнически обобранные самодержавными холопами и задыхающиеся в мертвой петле гражданского бесправия «инославные» национальности России сочувственно протягивали руку революционному пролетариату, как единственному истинному борцу за национальное освобождение, и в нашем слухе еще не замолкли отголоски весенних буревестников — демонстраций

«И вот теперь, при этих вестях о молебнах, адресах, манифестациях, восторгах, приветствующих бойню и ее создателя, — императора и самодержца Сибирского, царя Кишиневского и палача Виленского, хищника и душителя Польского, Армянского, Финляндского, Всероссийского и пр., и пр., и пр., — можно подумать, что русский пролетариат превратился в слепое стадо баранов, что война для «миролюбивого» царизма — новый громоотвод.

«Мы не знаем, как обстоит дело взаправду, и хорошо знаем цену правительственным сообщениям. Но все же мы считаем уместным обратиться ко всем товарищам-революционерам с настоящим воззванием.

«Война выдвигает перед нашей партией важнейшую задачу. В этот решительный момент революционная социал-демократия должна стоять на высоте своего исторического призвания.

«В 1877 году правительству легко еще было рядить бойню в гуманный и даже либеральный убор («братья-славяне, освобожденные из-под ига» и т. д.). Но теперь ведь дело идет только о «наших торговых интересах», т.-е. о выгодах наших купцов, — и вот массовые убийства с этой «культурной задачей» официальное фразерство превращает в какую-то отечественную войну.

«Самой широкой и энергичной агитацией должна социал-демократия осветить значение милитаризма и войны несущих лишь смерть, нищету и слезы, разоблачить истинную подкладку трескучих шовинистических фраз. Она должна напомнить, на чьи плечи падают щедрые пожертвования городских дум.

«На верноподданнические манифестации мы должны отвечать повсеместными массовыми революционными демонстрациями. Красный флаг мы должны поднять всюду, где поднимают «национальные».

«На патриотические завывания холопской прессы об «интересах России на Дальнем Востоке» мы ответим указанием на бесчисленные

культурные потребности народа. Довольно крови за рынки капиталистическому Молоху! Долой войну и милитаризм!

«На человеконенавистнические крики о «врагах России» мы ответим возгласом: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

На официальную шумиху о верноподданнических чувствах, об'единяющих «всех русских без различия национальностей», мы ответим выражением действительного чувства, об'единяющего все национальности России. Мы ответим: долой самодержавие!

«Нас ни на минуту не покидает глубокая надежда и уверенность, что могучий голос революционного пролетариата открыто на всю Россию произнесет (и, может быть, уже произносит) свой приговор над новым преступлением самодержавия. И мы, выбитые из строя, делаем все, что в силах: пусть это воззвание послужит нашей демонстрацией против царского правительства. Пусть наш голос присоединится к открытому протесту пролетарских масс России.

«Долой милитаризм! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует международная революционная социал-демократия!

(Следуют подписи.)

Акатуевская каторжная тюрьма. Февраль 1904 г.»

Просят распространять.

Когда мы прочитали это воззвание, нам прежде всего представились те гонения, которые его авторы навлекают на свою голову. Русское правительство не церемонится со своими врагами, и у него есть тысяча средств для того, чтобы наказать дерзких преступников, осужденных на каторжное рабство, но сохранивших в себе беззаветную преданность социалистическому идеалу. И мы спросили себя, хорошо ли мы сделаем, напечатав это воззвание и тем самым усилив озлобление царских палачей против их политических жертв? Но, приняв в соображение, что наши товарищи «просят распространять» их воззвание, мы увидели себя *обязанными* исполнить их просьбу.

Их горячее *слово* имеет значение чрезвычайно плодотворного действия, и у нас не должно быть таких соображений «осторожности», которые позволяли бы нам *мешать* этому действию. Царское правительство может лишить революционера «всех прав состояния», но оно не может отнять у него права на *самоотвержение*. К этому святому праву все мы должны относиться с безусловным уважением.

Польские товарищи, находящиеся в Акатуевской тюрьме вместе с русскими авторами воззвания, об'являют себя совершенно солидарными с ним. Они говорят:

«Мы, польские товарищи, от всей души присоединяемся к воззванию наших русских товарищей. Мы уверены, что рабочие Польши враждебно отнеслись к царскому манифесту, и пользуемся случаем подчеркнуть полную братскую солидарность пролетариата всей России, без различия национальностей».

(Следуют подписи.)

Призыв выбитых из строя героев еще не успел дойти до их родины, а передовые ростовские пролетарии уже подняли свой голос для того же протеста.

На собрании 120 чел., состоявшемся в 20-х числах марта в Ростове-на-Дону, была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание,

«1) что война является, с одной стороны, следствием той политики захвата, которую царское правительство всегда вело на Дальнем Востоке в интересах буржуазии, стремящейся к расширению внешнего рынка, и в интересах поддержания своего престижа внутри страны и за границей;

«2) что война требует громадных жертв людьми и деньгами от народа, влечет за собой разорение крестьянства, усиление застоя в промышленности и безработицу, и что эти жертвы не могут быть ничем вознаграждены даже в том случае, если война будет победоносна;

«3) что всей своей тяжестью война ляжет несомненно на рабочий класс и крестьянство, как потому, что из этих слоев населения составляется армия, так и потому, что правительство возлагает на эти слои всю тяжесть государственных налогов;

«4) что война, возбуждая и раздувая национальную рознь, отвлекает внимание народа от внутренних дел государства и мешает росту классового сознания рабочих, —

«собрание протестует против войны и призывает всех товарищей к борьбе против самодержавия, которое постоянно изменяет народным интересам ради интересов его эксплоататоров и собственного самосохранения.

«Вместе с тем, собрание, признавая, что международная социал-демократия является единственно надежной защитницей мира и братства народов, шлет свой привет японским рабочим, протестовавшим против войны, и выражает полную уверенность в том, что ни эта война, ни те осложнения в международной политике, которые она может повлечь за собой, не остановят роста социал-демократии.

«Да здравствует международное братство народов!

«Долой войну! Долой царское правительство!»

Одновременно с ростовскими рабочими высказались тверские.

Вот резолюция, единогласно принятая на собрании 150 организованных рабочих г. Твери, 21 марта (ст. ст.).

«Мы, организованные тверские рабочие, как один из отрядов РСДРП, единогласно протестуем против русско-японской войны, начатой самодержавным правительством без согласия народа. Мы признаем, что эта война ведется во вред народу: преждевременная смерть десятков тысяч работников—кормильцев своих семейств, потеря трудоспособности многими из оставшихся в живых, возрастание налогов и разорение, — вот что несет она и без того уже обездоленным массам. Мы признаем, что эта война ведется в интересах самодержавия и буржуазии: первое шумом военных действий хочет заглушить все растущее народное недовольство, а вторая, в случае удачного исхода войны, может получить новые рынки для сбыта своих товаров.

«Как один из отрядов всемирной революционной социал-демократии, мы протягиваем братскую руку нашим японским товарищам социал-демократам и дружно присоединяемся к их протесту против войны, выгодной только нашим правительствам и пагубной для рабочего класса без различия языка и национальности.

«Мы категорически высказываемся как вообще против международных войн, так, в частности, и против русско-японской войны и признаем лишь одну непримиримую войну с нашими врагами — самодержавием и буржуазией.

«Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует РСДРП!»

Когда накануне франко-прусской войны французские сознательные работники обменивались выражениями братской солидарности с немецкими социалистическими пролетариями, Карл Маркс писал 27 июля 1870 г. от имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих:

«... Один тот факт, что в то время, как официальная Франция и Германия бросаются в братоубийственную войну, рабочие Франции и Германии обмениваются миролюбивыми и дружественными посланиями, — один этот великий факт, подобного которому нет в истории прошлого, открывает перспективу лучшего будущего. Он доказывает,

что лицом к лицу со старым обществом, с его экономическими бедствиями и его политическими ужасами, встает новое общество, в котором *мир* будет основой международных сношений, потому что его законодателем будет *труд*»...

Эти строки великого основателя международного научного социализма невольно вспоминались нам по поводу привета, посылаемого ростовскими и тверскими пролетариями своим японским товарищам. Маркс был прав. Солидарность социалистических рабочих различных стран в самом деле есть великий, беспримерный в истории факт, открывающий человечеству перспективу отрадного будущего.

Но в эпоху Международного Товарищества Рабочих только самые передовые пролетарии самых передовых *западных* стран способны были испытывать чувство этой солидарности. *Теперь* идея международного социализма дошла даже до «*крайнего Востока*». И это обстоятельство является одним из самых ярких признаков ее распространения. Как ни велико то искусство, с которым буржуазия отстаивает свои привилегии, как ни вреден для пролетариата разлад, вызванный в его собственных рядах малодушием и робостью мысли так называемых ревизионистов, — «*а все-таки движется!*»

И все-таки движется гораздо быстрее, чем этого можно было ожидать!

Болонский с'езд итальянских социалистов

С'езд итальянских социалистов, происходивший в Болонье 8—11 апреля нов. ст., привлек к себе внимание всех тех, которые интересуются «кризисом», совершающимся теперь в международном социалистическом движении. Этот с'езд сам должен быть признан одним из наиболее ярких выражений названного кризиса. Борьба «ревизионистов», — которых в Италии называют *реформистами,* — с *революционерами* более или менее последовательного образа мыслей дошла в нем до крайнего обострения, приняв весьма поучительный и для многих, вероятно, неожиданный вид.

Известно, что «ревизионисты» почти во всем мире пользовались до сих пор лестной репутацией в высшей степени уживчивых людей, требующих для себя лишь некоторой свободы критики и больше всего дорожащих партийным единством. Как трогательно и как напыщенно говорили на тему о партийном единстве Жорес и его французские последователи! С каким скромным достоинством добивались свободы критики,—*только* свободы критики!—Бернштейн и его немецкие единомышленники! Наивные люди, которых—увы!—всегда было и,—боимся,—всегда будет очень много на белом свете, восторженно слушали эти трогательные речи, сочувственно внимали этим скромным требованиям и не находили достаточно слов для осуждения строптивых ортодоксов», не умилявшихся речами и «не терпевших» критики. Если «ревизионисты» приобрели приятную репутацию уживчивости, то «ортодоксы» пользовались неприятной славой придирчивых и нетерпимых «сектантов». Но на Болонском с'езде «ревизионисты» (реформисты), с Турати во главе, оказались гораздо более «нетерпимыми» и «фанатичными», чем крайние революционеры, группировавшиеся вокруг А. Лабриолы, а «непримиримый »Энрико Ферри выступил горячим и безусловным сторонником единства партии. Что же это за странность? Чем это об'ясняется? Исключительными особенностями характера итальянских реформистов или же какими-нибудь другими, более общими причинами?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, во-первых, выяснить себе, каковы принципиальные позиции различных фракций, боровшихся между собою на Болонском с'езде, а во-вторых, принять в соображение силы, стоявшие за боровшимися фракциями.

В принципиальном отношении итальянские реформисты — родные братья немецких «ревизионистов». Они также держатся теории постепенного «опустошения» капитализма, которую они излагают еще более последовательно и защищают гораздо более страстно, чем Бернштейн, Давид и братия. Тому, кто захотел бы ознакомиться с итальянским изданием этой теории, получившей свое начало в туманном Альбионе, а свою филистерскую отделку в «ревизионистской» Германии, мы настойчиво рекомендуем статью очень известного Иваноэ Бономи: «Riformismo socialista e riformismo revoluzionario», напечатанную, можно сказать, накануне Болонского с'езда в теоретическом органе реформистов: «Critica Sociale» (см. номер от 1 апреля нов. ст.). Но так как мы едва ли ошибемся, предположив, что она останется недоступной огромнейшему большинству русских читателей, то мы приведем здесь некоторые из ее основных положений.

Начинается она ироническим выражением уверенности в том, что на Болонском с'езде все фракции, до крайней революционной фракции А. Лабриолы включительно, поспешат признать пользу, приносимую пролетариату социальными реформами. Иваноэ Бономи говорит, что иначе и быть не может. Рабочие массы склоняются к реформам по инстинкту и по необходимости, и с этой их склонностью принуждена считаться каждая фракция, не желающая утратить всякое влияние на них. Но со стороны революционеров признание практической пользы социальных реформ является лишь оппортюнизмом, уступкой реалистическому настроению масс. По существу своих взглядов революционеры, — утверждает Бономи, — не могут дорожить реформами, и уж ни в коем случае они не смотрят на них глазами реформистов: «По-нашему, реформа относится к конечной задаче нашего движения, как средство к цели». Она изменяет строение политического общества и, увеличивая энергию рабочего класса, нарушает то равновесие сил, которым это общество поддерживается. «Вот почему, — продолжает наш автор, — реформа является для нас частью революции или, точнее, всякая реформа производит, по нашему мнению, свою революцию (produce una sua rivoluzione)». Сумма всех реформ, из которых каждая представляет собою отрицание капиталистического общества, последовательный ряд больших и малых изменений общественного устройства, приведет к новой

общественной организации, основанной на труде. По словам Бономи, эта организация получит свое начало не от какого-нибудь будущего акта насилия; она уже создается (*становится,* diviene, — говорит наш автор) ежедневно всем ходом рабочего движения.

Итальянский теоретик реформизма настойчиво повторяет, что революционеры очень далеки от такого взгляда на реформы. Он ссылается на А. Лабриолу и Э. Ферри. В своей книге «Riforma e revoluzione sociale» А. Лабриола говорит, что реформы могут способствовать изменению той общественной среды, в которой живет и дышит капиталистический организм, но не могут изменить самый организм; подобно этому и Ферри утверждает, что реформы смягчают общественное зло, но не устраняют коренной его причины — монополии одного класса на средства производства и обмена [1]).

В этом и состоит, — по собственному мнению Иваноэ Бономи, — самое важное из всех тех разногласий, которые разделили итальянских социалистов на два больших лагеря, ведущих непрерывную и жестокую борьбу между собою. Все остальные спорные вопросы или вытекают из этого различия во взгляде на реформы, или имеют лишь второстепенное значение.

Так, например, если реформисты далеко расходятся с революционерами по вопросу о *пути,* который может и должен вести к реформам, то это как нельзя проще об'ясняется именно тем, что они очень различно смотрят на самые реформы. Для реформистов реформы имеют, по очень неловкому, но чрезвычайно характерному выражению И. Бономи, максимальное значение, принадлежат к *субстанции социализма;* неудивительно поэтому, что реформисты готовы добиваться их всеми теми средствами, которые только могут быть в данную минуту в их распоряжении. Они были бы очень непоследовательны, если бы ввиду реформ остановились перед «сотрудничеством классов», т.-е. перед союзом с передовыми слоями буржуазии. Иваноэ Бономи так и говорит: «Кто хочет цели, тот хочет и средств, к ней ведущих». Это неоспоримо. Но революционеры, убежденные в том, что иное дело *реформы,* совершаемые на почве и в пределах свойственных капитализму производственных отношений, а иное дело *революция,* устраняющая эти

[1]) Иваноэ Бономи приводит это мнение из одного старого номера органа Ферри «Il Socialismo». Мы от себя заметим, что в своей большой речи на Болонском с'езде Ферри почти теми же словами говорил о значении реформ в капиталистическом обществе. О книге Лабриолы мы надеемся довольно подробно поговорить в «Заре».

производственные отношения, не могут оценивать тактику своей партии исключительно с точки зрения реформ. Это тоже неоспоримо. Если в глазах Иваноэ Бономи и его единомышленников реформы составляют *главную цель* рабочего движения, то для революционеров они — *лишь одно из средств, ведущих к этой цели;* революционеры дорожат этим средством, — равно как и всеми другими средствами, — лишь в меру его *целесообразности.* По мнению реформистов, реформы, из совокупности которых составится революция, не могут быть куплены слишком дорогой ценой. По мнению революционеров, твердо убежденных в том, что реформы еще не составляют революции, *те реформы обошлись бы слишком дорого, за которые надо было бы платить затемнением революционного самосознания пролетариата.* А так как «*сотрудничество классов*» способствует такому затемнению, то революционеры и восстают против него, видя в нем самую большую и непростительную тактическую ошибку реформистов.

Реформисты не только допускают «сотрудничество классов»,—они провозглашают его главным средством осуществления своих социальных стремлений. Поэтому они опять-таки поступают вполне логично, когда об'являют себя принципиальными *противниками насильственного способа действий;* всякий намек на признание этого способа мог бы только запугать те передовые или, точнее менее консервативные слои буржуазии, на союзе с которыми основываются все их реформаторские планы [1]). В своем споре с революционерами, отстаивающими насильственный способ действий, итальянские реформисты, подобно «ревизионистам» всего мира, нередко прибегают к самым смешным софизмам, вроде того, например, что насилие только разрушает, но ничего не создает, — как будто *разрушить препятствия,* загораживающие дорогу новым формам жизни, не значит ускорить создание этих форм! Не менее странно звучат и те их уверения, что сторонники насильственного способа действий изменяют *марксизму,* потому что сам Энгельс под конец своей жизни сделался будто бы сторонником мирного развития. Кто же не знает теперь, что это неправда? [2]) Но реформисты приводят такие доводы, вероятно, не потому, что считают их вполне правильными, а просто потому, что надеются произвести с их помощью сильное впечатление на своих, не всегда достаточно осведомленных, читателей. Тут они, повидимому, руководствуются правилом, на которое опирается Иваноэ Бономи в своих рассуждениях о тактике: «Кто хочет цели, тот хочет и средств, к ней ведущих».

[1]) Заметьте при этом, что реформисты не прочь итти даже с монархией, если она захочет опираться на демократические классы населения. Это — Геркулесовы столбы «реальной политики».

[2]) По вопросу о мнимом превращении Энгельса в сторонника мирного развития см. «Манифест Коммунистической Партии», предисловие русского переводчика к женевскому изданию 1900 г. [Сочинения, т. I.]

В интересах беспристрастия надо, однако, заметить, что вопрос о насильственном способе действий не всегда удачно разрешался также и революционерами. Некоторые из них, — например, А. Лабриола, — еще недавно говорили о насилии, как о *методе действия.* Это—*ошибка* или, по меньшей мере, *ошибочное выражение* верной мысли. Сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новое. Это — факт, от которого нельзя отболтаться. Но этот факт еще не означает того, что революционные классы в своем освободительном движении *методически* прибегали к насилию. Совсем нет. Они поступали так же, как поступают государства, борющиеся за свое существование с другими политическими организмами. В такой борьбе *сила* всегда служит последним, необходимым доводом: успех всегда склоняется на сторону «*больших батальонов*». Но *методом* такой борьбы далеко не всегда является *насилие:* многие вопросы с гораздо меньшими затратами решаются в ней не «батальонами», а дипломатией... за которой стоят «батальоны». Если бы какое-нибудь государство хотело прибегать к оружию даже и в том случае, когда оно и без войны может получить то, чего добивается в данную минуту, или когда его «батальоны» еще не готовы к выступлению в поход, то подобный «метод» не только не увеличил бы его силы, а напротив, скорехонько привел бы к полному ее уничтожению. Насилие, возведенное в «метод», так же мало целесообразно, как и законный способ действий. И тот и другой должны составлять лишь различные *способы* революционной борьбы, лишь различные стороны революционного метода. Обстоятельства времени и места, — и только эти обстоятельства, а не какие-нибудь отвлеченные соображения, — определяют, к какому из этих способов должна прибегнуть революционная партия.

Впрочем, А. Лабриола сам понял, — насколько известно, не без помощи со стороны Каутского, — что в своих соображениях о насилии он держался не вполне правильного «метода». Так, в проекте решения, предложенном им Болонскому конгрессу, о насилии, как методе, нет речи, а просто говорится, что партия не откажется от насильственного способа действий, если найдет его необходимым. Против такой формулировки нельзя решительно ничего возразить, и мы не понимаем

Ферри, который сказал на с'езде, что он не может признать формулировку, предложенную Лабриолой. Нам не ясно, в чем состоит его собственный взгляд на этот предмет. По отчету, напечатанному в «Vorwärts», выходит, будто он тоже признал, что социалистической партии может представиться надобность в насильственном способе действий, но что, по его мнению, ей не следует говорить об этом. Однако его речь, напечатанная в «Avanti» от 13 апреля (нов. ст.), не содержит в себе такого определенного заявления. Да если бы оно и заключалось в ней, то Ферри все-таки был бы неправ. Почему же мы не должны говорить пролетариату о том, в чем ему может встретиться историческая необходимость? Разве главная задача социалистов не состоит в выяснении этому классу задач и условий предстоящей общественной революции? Что выигрывает пролетариат, сохраняя предрассудок *законности,* усердно внушаемый ему буржуазией, которая сама в своей освободительной борьбе не раз прибегала к насилию, но которая теперь, добившись господства и ставши консервативной, существенно заинтересована в том, чтобы угнетенный класс нашего времени воспитывался в благоговейном уважении к закону? И может ли он вообще выиграть что-либо, сохраняя тот или другой предрассудок? Об этих вопросах не мешает подумать Ферри, который придает такое большое значение выработке в рабочей массе социалистического сознания.

Но как бы там ни было и какие бы логические промахи ни делали те или другие представители революционного направления, а все-таки очевидно, что коренное разногласие по вопросу о реформах делит итальянских социалистов на две большие группы, связанные между собою только чисто формальным образом. Восстановить единство партии, — и восстановить не на словах, а на самом деле, — можно было бы только при том условии, чтобы одна из этих больших групп согласилась покинуть свою собственную точку зрения и усвоить себе точку зрения своей противницы. Но ни одна из них не имеет к этому ни самомалейшей склонности. Стало быть, о *действительном* восстановлении единства партии Болонским с'ездом нечего было и думать. Весь вопрос состоял в том, нужно ли было кому-нибудь отстаивать ее *формальное* единство.

Что касается этого последнего вопроса, то итальянские реформисты находились в положении, прямо противоположном тому, в котором были их французские братья, — жоресисты, — около времени Парижского международного с'езда 1900 г. Жоресистам *выгодно* было поддерживать единство французской социалистической партии, потому

что, составляя в ней большинство, они надеялись воспользоваться *всей* ее силой, — т.-е. также и силой революционных ее элементов, — в целях любезной им политики союза с буржуазной демократией. Поэтому они выступали горячими сторонниками единства и обвиняли в фанатизме революционеров, не желавших сделаться предметом политической эксплоатации и отказывавшихся итти с ними под одним знаменем. А итальянские реформисты не настолько многочисленны, чтобы им можно было рассчитывать на господство в социалистической партии. Напротив, у них были все основания думать, что на с'езде победят умеренные революционеры, руководимые Ферри. Хотя образ мыслей этих революционеров и не отличается, как мы видим, полной стройностью, но в вопросе о значении реформ они выступают непримиримыми противниками реформистов. Этим последним было ясно, что победа фракции Ферри лишит их возможности проводить свою политику «сотрудничества классов». Поэтому они стали находить, что им, в сущности, выгоднее было бы отделиться от партии, чем работать в ее рядах на пользу направления, считаемого ими совершенно бесплодным. И вот они стали насмехаться над сторонниками единства, упрекая их в робости мысли, в желании обмануть партию насчет ее собственного положения. Они об'явили себя сторонниками *«искренности»*. К «искренности» их газеты и ораторы взывали так же часто, как некогда Жорес взывал к «лойяльности». Призыв к «искренности» имел у них еще значение агитационного маневра. Когда они говорили революционерам: «Предложите с'езду резолюцию, которая представляла бы собою искреннее выражение вашего образа мыслей», это на самом деле значило: «Нам очень хотелось бы, чтобы вы какими-нибудь необдуманными и резкими выражениями запугали часть делегатов и тем толкнули бы их направо». Это ясно видно из того, что с особенной энергией они нападали на проект резолюции, предложенный Ферри: этот проект имел в их глазах тот недостаток, что не мог запугать даже тех не в меру робких товарищей, которых смутил бы проект, предложенный Лабриолой. Он не нравился им именно потому, что имел шансы понравиться большинству с'езда.

Итак, в Италии, в противоположность тому, что было во Франции, противниками партийного единства явились не революционеры, а реформисты. Но между тем как реформисты разных стран, присутствовавшие на Парижском международном с'езде, честили революционеров за их «нетерпимость» эпитетами *сектантов, фанатиков* и т. д., итальянские реформисты, собравшиеся ехать на с'езд в Болонью, возвели свою

собственную нетерпимость в величайшее достоинство и не переставали умиляться над своей собственной искренностью. На самом деле их «нетерпимость», — равно как и «нетерпимость» французских революционеров, — является простой расчетливостью и заслуживает похвалы, а не порицания: зачем было им дорожить единством партии, если партия отказывалась делать то дело, которое казалось им единственным плодотворным делом настоящего времени? Когда разногласия так велики, то лучше разойтись в разные стороны. Но все-таки очень интересно и достойно замечания то обстоятельство, что одно и то же политическое свойство называется *искренностью,* когда оно принадлежит реформистам, и *фанатизмом,* когда им отличаются революционеры. Так и запишем.

Опасения реформистов оправдались: с'езд принял резолюцию Ферри. Вот эта резолюция:

«Убежденный в том, что метод борьбы классов совершенно не совместим с поддержкой министерства или с участием социалиста в правительстве,

«с'езд заявляет, что для полноты работы социалистической партии необходимы многообразные формы деятельности, вырабатывающей социалистическое сознание, разрушающей и критикующей системы эксплоатации и паразитизма (Sistemi di sfruttamento e di parasitismo) и ведущей к завоеванию пролетариатом экономических, политических и административных реформ,

«и подтверждает единство партии на основе совместной работы всех социалистов и подчинения меньшинства во имя дисциплины».

Принятие этой резолюции, решительно осуждающей участие социалистов в буржуазных министерствах и требующей «*завоевания*» реформ путем *классовой борьбы,* а не выторговывания их путем «*сотрудничества классов*», означает поражение реформистов. Это — большой выигрыш для итальянского пролетариата и хорошее предзнаменование для Амстердамского международного с'езда, на котором тот же вопрос выступит в первую очередь. Но что будет с единством партии, «подтвержденным» Болонским с'ездом?

Оно кажется нам ненадежным: реформисты вряд ли подчинятся решению с'езда; мы думаем, что Милан, их твердыня, скоро подаст сигнал к разрыву а впрочем, поживем — увидим.

Голосование по поводу резолюции Ферри закончилось в *десять часов вечера последнего дня с'езда.* Можете судить, ввиду этого, как быстро пришлось делегатам разделываться с остальными очередными

вопросами! О них почти не спорили. Ферри предложил, чтобы в *правление партии* (direzione) входило семь человек, из которых пять выбиралось бы с'ездом, шестой — социалистической парламентской фракцией [1]), а седьмой входил бы в правление в качестве редактора центрального органа партии. Это предложение, — согласно поправке, внесенной Лабриолой, — было самим Ферри изменено в том смысле, чтобы с'ездом выбиралось в правление не *пять,* а *семь* человек. При его голосовании реформисты воздержались, и в правление оказались выбранными: доктор Фаби, Евджению Гварини, Гвидо Марангони, Джузеппе Кроче, Джованни Лерда, Лонгобарди и Сольди.

Марангони, Лонгобарди, Кроче и Гварини *принадлежат к крайней революционной фракции.* Это тоже очень недурно. В редакторы центрального органа, — который печатается теперь в 30.000 экземпляров, — с'езд выбрал Ферри. Когда поставлена была его кандидатура, реформисты кричали: «лучше Лабриолу!» После сказанного нами выше, это понятно без дальнейших об'яснений.

Упомянем, наконец, что правлению с'езд поручил выработать *новый устав партии.*

Было уже за полночь, когда председатель, Андреа Коста, закрыл с'езд при крике: «да здравствует социализм!» Корреспондент венской «Arbeiter-Zeitung» (№ 104) говорит, что крик этот был не единодушен. Мы потому отмечаем это свидетельство, что оно, по нашему мнению, указывает на настроение некоторой части делегатов. Повторяем, единство итальянской партии кажется нам непрочным.

Мы уже видели: разногласие по вопросу о реформах и революции вырыло такую глубокую пропасть между реформистами, с одной стороны, и революционерами — с другой, что им уже нельзя итти вместе. Когда положение дел принимает такой оборот, то раскол представляется совершенно естественным явлением. Это совсем не то, что мы видим в одной, отдаленной от Италии и чрезвычайно обширной, стране, где меньшинство социал-демократической партии вполне согласно с большинством и по отношению к программе, и по отношению к основным вопросам тактики, а между тем большинство все-таки стремится к расколу. Тут уже можно сказать наперед и с полнейшей уверенностью, что от такой политики выиграет не *партия,* а только некоторые ее «политиканы».

---

[1]) Т.-е. социалистическими депутатами в парламенте.

Письмо в редакцию «Mouvement socialiste»

Женева, 29 апреля 1904 года.

Дорогие товарищи,

Вы просите меня высказать свое мнение о русско-японской войне, но после того, что сказано об этом социалистами разных стран в номере «Mouvement socialiste» от 15 марта, мне остается добавить, кажется, немного.

То, что происходит в настоящее время на Дальнем Востоке, доказывает лишний раз, насколько был прав наш Брюссельский социалистический международный конгресс 1891 года в своем утверждении, что «все попытки, имеющие целью искоренение милитаризма и водворение мира между народами, останутся утопичными и бессильными, если не коснутся экономических причин зла». До тех пор, пока факторы, отмеченные конгрессом в режиме эксплоатации человека человеком и вытекающей отсюда борьбы классов, будут существовать, было бы действительно утопично надеяться на пришествие общего мира. От времени до времени капиталисты разных стран в своей отчаянной борьбе за расширение рынков сбыта бывают вынуждены нарушить этот мир. Пока существует капитализм, будет и война — или вооруженный мир, который, в конце концов, не дешевле.

Это положение, тяжелое само по себе, ухудшилось в последние годы, и причина этого заключается в том, что царизм, несмотря на все вздорные толки о мирных стремлениях Александра III и Николая II, никогда не желал мира и принужден был искать войны благодаря внутреннему положению России. Петербургское правительство надеялось, что конфликт с какой-нибудь иностранной державой позволил бы ему восстановить хоть немного свою популярность и реабилитировать себя в мнении «верных русских подданных», все менее и менее расположенных восторгаться прелестями деспотического режима. Политическое равновесие, всегда неустойчивое при капиталистическом режиме, становилось еще более неустойчивым благодаря авантюристской политике царизма. То, что должно было случиться, случилось: мы имеем войну.

Важно только знать, были ли верны расчеты тех, кто водит за нос несчастный манекен Зимнего дворца. Для того, чтобы война могла пойти на пользу царизму, необходимо, чтобы она была победоносна. Но... до сих пор перевес был на стороне японцев. Наша тихоокеанская эскадра в настоящий момент почти уничтожена, а между тем в начале войны она почти ни в чем не уступала японскому флоту по вооружению и количеству судов. Если мы терпели поражение за поражением, если наши мины взрывали лишь наши собственные корабли, если нашим миноносцам удавалось топить лишь невооруженные суда, между тем как японцы уничтожили 4 броненосца, 3 крейсера и множество контрминоносцев, то этим мы обязаны невероятной беспечности и поразительной неспособности наших начальников. То, чего свидетелями были мы в Порт-Артуре, превосходит все границы вероятного. Вы можете об этом судить по нескольким отрывкам из подлинного письма, исходящего, повидимому, от какого-то офицера в Порт-Артуре и появившегося в органе нашей либеральной буржуазии, «Освобождение», издаваемом в Штуттгарте:

«Наши вожди не переставали нам говорить, что войны не будет. Они держали большинство судов в резерве, между тем как японцы становились все более вызывающи и деятельно готовились к войне.

«Они уже шестью месяцами раньше мобилизовали свой флот, произвели серьезные маневры и закупили за границей крейсера. Наши офицеры знали и говорили обо всем этом, но наши начальники ничего не знали или ничего не хотели знать. Утром 26 октября пришло иностранное судно и стало около нашей эскадры, так как ему было запрещено зайти в порт. Оно простояло 4—5 часов, затем снялось с якоря и спокойнейшим образом ушло, никем не обеспокоенное. Здесь царит убеждение, что на его борту находились переодетые командиры атаковавших нас вслед за тем миноносцев. Они, конечно, все высмотрели и сделали наброски.

«25 июля и 26 августа — всеобщий выезд японцев из Порт-Артура и Владивостока. Японское правительство послало за ними специальные суда, но и это даже не заставило наших вождей призадуматься и не раскрыло им глаза.

«26 августа наши офицеры в шутку держали пари о том, каким способом война будет об'явлена. Они говорили, что японцы будут ду-

раки, если не атакуют нас в ту же ночь, послав десяток или два миноносцев.

«27 сентября наша эскадра должна была сняться с якоря и итти по неизвестному назначению, и дан был приказ быть наготове к 8 часам утра. Таким образом, вечером 26 еще не были готовы. Эскадра была вся залита светом, и поневоле приходила мысль о возможности атаки вражеских миноносцев».

Когда это предвидение осуществилось, для японцев наступило раздолье.

«Как волки в овчарню, — рассказывает автор письма, — японские миноносцы проникли в расположение нашей эскадры и сделали свое дело. В это время тот, кто был виновником катастрофы, деморализовал и уничтожил нашу эскадру, кто командовал флотом из глубины кабинета в своем доме вице-короля, спал спокойно, и когда его разбудили, чтобы доложить, что на рейде эскадры происходит что-то необычайное, он ответил: «Я знаю, они упражняются в стрельбе в цель!»

Можно было бы предположить предательство, если бы не бросалась в глаза очевидная и простая глупость. Наполеон сказал о французских куртизанах, которые по приказу мадам Помпадур ставились во главе французских армий во времена Семилетней войны, что все эти генералы, главные и второстепенные, были абсолютно лишены всяких способностей. То же самое нужно сказать о русских полководцах, которых японцы бьют с такою невероятною легкостью. Поставленные на свои посты не в силу своих заслуг, но благодаря интригам, они не имеют никакого понятия о собственном своем ремесле.

Исключение составлял Макаров, но он погиб благодаря общей дезорганизации. Может быть, и Куропаткин не лишен индивидуальности и дарования, но что может сделать один человек, когда вся система ничего, абсолютно ничего не стоит. Одна швейцарская газета рассказывала несколько дней тому назад, будто главнокомандующий нашей армии, отправляясь на Дальний Восток, захватил с собою гроб, в полной уверенности, что не вернется оттуда живым.

Я не говорю, что окончательное наше поражение совершенно неминуемо. На войне неожиданность никогда не теряет своих прав. Но очень возможно, что мы накануне Седана. И, во всяком случае, сомнения нет, что нам суждено еще много поражений и что цель камарильи провоцировавшей наши бедствия, останется недостигнутой.

Она рассчитывала, что война поможет ей укрепить царизм. Но царизм выйдет из войны очень ослабленным, и престиж его сильно упадет как внутри страны, так и за ее пределами. И это будет чистым выигрышем для русского народа.

Кто читает сколько-нибудь внимательно французские газеты, мог убедиться, что петербургское правительство уже много потеряло в мнении французской буржуазии. Голиаф, которого считали непобедимым и на которого надеялись, чтобы свести счеты с Германией, оказался совершенно бессильным. Буржуа не могут прийти в себя от изумления, и, однако, нет ничего естественнее. Один военный французский писатель говорит с большим основанием, что «социальное состояние, присущее каждой исторической эпохе, имеет существенное влияние не только на военный организм народа, но даже на характер, свойства и склонности его военных» [1]). А наше социальное состояние может нас только ослабить с военной точки зрения.

Русский солдат славился своею храбростью и своею выносливостью; но Россия была обязана этими качествами своих солдат, прежде всего, своему экономическому состоянию. Пока ее внешняя торговля была мало развита и хлебные злаки вывозились лишь в малом количестве, русский крестьянин, при всей его бедности и придавленности, был все же далек от той экономической и физиологической нищеты, которая в настоящее время делает его существом, живущим впроголодь, — легкою добычей болезней. Солдат, который с самого детства редко когда ел досыта, не может быть вынослив. Добавьте сюда, что этот солдат не выносит уже безропотно всех несправедливостей и жестокостей своих начальников, как в доброе старое время, но становится в свою очередь недоволен; он начинает задумываться и глухо роптать. Что касается начальников, то мы уже видели, что они являются, большею частью, образцами бездарности и невежества. Иначе и не могло быть!

В военных школах, как и гражданских, всякий молодой человек, одаренный способностями и энергией, становится подозрителен старшим именно в силу своих способностей. Он не может рассчитывать на быструю карьеру и очень часто, возмущенный всем тем, что видит вокруг себя, оставляет всякую мысль о службе и переходит на сторону революционеров. Русское революционное движение насчитывает уже несколько десятков лет, и кто знает, сколько среди неисчислимых жертв царского молоха погибло талантливых людей на виселице, в крепостных казематах или ледяных пустынях Сибири?

---

[1]) «Les maîtres de la guerre», essai critique, par le lieutenant-colonel Rousset (page 4).

Таланты переходят к революции и в оппозицию. Нет ничего удивительного, если очень немногие остаются в рядах тех, кто служит правительству в качестве гражданских чиновников или офицеров, сухопутных и морских: между тем как в Японии правительство и народ составляют одно целое, ибо социалистическое движение там только зарождается, у нас уже существует пропасть между правящими и всеми лучшими элементами среди управляемых. Русское правительство изолировано и уже благодаря этой изоляции потеряло всякую моральную силу. На войне оно заранее осуждено на бессилие.

Патриотические манифестации, вокруг которых заграничная печать подымает столько шуму, являются не более чем полицейскими «трюками»: с этой целью устраиваются процессии из самых подозрительных элементов, вплоть до уголовных суб'ектов. Правительство само уже, повидимому, пресытилось этими манифестациями, которые становятся все реже. В то же самое время антимилитаристское движение усиливается. Социал-демократия прилагает все старания, чтобы раз'яснить народу истинное значение войны.

Комитеты распространяют революционные прокламации, и их голос находит отклик среди рабочих.

Вот, например, две резолюции, принятые одна в Твери, другая в Ростове-на-Дону в тайных собраниях организованных рабочих.

Первая резолюция гласит:

«Мы, организованные тверские рабочие, как один из отрядов РСДРП, единогласно протестуем против русско-японской войны, начатой самодержавным правительством без согласия народа. Мы признаем, что эта война ведется во вред народу: преждевременная смерть десятков тысяч работников — кормильцев своих семейств, потеря трудоспособности многими из оставшихся в живых, возрастание налогов и разорение, — вот что несет она и без того уже обездоленным массам. Мы признаем, что эта война ведется в интересах самодержавия и буржуазии: первое шумом военных действий хочет заглушить все растущее народное недовольство, а вторая, в случае удачного исхода войны, может получить новые рынки для сбыта своих товаров.

«Как один из отрядов всемирной революционной социал-демократии, мы протягиваем братскую руку нашим японским товарищам социал-демократам и дружно присоединяемся к их протесту против войны, выгодной только нашим правительствам и пагубной для рабочего класса без различия языка и национальности.

«Мы категорически высказываемся как вообще против международных войн, так, в частности, и против русско-японской войны и признаем лишь одну непримиримую войну с нашими врагами — самодержавием и буржуазией.

«Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует РСДРП!»

А вот другая из этих резолюций.

«Принимая во внимание,

«1) что война является, с одной стороны, следствием той политики захвата, которую царское правительство всегда вело на Дальнем Востоке в интересах буржуазии, стремящейся к расширению внешнего рынка, и в интересах поддержания своего престижа внутри страны и за границей;

«2) что война требует громадных жертв людьми и деньгами от народа, влечет за собой разорение крестьянства, усиление застоя в промышленности и безработицу, и что эти жертвы не могут быть ничем вознаграждены даже в том случае, если война будет победоносна;

«3) что всей своей тяжестью война ляжет несомненно на рабочий класс и крестьянство, как потому, что из этих слоев населения составляется армия, так и потому, что правительство возлагает на эти слои всю тяжесть государственных налогов;

«4) что война, возбуждая и раздувая национальную рознь, отвлекает внимание народа от внутренних дел государства и мешает росту классового сознания рабочих, —

«собрание протестует против войны и призывает всех товарищей к борьбе против самодержавия, которое постоянно изменяет народным интересам ради интересов его эксплоататоров и собственного самосохранения.

«Вместе с тем, собрание, признавая, что международная социал-демократия является единственно надежной защитницей мира и братства народов, шлет свой привет японским рабочим, протестовавшим против войны, и выражает полную уверенность в том, что ни эта война, ни те осложнения в международной политике, которые она может повлечь за собой, не остановят роста социал-демократии.

«Да здравствует международное братство народов!

«Долой войну! Долой царское правительство!»

Как вы видите, товарищи, наши организованные рабочие проникнуты ясным сознанием; им остается только неутомимо продолжать свою пропаганду и агитацию, чтобы нанести сокрушающий удар изды-

хающему царизму. И не сомневайтесь, социалисты, — этот удар будет нанесен, ибо русские пролетарии сумеют выполнить свой долг.

С падением царизма или значительным его ослаблением, не водворится еще всеобщий мир, эра которого наступит только с крахом *капитализма,* но иссякнет один из важных источников войны и реакции, сделан будет огромный шаг по пути к окончательному освобождению. Нам, русским социалистам, останется лишь торжествовать, и вместе с нами социал-демократии обоих полушарий.

Централизм или бонапартизм?

(Новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя)

Э, что тут за резкости?! Разве можно быть спокойным, когда говорит не язык, а душа человека? Нельзя! У всякого человека есть такое место, до которого ему больно дотрагиваться.

Нахман в «Евреях» г. *Чирикова.*

Читатель помнит, конечно, с каким юмором описывает А. И. Герцен в «Былом и Думах» то увлечение философскими вопросами, которое господствовало в среде нашей передовой московской молодежи тридцатых годов. «Люди, любившие друг друга, расходились на целые недели, не согласившись в определении «перехватывающего духа», принимали за обиды мнения об «абсолютной личности и ее *по-себе-бытии*». Все ничтожнейшие брошюры, выходившие в Берлине и других губернских и уездных городах немецкой философии, где только упоминалось о Гегеле, выписывались, зачитывались до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней». Вся жизнь, даже в ничтожнейших своих мелочах, рассматривалась сквозь философские очки. «Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства с космосом; и если ему попадался по дороге какой-нибудь солдат под хмельком или баба, вступавшая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении. Самая слеза, навертывавшаяся на веках, была строго отнесена к своему порядку, к «гемюту» или к «трагическому в сердце». То же и в искусстве... Философия музыки была на первом плане» и т. д.

Нечто подобное этому увлечению замечается теперь в нашей партии, выражающей передовые стремления нашего времени. Правда, пред-

мет увлечения теперь совсем другой, от философии далекий. Наша революционная социал-демократия увлекается теперь *организационными вопросами*. Но теперешнее увлечение так же страстно, как и тогдашнее; как тогда зачитывались философскими статьями и брошюрами, так теперь жадно глотают брошюры и статьи, толкующие об организации. Как тогда друзья расходились между собою, не согласившись в определении какого-нибудь философского понятия, так теперь близкие товарищи отдаляются друг от друга и даже проникаются взаимным недоброжелательством, не сумев столковаться насчет формулировки того или другого параграфа устава. И как тогда, так и теперь, наше увлечение, при всей его исторической важности, не лишено некоторого оттенка чудаковатости. Если тогда самые естественные впечатления лишались всякой естественности, потому что на них смотрели через очки философии, то теперь самый простой вопрос революционной практики приобретает подчас забавно-схоластический характер благодаря тому, что его непременно стараются уложить в модную организационную схему. Видно, нам не суждено обходиться без смешных крайностей: «так печет русская печь»,—говорил Погодин. Но крайности крайностям рознь. Те чудачества, до которых доходили молодые московские гегельянцы, лишь в самых исключительных случаях могли иметь вредные практические последствия. Это были чудачества добродушные по преимуществу. Поэтому и взаимные ссоры московских философов были непродолжительны: люди расходились *на недели,* как свидетельствует А. И. Герцен. А наши взаимные ссоры из-за организационных вопросов, во-первых, длятся несравненно больше; во-вторых, благодаря ограниченности и неразумному усердию некоторых из наших «практиков», они грозят принести нашей партии очень большой, может быть непоправимый, вред: они могут, пожалуй, даже привести к расколу. Вот почему они не всегда просто смешны; порой они гораздо более возмутительны, чем забавны. Пусть же не удивляется читатель, если я иногда буду говорить о них резко. Нахман прав: «Разве можно быть спокойным, когда говорит не язык, а душа человека?» Некрасов выразил ту же мысль прекрасными словами:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

К стыду нашему надо сознаться, что вредных чудачеств замечается у нас в последнее время таки многонько. Мне, вероятно, довольно часто придется возвращаться к ним. Но теперь я буду иметь

в виду исключительно те непростительные чудачества, которыми, можно сказать, обессмертили себя «представители» уфимского, средне-уральского и пермского комитетов. Я уже обещал им обстоятельно побеседовать с ними и теперь спешу исполнить свое обещание.

Эти интересные «представители» никак не могут допустить, что одно и то же лицо могло, не противореча самому себе, написать статью «Красный с'езд в красной стране» и статью «Чего не делать». Это кажется им совершенно невероятным, и, узнав, что вторая из этих статей принадлежит мне, они первую приписали Ленину. Они говорят с большим пафосом: «Еще не высохли чернила, которыми Ленин писал и учил о том, какой вред приносят партии ее внутренние враги — ревизионисты, оппортюнисты и экономисты, как пошли в «Искре» писать о тактичности, мягкости, миролюбии, снисходительности по отношению к этим внутренним врагам».

В № 63 «Искры» я уже довел до сведения «представителей», что статья «Красный с'езд» написана не ленинскими, а моими собственными «чернилами». Теперь я постараюсь выяснить им логичность того, что показалось им до крайности нелогичным.

«В передовой статье «Красный с'езд в красной стране», — говорят они,— между прочим, указывается на вред, причиняемый социал-демократической партии Германии не только ревизионизмом, но и ревизионистами, приветствуется резолюция второго берлинского округа, настаивающая на исключении Бернштейна, Гере и Брауна из партии, указывается на то, что ревизионист Бернштейн, остающийся в рядах партии, наделает ей еще много хлопот... В этой статье с сожалением указывается на принятие Международным социалистическим конгрессом в Париже «каучуковой резолюции» Каутского, церемонно относящейся к ревизионистам и ревизионизму».

Все это так: тут мои взгляды переданы верно, хотя говорится о них тем странным языком, каким пишутся у нас обвинительные акты по политическим процессам. Но дело-то в том, что я и до сих пор очень твердо держусь этих взглядов и не менее твердо держался их в то время, когда писал статью «Чего не делать». И если «представители» с горечью восклицают: «Ревизионисты могут себя поздравить с блестящей победой: они обошли и приручили, наконец, одного из самых непримиримых и энергичных (своих? — *Г. П.*) противников», то это одно «недоумение», как выражается избитый жандармами купец у Г. И. Успенского. В статье «Чего не делать» я рекомендовал «тактичность, мягкость, миролюбие, снисходительность» *вовсе не по отноше-*

нию к господам вроде Бернштейна, Гере и братии и не по отношению к тем политиканам, которых непременно должна была иметь в виду резолюция Каутского (от меня же получившая эпитет *каучуковой)* и которые, под предлогом «пересмотра марксизма», толкали французский пролетариат в об'ятия буржуазной демократии. Эти господа и эти политиканы — наши враги, потому что они враги революционного социализма, и кто стал бы относиться к ним снисходительно, кто захотел бы помириться с ними, тот тем самым показал бы, что он мирится с *изменой всему нашему делу*. Но я говорил о людях, которые совсем не похожи на них. Я говорил, во-первых, о тех российских социал-демократах, которые *когда-то* увлекались ревизионизмом, не заметив его анти-пролетарской сущности, а потом, и именно с тех пор, как увидели и оценили эту его сущность, повернулись к нему спиною, признали все основные положения «критикуемого» ревизионистами ортодоксального марксизма и теперь только по некоторой инерции мысли сохранили известные дурные (я хотел сказать: *метафизические)* привычки мысли. Я говорил, во-вторых, о тех наших товарищах из так называемого меньшинства, которые не только никогда не увлекались ревизионизмом, но которые, наоборот, всегда принадлежали к числу самых энергичных и способных его противников. Я говорил, что интересы нашего дела, — *т.-е. того же ортодоксального марксизма,* — требуют, чтобы мы не отталкивали от себя ни *бывших* экономистов, ни *нынешнее* наше «меньшинство». И я не перестану говорить это до тех пор, пока не замолкнут голоса не по разуму усердных ревнителей «ортодоксии», обвиняющих их в ересях и кричащих: «распни их! распни!»

В самом деле, посмотрите на «меньшинство». По вопросам *программы* оно стоит на одной с нами теоретической позиции. Даже гораздо более: его вожаки, — т.т. Старовер, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Мартов, — принимали самое деятельное и плодотворное участие в *выработке и защите нашей программы*. По основным вопросам тактики они явились даже главными выразителями взглядов (надеюсь, ортодоксальных?) нашей партии, потому что *ими предложена была* наибольшая часть тех решений, которые наш второй с'езд принял даже без прений. Правда, до тактических вопросов очередь дошла лишь в последний день с'езда, т.-е. когда уже и некогда было о них спорить. Но если бы мы и не были вынуждены спешить, то все-таки мы без проволочек приняли бы предложенные меньшинством проекты решений, может быть, сделав в них некоторые, совершенно несущественные поправки преимущественно стилистического свойства: так хорошо выражали эти проекты тактические воззрения, которые мы излагали и защищали в «Заре» и в «Искре». Некоторые отмечают, что проект решения, предложенного мною по вопросу о либералах, не похож на проект, предложенный т. Старовером. Но, во-первых, за проект Старовера голосовало чуть не все «большинство» с'езда, и, следовательно, если он содержал в себе что-нибудь еретическое, то в ереси повинны многие «твердые» искровцы; а во-вторых, и ереси то в нем ровно никакой не откроешь никаким реактивом. Я сам сделал на с'езде несколько частных замечаний по его поводу. Но мне и не снилось, что эти мои частные замечания могут быть истолкованы в смысле обвинения т. Старовера в склонности к ревизионизму. В таком истолковании опять слишком много уже знакомого нам *усердия не по разуму*.

Заговорив о «меньшинстве», я считаю полезным об'яснить здесь, как надо понимать тот упрек, который я делал ему по поводу первого параграфа нашего устава. На с'езде я сказал, что этот параграф, в том виде, в каком его предложил т. Мартов и в каком он был принят, открывает дверь для вторжения в нашу партию разных оппортюнистических элементов. Чтобы устранить эту опасность, говорил я, надо принять ту его формулировку, которую отстаивает т. Ленин. Я и теперь продолжаю думать, что ленинская формулировка была удачнее. Но ведь это — частность, на основании которой архи-нелепо было бы делить наших товарищей на козлищ и овец, на непримиримых и умеренных. И замечательнее всего то, что многие из тех, которых теперь можно назвать не только «*твердыми*», а прямо «*твердокаменными,* и которые готовы со свету сжить все слишком «мягкое», по их мнению, «меньшинство», *сами голосовали за мартовскую формулировку*. Надо надеяться, что они хоть самих-то себя не подозревают, на этом основании, ни в «мягкости», ни в оппортюнизме.

«Ина слава луне, ина слава солнцу». Иное дело частный вопрос о том или другом параграфе устава, а иное дело тот общий вопрос, из-за которого спорят и борются между собою, во всех странах цивилизованного мира, ревизионисты с ортодоксами. На том основании, что я с большим одобрением отнесся бы к исключению из списков социал-демократии господина Бернштейна, отрицающего все основы революционного социализма, вовсе еще не следует, что я должен враждовать с т. Мартовым, предложившим свою формулировку первого параграфа. Господин Бернштейн — неисправимый ревизионист, и мы обязаны до конца бороться с ним в интересах пролетариата; а т. Мартов — непримиримый враг ревизионизма, ортодокс чистейшей воды, и мы обязаны

итти с ним рука об руку и плечо с плечом в интересах того же самого класса. По отношению к господину Бернштейну надо быть *как можно более неуступчивым*, а по отношению к товарищу Мартову надо быть *уступчивым как можно более*. Неужели все это не просто? Неужели все это не ясно? Неужели все это не понятно само собою?

Все это и просто, и ясно, и понятно само собою, только — увы!— не для всех и не для каждого. Уметь быть уступчивым в *частностях* ради интересов *общего* и *целого* необходимо. Но быть уступчивым в частностях сумеет только тот, у кого голова наполнена не одними только частностями и кто способен возвыситься до понимания общих интересов движения. А у кого весь кругозор имеет не больше полувершка в поперечнике, для того мелочи — все, и тот из-за мелочей с легким сердцем пойдет на все. У Щедрина где-то фигурирует какой-то советник Иванов, который был так мал ростом, что решительно «не мог вместить ничего пространного». Такие Ивановы имеются, к сожалению, и у нас. И нашей партии подчас плохо приходится от этой низкорослой породы людей. Не то, чтобы они отличались косностью и консерватизмом. Напротив, они очень подвижны и изменчивы, «как в поле ветерок». Сегодня они идут с «*экономистами*», а завтра всем «собором» перекочевывают на сторону «*политиков*»; сегодня они и слушать не хотят тех, которые говорят им о необходимости организации, а завтра они слышать не хотят ни о чем, кроме организации; сегодня они решают организационные вопросы по принципу «*демократизма*», а завтра они становятся отчаянными *централистами*. Но с кем бы они ни шли, что бы ни защищалось ими и чем бы они ни увлекались, — в своем умственном развитии они никогда не делают ни одного шага вперед, а их головы всегда остаются решительно не доступными ни для чего «*пространного*». Они хотят вести рабочий класс, а сами неспособны без поводыря перейти даже от одной своей смешной крайности к другой. Их не покидает мучительное сознание этой неспособности, и, нули, стремящиеся поскорее пристать к какой-нибудь единице, они, подобно крыловским лягушкам, просившим себе царя, старательно ищут себе «вождя», и когда им удается обрести такового, — а от времени до времени всегда находится какой-нибудь *кривой*, достойный чести водить этих *слепорожденных*, — они воображают, что пришел Мессия, и на тот или другой лад, под тем или другим предлогом, под тем или другим названием требуют для него *диктатуры*. Я сподобился видеть уже не одного такого Мессию и боюсь, что в будущем мне предстоит еще не один раз испытать это несказанное удовольствие.

Нашим советникам Ивановым ничего не стоило бы разорвать нашу партию по той простой причине, что понятие о партийном единстве тоже представляет собою «пространное» понятие, а их головы, как мы уже знаем, ничего «пространного» отнюдь не вмещают.

Если бы судьбы российской социал-демократии зависели от этих вечных недорослей, то она никогда не сделалась бы серьезной общественной силой. Но, к счастью, в ней есть много других, *сознательных*, элементов; иначе она и не была бы выразительницей самых передовых стремлений своего времени. Эти сознательные элементы не дадут восторжествовать советникам Ивановым; они отстоят единство и честь нашей партии.

Но вернемся к «представителям». Кроме моего отношения к «меньшинству», их смущает также мое отношение к нашим бывшим «экономистам».

Когда «экономисты» преобладали в нашей партии и когда на их стороне были, — как это само собою разумеется, — все советники Ивановы, я жестоко воевал с ними. Они не сомневались тогда, что они будут победителями. Вышло не так: они оказались побежденными, и теперь мне приходится защищать их подчас от тех самых советников Ивановых, которые, прежде стоя в их рядах, обвиняли меня в ереси за мое отрицательное отношение к «экономизму», на все голоса крича, что я бланкист, «народоволец». Теперь советники Ивановы переменили фронт и во что бы то ни стало хотят «раскассировать» своих бывших учителей и союзников, меня же обвиняют в «экономизме». Я не считаю нужным защищать здесь самого себя, но о бывших наших «экономистах» скажу, что раз они увидели свою ошибку и поправили ее, *отказавшись от ревизионизма*, которому они одно время, *по недоразумению*, сочувствовали, то мы были бы *клеветниками*, если бы продолжали называть их ревизионистами. Раз они признали нашу программу, они — наши единомышленники, и тот, кто вздумал бы третировать их как неполноправных членов партии, поступил бы в высшей степени несправедливо и страшно нерасчетливо. У нас, — революционных социал-демократов, — так много настоящих, непримиримых и неисправимых врагов, что с нашей стороны было бы безумием искусственно создавать себе неприятелей, отталкивая от себя тех, которые вместе с нами стоят на точке зрения революционного пролетариата. Отталкивая их, мы ослабляем свои собственные силы и тем самым относительно увеличиваем силы наших врагов, — *тех, которые боролись и борются с нами не по недоразумению, а повинуясь безошибочному*

классовому инстинкту. Отталкивая бывших «экономистов», мы действуем, стало быть, *во вред* той революционной социал-демократии, которую мы хотим защищать, и *на пользу* тому оппортюнизму, с которым мы хотим сражаться: мы идем в одну комнату, а попадаем в другую. Какой промах может быть смешнее этого? Какое положение может быть более жалким?

Мне не хотелось бы, чтобы советники Ивановы, гремящие теперь против бывших «экономистов», имели хоть какой-нибудь повод к ложному истолкованию моих слов. Поэтому оговорюсь.

Я утверждаю, что на пользу оппортюнизма,—более того, на пользу консервативной буржуазии и полицейского участка, — работают теперь те наши малоумные ревнители «твердости», которые с легким сердцем готовы отрывать от нашей партии одну категорию товарищей за другою, вроде того, как отрывают листик за листиком от артишока. Но прошу заметить: *я совсем не говорю, что они сознательно делают это*. Они просто-напросто не ведают, что творят. Пока продолжалась наша борьба с «экономизмом», они заучили слова: оппортюнизм, ревизионизм, бернштейнианство, и теперь кидают эти слова совершенно некстати, не разбирая, в кого и по поводу чего они их кидают, не понимая, что обстоятельства изменились, и даже обвиняя в оппортюнизме всякого, указывающего им на перемену обстоятельств. Представьте себе, что у вас висит в клетке попугай, в присутствии которого вы, видя, что идет дождь, восклицаете: «скверная погода!» Ненастье продолжается день, другой, третий, тянется так долго, что попугай запоминает, наконец, ваше восклицание и каждое утро вместе с вами повторяет: «скверная погода!» Но вот ненастье кончилось, небо очистилось, засияло солнце, вы говорите: «наконец-то хорошо стало!», а ваш пернатый сожитель попрежнему кричит: «скверная погода!» и укоризненно смотрит на вас своими круглыми глазами, как бы обвиняя вас в оппортюнизме. Что с ним делать? Современем он, конечно, научится говорить: «наконец-то хорошо стало!» Но, может быть, он научится этому лишь тогда, когда опять наступит ненастье, а кроме того ведь до тех пор он не перестанет надоедать вам неуместным возгласом: «скверная погода!» и нелепым подозрением вас в оппортюнизме. Подите-ка, переспорьте попугая!

Латинская пословица говорит: «что прилично Юпитеру, то неприлично волу», а я скажу: что прилично попугаю, то неприлично «искровцу», хотя бы он по своей «твердости» принадлежал даже к числу советников Ивановых. Наш второй с'езд был полным торжеством ортодоксального марксизма; против ортодоксального марксизма говорил на нем разве только какой-нибудь Акимов; но Акимов никому не страшен, им не испугаешь теперь даже воробьев на огороде. Мы должны воспользоваться своей победой, а нам предлагают следовать такой политике, благодаря которой в наших собственных рядах, — в рядах «ортодоксов», — родятся и множатся несогласия и раздоры и наше намерение «построить партию» грозит окончиться такой же жалкой неудачей, какой окончилась известная попытка построить башню до небес. Это не торжество победителей, это смятение, царствующее обыкновенно лишь в рядах побежденных. И виновники этого нелепого смятения мнят себя *организаторами!* Нет, если у них и есть какой-нибудь талантик, то талантик *чисто отрицательного, дезорганизаторского* свойства.

«Представители» уфимские, средне-уральские и пр. изображают дело так, как будто «экономисты», до сих пор не отказавшиеся от сочувствия ревизионизму и желающие всякого вреда революционной социал-демократии, повлияли на литературных представителей «меньшинства»: Аксельрода, Мартова, В. Засулич, и т. д., — а те в свою очередь испортили меня, ввергнув меня в пучину некогда ненавистного мне оппортюнизма. И что всего интереснее, — эта адски-коварная интрига осуществилась еще до того, как я произвел всем известную кооптацию, так как статья «Чего не делать» *появилась еще в то время, когда я был единоличным редактором «Искры»*. С помощью этого об'яснения нетрудно выставить в надлежащем свете и самый акт кооптации: она сама есть продукт так наглядно изображенной «представителями» интриги. Это очень ловко и удобно, жаль только, что такое об'яснение слишком напоминает знаменитые об'яснения «Московских Ведомостей», всюду видящих «*польскую интригу*». Кто умеет скептически относиться к «польской интриге», тот, разумеется, недоверчиво отнесется и к болтовне о будто бы сгубившей меня «экономической» интриге: он просто посмеется над этой «неистовой» болтовнею.

В заметке, напечатанной в № 63 «Искры», я обратил внимание «представителей» на то обстоятельство, что их рассуждения о разных революционных движениях в Западной Европе обнаруживают самое безотрадное незнакомство с историей этих движений. Здесь я не буду касаться этой слабой стороны их,—если позволительно здесь так выразиться, — миросозерцания, а поговорю об их *организационных взглядах*. Ведь это теперь главное.

«И комитеты, и отдельные члены партии могут получать очень широкие полномочия, но это должно зависеть от Центрального

Комитета. Центральный Комитет может и, наоборот, если найдет нужным и полезным, своей властью раскассировать комитет или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы».

Этими словами «представители» выражают всю сущность своих организационных взглядов. И не только своих. Я уверен, что с ними согласятся почти все сторонники «большинства», а сам ЦК не раз выражал свою уверенность в том, что ему принадлежит, в интересах «пролетарской борьбы», неограниченное право «раскассировывать» человеков.

Именно это право и отказывается признать за ним «меньшинство» нашей партии. Основательна ли претензия ЦК? Мы сейчас увидим.

Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «раскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения с'езда, ЦК всюду «раскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на с'езде. С'езд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: «ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя «твердых» магометан, издавна пользующегося правом «раскассирования», какая из европейских стран нравится ему больше всех остальных, он, не колеблясь, ответил: «Россия» и тотчас же кратко пояснил свою мысль: «jamais politique, toujours hourrah! et puis фюить!» У нас тогда будет как раз это самое: «jamais politique, toujours hourrah! et puis... раскассирование...»

«Представители» называют это централизмом. Полноте, советники! Это просто-напросто была бы мертвая петля, туго затянутая на шее нашей партии, это — *бонапартизм,* если не абсолютная монархия старой, дореволюционной «манеры». Вы воображаете, что такой *будто бы «централизм»* необходим для дела пролетарской борьбы, а я говорю вам, что он не имеет ровно ничего общего с пролетарской борьбой и что самое возникновение мысли о нем в головах русских социал-демократов показывает, что наша партия, к сожалению, еще не вышла из своего детского периода. Такой централизм, наверное, понравился бы покойному Сергею Нечаеву, но он ни в каком случае не может встретить себе одобрения со стороны ортодоксального марксиста, сохранившего обладание своими умственными способностями.

«Представители» продолжают: «Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, *в создании настроения в пользу сильной, властной пролетарской организации,* в выяснении всего значения ее. Можно возразить, что *диктаторы* являлись и являются сами собой. Но так не всегда было, и не стихийно, не оппортюнистически должно быть в пролетарской партии. Здесь должны сочетаться высшая степень сознательности с беспрекословным повиновением; одна вызывать должна другое». (В примечании они прибавляют: сознание необходимости есть свобода воли.)

Философическое примечание насчет *свободы воли* есть чистокровнейшая галиматья, которая показывает одно: что советникам Ивановым никогда не следует пускаться в философию. А насчет *диктатуры* я замечу «представителям», что *они, очевидно, смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом.* Впрочем, нет, даже и это неточно. В их бонапартистском плане «централистической» организации вообще нет места делу пролетариата: он выкроен по маленькому росту «интеллигентских» заговоров *допролетарского периода;* он представляет собою лишь новое издание нечаевской диктатуры [1]).

«Конечно, — продолжают «представители», — Центральный Комитет нам представляется как коллегия самых опытных, самых энергичных, самых закаленных борцов, самых умных и испытанных последователей идей революционного социализма; им, поэтому, можно и должно разрешить вникнуть в каждую мелочь дела, им можно и должно разрешить давать широчайшие полномочия».

Коллегия борцов самых опытных и самых умных! Да что вы, советники, над кем вы смеетесь? Какой же опытный и умный человек захотел бы войти в такую коллегию, которая, — согласно вашему плану, — представляла бы собою не более как преступное покушение на жизнь Российской Социал-Демократической Рабочей Партии?! *В такую коллегию захотели бы войти только ограниченные честолюбцы.* Честолюбцы — потому что они решились бы из интересов

[1]) Недаром в умах «представителей» понятие: «революционная социал-демократия» покрывается понятием: «интеллигенция». Это совсем не простая описка, как говорят теперь их, стыдящиеся за них, защитники. И свою изумительную «диктатуру» они готовы преподнести, как важное открытие, западному пролетариату. Вот так комики! Нечего сказать, отличились!

партии сделать пьедестал для своего личного тщеславия. Ограниченные — потому что они не понимали бы, до какой степени низок, хрупок и жалок такой пьедестал. Нет, если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да *Центральный Журавль*, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другою. Jamais politique, toujours hourrah! et puis... прощай, бедные, неразумные лягушки!

«Представители» убеждены, что меня испортили экономисты и что я вследствие этого сделался слишком уступчив. Меня так часто обвиняли в неуступчивости, что мне очень приятно приобрести репутацию уступчивого человека. Но под страхом утраты этой, только что приобретенной мною репутации я скажу «представителям», что в этом вопросе я буду неуступчив до конца [1]). *Я — централист, но не бонапартист.* Я стою за создание сильной централистической организации, но я не хочу, чтобы центр нашей партии с'ел всю партию, подобно тому, как тощие фараоновы коровы с'ели жирных. И по моему глубокому убеждению, никто из рассудительных социал-демократов не имеет никакого права быть уступчивым в этом вопросе, потому что этот вопрос касается самого существования нашей партии, как партии сознательного, растущего и развивающегося пролетариата.

Уступить здесь могут и должны лишь те, которые выставляют и защищают претензии, подобные только что рассмотренным. *Этим* людям пора, давно пора, склониться к уступкам, потому что уже много, слишком много вреда принесли они всему нашему движению, всему делу освободительной борьбы в России!

Расставаясь пока с «представителями», я очень хотел бы верить, что они не откажутся поразмыслить над тем, что я сказал. Понять это, право же, совсем не трудно. Надо только сделать маленькое усилие, как выражалась у Диккенса мисс Домби.

И пусть хорошенько запомнят это разные «представители»: *указанный мною вопрос есть центральный пункт всех наших организационных споров. Как только он получит надлежащее разрешение, все остальные спорные пункты уладятся почти сами собой.* Ведь ЦК потому и не желает кооптировать в свою среду товарищей из «меньшинства», что он опасается их противодействия нынешним его чудовищным и «смеха достойным» претензиям. Он превосходно знает, что «меньшинство» затем и хотело бы ввести в его среду своих представителей, чтобы попытаться остановить и образумить его, пока еще не поздно. Поэтому-то он и апеллирует против «меньшинства» к тому самому «Monsieur le Plebiscite», к которому так любил обращаться когда-то один не весьма хорошо кончивший император!

[1]) Я крайне сожалею о том, что на с'езде Лиги я поддерживал некоторые требования ЦК, стоящие в близкой связи с организационным принципом, защищаемым «представителями». Тогда для меня еще не выяснился истинный характер этих требований. Я еще не знал, до чего может дойти наш эксцентричный комитет, и считал себя нравственно обязанным отстаивать его престиж.

«Строгость необходима...»

Когда русская тихо-океанская эскадра терпела одно поражение за другим и когда русские моряки, несмотря на все свое несомненное мужество, оказывались не в состоянии причинить сколько-нибудь значительный вред неприятелю, царское правительство и его рептилии уверяли Россию, что этим не нужно смущаться, так как дело примет другой оборот и военное счастье повернется в нашу сторону, когда начнется сухопутная кампания. Теперь эта кампания началась, и вопреки успокоительным обещаниям телеграф снова и снова разносит по свету вести об японских победах. Наши охранители делают вид, что их нисколько не смущают и эти печальные для России вести.

Газета г. Гринмута с ученым видом знатока говорит, что «отход наших войск от Ялу был предрешен, повидимому, уже давно и составляет, следовательно, одно из частных явлений общего плана действий, с которым, быть может, можно и не соглашаться, но который, несомненно, представляет собой нечто цельное и строго обдуманное». Но этому вряд ли поверят даже самые простодушные читатели «Московских Ведомостей». Если отход наших войск от Ялу был предрешен уже давно, то зачем же было загораживать дорогу японцам, зачем было начинать то сражение, которое по всем обстоятельствам дела не могло не закончиться для русских неудачей? Или, может быть, это неудачное сражение, эти тысячи убитых и раненых, эти орудия, доставшиеся неприятелю, этот новый под'ем духа в японской армии составляли необходимую часть плана, «строго обдуманного» нашими мудрыми военачальниками? Если — да, то это, конечно, хорошо; но в таком случае почему не пойти дальше и не сказать, что для выполнения этого оригинального плана непременно нужны были наши морские неудачи, до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпит. Правда, русский читатель уже не настолько простодушен, чтобы мог поверить таким нелепым россказням. Но ведь он не поверит и тому, что наше отступление от Ялу не было новой

неудачей нашей армии. Кто не видит теперь, что на самом деле у царского правительства вовсе нет никакого серьезного плана; что оно было совсем не готово к той самой войне, которую делала неизбежной его же политика на Дальнем Востоке; что оно не знало хорошенько размеров ни своих собственных военных средств, ни средств неприятеля [1]). Это во всеуслышание признают даже те наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать действия предержащих властей и подрывать доверие к ним в народе и обществе. «Мы с благородной славянской честностью не готовились к войне, когда вели с Японией переговоры», — говорит г. Суворин в № 10106 «Нового Времени», забывая только прибавить, что подобную же «честность» обнаружило правительство Наполеона III летом 1870 года, ведя переговоры с Пруссией. «Теперь ясно для всех, — продолжает он, — что Япония гораздо лучше знает Россию, чем Россия Японию... Мы, простые смертные, вообще знаем мало. Но очевидно, что и в высших сферах знали Японию мало. Мы не знали о большом развитии у нее техники, об этой жажде хвататься за всякое изобретение в Европе и тотчас же им пользоваться, не дожидаясь, пока оно оправдает себя. Трусость китайцев обманывала нас и насчет храбрости японцев». Словом, наши «высшие сферы» совсем не знали, какого противника вызывают они на бой своей политикой захвата чужих земель, хотя они обязаны были знать, с кем они имеют дело, и хотя исполнение этой обязанности очень облегчалось для них недавним опытом войны Японии с Китаем. Думает ли наш публицист, что и этот непростительный промах об'ясняется «благородной славянской честностью»? Это, бесспорно, очень лестное для нас об'яснение. Жаль только, что светлая картина «славянской честности» омрачается той «алчностью наживы», на которую указывает сам г. Суворин и которая, — приводя к бесчисленным «хищениям» на всех многочисленных ступенях и во всех возможных «ведомствах» нашей администрации, — еще более ослабляла и без того сравнительно слабые силы России. Трудно представить себе, чтобы

[1]) Иностранные газеты сообщают, что генерал Куропаткин в длинной телеграмме, посланной им царю, протестует против поведения адмирала Алексеева, который хочет навязать ему план военных действий, прямо противоположный его собственному, г. Куропаткина, плану. Выходит, что у нас есть не один, а целых два плана (а у генерала Засулича был, пожалуй, третий), и каждый из них, вероятно, «строго обдуман». Это — полнейшая анархия, как две капли воды похожая на ту, которая господствовала во французской армии во время Семилетней войны, т.-е. в эпоху глубочайшего упадка неограниченной монархии во Франции.

«честность» этого рода могла нравиться кому-нибудь, кроме «правящих сфер». И сам публицист «Нового Времени» заканчивает свое «маленькое письмо» строками, дающими повод думать, что она начинает находить себе у нас надлежащую оценку.

«Судите нашу распущенность, халатность, пренебрежение долгом, нашими обязанностями к общественному порядку, к пользам нашего отечества и государя, — взывает он, — но судите не для праздных проклятий, а для того, чтобы быть лучшими, благороднейшими, великими сынами России!» Стало быть, *проклятия* раздаются? Против кого же они направляются? Не против той ли правительственной системы, которая господствует в нашей несчастной стране и которая как будто нарочно придумана для того, чтобы воспитывать в своих представителях распущенность, халатность и пренебрежение своими обязанностями по отношению к «общественному порядку»? Очень на то похоже. В своем предыдущем письме (№ 10105 «Нового Времени») г. Суворин уже сообщил нам, что теперь русское общество начинает скептически относиться не только к обещаниям будущих побед над японцами, но и ко всей политике, приведшей нас к вооруженному столкновению с Японией. Этот скептицизм уже сам по себе должен предрасполагать наше общество к сознанию той простой истины, что *ответственность за бедствия, переживаемые Россией, падает не на отвлеченные свойства человеческой природы, а на существующий у нас политический порядок.*

Весьма возможно, правда, что это сознание далеко не у всех еще достигло надлежащей ясности и что весьма многие из людей, «проклинающих» существующие у нас порядки, еще не успели возвыситься до отрицательного отношения к их *политической основе.* Сам г. Суворин в своем рассуждении смешивает отечество с «государем» и отождествляет интересы России с интересами господина, дерзко обозвавшего «*бессмысленными мечтаниями*» всякую мысль об ограничении царской власти.

Не желая пускаться по этому поводу в полемику собственно с г. Сувориным, — от которого мы никогда не ожидали ни правильного суждения, ни смелого слова, — мы заметим, что *логика жизни сильнее самой застарелой нелогичности мысли.* Если севастопольский погром в корень подорвал систему Николая I, то порт-артурский крах обещает до основания расшатать режим Николая II.

Г-н Суворин приглашает всех своих читателей быть строгими к самим себе. «Строгость необходима, — хнычет он, — для нашего нравоучения, чтобы не повторить наших ошибок, заблуждений, вольных и невольных, и пороков; чтобы не жить так, как мы жили». Нам,— т.-е. России, — действительно нельзя жить так, как мы до сих пор жили, потому что если мы будем продолжать жить так, то мы по роковой необходимости будем повторять ошибки, за которые нам приходится платить теперь страшно дорогой ценою. И нам действительно «*необходима строгость*»,—необходима не для «праздных» нравоучений, которые ровно никому и ровно ничему не помогали и не помогут, а для *беспощадной борьбы с царизмом,* который уже давно стал сильнейшим препятствием для внутреннего развития России, а теперь завлек ее в бессмысленную войну, грозящую ей целым рядом непоправимых бедствий. В *этой* борьбе мы на самом деле должны быть «*строги*» не только по отношению к прямым представителям господствующей у нас позорной политической системы, — с которыми у нас не может быть ни продолжительного мира, ни самого короткого перемирия, — но также и по отношению ко всем тем «загадочным натурам», которые, не принадлежа к числу обывателей, мало разбирающихся в политических вопросах, и не становясь прямо на сторону царского правительства, а порой нося даже либеральный плащ, в то же самое время усиливают позиции царизма своим неразумием, своей дряблостью, слабостью и непоследовательностью. Люди этого разряда, — люди-трава, люди-слизняки, как говаривал покойный А. И. Герцен, — повидимому, еще долго у нас не переведутся, и эти люди заслуживают самого строгого осуждения потому, что делу свободы они иногда, хотя, может быть, и невзначай, вредят больше, чем самые убежденные и упорные охранители.

К их числу мы, к искреннейшему нашему сожалению, вынуждены отнести либерального корреспондента либеральных «Русских Ведомостей», г. Sh., который, подобно г. Суворину, не умеет отличить отечество от начальства. В своем письме от 1 апреля (см. № 97 «Русских Ведомостей») он, описывая впечатление, произведенное на англичан гибелью «Петропавловска», приводит мнения тех «радикальных» английских изданий, которые в вопросе о войне «решительно выступили сторонниками русского народа, сделав соответственные оговорки». («Русские Ведомости» № 97.) Какие же именно оговорки, г. корреспондент? Самой естественной и самой основательной изо всех оговорок, возможных в настоящем случае, является та, что войну с Японией ведет не русский народ, а его злейший и опаснейший враг — русское правительство; но с точки зрения этой оговорки вопрос о том, на чью сторону должна стать английская и всякая другая демократия, представляется совсем не в том свете, в каком его видят

«Московские Ведомости», г. Суворин, лондонский корреспондент либеральной московской газеты и английские «радикалы». Г-н Sh. говорит, что, по мнению «Reynolds Newspapers», всякий, знакомый с произведениями наших великих писателей, — Гоголя, Достоевского, Тургенева, — «не колеблясь станет на сторону русских в войне». Цитируемой г. Sh. «радикальной» газете, вероятно, неизвестно положение русской литературы, а образованным русским людям прекрасно известно все, сделанное царским правительством для того, чтобы помешать ее развитию и как можно больше отравить существование лучших и талантливейших ее представителей. Странно поэтому, что г. либеральный корреспондент с своей стороны не прибавил к выписке, сделанной им из «Reynolds Newspapers», «соответственной оговорки», гласящей, что кто любит русскую литературу, тот *везде и всегда* против русского правительства. Далее г. Sh. повторяет то, несомненно, очень «радикальное» и справедливое мнение, что японский империализм основан «на страшной нищете масс». Но и оно вовсе не решает вопроса, так неумело затронутого г. Sh.: ведь наш российский империализм зиждется тоже не на обогащении масс, как это известно всему миру, а лучше всего самим «массам». Человек имеет право быть смешным, но не следует злоупотреблять этим правом, а г. либеральный корреспондент положительно злоупотребляет им, цитируя, — вслед за «одним английским исследователем», — слова «выдающегося и блестящего японского социолога», который говорит: «Каждый броненосец поглощает сотни и тысячи рисовых полей. Вот почему наши крестьяне не могут есть риса». «Социолог», конечно, прав; но г. корреспондент, как видно, позабыл, что *наши* броненосцы, — те самые броненосцы, которые оказались до такой степени никуда не годными,—тоже очень недешево обходятся русскому крестьянину, который еще реже, чем японский, наедается досыта. Но все это только цветочки, а вот невероятно крупная, удивительно сочная ягодка. «Цитируемый исследователь, — продолжает г. Sh., — обращает внимание на то обстоятельство, что этот (т.-е. японский) пролетариат отнюдь не настроен так враждебно к России, как самураи [1]) или как консервативное деревенское население. Наоборот, городской пролетариат желает жить в мире с нами, но с его желаниями не справлялись». Это звучит не только либерально, но даже очень «радикально». Однако и это целиком основано на выгодной лишь для царского правительства путанице понятий. Изо всех элементов

[1]) Т.-е. мелкое японское дворянство.

японского населения не желали войны только пролетарии, усвоившие себе социалистические понятия. С мнениями этих пролетариев действительно никто не считался. Но ведь г. корреспонденту не безызвестно, что сознательные пролетарии существуют и в России. Пусть же он скажет нам, считалось ли с их желаниями царское правительство, ведущее теперь войну с Японией; спросило ли оно их, что они думают о занятии Порт-Артура, о захвате Манчжурии? «Английский исследователь» мог и не знать или позабыть, а г. Sh. нравственно обязан был знать и помнить, что российский пролетариат еще гораздо больше бесправен, чем японский, и что на все его желания царское правительство отвечает только нагайками и прикладами, штыками и пулями. Г-н корреспондент нравственно обязан был знать, что в борьбе с революционным пролетариатом и с голодающим крестьянством «христолюбивое» российское воинство пожало очень много лавров. Как же мог он хоть на мгновение вообразить, что демократы, достойные своего названия и искренно сочувствующие трудящемуся населению России, могут желать победы тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханного угнетения своего собственного народа? Нет, если бы г. Sh. действительно захотел узнать мнение современной *передовой* демократии, то он спросил бы себя, на чью сторону склоняется сочувствие *международных социал-демократов,* и тогда ему легко было бы, — ознакомившись с их литературой, — убедиться, что социал-демократы всех стран, — не исключая и Англии, — без всяких «оговорок» желают победы *японскому* оружию [1]). И это вполне понятно. Не японский микадо, а русский царь всегда служил надежнейшим оплотом европейской реакции; не японский микадо, а русский царь давил Польшу, усмирял Венгрию, травит «жидов», нарушает конституцию Финляндии; не японский микадо, а русский царь до сих пор является величайшей угрозой освободительному движению в Европе. Вот почему представители и друзья этого движения не могут желать, чтобы победило царское правительство. Международная социал-демократия нимало не склонна к идеализации японских порядков. Принципиальная противница милитаризма, она вообще не сочувствует войне и знает, во что обойдется японскому *народу* победа Японии. Но знает она также, что несравненно дороже обошлась бы России, а с нею и всей Европе, победа русского царя над Японией. *Из двух зол она выбирает*

[1]) Что касается Англии, то мы рекомендуем г. Sh. хотя бы заметку «Crush the Muscovite Tyranny» в последнем, 1061, номере органа английской социал-демократической федерации, «Justice».

меньшее. Это известно всем тем, кого интересует великое революционное и единственное истинно-демократическое движение нашего времени. И нам совершенно непонятно, каким образом г. либеральный корреспондент московской газеты решился умолчать об этом, заговорив о сочувствии к России «радикальных» элементов одной из европейских стран. Г-н корреспондент не солгал, но он исказил истину, сообщив своим читателям лишь ничтожную и наименее важную ее часть. А такое искажение хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами, как нельзя лучше, понимаем, что в данном случае истина не заключает в себе ничего лестного для русского национального чувства. Нам очень больно за Россию. Но горю не поможешь искажением истины. Чтобы помочь ему, необходимы такие серьезные «оговорки», которые, войдя в нашу внутреннюю жизнь, радикально изменили бы роль нашей страны в международной политике. Если нам обидно, что наша страна представляется передовым партиям других стран чем-то вроде общеевропейского жандарма, которому они не могут не желать неудач и поражений, то у нас есть лишь один выход: мы должны как можно скорее покончить с правительством, позорящим нас в глазах всего цивилизованного мира. Нет и не может быть таких исключительных обстоятельств, которые позволяли бы нам, — и, говоря «нам», мы имеем в виду всех тех, кому в самом деле дороги интересы и честь нашей страны, — хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь несколько шагов итти рядом с царизмом. Даже и война ничего не изменяет в этом, потому что и во время войны интересы нашего *народа* ни на одно мгновение не перестают самым коренным образом расходиться с интересами нашего *правительства*. Те огромные бедствия, которые война навлекает на русский народ, являются лишь новым доказательством того, что ему нужно как можно скорее освободиться. И чем больнее отзываются в нашем сердце эти огромные бедствия войны, тем тверже должны мы помнить, что теперь более, чем когда-нибудь, *строгость необходима,* — не та фразистая, но беззубая строгость, о которой болтает г. Суворин, и не та строгость школьного «фискала», о которой распространяется г. Меньшиков, а та строгость, которая называется революционной непримиримостью, та спасительная строгость, которая разрушит безобразное здание царизма, «грянет божьей грозой» над «неправдою лукавою», насажденною царским самовластием в нашей стране, и сделает нас, наконец, *свободным народом*. Справившись с *внутренним врагом,* мы, в качестве такого народа, уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми «*внешними* врагами».

Голлабрун и Ка-льен-тзе

Таково заглавие одной из статей г. Бернэ, который печатает в «Le Temps» свои «Propos Militaires» и который, как говорят, принадлежит (Бернэ — псевдоним) к числу самых крупных военных авторитетов Франции. Эта статья написана им по поводу того, что какой-то русский военный писатель сравнил недавнее Тюренченское сражение (французы назвали его сражением при Ка-льен-тзе от имени главного пункта русской позиции) с битвой при Голлабруне (часто называющейся у нас Шенграбенской битвой), во время которой Багратион с семитысячным отрядом мужественно отражал в ноябре 1805 года нападение трех французских дивизий и отступил только в одиннадцать часов вечера, потеряв половину своих людей. Русскому военному писателю, как видно, приятно было вспомнить об этой битве, чтобы лестным сравнением с нею выставить в возможно более благоприятном свете храбрость русских войск, так стойко сопротивлявшихся на реке Ялу превосходным силам неприятеля. Г-н Бернэ находит, однако, это сравнение не совсем удачным: сражение при Голлабруне *было необходимо* для того, чтобы прикрыть отступление армии Кутузова, которому угрожала участь генерала Мака, принужденного сдаться на капитуляцию при Ульме; на реке же Ялу «Засулич не прикрывал ничего, и он, может быть, совершил ошибку, позволив вовлечь себя, — за 150 верст от главных сил армии, — в серьезное столкновение, в котором он мог все потерять и от которого армия не могла получить никакой пользы». Слова: «может быть» стоят здесь лишь для того, чтобы удовлетворить строгим требованиям французской вежливости. На самом деле г. Бернэ, — как это показывает вся его статья, — очень твердо убежден, что сражение при Тюренчене было ровно никому не нужно и что генерал Засулич только даром погубил тысячи человеческих жизней и тем потратил много драгоценных сил, которые очень и очень могли бы пригодиться русской армии в другом месте [1]). Но именно это совершенно нерасчетливое от-

[1]) Просим заметить, что мы оставляем в стороне вопрос о том, действовал ли ген. Засулич по собственному усмотрению, или же по приказанию

ношение к силам своей собственной армии и составляет, по мнению г. Бернэ, отличительную черту психологии русских военачальников. Французский военный авторитет вспоминает, как описана голлабрунская битва в «Войне и Мире» Толстого, и не без наивности называет героя этой битвы, *грузина* Багратиона, чисто русской фигурой». Эта «чисто русская фигура» особенно сильно поражает г. Бернэ *вялостью своих движений, отсутствием всякого почина и равнодушием к участи солдата.* Г-н Бернэ приводит то место в романе. Л. Толстого, где изображено, как Багратион, увидев, что французское ядро убило казака, «равнодушно отвернулся, как будто говоря: стоит ли глупостями заниматься!» Толстой умышленно подчеркивает это отсутствие почина и это равнодушие, как довод в пользу того своего мнения, что роль начальника на войне равна нулю, а все зависит от настроения войска. «Как знать,— говорит г. Бернэ, — не доказывает ли пример Ка-льен-тзе, подобно Голлабруну, что мнение великого писателя справедливо? Начальство не обнаружило там, насколько известно, ни особенной проницательности, ни большой деятельности, между тем как войско, наоборот, выказало ту непобедимую стойкость и ту безграничную преданность, которые всегда являлись главными свойствами русского солдата». Далее, г. Бернэ приводит цифры потерь, понесенных нами на реке Ялу и, указав на то, что в некоторых частях отряда генерала Засулича они достигали до 25% наличного состава, говорит: «Эта огромная пропорция достигалась нами, французами, только в самые кровавые дни нашей военной истории: при Маренго, при Ваграме или при Ватерло; она превосходит все пропорции, отмеченные, к чести наших солдат, во время войны 1870 года. Даже в сражении при Виссембурге, которое похоже на битву при Ка-льен-тзе как по упорной энергии войска, так и—увы! — по слабости командования, цифра наших потерь была сравнительно невелика; в «Revue d'Histoire» мы читаем, что первый стрелковый полк, пострадавший более всех остальных, потерял в этом сражении лишь 518 человек из 2.270 своего наличного состава». Эти слова заключают в себе горькую, хотя и позолоченную пилюлю. Уже одно напоминание о сражении при Виссембурге, — которое останется в военной истории печальным памятником не только «слабости», как выражается вежливый галл, а полной неспособности французских военачальников 1870 — 1871 г.г., — является весьма чувствительным уколом самолюбию наших

свыше. Это последнее предположение кажется нам наиболее вероятным. Но подтвердится оно, — если подтвердится, — разве лишь в отдаленном будущем, — как выражается Щедрин, лет через тридцать в «Русской Старине»

«архистратигов». Далее г. Бернэ колет еще больнее. Он противопоставляет японцев, одержавших победу на реке Ялу, русским, потерпевшим поражение: между тем как победители стараются утаить истинную цифру людей, выбывших у них из строя, побежденные громко кричат о своих великих и бесплодных потерях. Это обстоятельство кажется г. Бернэ очень характерным для всей нашей системы. «В русскую систему не входит умолчание о том, что без всякой нужды (pour rien) вытерпели их войска; русские гордятся своими потерями, как подвигом, невозможным для солдат других стран, и как главной чертою, которая их отличает, которая, в конце концов, является главным их козырем в теперешней игре и которая позволяет им не опасаться за будущее». Русским хочется показать, что на реку Ялу русский солдат пришел таким же, каким он был при Голлабруне, и что он не разучился умирать. «Русское начальство тоже не изменилось, — едко прибавляет военно-литературный представитель наших союзников: — подобно тому, как Багратион равнодушно отворачивался от убитого казака, оно до сих пор охотно выказывает полное равнодушие к смерти солдата».

Каждый из нас прекрасно знает, что в этих последних словах нет никакого преувеличения. Наше военное начальство, совсем не полагаясь на свои собственные знания и таланты, уповает только на мужество того самого солдата, которого оно бессовестно обкрадывает во всякое время, со всех сторон и под всевозможными предлогами, которого оно бьет по лицу, наказывает (в разряде штрафованных) розгами и награждает лишь никому и ничего не стоящим «царским спасибо» да цинически насмешливым титулом «святой скотины». Оно и прежде нимало не дорожило жизнью нижних чинов, не дорожит ею и теперь. В этом отношении, — равно как и в смысле полного отсутствия всякого сознания своей нравственной ответственности перед своей страною,—оно совершенно неисправимо и, как две капли воды, похоже на тех восточных рабов-сановников, — евнухов и царедворцев, — которые некогда предводительствовали полчищами персидских царей и других азитских деспотов. Г-н Бернэ очень хорошо подметил эту отличительную черту наших «отцов-командиров» и очень недурно сделал, поднеся им свою горькую пилюлю. Он был совершенно прав, когда ставил им на вид, что со времени голлабрунской битвы, — т.-е. в течение ста лет, ознаменовавшихся невероятно быстрыми успехами военной науки, — они не только ничему не научились, но даже многое позабыли. И этот упрек, раздавшийся из Франции, свидетельствует о том, что наши союзники, так долго имевшие нелепо-преувеличенное мнение

о нашей военной силе, начинают замечать свою ошибку. Правда, они до сих пор еще не видят всей громадности этой ошибки. Даже скептический г. Бернэ, повидимому, искренно верит в то, что, благодаря стойкости нашего солдата, наши предержащие власти могут «и не опасаться за будущее». Но это не так. Чем больше развиваются производительные силы современного общества, тем более совершенствуется военная наука; а чем более она совершенствуется, тем труднее становится воевать, не имея в руках других «козырей», кроме стойкости. Это чрезвычайно убедительно показывает нынешняя русско-японская война, в течение которой на долю России не досталось ни одного успеха. Да и сама стойкость, производящая такое выгодное впечатление на французского военного писателя, вряд ли составляет такое неоспоримое свойство русского солдата, каким она кажется г. Бернэ и каким она несомненно была в прежнее время. Франсуа Кенэ говорил когда-то: «Pauvres paysans — pauvre royaume» (бедны крестьяне — бедно королевство). Мы можем, несколько изменяя смысл его слов, сказать без всякого риска ошибиться: *изнурены голодом крестьяне — плохи солдаты.* А мало ли у нас теперь таких местностей, в которых голод стал хроническим явлением и в которых выросло целое поколение, — и именно поколение, находящееся теперь под российскими знаменами, — редко наедавшееся досыта и страдающее тем, что врачи называют *физиологической нищетою? Солдаты, происходящие из этих несчастных местностей, если бы даже они имели самую искреннюю готовность «лечь костьми», органически не могут быть выносливыми, а следовательно и стойкими.* И по мере того, как к участию в кампании будут привлекаться солдаты, происходящие из голодающих местностей, стойкость русских войск будет падать в быстро возрастающей прогрессии.

Это несомненно; но это еще дело более или менее близкого будущего. Сейчас российский солдат, происходящий, главным образом, из местностей, еще не испытавших ужасов хронического голодания, пока еще продолжает сохранять за собой славу изумительной стойкости. Новое наше поражение нимало не уменьшает этой его славы: кровавое и так страшно неудачное для нас дело 13 мая лишний раз выставило нашего солдата в очень лестном для него свете. Но то же неудачное дело опять обнаружило полную неспособность наших полководцев: достаточно сказать, что мы потеряли почти всю артиллерию, — факт, от которого вряд ли удастся отолгаться нашим, столь искусным во лжи, «отцам-командирам». Под впечатлением этой новой неудачи, г. Бернэ и его читатели сделают, вероятно, новый шаг в своем разочаровании и вряд ли уже будут верить, что в войне с Японией Россия может «не опасаться за будущее».

Правительство Николая II чувствует, что для всех очевидная неспособность его полководцев может окончательно подорвать веру в его военное могущество и, вообще, в его состоятельность, и вот оно заставляет генерала Куропаткина телеграфировать царю, что взятие японцами Кин-чеу было им предвидено и ничего в его планах не изменяет [1]). Выходит, что и это наше поражение составляет лишь часть «строго обдуманного плана» наших военных действий. Это поистине изумительный план: он так «строго обдуман», что позволяет «предвидеть» окончательное поражение российской армии. Теперь со дня на день можно ожидать известия о том, что японцы на-голову разбили самого автора этого остроумного плана, генерала Куропаткина. Но если российскому войску придется испытать эту новую неудачу, то она, конечно, не смутит предводительствующего им хитрого Улисса. Даже находясь в плену у японцев, он сумеет послать в Петербург успокоительную телеграмму, в которой поведает удивленному миру, что он очень хорошо предвидел свое поражение. Жалкие люди! Смешные шарлатаны! Они не теряют надежды «ублагоудивить» своими «благоглупостями» весь цивилизованный мир, между тем как весь цивилизованный мир начинает проникаться вполне заслуженным презрением и к ним самим, и ко всей их «системе»...

Статья эта была уже набрана, когда в газетах появилось известие о том, что генерал Куроки разбил Куропаткина недалеко от Ляояна. Английская пресса утверждает, что русское войско покинуло свою позицию, оставив свою артиллерию в руках неприятеля. Мы еще пока не знаем, что это: газетная ли утка, или же новый решительный шаг к осуществлению «строго обдуманного» плана нашего дальновидного главнокомандующего. Этот вопрос, конечно, очень скоро разрешится в том или другом смысле. Но уже и теперь несомненно, что Куропаткин находится в критическом положении. Это видят все, кроме Николая II, который, ничего не «предвидя», охотно верит всему тому, в чем уверяет его придворная клика. Римляне недаром говорили: кого Юпитер захочет погубить, у того он отнимет разум. Правда, что у Николая II и отнимать-то было нечего.

---

[1]) См. «La Suisse» от 30 мая (нового стиля).

Теперь молчание невозможно

(Открытое письмо к Центральному Комитету Российской Социал-Демократической Рабочей Партии)

На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые...

Гейне.

Товарищи!

По поводу моего фельетона: «Централизм или бонапартизм?», напечатанного в № 65 «Искры», один из моих читателей, принадлежащий к числу деятельнейших членов нашей партии, пишет мне, что я был неправ, когда характеризовал вашу политику, как политику «бонапартизма», недостойную сознательного и развивающегося пролетариата. Из его слов можно заключить, что ваша коллегия живо сознает всю громадность задачи, возложенной на нее нашим вторым с'ездом, и хорошо понимает, что для решения этой трудной задачи необходимо об'единить на живом, для всех нас общем и для всех нас одинаково дорогом деле все живые силы нашей партии. Наконец, его письмо дает мне повод думать, что вы решительно отвергаете ту нелепую идею дважды нелепой диктатуры, которую трижды нелепые «представители» уфимские, и проч., и проч., и проч. провозглашают плодотворнейшим открытием нашей революционной мысли, способным затмить величайшие открытия социалистической мысли Запада.

Это письмо заставило меня задуматься. Если товарищ, написавший мне его, не ошибся; если ваша коллегия, действительно, не имеет ничего общего с «бонапартизмом», то я, в самом деле, неправ перед вами, и мой фельетон должен был вызвать в вас сознание большой несправедливости и чувство глубокой обиды. И в таком случае я первый готов искренно пожалеть об этом. Но чем более я останавливаюсь мыслью на своей *возможной* ошибке, тем неотвязчивее встает передо мною вопрос: кого же нужно винить в ней? И на этот неотвязчивый вопрос

я, — при всем своем желании быть беспристрастным, — могу ответить лишь следующим образом:

Если бы я, в самом деле, совершил ту ошибку, в которой меня дружески упрекает мой корреспондент, то вина за нее целиком падала бы не на меня, а именно на вас, товарищи из Центрального Комитета.

Я очень хорошо понимаю, что такой ответ опять может вызвать в вас неприятное удивление и способен показаться вам чем-то вроде адвокатской уловки. Но прошу вас верить, товарищи, что я написал и подчеркнул здесь этот ответ не затем, чтобы «вывертываться», — я вообще не имею жалкой привычки «вывертываться» и прямо признаюсь в своей ошибке, когда я вижу, что я ошибся, — а затем, чтобы обратить ваше внимание на ту особенность вашей тактики, которую вы сами должны признать неуместной и ненужной, если только правду сказал мой корреспондент, приписавший вам отрицательное отношение к «бонапартизму».

Если он говорит правду, — а я как нельзя более хотел бы верить этому, потому что такая вера дала бы мне новую и чрезвычайно отрадную надежду на счастливое улажение всех наших усобиц, — то скажите, товарищи, зачем же вы молчите в такое время, когда вам достаточно было бы возвысить свой голос, чтобы сразу положить конец печальному и, — главное, — опасному недоразумению? Зачем вы молчите тогда, когда одно ваше энергичное «*нет!*» вырвало бы почву из-под ног наших «бонапартистов» и тем много содействовало бы торжеству политики внутреннего мира и фактического об'единения всех сил нашей партии? Зачем вы молчите теперь, когда следовало бы не только говорить, а прямо греметь, трубить во все трубы, кричать со всех крыш о вашем отрицательном отношении к «бонапартизму»?

О том, какой «внутренней политики» придерживались вы в России, я не могу судить на основании непосредственного наблюдения. Временами до меня доходили, и, к сожалению, до сих пор не перестали доходить, известия, рисовавшие и рисующие эту политику в довольно неблагоприятном свете. Да и само нежелание ваше кооптировать представителей «меньшинства» заставляет предполагать, что ваше миролюбие, — если вы действительно миролюбивы, — заключено в очень узкие границы. Товарищ, написавший мне письмо, старается оправдать это ваше нежелание соображениями, кажущимися мне очень неосновательными. Из его об'яснений выходит, что вы слишком внимательно и боязливо прислушиваетесь к тому, что скажет Марья Алексеевна, при-

нявшая ныне у нас вид микроскопического советника Иванова. Но этой почтенной особы вам в действительности нечего опасаться, ибо по своей ограниченности она, — несмотря на всю свою прикливость, — не может иметь никакого серьезного значения. Из об'яснений моего корреспондента выходит также, что произвести кооптацию препятствует вам неверное представление о достоинстве вашей коллегии, как одного из центральных учреждений партии: вы думаете, что вам не следует уступать «*требованию*», не имеющему за себя формальной законности. Если это так, то вы опять ошибаетесь. Я понимаю, что соображение, подобное только что указанному, может остановить *мандарина*, для которого форма — первое дело; но я отказываюсь понять, почему останавливает оно *революционера*, для которого *целесообразность — все*, а *формальность — ничто*. Но это — мимоходом. Рассуждения об этом предмете завели бы меня слишком далеко от моей темы, и потому я перехожу к тому, что я узнал своим собственным опытом, что я видел своими собственными глазами здесь, *за границей*.

Деятельность ваших заграничных представителей была до сих пор насквозь пропитана духом той политики, которую я назвал в своем фельетоне политикой бонапартизма, политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шее нашей партии. Наиболее видным и последовательным носителем принципов этой политики являлся и является Ленин, энергичные, но неразумные подвиги которого не раз заставляли меня вспоминать сказанные «кому-то вдогонку» слова князя Ивана в «Современниках» Некрасова:

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

Вы помните, конечно, что я когда-то обращал внимание вашей коллегии на неудобства ленинской политики, но, к сожалению, я не получил от вас такого ответа, который мог бы убедить меня в том, что вы сами видите эти неудобства: вы не отняли у Ленина его полномочий, а он, пользуясь ими, продолжал делать все от него зависящее для того, чтобы толкать нашу партию прямо к расколу. У него был для этого свой и совершенно понятный расчет. Но что же мне оставалось думать? *Только то, что вы одобряете действия Ленина* и, следовательно, разделяете те претензии, которые я назвал нелепыми и смеха достойными. Товарищ, написавший мне письмо, утверждает, что этот вывод не

соответствует действительности. Может быть. Я сам был бы в этом случае очень и очень рад ошибиться, но если бы я ошибся, то причиной этого было бы именно то обстоятельство, что вы молчали и что, благодаря этому молчанию, *политика Ленина и мною, и, насколько я знаю, всеми другими принималась за политику Центрального Комитета*. Прервите же вы ваше молчание. Скажите нам прямо и решительно: как понимаете вы централизм, что думаете вы о «бонапартизме» или, — короче, — одобряете ли вы политику Ленина?

На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые...

Это тем более уместно, нужно и полезно сделать теперь, что, — как вы, конечно, знаете, — Ленин выпустил брошюру, которая в истории наших внутренних распрей будет играть роль масла, подлитого в огонь. Огромное большинство читателей, наверно, вынесет из нее убеждение в том, что она выражает ваши общие взгляды и что само ее издание является вашим общим делом. Если вы несогласны с Лениным, если его брошюра не выражает ваших взглядов, то вам следует высказаться как можно скорее и как можно определеннее.

Предлагая вам это, я прошу вас, товарищи, заметить вот что:

Во-первых, когда я прошу вас высказаться по поводу брошюры Ленина, я имею в виду не те обвинения, которые он выставляет против всей вообще нынешней редакции центрального органа или против ее отдельных членов. Совсем нет! Мы сами, — все вообще и каждый в частности,—сумеем достойным образом ответить на эти обвинения. С *этой* стороны Ленин принадлежит нам, и мы не хотим, чтобы кто-нибудь посягнул на нашу литературную собственность. Я прошу вас высказаться о брошюре Ленина с той ее стороны, которая могла бы подать повод к неправильным суждениям *о политике Центрального Комитета*. Если вы промолчите об этой стороне, то *все примут ваше молчание за знак согласия*.

Во-вторых, не думайте, товарищи, что я задаю вам эти вопросы с какой-нибудь полемической целью. Уверяю вас честью революционера, что от меня как нельзя более далека всякая мысль о полемике с вами. Я просто хочу об'ясниться. В наших взаимных отношениях накопилось, — главным образом, по вине тех лиц, которые до сих пор представляли вас за границей, — очень много недоразумений. А эти недоразумения являются источником *слабости* для нашей партии. А в политической борьбе слабость есть *преступление* очень тяжелое

вообще и совершенно непростительное теперь, когда исторические события пред'являют к нам в высшей степени серьезные требования. Теперь мы *обязаны* быть ***сильными.*** А для того, чтобы мы были сильными, нам необходимо упрочить наше *единство.* А для того, чтобы мы могли упрочить наше единство, нам надо устранить нарушающие его *недоразумения.* Пусть плодит их Ленин: это в *его* интересах; а в интересах *нашего дела* следует поступать как раз наоборот.

Постарайтесь же рассеять эти недоразумения. Поддержите нас в нашем стремлении создать почву для прочного мира внутри нашей партии. Помогите нам обеспечить ее единство и тем приобрести для нее то влияние на события, которое принадлежит по праву ей — выразительнице революционных стремлений сознательного пролетариата. Много раз цитированное мною письмо товарища дает мне право думать, что здесь наши стремления в значительной степени совпадают с вашими. Тем лучше; тем легче вам показать мне, что я ошибся, приписав вам нелепые и смеха достойные претензии. Опровергайте же меня, опровергайте без малейшего снисхождения: чем убедительнее будут ваши доводы, чем решительнее разобьете вы меня, тем громче и продолжительнее буду я рукоплескать вам. Но говорите же, говорите! Теперь молчание невозможно: оно становится теперь нарушением партийного долга.

С товарищеским приветом

Г. Плеханов.

Ответ тов. Лядову

Почтеннейший товарищ! Мой ответ Вам будет краток.

Прежде всего я поставлю Вам на вид, что Ваше письмо написано странным и, — при данных обстоятельствах очень смешным, — тоном того *допроса,* который в Вашей старой юридической практике назывался *допросом с пристрастием.* Я решительно не знаю, что дает Вам право говорить со мной таким тоном. Неужели те два обстоятельства, что Вы — член партии и что Вы голосовали за меня на втором с'езде? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздражение не совсем лишило Вас склонности к размышлению, — и Вы сами поймете, что этих обстоятельств еще не достаточно для того, чтобы позволить Вам *допрашивать* меня так, как Вы вздумали допрашивать.

Когда в Российской Социал-Демократической Рабочей Партии восторжествует, — если восторжествует, — та политика, которую я называю политикой *мертвой петли, туго затягиваемой на ее шее,* тогда Ваш странный и смешной тон, — считающийся теперь *устарелым* даже в российских правительственных канцеляриях, — может быть, и станет общепринятым в сношениях членов партии с ее литераторами, которые к тому времени будут, вероятно, переименованы в «партийных сочинителей». Но это мне все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни в редакции, ни в партии. Теперь же, когда еще не наступило такое время, — которое было бы временем унижения и стыда для нашей партии, — и когда еще очень позволительно усомниться в том, что оно наступит, теперь Вы, почтеннейший, обязаны вести себя прилично и помнить, что тон *допроса с пристрастием* и непозволителен, и нецелесообразен, ибо напугать меня или кого-нибудь из остальных редакторов «Искры» не так легко, как это Вы, повидимому, воображаете. Значит, Вы только даром ставите себя в нелепо-смешное и смешно-нелепое положение.

Что касается собственно Ваших *допросных пунктов,* то я, не служащий дворянин Тамбовской губернии, Георгий Валентинов сын Пле-

ханов, у исповеди и святого причастия очень давно уже не бывавший, не токмо за страх, но и за совесть отвечаю.

По пункту насчет моих будто бы «намеков» на Ленина:

Я не требовал, чтобы ЦК лишил его *доверия,* и решительно не знаю, почему таковая на меня, с Вашей стороны, ябеда. Я только полагал и полагаю, что *если ЦК не одобряет* политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища тех *полномочий,* которые даны ему *как заграничному представителю этого учреждения,* и назначить другого уполномоченного, лучше выражающего его, Центрального Комитета, стремления и намерения. Вот только и всего. Это так просто, что даже советник Иванов, не вмещающий ничего пространного, поймет это без особенного напряжения ума. И если это непонятно советнику, виноват — товарищу Лядову, то это об'ясняется тем особым настроением, в котором находится он и, если я не ошибаюсь, довольно значительная часть наших «твердых» товарищей. Они чувствуют, что *логическими доводами* им защищать свою позицию невозможно, поэтому они спешат обижаться. В направлении болезненной обидчивости они идут так быстро, что скоро догонят наших социалистов-реакционеров, которые, как известно, начинают кричать, что их обидели, всякий раз, когда попадают в затруднительное положение. Но что прилично социалисту-реакционеру, то неприлично социал-демократу, у которого не должно быть ничего, кроме холодного презрения к этой жалкой роли *высеченных прекрасных душ,* как выразился однажды Маркс в одном своем полемическом произведении.

Если в той или другой из моих статей было или будет что-либо обидное для Ленина, то он сам может вступить в об'яснение со мною, и я не откажусь дать ему гласный ответ насчет тех выражений, в которых я говорю о нем, в надежде, что и он не откажется печатно об'ясниться насчет тех выражений, в которых он говорит о товарищах П. Аксельроде, В. Засулич и других заслуженных членах нашей партии. Я думаю, что *ходатаи по делам* Ленину не нужны, и потому с советником Лядовым ни в какие разговоры о нем вступать не желаю.

Пункт второй.

Что касается деятельности Центрального Комитета и его заграничных представителей, то я говорил о ней в обращении к этому Комитету и считаю себя обязанным об'ясниться на этот счет именно с ним, а не с кем-либо другим, хотя бы этот другой и подавал за меня голос на втором с'езде партии. Если ЦК угодно публично об'ясняться

со мной по этому поводу, *то я готов;* и тут товарищ Лядов не ошибается: данных у меня достаточно. Но прежде, чем я скажу что-нибудь на этот счет, нужно, чтобы заговорил сам ЦК, а не какой-то ходатай по делам, хотя бы и очень способный допрашивать с пристрастием. Но если ЦК пожелает публично об'ясняться со мною, то он, разумеется, — по требованиям логики и по долгу вежливости, — не откажется предварительно ответить на тот вопрос, который я гласно поставил ему в № 66 «Искры». Я думаю, что письмо товарища Лядова послужит нашему ЦК лишним побуждением для ответа мне на указанный вопрос, и с этой стороны полагаю, что письмо этого товарища принесет пользу нашему общему делу, несмотря на то, что оно написано тоном, гораздо более приличным какому-нибудь сутяге из числа персонажей Островского, чем социал-демократу.

Теперь молчание ЦК становится все более и более невозможным.

Третий допросный пункт гласит: «Какие это неразумные подвиги тов. Ленина, — наиболее, якобы, последовательного, по Вашим словам, носителя принципов этой политики, — заставили Вас припомнить слова некрасовского князя Ивана о министерском стуле и глупостях, наделанных на нем?»

Я отдаю должную дань тому казенно-угрожающему «штилю», коим написан сей допросный пункт, и невольно восклицаю опять с Некрасовым:

Когда б я слог такой имел!

Я думаю, кроме того, что тов. Лядов едва ли поступил тактично, напомнив Ленину о тех некрасовских стихах, которые вспомнились мне по поводу его деятельности. Это напоминание покажет лишний раз Ленину, что хотя услуга нам, при нужде, дорога, но за нее не всяк умеет взяться.

Но по существу сего пункта имею честь поставить Вашему Высокоблагородию на вид то самое соображение, кое уже высказано было мною в ответ на допросный пункт номер первый: если я незаслуженно обидел Ленина, то я готов об'ясниться с ним, но не считаю нужным тратить время на об'яснения с его ходатаем по делам, тем более, что мне неизвестно, имеет ли оный ходатай доверенность, засвидетельствованную установленным в законе нотариальным порядком.

После всего сказанного мною я могу спокойно предоставить читателю судить о том, нарушаю ли я партийный долг, отказываясь отвечать

по существу на допросные пункты, пред'явленные мне товарищем Лядовым.

Еще два слова. Против выбора старой редакции я на с'езде не голосовал, да и не мог голосовать, по той простой причине, что я, как член той же редакции, не принимал участия в голосовании по этому предмету.

Если я, выбранный так называемым большинством, не одобряю его теперешнего поведения, то это происходит единственно потому, что это поведение кажется мне неразумным и вредным. Тов. Лядов думает, может быть, что я не имею права поступать по своему убеждению и обязан всякий раз справляться, как подумают товарищи, голосовавшие за меня на с'езде? Если да, то мне нетрудно было бы показать, что сей странный «централист» очень ошибается. А что он действительно так думает, это я могу предполагать ввиду его ссылки на то, что он подал за меня свой голос. Но это обстоятельство нисколько не увеличивает его права по отношению ко мне: за кого бы ни голосовал он на с'езде, эти его права не больше и не меньше прав на меня всех других членов нашей партии.

Довольно! Тверской комитет видит, что мы не отказываемся печатать произведения литературных выразителей так называемого большинства. Не наша вина, если оные выразители... выражались до сих пор не совсем удачно.

P. S. Насчет мнимого оппортюнизма меньшинства я не нахожу нужным спорить с тов. Лядовым: я уже много раз доказывал, что говорить об оппортюнизме таких товарищей, как П. Аксельрод, Мартов, Старовер и т. д., значит не понимать значения этого слова, и если он все-таки лезет с ним, то ясно, что он безнадежен.

Странное дело! У нас стали называть оппортюнистами тех, которые *не хотят приспособлять своих взглядов ко взглядам и «ндраву» Ленина,* т.-е. тех, которые лишены оппортюнизма, желательного для этого маленького Солона наизнанку. Тех же, *которые отличаются этим оппортюнизмом,* почему-то называют *твердыми.* И чем больше у них этого оппортюнизма, тем более твердыми кажутся они себе и другим. Слова имеют свою судьбу, как и книги! Но тов. Лядов знает, что я не держусь этой странной терминологии: у меня для «твердых», — т.-е. собственно для некоторой их части, — есть другое название...

P. P. S. Кроме товарища Лядова мне прислал письмо еще какой-то Нилов. Это лицо мне совершенно неизвестно, так что я не только не

знаю, за кого и когда оно голосовало, но мне не известно даже, имело ли оно право голосовать за кого-нибудь из нас, т.-е. принадлежит ли оно к нашей партии. Если Лядов допрашивает, то Нилов просто бранится. Наша редакция не сочла себя обязанной помещать на столбцах «Искры» эту брань, которая, ввиду указанного обстоятельства, является как бы анонимной.

Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция

Лучше поздно, чем никогда...

Вопрос об отношении социал-демократической интеллигенции к рабочему классу в той его формулировке, которая интересует нас здесь, представляет собою лишь одну из разновидностей коренного вопроса «философии истории»: вопроса об отношении общественного «*бытия*» к общественному «*мышлению*». В течение всего XIX века этот последний вопрос, можно сказать, не сходил с очереди в общественной науке, ложась в основу даже некоторых *теологических споров:* так, например, знаменитый в свое время спор между Штраусом и Бруно Бауэром о происхождении евангельских вымыслов был в сущности спором о том, как относится «мышление» («Selbstbewusstsein» Бруно Бауэра) к «бытию» («Substanz» Штрауса). В истории русского революционного движения он выступал на сцену каждый раз, когда наши революционеры начинали задумываться об отношении *интеллигенции* к «*народу*». Будущий, — более глубокий и более разносторонне образованный, — Милюков откроет в наших бесконечных и беспорядочных всероссийских спорах об этом вопросе массу интереснейших данных для «истории русской культуры». Я от души желаю успеха этому будущему Милюкову, но сам я не имею теперь ни желания, ни возможности забираться «в глубь времен». Я стану рассматривать этот вопрос лишь постольку, поскольку он затрагивает самые насущные, практические интересы нашей партии.

Наши «экономисты» говорили еще недавно, что «революционная бацилла — интеллигенция» не должна предлагать пролетариату социалистическую программу раньше, чем он сам, безо всякой помощи с ее стороны, додумается до социалистических идеалов. Это была большая *практическая ошибка,* обусловленная грубым *теоретическим* промахом: непониманием той роли, которую играли, играют и не могут не играть

передовые личности в истории развития революционного класса [1]). Теперь взгляд «экономистов» отвергнут едва ли не всеми российскими социал-демократами. И я как нельзя более рад этому обстоятельству, потому, что меня очень сильно огорчала и раздражала грубая и вредная ошибка «экономистов». Но из того, что теперь никто из нас не согласен с экономистами, вовсе еще не следует, что вопрос об отношении социалистической интеллигенции к «народу» решается нами теперь безошибочно. Заблуждаться можно — увы!! — на множество самых разнообразных и даже противоположных ладов. У нас многие держатся теперь в решении этого вопроса такого взгляда, который можно назвать *дополнительным* до взгляда «экономистов»: эти два взгляда *дополняют* друг друга до *истины* подобно тому, как в геометрии известные углы дополняют друг друга до *прямого*. Но как ни один дополнительный угол не может быть прямым, а непременно будет более или менее *острым,* совершенно так ни один дополнительный взгляд никогда не может быть *верным,* а всегда будет более или менее *ошибочным* в своей *односторонности*. В данном случае элемент ошибки делится в равной мере между тем взглядом, которого держались «экономисты», и тем, который сменил его в умах некоторой части наших товарищей, уподобляя каждый из них острому углу в 45 градусов.

Взгляд, заменивший у нас собою отвергнутый взгляд «экономистов», состоит в том, что если бы не было знаменитой «бациллы», то шансы социализма были бы равны нулю, так как сам по себе рабочий класс не может прийти к социалистическим выводам. Это тот же «экономизм», но только поставленный вверх ногами: отношение общественного «мышления» к общественному «бытию» понимается здесь ничуть не лучше. Чтобы сделать настоящий, а не мнимый «шаг вперед» в понимании этого отношения, мы должны прежде всего справиться с этой новой ошибкой, разделаться с этой новой погудкой на старый лад.

Рассмотрим же этот предмет со всем тем вниманием, какого он заслуживает по своей теоретической и практической важности.

Указанная мною новая погудка на старый лад, явившаяся как неосмысленная и односторонняя реакция против одностороннего и неосмысленного взгляда «экономистов», нашла себе наиболее яркое выражение в брошюре Ленина «Что делать?» К этой брошюре мы и обратимся.

---

[1]) Я указал на это еще в моем Vademecum'e». [Сочинения, т. XII.]

Там, на стр. 20, в главе: «Стихийность масс и сознательность социал-демократии» мы встречаем следующее интересное суждение, относящееся к нашим знаменитым стачкам девяностых годов.

«Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической; они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло, сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, т.-е. сознания социал-демократического. В этом смысле стачки девяностых годов оставались движением чисто-стихийным».

Что десятки тысяч рабочих, участвовавших в названных стачках, далеко еще не стояли на высоте социал-демократического сознания, с этим, разумеется, нельзя не согласиться. Но посмотрим, как Ленин обосновывает далее свое суждение.

«Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть* (курсив Ленина). Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости об'единяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции».

Социал-демократическое учение в нашей стране действительно и несомненно было естественным и неизбежным результатом развития мысли у «революционно-социалистической» интеллигенции. Но откуда взял Ленин, что эта мысль развивалась «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения»? Вот интересный вопрос.

Если бы Ленин был хоть немного лучше знаком с историей нашего революционного движения, то он знал бы, что «стихийный рост рабочего движения» оказал на него очень сильное влияние именно в то время, когда старая народническая теория начинала трещать по всем швам,

вследствие новых, непредвиденных ею, запросов жизни. В революционной литературе конца семидесятых годов можно найти несколько весьма поучительных примеров того, как неожиданное появление на нашей исторической сцене пролетариата со свойственными ему общественными запросами сбивало с толку народнических писателей и тем приближало время основательного пересмотра народнической программы. На первый раз я отсылаю Ленина к передовой статье № 4 «Земли и Воли», написанной по поводу стачек на Обводном канале в Петербурге.

«К тому времени, о котором у нас идет речь, т.-е. к половине девяностых годов, — продолжает Ленин, — это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России» (стр. 20—21).

В качестве члена-основателя бывшей группы «Освобождение Труда» я категорически утверждаю, что если мы, бывшие чернопередельцы, перешли от народничества к марксизму, то этим мы в очень большой степени обязаны «стихийному росту рабочего движения». Влияние на нас этого роста можно было бы документально доказать некоторыми выписками из «Черного Передела». Но я не делаю этого, надеясь, что читатель поверит мне на-слово, и ограничусь указанием на то, что мне, игравшему некоторую роль в истории возникновения группы «Освобождение Труда», приходилось, когда я еще был народником и принадлежал к организации «Земли и Воли», главным образом, «заниматься с рабочими»; я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих «занятиях», подготовил меня к усвоению марксизма. Очень характерно, что другой член-основатель группы «Освобождение Труда», П. Аксельрод, тоже посвящал свои силы преимущественно «занятиям с рабочими».

Место не позволяет мне, к сожалению, остановиться дольше на этом вопросе. Интересующихся им читателей я отсылаю к своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении». Из нее они увидят, как жестоко исказил Ленин неоспоримую историческую истину в угоду своей странной доктрине. Я же перейду к «Западу».

Что Маркс и Энгельс принадлежали к интеллигенции, это, разумеется, справедливо, хотя и эта справедливая мысль выражена у Ленина не вполне точно: так, например, «*по происхождению своему*», Энгельс, сын богатого фабриканта, вовсе не принадлежал к *интеллигенции*. Но это незначительная частность. Несравненно важнее то,

что теоретические взгляды Маркса и Энгельса тоже развивались под сильнейшим влиянием «стихийного роста рабочего движения» в Германии, Франции и Англии. Это известно всем и каждому, и надо только удивляться, каким образом мог не знать этого Ленин. Ему достаточно было бы прочитать хоть английское предисловие, которое Энгельс предпослал своей книге: «Die Lage der arbeitenden Klassen in England», чтобы понять, как решительно и сильно повлиял «стихийный рост рабочего движения» в Англии на развитие взглядов одного из основателей научного социализма. Что касается Маркса, то всякий, прочитавший хотя бы одну статью «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie», знает, что революционные упования будущего автора «Капитала» с самого возникновения своего находились в теснейшей зависимости от «стихийного рабочего движения». Наконец, если Ленину некогда было делать такого рода литературные справки, то он мог бы проверить свою смелую теорию с помощью следующего простого рассуждения a priori.

Маркс и Энгельс признали пролетариат главной революционной силой нашего времени, силой, историческая миссия которой состоит в замене капиталистического способа производства *социалистическим*. Но, чтобы они могли признать пролетариат такой силой, необходима была наличность двух условий: во-первых, антагонизма классов и быстрого «стихийного роста рабочего движения», во-вторых, внимательного отношения к этим явлениям с их собственной стороны, т.-е. со стороны тех, которые в свою очередь призваны были поставить социализм на научную почву [1]). Ясно, стало быть, что *совершенно немыслимо* считать развитие научного социализма «совершенно независимым от стихийного роста рабочего движения». Если бы Ленин дал себе легкий труд сообразить это, он немедленно зачеркнул бы то свое положение, которое могло иметь некоторый смысл под пером писателя-*идеалиста*, но является неожиданной бессмыслицей, когда его выдвигает и отстаивает человек, не без успеха выдающий себя за сторонника *материалистического об'яснения истории*.

«Учение социализма» действительно «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией». Но пока интеллигенция «разрабатывала» свои социалистические теории, не то, чтобы «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения», — *этого никогда не было и быть не могло*, — а только не посвящая этому росту всего того внимания, какого он заслуживал, до тех пор *социализм оставался утопическим* и, по замечанию Меринга о французском утопическом социализме, способствовал скорее *затемнению*, чем уяснению классового самосознания пролетариата [1]). Как же мог Ленин упустить это из виду? Как мог он столь сильно уподобиться тому крыловскому герою, который *слона-то и не заметил?*

«Философские, исторические, экономические теории», и вообще *идеи*, никогда не «разрабатывались» идеологами «совершенно независимо» от социальной истории и от «стихийных движений» того народа, в среде которого они возникали. Но «стихийный рост рабочего движения» представляет собою самое крупное, самое важное и самое влиятельное явление во внутренней *жизни* европейского общества XIX столетия. Спрашивается, можно ли хоть на одну минуту, хоть на одну сотую долю секунды допустить, чтобы научный социализм, — самое крупное, самое важное и самое влиятельное явление в истории европейской общественной *науки* этого столетия, — возник и развивался «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения»? Конечно, нельзя! Этого не допустит теперь сам профессор Кареев. Как же Ленину не стыдно было писать такие... странности?

Далее, откуда взял он, будто «история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское»? Она ни о чем подобном не «свидетельствует». Она показывает совсем не то, что увидел в ней Ленин. Да оно и неудивительно. Если верно то коренное положение исторического материализма, которое гласит, что «*мышление*» людей определяется их «*бытием*», и если не обманывает нас та основная теорема научного социализма, которая говорит, что социалистическая революция явится необходимым следствием противоречий, свойственных капитализму, то ясно, что на известной стадии общественного развития рабочие капиталистических стран пришли бы к *социализму* даже в том случае, если бы они были предоставлены «своим собственным силам». Маркс и Энгельс прекрасно понимали и выясняли это.

---

[1]) «Новейший социализм, по своему содержанию, является прежде всего результатом наблюдений, с одной стороны, над господствующим в современном обществе антагонизмом между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, с другой, — над анархией, существующей в производстве». (*Энгельс.*)

[1]) «Aus dem literarischen Nachlass etc.», Band II., p. 4.

Еще в 1845 году Маркс, споря с Бруно Бауэром, указывал на то, что пролетариат, как пролетариат», т.-е. *в силу своего положения в капиталистическом обществе, вынужден будет прийти* к отмене частной собственности, т.-е. совершить социальную революцию [1]). При этом Маркс прибавлял, что «речь идет не о том, какую цель ставит себе в данное время тот или другой пролетарий или даже весь пролетариат. Речь идет о том, что представляет собою этот класс и что он, в силу этого своего бытия (diesem Sein gemäss), исторически принужден будет совершить. Его цель и его историческое действие осязательно и непререкаемо определяются его собственным житейским положением, равно как и всей организацией современного гражданского общества. И нет надобности распространяться о том, что значительная часть английского и французского пролетариата уже сознает свою историческую задачу и постоянно работает над тем, чтобы привести это сознание к полной ясности» [2]). Это, — как видит читатель, — совсем не похоже на то «трэд-юнионистское сознание», до которого, по словам Ленина, только и способен додуматься пролетариат «исключительно своими собственными силами» [3]).

Энгельс в этом отношении вполне согласен с Марксом. Описывая положение рабочего класса в Англии, он показывает, что английский рабочий не может быть доволен своим положением и что это положение должно заставить его стремиться к устранению нынешнего положения вещей. «Английский рабочий, едва умеющий читать и еще менее умеющий писать, — говорит он, — знает, однако, очень хорошо, в чем заключается его интерес и интерес всей нации; он знает, в чем состоит специальный интерес буржуазии и чего он может ждать от этой буржуазии» [4]). Первым выражением недовольства угнетенного класса являются, по словам Энгельса, преступления против собственности, число которых растет вместе с ростом промышленности [5]). Но рабочие скоро убеждаются в том, что эти преступления ничему не по-

[1]) См. «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten», во втором томе изданного Мерингом «Nachlass'a», p. 132.

[2]) Ibid, p. 133 второго тома меринговского издания.

[3]) Ср. p. 432 того же тома: «Die Arbeiter, von den Verhältnissen getrieben... allgesamt als eine Klasse mit ihren besonderen Interessen und Grundsätzen... der Bourgeoisie nach gemeinsamen Plane und mit vereinter Macht zu Leibe rücken».

[4]) «Die Lage etc.», первое изд., стр. 143 — 144.

[5]) Ibid, p. 258.

могают. Преступление есть единичный протест личности против существующего порядка. Как *класс*, рабочие стали в оппозицию к буржуазии лишь тогда, когда они начали *сопротивляться введению машинного производства*. Но и этот род оппозиции распространялся лишь на отдельные местности и направлялся лишь против отдельных сторон нынешнего положения. Он тоже ничему не помогал. Надо было найти новую форму оппозиции, и она была найдена в *рабочих союзах* (трэд-юнионизм.— *Г. П.*). Эти союзы не могут внести существенные изменения в отношения наемного труда к капиталу; но они помогают рабочим добиться кое-каких частных улучшений, а главное — они развивают в рабочих сознание того, что господство буржуазии основывается лишь на конкуренции рабочих между собою: раз рабочие перестанут конкурировать друг с другом, раз они не захотят подчиниться эксплоатации со стороны буржуазии, царство имущества (das Reich des Besitzes) придет к концу [1]). Энгельс прекрасно понимает, что нынешнее положение дел осталось бы неизменным, в своих существенных чертах, если бы рабочие ограничились тем, что перестали бы конкурировать между собой, т.-е. если бы они не пошли далее «трэд-юнионизма». Но они «не могут поступить так... необходимость вынудит их устранить не только одну *часть* конкуренции, но конкуренцию *вообще* — и они сделают это. Рабочие уже и теперь все яснее и яснее видят, какие бедствия приносит им конкуренция; они яснее, чем сами буржуа, сознают, что конкуренция предпринимателей между собою, вызывая торговые кризисы, давит также и на рабочих и что она также должна быть устранена, и скоро они увидят, как им взяться за это дело» [2]).

[1]) Ibid., p. 265. Это в высшей степени важное место, — значение которого для выяснения исторической роли рабочего движения и его шансов на победу до сих пор недостаточно оценено большинством социал-демократических писателей, — почти буквально повторяется в «Манифесте Коммунистической Партии» (см. стр. 16 второго издания моего перевода).

[2]) Ibid., p. 265. «Критики» замечали по этому поводу, что однакоже экономическая необходимость до сих пор не привела к социализму рабочих Англии, страны, в которой капитализм развит более, чем где-либо. Так как этот довод может выдвинуть теперь против меня кто-нибудь из «твердых» товарищей, то я укажу на то, что после того, как Энгельсом была написана его книга о положении английских рабочих, та же экономическая необходимость поставила Англию *в исключительное положение*, благодаря которому ее пролетариат утратил революционные стремления, одушевлявшие его в тридцатых и сороковых годах. Об этом см. написанное Энгельсом же «Приложение» к американскому изданию английского перевода его книги,

Разумеется, архи-нелепо было бы понимать Энгельса в том смысле, что экономическая необходимость, толкая пролетариат на все более и более решительную борьбу с *капитализмом,* тем самым вызывает как бы самопроизвольное зарождение в их головах теории научного *социализма.* Энгельс никогда не говорил этого. Теория *научного* социализма могла зародиться только в *научно-подготовленных* для этого головах. Но экономическая необходимость порождает и доводит до его логического конца, — т.-е. до социалистической революции, — то движение рабочего класса, теоретическим выражением которого служит научный социализм. Таков тот взгляд, которого держались Маркс и Энгельс с тех самых пор, как сложились их общественные воззрения. А с точки зрения этого, — единственно научного, — взгляда историческая роль рабочего класса представляется совсем не в том освещении, в каком показывает ее нам в своей брошюре Ленин, старающийся внушить читателю то убеждение, что, будучи предоставлен своим собственным силам, пролетариат не в состоянии выйти за узкие пределы трэд-юнионизма.

По Ленину, рабочий класс, предоставленный самому себе, способен бороться только за условия продажи своей силы на почве капиталистических отношений производства. По Марксу и Энгельсу, этот класс необходимо должен стремиться устранить эти отношения, т.-е. совершить социалистическую революцию.

Кто прав?

Судите об этом, как вам угодно, но если вы думаете, что прав Ленин, то не называйте себя последователями Маркса и Энгельса.

Марксизм, это — «совсем другая опера».

Излишне прибавлять, что основатели научного социализма никогда даже и на пушечный выстрел не приближались к тому взгляду, который впоследствии проповедывали наши «экономисты». Маркс и Энгельс очень хорошо умели ценить великое значение «революционной бациллы».

Когда Энгельс изучал положение рабочего класса в Англии, он был твердо убежден, что уже начавшееся там рабочее движение «стихийно» приведет к социалистической революции. Но это не помешало ему сознавать и утверждать, что дело революционной борьбы пролетариата много выиграло бы от усвоения этим классом социалистических идей. Он советовал английским социалистам, — редко принимавшим тогда

особенно страницы V и VI. Теперь экономическая необходимость, устраняя исключительное экономическое положение Англии, опять поворачивает, хотя пока еще в слабой степени, взоры рабочих к социализму.

активное участие в борьбе рабочих с фабрикантами, — взять на себя роль «бациллы» [1]). Но он замечал, что для этого английский социализм должен коренным образом изменить свой характер и *стать чисто пролетарским.* Это последнее замечание лишний раз доказывает, между прочим, как чужда была Энгельсу дикая мысль о том, что революционный социализм может развиться «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения».

Повторяю, Маркс и Энгельс прекрасно понимали значение «революционной бациллы». Но они прочитали бы ей очень суровую нотацию, если бы она, *бацилла революции,* — поддавшись вредному влиянию *бациллы самомнения и суб'ективизма,* вздумала *противопоставлять себя* рабочей *массе* и утверждать, что пока она не осенит этой массы революционной благодатью своей сознательности, до тех пор та останется в духовной и материальной зависимости от буржуазии и не в силах будет не только повалить капитализм, но просто хотя бы только «экспроприировать экспроприаторов». Когда «Бруно Бауэр и К°» позволили себе нечто вроде такого противопоставления, то Маркс обрушился на них с едкими насмешками, совершенно справедливо утверждая, что противопоставление «критической критики» массам есть не более, как новое видоизменение старой противоположности между *Духом и Материей.* «Если бы критика,—писал он,—была лучше знакома с движением низших классов народа, то... новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая от этих классов в Англии и во Франции, доказала бы ей, что они способны умственно подняться, и не будучи непосредственно осенены святым духом критической критики» [2]).

«Противоположность между Духом и Материей, — продолжал Маркс,—есть критическая «организация общества»,—при чем Дух или Критика представляют собою труд организации, масса — сырой материал, а история—фабрикат» [3]).

Не иначе отозвался бы Маркс и о теории Ленина, у которого, как и у «критической критики», масса есть лишь неодухотворенный сырой материал, над которым производит свои операции отмеченная печатью дара духа святого интеллигенция.

[1]) См. также, какую деятельную роль рекомендует он американской социалистической «бацилле» в предисловии к упомянутому выше американскому изданию вышеназванной его книги. Это предисловие помечено 26 января 1887 г.

[2]) Die heilige Familie», p. 243.

[3]) Там же, та же стр.

«Караул! — кричит читатель из «твердых», — вы искажаете мысль Ленина! Вы изображаете его чем-то вроде суб'ективиста, между тем как он просто-напросто развивал мысль Каутского, подробно изложенную в статье «Die Revision des Programms der Socialdemokratie in Oesterreich»! Так нельзя! Я сейчас созову других твердых и предложу написать против вас протест!»

Успокойтесь, «твердый» товарищ, мне известно, что протесты пишутся теперь вами с той восхитительной легкостью, которая составляла до сих пор монополию «социалистов-революционеров». Но все-таки прежде, чем писать «протест», выслушайте меня до конца. Может быть, вы и сами найдете, что для протеста нет никаких оснований.

Ленин действительно приводит, на странице 27 своей брошюры, длинную выписку из статьи Каутского, посвященной обсуждавшемуся тогда (в октябре 1901 г.) проекту новой программы австрийской социал-демократии. И в этой выписке, действительно, говорится, что социалистическое сознание есть нечто, извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не стихийно из нее возникшее. Но Ленину нужно было очень невнимательно отнестись ко взгляду Каутского на движение пролетариата, чтобы ссылаться на этот взгляд для подтверждения собственных измышлений.

Прежде всего я обращу внимание читателя, — «твердого» и не твердого, — на следующее место той же самой статьи того же самого Каутского.

«Но что возрастает во всяком случае, так это противоположность между трудом и капиталом, противоречие между капиталистической тенденцией к увеличению зависимости (наемного труда от капитала. — *Г. П.*) и растущей у пролетариата потребностью в независимости,—противоречие, которое, пока существует капитализм, делает необходимыми борьбу классов и стремление ниспровергнуть класс капиталистов, противоречие, которое исчезнет только тогда, когда будет разрешено» [1]).

Мы видим: указываемое здесь противоречие вызывает, по ясно выраженному мнению Каутского, у пролетариата стремление к ниспровержению класса капиталистов, и чем более растет это противоречие, — а Каутский указывает именно на его рост, — тем более, конечно, должно усиливаться это, вызываемое им, стремление пролетариата. Так это или нет? Кажется, так. Что же означает это стремление ниспровергнуть класс капиталистов? Очевидно, не что иное, как *стремление устранить капиталистические производственные отношения*, т.-е. покончить *с капитализмом*, т.-е. сделать *социалистическую* революцию. Так это или нет? Кажется, так. Теперь я спрашиваю: то ли это, что говорит Ленин? Нет, совсем не то. Каутский, — совершенно так же, как и Энгельс в цитате, сделанной мною выше из его книги о положении рабочего класса в Англии, и точно так же, как и Маркс в книге, направленной против Бруно Бауэра, — говорит, что противоречие, свойственное капитализму, неизбежно вызывает у рабочих стремление устранить капиталистические производственные отношения, а неудачно сославшийся на него Ленин уверяет, что это противоречие может толкнуть пролетариат только на борьбу, ведущуюся *на почве* этих отношений. ***Каутский верен марксизму: Ленин изменяет ему.*** Тассо у Гёте, слушая Антонио, восклицает:

Mit Beifall und Verehrung hör' ich dich.

В ответ на это Антонио говорит:

Und dennoch denkst du wohl bei diesen Worten
Ganz etwas Anders, als ich sagen will.

Так и Каутский мог бы сказать Ленину по поводу своих слов, «с одобрением и почтением» цитируемых Лениным: «*Ты придал им совсем не тот смысл, какой они имеют у меня*».

Я вижу, что «твердый» читатель опять «возмущен» и опять, подобно самому вульгарному «социалисту-революционеру», собирается писать «протест». Но я опять прошу его слушать дальше.

В споре с Бернштейном Каутский, опровергая нелепое истолкование взглядов Маркса, даваемое бедным Эдуардом вслед за буржуазными экономистами вроде Шульце-Геверница, следующим образом излагает то, что он справедливо считает истинным взглядом Маркса и с чем сам он безусловно соглашается:

«Уничтожение мелкого производства, составлявшего прежде господствовавшую форму, создает пролетариев, наемных рабочих. Чем более развивается капиталистическое производство на развалинах ремесла, тем более уменьшается для наемного рабочего возможность добиться независимости от эксплоатации и от порабощения капиталом в качестве изолированного производителя на основе частной собственности; тем более усиливается его стремление (у Каутского сказано даже сильнее: Verlangen. — *Г. П.*) уничтожить частную собственность.

[1]) «Die Neue Zeit», 1901 — 1902, № 3, p. 75.

Так возникает с силой естественной необходимости вместе с пролетариатом социалистические тенденции как у самих пролетариев, так и у тех, которые становятся на точку зрения пролетариата» [1]).

Каутский прибавляет: «Так об'ясняется возникновение социалистических стремлений». И в самом деле, оно об'ясняется именно так. И это об'яснение и представляет собой тот «прямой угол», ту искомую истину, которая вполне согласна с материалистическим об'яснением истории и одинаково далека от «острых углов» односторонности, свойственной как Ленину, так и «экономистам». Пролетариат вовсе не есть «Материя», неизвестно кем осужденная на вращение в заколдованном круге «трэд-юнионизма» и могущая выйти из этого круга лишь с помощью «Духа», «бациллы», «интеллигенции». Нет! Влекомый непобедимой силой современных общественных отношений, он и сам более или менее быстро движется в направлении к *социализму*, он и сам обнаруживает *социалистические стремления*. Но «бацилла» может ускорить движение, сделать его более осмысленным и более целесообразным; она может сыграть в высшей степени полезную воспитательную роль в среде борющегося с классом капиталистов пролетариата. И в этом ее великое историческое значение.

Группа «Освобождение Труда», социал-демократические взгляды которой сложились *в прямой зависимости* от «стихийного роста рабочего движения», всегда приписывала «бацилле» именно это значение. Она всегда оставалась верной марксизму также и в этом отношении. И вот почему «ликвидация четвертого периода» нашего движения, — характеризующегося влиянием ленинской метафизики, подобно тому, как «третий период» его характеризуется влиянием «экономизма», — должна будет состоять, между прочим, в том, чтобы подняться, наконец, до теоретической точки зрения этой группы. Это скоро увидят даже совсем близорукие.

Так-то, «твердые» товарищи! Вы сами, надеюсь, видите теперь, что ваш «директор» здорово и,—нечего греха таить!— постыдно промахнулся. Или вы все-таки не видите этого? Ну, так читайте еще.

По поводу того же проекта программы австрийской партии Каутский говорил на с'езде этой партии в Вене, в послеполуденном заседании 4 ноября 1901 года:

[1]) «Bernstein und das sozialdemokratische Programm», Stuttgart 1899, p. 53.

«Верно то, что рабочее движение само из себя не может породить социал-демократическую мысль. Рабочее движение порождает социалистический инстинкт; оно порождает в пролетариате потребность в социализме, потому что пролетарий все более чувствует, что своими единичными силами, как отдельная личность, он не может прийти к обладанию средствами производства. Но теоретическое понимание, необходимое для того, чтобы привести к ясному сознанию этот инстинкт, вышло не из среды пролетариата, потому что у пролетариев отсутствовали все необходимые для этого условия научной работы. Это убеждение родилось в головах буржуазных ученых, имевших достаточно честности и беспристрастия, чтобы не ослепляться нуждами буржуазии. Все наши первые и великие социалисты принадлежали к этому слою: Сен-Симон, Фурье, Лассаль, Маркс, Энгельс. Но их теории остались бы простыми теориями, если бы слой даровитых пролетариев не передал их массе пролетариата, если бы они не оплодотворили рабочего движения и не сплавились в одно целое с ним» [1]).

Эти слова прежде всего показывают, что, — по мысли Каутского и вопреки уже слишком хорошо знакомому нам неверному мнению Ленина, — социалистическая теория развивалась отнюдь не «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения». Каутский прямо заявляет: «Из соединения рабочего движения с социалистической теорией возник новый, социал-демократический, образ мыслей, при развитии которого не только рабочие учились у социалистических теоретиков, но и социалистические теоретики у рабочих» [2]). Кроме того, речь Каутского на с'езде австрийской партии показывает, в каком смысле надо понимать сказанное им прежде о внесении социалистической мысли «извне» в среду пролетариата. «Извне» вносится *именно только ясное сознание, только научная теория*, а историческое движение *за пределы трэд-юнионизма*, — вместе с порождаемым им *«социалистическим инстинктом»*, — вызывается самим положением пролетариата и родится в собственной среде этого класса. Оказывается, значит, что мы имеем здесь дело с той самой мыслью Каутского, которую мы уже встретили в том месте его книги против г. Бернштейна, где он говорит, как надо понимать относящийся к этому вопросу взгляд Маркса. Но здесь он высказывает ее по дру-

[1]) «Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Oesterreichs, abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901», p. 124.

[2]) Там же, та же стр.

гому поводу и потому дает ей другую формулировку. Прежде он писал, что капитализм порождает вместе с пролетариатом и социалистические стремления как у самих пролетариев, так и у тех людей высших классов, которые становятся на их точку зрения; теперь он говорит, что социалистические стремления пролетариев, не будучи освещены социалистической теорией, остаются *инстинктом* и не достигают *социал-демократической сознательности*. Новая формулировка, пожалуй, менее удачна, чем старая, потому что в нее закрались некоторые неточности и неясности: например, Фурье совсем не принадлежал к буржуазным ученым, а Сен-Симона можно причислить к ним лишь с оговоркой. Но совершенно ясно, что именно надо понимать под социалистическим инстинктом в его противоположности социалистическому сознанию, так как в общественной психологии нелегко провести границу между инстинктом и сознанием. Но это для нас здесь не важно. Нам надо было знать, имел ли право Ленин ссылаться на Каутского для подтверждения своей мысли, и мы ясно видим теперь, что такого права у него совсем не было.

«Инстинктивный социализм» должен, по мнению Каутского, вести к *социальной революции*. И даже не только к *«инстинктивный социализм»*. В своем споре с г. Бернштейном Каутский высказывает твердое убеждение в том, что борьба классов в капиталистическом обществе своей собственной неумолимой логикой должна *даже враждебных социализму* пролетариев поставить перед такими задачами, решение которых «поразит капиталистический способ производства в самое сердце» [1]). И это же убеждение, целиком заимствованное им у Маркса и Энгельса, лежит в основе его сочинения «Die soziale Revolution», переведенного на русский язык *под редакцией Ленина*. Вот собственные слова Каутского: «Я хотел знать, какие последствия *необходимо* (mit Notwendigkeit) вырастают из политического господства пролетариата в силу его классовых интересов и нужд производства, совершенно независимо от той теоретической основы, на которой стоял бы пролетариат во время своей победы. Таким образом, я именно устранял при этом всякое предположение о влиянии на пролетариат социалистических учений. (Слушайте, «твердые», слушайте! — *Г. П.*) В начале моего исследования я прямо ставлю вопрос: как должен будет пролетариат воспользоваться своей властью? Не то, чего *захочет* он на основании той или другой теории или того или другого

[1]) «Bernstein etc», p. 180

настроения, но то, что он *должен* будет предпринять, движимый своими классовыми интересами и силой экономической необходимости» [1]).

Довольно. Ленин не понял ни Каутского, ни Энгельса, ни Маркса, т.-е. вообще он не понял научного социализма в его отношении к этому вопросу. *И это его непонимание представилось ему в виде неспособности пролетариата выйти за пределы «трэд-юнионизма», который к тому же изображается им, как нечто упавшее с неба в законченном виде, раз навсегда данное и неизменное* [2]).

На нашем втором с'езде Ленин, возражая одному из своих противников, сказал: «Говорят: Ленин ни о каких противоборствующих тенденциях не упоминает, а абсолютно утверждает, что рабочее движение всегда «идет» к подчинению буржуазной идеологии. В самом деле? А не сказано ли у меня, что рабочее движение влечется к буржуазности *при благосклонном содействии Шульце-Деличей и им подобных?*» [3]). Спора нет, это у Ленина действительно сказано. Но это нимало не улучшает положения дела. Само собою разумеется, — и никто, никогда ни на минуту не сомневался в том, — что *буржуазия* Шульце-Деличей и те «интеллигенты», которые так или иначе, сознательно или бессознательно, разделяют идеи Шульце-Деличей, стараются подчинить пролетариат своему буржуазному идейному влиянию. Мы были бы неопытны в политике, как грудные младенцы, если бы мы вообще могли спорить об этом. Но отсюда еще ровно ничего не следует. *Спорный вопрос заключается именно в том, существует ли такая экономическая необходимость, которая вызывает у пролетариата «потребность в социализме», делает его «инстинктивным социалистом» и толкает его, — даже в том случае, когда он предоставлен «собственным силам», — на путь социалистической революции, несмотря на упорные и беспрерывные усилия буржуазии подчинить его своему идейному влиянию.* Ленин отрицает это, вопреки ясно выраженному мнению всех теоретиков научного социализма. И в этом заключается его огромная ошибка, его теоретическое грехопадение, еще больше и еще ярче оттеняемое его крайней неудачной ссылкой на «Шульце-Деличей».

[1]) «Die Neue Zeit», 22. Jahrg., Bd. I., № 19, p. 591.

[2]) На вопрос, почему я не обнаружил его заблуждения тотчас же по выходе его, наделавшей так много шуму, но в сущности очень слабой во всех отношениях брошюры, *отвечает окончание второй половины этой статьи*, к которому я и отсылаю читателя.

[3]) См. 131 страницу «Протоколов» с'езда. Курсив в подлиннике.

В самом деле, что представляют собой эти господа «Шульце-Деличи и им подобные»? На этот счет не может быть двух мнений. Они — тоже «интеллигенция», но только интеллигенция, оставшаяся верной буржуазии, не перешедшая на сторону пролетариата. Что выйдет, если мы примем в соображение, — что мы непременно должны сделать, — влияние *этой* интеллигенции? То, что историческая роль пролетариата *всегда определяется интеллигенцией того или другого образа мыслей,* а *собственных* стремлений, порождаемых экономическими особенностями его *собственного* положения, у этого несчастного класса, жестоко обделенного историей, совсем не полагается: он инертен, как дохлый осел, чтобы употребить здесь энергичное выражение Рабле. Это ли хотел сказать Ленин? Если да, то он запутался еще больше, потому что сказать это может только тот, кто не понял того, что говорит научный социализм об исторической миссии пролетариата.

Итак, *главный довод, приведенный Лениным на с'езде, говорит не за него, а против.*

Я недаром и вовсе не вследствие полемического увлечения сказал выше, что Марксу взгляд Ленина на отношение пролетариата к интеллигенции показался бы новой разновидностью взглядов Бруно Бауэра на отношение «*критики*» к «*массе*». Это непременно так и было бы на самом деле. Вспомните, что говорит Маркс о взгляде Бруно Бауэра.

Этот «критик» исходил из абсолютного идеализма Гегеля, подвергая его своей критике. Между тем как у Гегеля историю творит абсолютный дух, у Бруно Бауэра место абсолютного духа занимает, по замечанию Маркса, критическая критика. «Бруно Бауэр об'являет Критику абсолютным духом, а себя Критикой. Как элемент критики изгоняется из массы, так элемент массы изгоняется из критики. Критика воплощается поэтому не в массе, а в небольшой горсти избранников, в г. Бруно Бауэре и его последователях» [1]).

К чему же это приводит? А вот к чему.

«По одну сторону сидит Масса, как пассивный, неодухотворенный и неисторический материальный элемент истории. По другую сторону сидит: Дух, Критика, г. Бруно Бауэр и компания, в качестве активного элемента, от которого исходит всякое историческое действие» [2]).

[1]) «Die heilige Familie», p. 187.
[2]) Там же, стр. 188.

Знакомая картина! Как раз это самое видим мы у Ленина: по одну сторону стоит рабочая масса, как пассивный элемент, не имеющий собственного движения и направляющийся туда, куда его ведут «Шульце-Деличи», а иногда социалистическая интеллигенция, по другую сторону сидит: интеллигенция, социализм, Ленин и компания, в качестве активного элемента, к деятельности которого приурочиваются все шансы освободительного движения пролетариата и социалистической революции.

Во взгляде Ленина мы видим не *марксизм,* а, — прошу прощения за некрасиво звучащее слово, — *бауэризм,* новое издание *теории героев и толпы,* исправленное и дополненное сообразно рыночным требованиям самоновейшего времени [1]).

Теория героев и толпы, несостоятельная сама по себе и получающая некоторую степень внешнего правдоподобия лишь в эпохи неразвитого состояния борьбы общественных классов, ведет к весьма важным неудобствам в практике профессиональных революционеров.

Маркс говорит, что Бруно Бауэр, поправляя Гегеля, «об'явил Критику абсолютным духом, а себя самого Критикой». Представьте же себе, что подобная «Критика» берется за политическую деятельность, за осуществление известного практического плана. Так как она об'являет себя единственным активным элементом истории, то она считается с массой лишь постольку, поскольку надеется, что та будет служить в ее руках сильным, но послушным орудием и пойдет туда, куда угодно будет вести ее «сознательной» госпоже Критике. Впрочем, до сколько-нибудь серьезного влияния на массу эта «сознательная» госпожа обыкновенно и не доходит, да и дойти ни в каком случае не может. Против одного кружка избранников восстают другие кружки, исполненные столь же наивного и непреклонного самомнения, и между ними начинается ряд жесточайших ссор и беспощаднейших столкновений, которые сосредоточивают на себе все их внимание, поглощают все их силы и парализуют все их усилия. Вместо широкой, освободи-

[1]) Интересно, что даже буржуазный Зомбарт идет дальше социал-демократа Ленина, признавая, что образ жизни рабочего «необходимо» (mit Notwendigkeit) вызывает у него стремление к социализму. (См. «Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert». Dritte Auflage, p. 8). Почуяв в Ленине сторонника теории героев и толпы, «социал-революционеры» поспешили, как известно, об'явить его близким к народовольцам. Он заслужил это, извратив марксизм. Но, конечно, в программном отношении он все-таки очень далек от народовольцев, потому что у него деятельность «героев» необходимо предполагает пролетарскую толпу.

тельной *классовой политики* является узкое и жалкое *кружковое политиканство,* лишь тогда сменяющееся более широким образом мыслей и более разумным способом действий, когда усиливающееся и крепнущее *движение массы* воочию показывает всю смешную ограниченность кружковых «диктаторов» и всю жалкую тщету их усилий. Практика марксизма несовместима с теорией героев и толпы; теория героев и толпы несогласима с практикой марксизма. И вот почему Маркс и Энгельс питали такое глубокое отвращение к этой теории, как в тех случаях, когда она не выходила за пределы отвлеченной «критики», так и, — особенно, — тогда, когда ею вдохновлялись в своей практической деятельности крошечные мессии и миниатюрные «диктаторы» разных стран и всевозможных направлений. В разговорах со мной, — да и не только в разговорах со мной, — Энгельс не раз и настойчиво указывал на то, что в России, благодаря начинающемуся в ней рабочему движению, уже миновала старая заговорщическая практика нечаевщины и бакунизма [1]). Но мы не отделаемся от этой устарелой практики вплоть до тех пор, пока мы не покончим с теорией героев и толпы в ее новом, — и, будем надеяться, последнем, — видоизменении, т.-е. пока мы не разделаемся с учением Ленина о «*стихийности масс и сознательности социал-демократии*». Это учение в значительной степени окрасило собой «*четвертый период*» нашего движения, в некоторых отношениях отодвинув нас назад сравнительно с третьим его периодом.

Чтобы «ликвидировать» четвертый период, безусловно необходимо прежде всего всецело проникнуться сознанием полнейшей несостоятельности этого учения. Это conditio sine qua non.

Изгнав социализм из массы, а массу из социализма, Ленин об'явил социалистическую интеллигенцию демиургом социалистической революции, а самого себя и своих верных беспрекословных последователей — социалистической интеллигенцией по преимуществу, так сказать, *сверх*-интеллигенцией. Всех «несогласно-мыслящих» он обвиняет в анархическом индивидуализме и, в борьбе с ними, он апеллирует к той самой *массе,* которая в его теории играет, как мы видели, роль пассивной *материи.* Он с негодованием бьет себя в грудь и, полный благородного гнева, кричит, что только пролетариат понимает все значение организации и дисциплины. Такого рода криками переполнена

[1]) Читатель знает, вероятно, что на практике *анархист* Бакунин был таким же решительным и неуступчивым *централистом,* как и *марксист* Ленин.

его новая брошюра «Шаг вперед, два шага назад», в которой он, — *логически развивая свои мысли,* — сделал в то же время, — и именно благодаря своеобразной, но неумолимой логике этих мыслей, — *много шагов назад* даже сравнительно с брошюрой «Что делать?»

Апелляция Ленина к пролетариату напомнила мне те воззрения, с которыми время от времени обращаются к народу наши «охранители». С точки зрения «охранителя» народ, это — именно неисторический элемент истории, движимый бдительным и мудрым попечением высших классов. Но едва только эти классы начинают хоть немного сочувствовать «вольнолюбивым» идеям, «охранители» немедленно вспоминают о народной мудрости и грозят, что вдохновляемый этой мудростью народ «своим судом» в прах разнесет вольнолюбцев. У них, как и у Ленина, народная масса служит главным образом для того, чтобы пугать и «покорять под нози» всякого, — внутреннего или внешнего, — «врага и супостата»...

Говоря все это, я чувствую, что читатель собирается сделать мне весьма серьезный упрек. «Если это так, — думает он, — если взгляд Ленина до такой степени ошибочен и вреден, если он противоречит научному социализму, то почему же вы до сих пор молчали? Почему вы раньше не обнаружили ошибочности и вредоносности этого взгляда? Или вы сами только теперь убедились в его ошибочности и вредоносности?»

Отвечаю: нет, не только теперь. Я находил его неверным с тех самых пор, как я ознакомился с ним. Когда я прочитал рукопись брошюры «Что делать?», я сейчас же сказал Ленину и другим членам нашей редакционной коллегии, что я вижу в ней довольно много теоретических ошибок. Что касается в частности «стихийности» и «сознательности», то я заметил Ленину, что эта последняя является у него, — по известному выражению Гегеля,—wie aus der Pistole geschossen, и я настаивал на переделке мест, казавшихся мне неправильными. Ленин возразил мне, что брошюра выходит за его подписью и что этим с редакции снимается значительная доля ответственности за нее. В то же время некоторые товарищи по редакции говорили, что я отношусь к Ленину слишком строго и что, хотя он иногда выражается неудачно, но на самом деле твердо держится ортодоксального марксизма. Этот довод показался мне не лишенным убедительности. Я никогда не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически неспособен к диалектическому мышлению. Но я думал, что он все-таки дорожит интересами теории и что теория,

интересы которой ему дороги, есть все-таки *теория научного социализма*. Он представлялся мне, — если употребить выражения, часто встречавшиеся в этой статье, — более *инстинктивным*, чем *сознательным* марксистом; но я верил в благодетельную силу его «ортодоксального» *инстинкта* и надеялся, что он лучше усвоит, если не *метод*, то *вывод* марксизма, — вещь, доступная даже для *метафизика*, — когда в его голову *извне* проникнет более ясное марксистское *сознание*. Притом же Ленин, отстаивая свои позиции, все-таки обещал «исправить» указанные ему мною несостоятельные места своей брошюры. Наконец — last not least — мог ли я думать, что найдется много таких читателей, которым особенно понравятся ошибочные места этой брошюры, именно слабые стороны миросозерцания автора? Теперь, наученный горьким опытом, я знаю, что если в данном литературном произведении одновременно встречаются очень верные и очень ошибочные мнения, то одобрены будут нашими читателями прежде всего не те мнения, которые верны, а те, которые ошибочны; но тогда я еще не знал этой печальной истины и больше, чем теперь, полагался на собственное суждение читателя. Я надеялся, что наши «практики» усвоят себе из брошюры «Что делать?» те полезные, хотя вовсе не оригинальные мысли, что организация для нас необходима и что социал-демократия не может обойтись без политической борьбы ни на одной из «стадий» своей истории, но что они и без моих указаний заметят слабость тех теоретических доводов, с помощью которых Ленин отстаивал свои почтенные, но весьма уже пожилые истины. А так как разногласий в нашей социал-демократической литературе и без того было слишком много и так как плодить их без настоятельной практической надобности было по меньшей мере излишне, то я решился не выступать публично против Ленина. Но что я далеко не был удовлетворен его взглядами, это лучше всего видно из того, что однажды, — находясь под впечатлением его брошюры, а также моих продолжительных споров с ним по поводу составлявшегося тогда проекта нашей программы, — я высказал товарищу Мартову свое опасение того, что «теперь начинается у нас борьба метафизического марксизма Тулина с диалектическим материализмом Бельтова» [1]). Тов. Мартов, вероятно, не забыл этого разговора. Помнит он, надеюсь, и то, что хотя он

[1]) Тулин — автор одной из статей в сборнике «Материалы к характеристике экономического развития России», напечатанном весною 1896 г. и тогда же запрещенном цензурой. От его статьи на две версты несло метафизикой.

и старался успокоить меня на этот счет, но я далеко не был покоен.

Когда брошюра «Что делать?» вышла в свет, то оказалось, что Ленин в ней почти ровно ничего не изменил. Это, разумеется, не понравилось мне, и в течение некоторого времени наши взаимные отношения были очень натянуты. Но потом они стали улучшаться. Проведя осенью 1902 года более месяца в Лондоне, где издавалась тогда «Искра», я из довольно частых разговоров с Лениным вынес то убеждение, что марксистское *сознание* в самом деле быстро проникает в его голову и что точка зрения брошюры «Что делать?» для него самого является «превзойденной» точкой зрения. Потом, когда произошла знаменитая ростовская стачка, я написал в «Искру» две статьи, в которых нарочно снова поднимал вопрос об отношении в нашем деле *героев* к *толпе* и решал его совсем не по-ленински. Насколько мне было известно, Ленин не делал в заседаниях редакции никаких возражений против этих моих статей. Это еще более убеждало меня в том, что наш *инстинктивный* ортодокс все более и более становится *сознательным*. Наконец, в одной-двух позднейших статьях мне случилось, — *по другому поводу*, — опровергать и осмеивать многие из тех узко-метафизических доводов, которые когда-то выдвигал Ленин во время наших споров о нашем проекте программы [1]). И эти статьи встретили со стороны Ленина не возражения, а скорее похвалы. Все это не оставило у меня ни малейшего сомнения в том, что он сделал в своем развитии несколько очень значительных «*шагов вперед*» и покинул свои старые ошибки.

С этим впечатлением я поехал на наш с'езд, где мне пришлось, между прочим, принять участие в прениях по поводу того самого взгляда Ленина, который я критиковал в настоящей статье. Убежденный в том, что Ленин уже отказался от этого взгляда, я не считал нужным его оспаривать и пытался даже прекратить относившиеся к нему прения, как совершенно бесполезные при обсуждении *нашей программы*. Не надеясь, однако, что мне удастся это, я стал, как говорят французы, — plaider les circonstances atténuantes: «Ленин, — сказал я, — писал не трактат по философии истории, а политическое произведение». Другими словами это значило, что с точки зрения философско-исторической, — с какой я рассматривал его, например, здесь, — взгляд Ленина не выдержал бы критики. Если не ошибаюсь,

[1]) Этих статей я не могу назвать *по независящим от меня причинам*.

т. Мартов тогда же понял эти мои об'яснения в том смысле, что я в мягкой форме об'явил себя несолидарным с Лениным, как автором брошюры «Что делать?», и это было верно. Но на с'езде я заботился главным образом не о том, чтобы отклонить от себя эту ответственность за брошюру «Что делать?», а о том, чтобы, не плодя излишних споров и разногласий, найти теоретически верную формулу, которая могла бы об'единить как мнение нападавшего на Ленина т. Мартынова, так и тот новый взгляд, который, — как мне казалось тогда, — стал разделять Ленин под влиянием постепенно приобретаемого им *извне* социал-демократического *сознания*. «Вы говорите, — возражал я т. Мартынову, — что социализм вырабатывается всем пролетариатом, включая сюда и сознательную его часть, т.-е. всех тех, которые перешли на его сторону. Если вы хотите сказать это, то я не вижу основания разводиться не только с Лениным, но и с вами».

Эта последняя формулировка ставила всех нас на теоретически правильную точку зрения, совсем не затрагивая вопроса о том, насколько ошибся Ленин в своей брошюре. Если бы мы взялись обстоятельно разбирать этот вопрос, то мне пришлось бы, оспаривая Ленина, возразить также и нападавшим на него товарищам, так как им не удалось обнаружить именно самую слабую сторону его суждений. Но рассмотрение этого вопроса казалось мне неуместным при обсуждении нашего проекта, — выработанного *не* Лениным, — и вообще излишним: ведь сам Ленин, сделавший упомянутую выше, очень неудачную, попытку оправдаться, сам сознался, что в споре с экономистами он зашел *слишком далеко и «перегнул палку в другую сторону»;* из-за чего же было спорить и горячиться? Нам оставалось только заключить в свои об'ятия сына, бывшего некогда *блудным в теории,* и заколоть жирного тельца по случаю просиявания ленинского *«сознания»*.

Правда, в своем стремлении прекратить спор о разногласии, принадлежавшем, — по моему *тогдашнему* мнению, — к области безвозвратно минувшего *прошлого,* я сам зашел слишком далеко, чересчур *обеляя* Ленина. Иногда я говорил так, как говорят няньки о напроказивших детях, которых они хотят исправить, не прибегая к *наказанию:* «Это не Ваня (или, там, не Володя) шалил, это шалила кошка, а Володя (или, там, Ваня) — умный мальчик, он шалить не будет». Этот старый педагогический прием был ошибкой, о которой я теперь очень сожалею; теперь я вижу, что гораздо полезнее для дела было бы тогда же выставить в ярком свете теоретические шалости брошюры «Что делать?» Если кто-нибудь из товарищей захочет упрекнуть меня за

эту ошибку, то я спорить и прекословить отнюдь не буду. Но я скажу себе в утешение; меня так часто упрекали в страсти к *спорам,* что недурно, пожалуй, для разнообразия, выслушать упрек за излишнее *миролюбие*.

Кстати о моей любви к спорам. С г. Струве и «экономистами» я тоже начал спорить только тогда, когда убедился, что их *теоретические* ошибки и софизмы (г. Струве) могут иметь для нас вредные *практические* последствия. Поспорить из-за *«чистой теории»* я, правда, всегда не прочь; но многие и многие причины часто вынуждали меня воздерживаться от этого удовольствия. Энгельс справедливо сказал, что теоретики чистой воды встречаются теперь только между реакционерами.

Только после с'езда увидел я, что мое крайнее миролюбие в отношении к Ленину и твердое намерение *«не разводиться»* с ним [1]) были *вредны* для нашей партии. Только после с'езда окончательно выяснилось для меня, какое огромное влияние имела брошюра «Что делать?» на наших «практиков» и до какой степени она повлияла на многих из них *именно своими ошибками*. Только после с'езда наблюдение показало мне, что взгляд Ленина на рабочую массу, как на «неисторический элемент истории», как на «Материю», движимую к социализму действующим *извне* «Духом», что этот ошибочный взгляд в значительной степени определил собою *тактические и организационные* понятия как самого Ленина, так и многих наших «твердых» практиков [2]). Наконец, только после с'езда понял я, как горько я ошибался, приписывая Ленину движение *«вперед»*. На самом деле он и не думал итти в этом направлении. Как нельзя более довольный той популярностью, которую создало ему его отклонение от марксизма, сде-

---

[1]) См. в «Протоколах» мой ответ Акимову.

[2]) Эта связь ошибочной теории с вредной практикой вполне понятна. Люди, разделяющие тот взгляд, что социал-демократическая мысль могла развиваться «совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения», могут позволить себе очень большую *«независимость»* от рабочего движения и вообще в своей практике уподобиться заговорщикам доброго старого времени. В интересах справедливости замечу, что на практические ошибки и крайности слишком «твердых искровцев» еще до с'езда обращали мое внимание некоторые товарищи, принадлежавшие некогда к лагерю «экономистов». Хотя я и сам замечал и *отмечал* в письмах в редакцию «Искры» иные из этих крайностей, но показания бывших «экономистов» все-таки представлялись мне слишком преувеличенными. Теперь выходит, что они преувеличивали не так сильно, как я думал.

лавшее его идеи более доступными для наименее подготовленных к пониманию марксизма «практиков», он не только не отложил в сторону палки, искривленной им в полемике с «экономистами», но сел верхом на эту кривую палку и обнаружил самое недвусмысленное намерение ехать на ней, — при восторженных кликах всех советников Ивановых нашей партии, — в сторону... «*диктатуры*». Все это коренным образом изменило в моих глазах положение дел, и я решил бороться и спорить, следуя неоспоримо верному в данном случае правилу: *лучше поздно, чем никогда.*

В одном из последующих номеров «Искры» я покажу ошибочность взглядов Ленина на отношение «*политики*» к *экономической* борьбе, а потом разоблачу связь его *теоретических* ошибок с его *организационными* планами. Не нахожу нужным скрывать, что и в этой критической работе я буду исходить из твердого убеждения в необходимости ликвидировать «четвертый» период нашей партийной истории, забросив в кучу старого хлама «перегнутую палку» Ленина.

Социал-демократия и терроризм

«Чем основательнее данное историческое действие, тем шире та масса, которая его совершает».

«Царский процесс», только что закончившийся в Кенигсберге, мог благодаря усердию прокуратуры распространить в среде наших западно-европейских товарищей не совсем верное представление относительно того, как мы, — русские социал-демократы, — смотрим на так называемый *террор*. Ввиду этого я хочу в немногих словах устранить возможность каких-нибудь недоразумений на этот счет.

Известно, что прокурор настойчиво ссылался на одну фразу, вырванную из моей книги «Наши разногласия» и гласящую, что агитационная и пропагандистская деятельность среди рабочих не устранит необходимости террористической борьбы, но, напротив, значительно увеличит шансы успеха революционеров.

Это требует пояснения.

Прежде чем стать социал-демократом, я принадлежал к так называемой *народнической партии,* взгляды которой сложились между прочим *под влиянием Бакунина.* В этом смысле во взглядах наших народников было много *анархических* элементов, и в этом смысле, — *но только в этом смысле!*—я тоже стоял тогда на анархической точке зрения. Однако тот, кто сделал бы отсюда вывод, что анархический элемент моих тогдашних взглядов делал из меня сторонника террора, впал бы в большую ошибку и обнаружил бы очень плохое знакомство с историей нашего народничества. Не имея ни возможности, ни намерения излагать здесь эту историю, я скажу только, что *уже летом 1879 года на тайном Воронежском с'езде я вышел из революционной организации народников «Земля и Воля», потому что она не только не осудила «терроризма»,* как я и некоторые мои товарищи предлагали ей сделать, *но решительно склонялась на его сторону.* Это показы-

вает, как отрицательно я уже в то время относился к террору. И с этих пор мои отношения к нему не изменились.

Какой же смысл имеет квази-террористическая фраза, вынужденная обвинением из моей книги «Наши разногласия»?

Чтобы понять эту фразу, необходимо помнить, что в то время социал-демократическая партия существовала в России разве только в зародыше. Я, Павел Аксельрод, Вера Засулич, Л. Дейч и еще два-три товарища были *первыми русскими социал-демократами,* к которым вся тогдашняя революционная среда относилась со строгим порицанием за «измену» народничеству и даже с некоторым *подозрением.* Так, например, один террорист признался мне впоследствии, что когда он в первый раз прочитал книгу «Наши разногласия», — не забудьте, читатель, — ту самую, из которой заимствована прокуратурой моя квази-историческая фраза! — то в течение некоторого времени думал, что *я продался русскому правительству* и что проповедь социал-демократических идей служила мне лишь предлогом для борьбы с революционерами. Таково было впечатление, произведенное на одного из тогдашних террористов моим будто бы сочувствием террору. Уже одно это показывает, как убедительна странная ссылка прокурора на отдельную фразу, выхваченную из моей книги *в 300 с лишним страниц.*

Так как в то время еще не существовало русской социал-демократической партии, то я и не мог говорить о *ее тактике.* Я говорил о той тактике, которой в интересах своего собственного дела должна была бы держаться партия «террора», называвшая себя партией «Народной Воли». Прекрасно зная психологию этой партии, сильно ослабевшей к тому времени под ударами правительства, я понимал, что она ни за что не согласится совершенно отказаться от террористического способа борьбы. Поэтому я даже и не делал попытки предлагать ей это. Но так как для меня очень важно было направить хотя бы только часть сил этой партии на деятельность в рабочей среде, то я и говорил, что революционеры могут взяться за эту деятельность, не отказываясь от террора. Цель этих моих слов заключалась не в том, чтобы направлять революционные силы на террор, а в том, чтобы отвлечь часть их на дело пропаганды и агитации в среде пролетариата [1]).

[1]) Правда, в этом месте моей книги употреблено местоимение «мы», поэтому можно подумать, что у меня речь идет о социал-демократии. Но это был просто «façon de parler», очень нередкий в тогдашней нашей революционной печати, да и до сих пор еще не окончательно вышедший из употребления. Это «мы» значило, что, несмотря на коренную разницу во взглядах, я не считал себя совершенно чуждым тогдашним революционерам. Нас нравственно соединяла и должна была соединять наша общая ненависть к деспотизму.

Вот смысл инкриминируемой фразы. Вот каково было мое тогдашнее отношение к террору. Я сказал бы, что он не устарел, а просто благодаря изменившимся обстоятельствам стал несвоевременным. Теперь, когда социал-демократы составляют огромное большинство всех русских революционеров, нам нет никакой надобности говорить так, как мы говорили тогда, когда социал-демократы количественно представляли собой ничтожную горсточку людей и когда вопросы их собственной тактики были еще вопросами не настоящего, а будущего.

Я не хочу распространяться о других взглядах, высказанных мною в книге «Наши разногласия». Она была, главным образом, направлена против *экономических* предрассудков народников, которые как огня боялись развития капитализма в России, думая, что оно надолго отсрочит у нас социалистическую революцию. Я первый восстал в нашей печати против этого нелепого предрассудка, и на меня жестоко нападали также и за это восстание. А теперь уже никто, за исключением некоторых утопистов, называющих себя социалистами-*революционерами,* но заслуживающих скорее названия социалистов-*реакционеров,* — не сомневается в справедливости моего взгляда на историческую роль капитализма в России.

Возвращаясь к терроризму, я повторю еще, что наша партия в настоящее время относится к нему с самым решительным отрицанием.

Мы не думаем, конечно, что русский царизм падет *сам собой;* ни один политический режим еще не падал «сам собой». Мы должны вести с царизмом упорную и непримиримую борьбу. Но именно в интересах этой борьбы мы и отвергаем террор.

Царизм может пасть только под напором массового движения, успехи которого, несомненно, задерживались бы террором. Почему? А вот почему.

Наш современный политический порядок ставит чрезвычайно много препятствий для воздействия сознательных социалистов на народную массу. Для преодоления этих препятствий приходится затрачивать очень много материальных средств и моральных усилий. Жизнь выработала у нас целый слой так называемых *профессиональных революционеров,* т.-е. людей, посвящающих революционной деятельности

все свое время и все свои силы. Эти профессиональные революционеры служат главным и очень трудно заменимым ферментом брожения в массе. И если бы они вместо агитации и пропаганды в рабочей массе взялись за террор, то распространение революционных идей в этой массе от этого не прекратилось бы, конечно, но оно, несомненно, сделалось бы гораздо *слабей и медленней.*

Поэтому мы особенно строго осуждаем именно террористические увлечения «профессиональных революционеров». Террористические действия отдельных лиц, вроде финляндца Шаумана, поразившего генерала Бобрикова, могли бы оказать вредное влияние на наше революционное движение постольку, поскольку они, вызывая «белый террор», создавали бы новые полицейские препятствия для нашей агитационной и пропагандистской работы в массах. Это во всяком случае только *косвенное* влияние, поэтому мы и относимся к таким действиям далеко не так строго. Но и их мы считаем скорее вредными, чем полезными, *даже с точки зрения тех людей, которые их совершают:* Бобриковы заменяются Оболенскими, и реакция становится еще сильней, еще смелей, еще циничнее. Для завоевания свободы, необходимо повалить всю господствующую у нас политическую систему, а это возможно только путем широкого массового движения.

Замечательно, что терроризму сочувствуют у нас только *те, которые либо не понимают значения* массового движения в деле политической борьбы, *либо потеряли веру в это движение,* натолкнувшись на многочисленные препятствия, создаваемые полицией для революционной деятельности в массе. Убежденный социал-демократ, полный веры в свое дело, никогда не станет террористом. Но террору не могут не сочувствовать борцы, разочаровавшиеся в массовом движении, или та либеральная интеллигенция, которая не идет дальше *революционного дилетантизма.* Известно, что, например, еще Александр Соловьев, покушавшийся весною 1879 года на жизнь Александра II, прежде занимался революционной пропагандой среди крестьян, а потом, разочаровавшись в крестьянстве, решил убить царя, чтобы этим дать хоть какой-нибудь выход своему революционному чувству. Софья Перовская, принимавшая участие в заговоре на жизнь того же царя, примкнула к заговору только тогда, когда убедилась, что не может найти подходящего для нее рода деятельности в деревне среди крестьянства, в котором наши революционеры, до появления у нас *социал-демократии,* видели главную революционную силу России. Теоретик русского терроризма, Николай Морозов, доказывал необходимость у нас

терроризма именно тем соображением, что наш народ неспособен восстать на борьбу за политическую свободу. Наконец, чтобы от более или менее великого перейти к очень малому и даже смешному, наш несравненный Бурцев, решительнейший террорист на словах, *не имеет ничего общего с социализмом.* Еще в 1889 году он издавал в Женеве газету «Свободная Россия», в которой убеждал русских социалистов перейти *в либеральный лагерь.*

Но нужно признать одно. Пропаганда и агитация в рабочей среде не создают такого шума, какой вызывает обыкновенно даже самый незначительный аттентат. Вот почему люди, далеко стоящие от нашего движения, склонны измерять его успехи именно покушениями и превозносить террористов, как наиболее самоотверженных представителей русского революционного движения. Эти люди не знают, что *при русских полицейских условиях деятельность пропагандиста и агитатора требует гораздо больше самоотвержения, чем самый смелый аттентат.* Это иногда забывают даже западно-европейские социалисты, которые, — не одобряя террор, как метод борьбы, — все-таки иногда отзываются о наших террористах, как о каких-то *героях par excellence.* Этим они не мало вредят нашему делу, делу пролетариата, делу воспитания массы для решительной и радикальной борьбы с царизмом.

«Чем основательнее данное историческое действие, тем шире та масса, которая его совершает». Кто помнит это замечательное положение Маркса, — а современный социалист обязан помнить его, — тот никогда не признает нашего террора серьезным средством революционной борьбы, нашего террора, который всегда был и останется делом отдельных лиц или в лучшем случае — делом отдельных и по необходимости небольших революционных организаций.

[*После убийства Плеве.*]

Излишне будет, пожалуй, прибавлять, что удачное покушение на жизнь Плеве нисколько не изменяет моего взгляда на роль террора в нашей освободительной борьбе. Этому покушению необычайно обрадовались многие российские свободомыслящие круги. Но необходимо отметить, что особенно радовались как раз те элементы, которые *сами не принимают никакого активного участия в движении:* для них такие события являются чем-то вроде политических именин, вносящих не-

которое разнообразие в их пассивное существование. Они не интересуются тем, как такие события отражаются на деле, потому что *все их дело сводится только к одному лишь сочувствию таким событиям.* В другом положении находимся *мы,* непрерывно занимающиеся при наших политических условиях трудным делом агитации и пропаганды в среде пролетариата. Для нас возникает вопрос, не усилит ли аттентат еще более политический гнет царизма и не увеличит ли он трудностей нашего рабочего движения?

Торжество социалистов-революционеров

Повидимому, г.г. социалисты-революционеры были твердо уверены, что их «доклад» международному Амстердамскому конгрессу [1]) не прочтет решительно никто. Иначе трудно об'яснить себе ту... развязность, с которой они в «Революционной России» жалуются на «клеветы наших (т.-е. социалистов-революционеров) соперников», повинных в том, что в среде западно-европейской революционной социал-демократии наши «революционные авантюристы» пользуются самой незавидной славой.

«Западно-европейские социалисты... ознакомлялись с русскими делами до последнего времени крайне односторонне, почти исключительно из русских социал-демократических источников» («Революционная Россия» № 52). Во-первых, это неверно, ибо г.г. социалисты-революционеры издают специально для «ознакомления» западно-европейской публики журнал на французском языке («Tribune Russe»), да и вообще, по части саморекламирования, не оставляют желать ничего лучшего. Русские читатели могут составить себе достаточное понятие об этом «социально-революционном» искусстве хотя бы по тому фейерверку и шуму, который герои «Революционной России» устроили по поводу занятия места «в семье социалистических партий». Так как международный конгресс не считает ни нужным, ни возможным входить в разбирательство истинной ценности и значения тех «партий», которые так или иначе примазываются к движению пролетариата, то социалисты-революционеры получили возможность... «петушком, петушком» бежать за победоносной колесницей отрицаемого ими *только* пролетарского классового движения. Вот только и всего. И говорить по этому поводу, что «мы заняли в семье социалистических партий место, соответствующее значению нашей деятельности, нашей

[1]) Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russie au Congrès Socialiste International d'Amsterdam. Août 1904.

программы и тактики», кричать о каком-то «торжественном (?) утверждении наших прав» по малой мере странно.

«Революционная Россия» в этом случае так же сознательно рассчитывает на простецов, как и тогда, когда она в доказательство пассования социал-демократии перед «историческим значением нашей борьбы, нашей тактики, существования нашей партии вообще» приводит... что бы вы думали? — что «социал-демократическая делегация не решилась и заикнуться перед конгрессом или перед его бюро о неутверждении полномочий нашей делегации». Как прекрасно известно Хлестаковым «Революционной России», еще до начала конгресса бюро постановило, что каждая *организация* сама проверяет свои мандаты, но... бывают случаи, что для «торжественности» и «нехотя согрешишь».

Если г.г. социалисты-революционеры разводят такие «небылицы в лицах» перед русскими читателями, то понятно, что перед «мало знакомыми с русскими делами» западно-европейскими социалистами они еще меньше стесняются. Здесь «меру разуметь» и совсем уж не нужно! Правда, «Революционная Россия» сокрушенно доводит до сведения своих читателей, что «наши (соц.-рев.) попытки отвечать (в иностранной, особенно немецкой, социал-демократической прессе) на худшие вылазки против нас оставались втуне. Вежливо, «с социал-демократическим приветом» извещали нас, что, к сожалению, по тем или иным причинам (не всегда было легко понять, по каким) редакция не считает удобным поместить наш ответ». И приписываются эти неудачи исключительно поездкам «Георга» (каково остроумие!) Плеханова в Цюрих к Бебелю. Но нам чудится, что дело обстоит гораздо проще и что «Революционная Россия» может спокойно перестать следить за поездками т. Плеханова. Нам думается: да уж не были ли «ответы» г.г. соц.-рев. составлены так же... добросовестно, как составлен их «доклад» конгрессу? Не потому ли именно им было не всегда легко понять действительные мотивы «вежливых» отказов?

Что говорить! Своего противника, конечно, всякий может не понять или понять превратно, и потому, сознаемся откровенно, мы были крайне довольны, увидев «доклад» социалистов-революционеров. Теперь-то уж, конечно, все недоразумения рассеются, думали мы. Правда, мы, вообще говоря, не ожидали, чтобы г.г. социалисты-революционеры ясно и определенно высказали свои принципы, по той простой причине, что «самая прекрасная девушка в мире не может дать больше того, что у нее есть». Но все же по одному вопросу, по крайней мере, по вопросу о «терроре», думали мы, социалисты-революционеры не пре-

минут, конечно, вынести на «свет гласности», столь страстно призываемой ими, все, что только могут сказать в защиту своего «метода». И, признаться, мы ожидали, что правдивое изложение социалистами-революционерами их взглядов на террор навсегда излечит от некоторых симпатий к нему тех западно-европейских товарищей, в которых чувство непосредственной радости по поводу всякого удара, нанесенного царизму, заглушает иногда голос политического разума. Русские «марксистообразные софисты», по уверению «Революционной России», «боятся вмешательства революционного интернационала в наши домашние споры». По этой-то именно причине они, вероятно, стараются помещать «систематически на столбцах «Neue Zeit», «Vorwärts», «Leipziger Volkszeitung» и др. фактические сообщения, заметки и статьи, словно только что сорвавшиеся со страниц «Искры». Напротив, «наша партия», партия социалистов-революционеров, «не страшится света гласности и всестороннего обсуждения своей тактики».

Итак, «русский читатель легко себе представит, в каком виде предстали перед западно-европейскими товарищами русские террористы»... после опубликования «доклада» партии социалистов-революционеров! Нам даже страшно стало, когда мы подумали, что маленький доклад одним ударом может разрушить то здание «предрассудков и предубеждений» против террора, которое мы так старательно созидали среди европейских товарищей своими «фактическими сообщениями».

Но страшен сон, да милостив бог. С авторами «доклада» случился странный казус: недосмотр, недоразумение, внезапный паралич памяти... что угодно, только, разумеется, не боязнь «света гласности». Как бы то ни было, однако, приходится с грустью констатировать, что «революционному интернационалу», по крайней мере до следующего конгресса, придется подождать печатного доклада о терроре «партии социалистов-революционеров». Ибо в докладе, представленном Амстердамскому конгрессу, об этом деликатном предмете не говорится ни слова, ну так-таки ни единого слова! Каков пассаж для любителей «гласности»! Каково посрамление для «идейных противников», распространявших «басни и инсинуации» насчет беспринципности социалистов-революционеров!

Нам вспоминается сцена в комиссии по вопросу о международном регулировании тактики, когда взял слово «гражданин» Рубанович; мы помним тот акафист святому террору, который нескончаемым потоком лился из его уст, вызвав, наконец, нетерпеливые восклицания со сто-

роны «товарищей» и требование прекратить уклонение от темы со стороны председателя комиссии, тов. Трульстра. «Гражданин» Рубанович, слов нет, не прятал в карман «террора» своей «партии», и мы готовы были рукоплескать его откровенности и любви к «гласности». Но одна мысль охладила наш восторг. Ведь г. Рубанович разливался соловьем о терроре... после «Плеве», а «доклад» был написан и напечатан до «Плеве»! Признаемся, способ осведомления заграничных «товарищей» несколько своеобразный, но уж во всяком случае не «односторонний».

До «Плеве» — о «боевой организации» заявляется глухо лишь, что она «старается вести непосредственную революционную борьбу против царизма» (стр. 16 «доклада»), после «Плеве» — все «сказки» о терроре «уже почти рассеялись, благодаря лишь одному активному участию нашей делегации в Амстердамском с'езде». До «Плеве» — в числе «деяний» партии перечисляется всеобщая стачка 1903 г. и крестьянский бунт 1902 г., но ни звуком не упоминается ни об одном покушении. Ни Балмашев, ни Гершуни, ни безвестные уфимские революционеры не нашли себе места на страницах «доклада». И г.г. социалисты-революционеры имеют еще мужество жаловаться на «клеветнические выходки в деле Балмашева», не понимая, что ни один самый ярый враг террора не мог нанести худшего оскорбления смелому революционеру, чем «доклад» самих социалистов-революционеров! Партия, отрекающаяся от своих собственных «героев»! Партия, наскоро запихивающая их трупы куда-нибудь подальше, чтобы никто не увидел! Партия, «перед семьей социалистических партий» трусливо сторонящаяся (чтобы не скомпрометировали!) от тех, беззаветное самоотвержение которых только и скрашивает несколько всю неприглядную картину ее беспринципности! И все это с целью «торжественно» засесть в международном бюро! Какая милая картина! Какой ослепительный поток «света гласности»! Какая мужественная защита своих «принципов»! Это — до «Плеве». А после «Плеве», — о, после «Плеве» опять и «светлая память» Балмашева, и «геройская натура» Гершуни, и «самоотверженные борцы» 15 июля, — все это снова вытаскивается на свет божий, все это снова пойдет в ход, все это вдруг снова нужно, ибо на все это есть теперь спрос, а «спрос — господин предложения».

Маленький эпизод, но, кажется, беспримерный в истории революционных партий. И, имея на совести свой «доклад», правдолюбы «Революционной России» осмеливаются еще бить себя в перси и исступленно вопить о «баснях и инсинуациях наших идейных противников»!

Довольно ли?

«Стыд и позор, что «центральный орган» партии, исповедующей социалистические принципы, допускает на своих страницах такую беззастенчивую ложь и клевету».

(«Революционная Россия» № 54. «Довольно!» Отрывок из «Дневника Читателя».)

В 75 № «Искры» в статье «Торжество социалистов-революционеров» мы разоблачили «эпизод, беспримерный в истории революционных партий», — умолчание г.г. социалистами-революционерами о терроре в докладе, представленном делегацией их партии Амстердамскому конгрессу. Нас побудили к этому упорные инсинуации «Революционной России», будто мы «клеветали» на «социалистов-революционеров» в иностранной печати. Мы хотели показать, как «осведомляют» заграничных товарищей сами «социалисты-революционеры». Дело было так ясно, что мы были уверены: социально-революционным поборникам «гласности» останется лишь сконфуженно промолчать. Но — к несчастью социалистов-революционеров — у «Революционной России» есть некий «читатель», г. А. Левицкий. «Читатель» этот не только почитывает, но и пописывает. Дело хорошее; но мы советовали бы г. Левицкому почитывать повнимательнее, а пописывать поосторожнее. Иначе он всегда рискует оказывать своим «друзьям» услуги чисто медвежьего свойства. В самом деле: как прикажете назвать «услугу», оказанную г. Левицким своим «социально-революционным» друзьям? Их обвиняют в том, что они ведут двойную бухгалтерию своим «убеждениям». И вдруг выскакивает не в меру услужливый «читатель» и, прокричав голосом, задыхающимся от бешенства, целую кучу отборнейших ругательств, вопит благим матом: «Довольно! Не двойная бухгалтерия у моих «друзей», а... *тройная!*» Именно такую «услугу» оказал г. Левицкий своим «друзьям», и мы сейчас покажем это. Но,

предварительно, рассмотрим возражения г. Левицкого, так сказать, «по существу».

Возражения эти сводятся к двум пунктам. Во-первых, автор статьи «Торжество социалистов-революционеров» неправильно сказал, будто «в числе «деяний» партии (социалистов-революционеров) перечисляется всеобщая стачка 1903 г. и крестьянский бунт 1902 г. По словам г. Левицкого, ничего подобного на самом деле в «докладе» социалистов-революционеров нет. Однако же посмотрим на «доклад» и мы увидим, что и всеобщая стачка, и крестьянский бунт включены в главу, озаглавленную «L'Action du Parti S.-R.», а г. Левицкий, в примечании на стр. 23 № 54 «Революционной России», услужливо поучает нас, что «action» — это не просто «деятельность», ибо «по-французски это выходит даже сильнее». Итак, остается неопровержимый факт, что и стачка, и бунт «перечислены в числе «деяний» партии социалистов-революционеров». Если прибавить, что эти «деяния» в соответствующей главе занимают почти все место и что — в частности — о террористических деяниях в этой главе не говорится *ни полслова,* то спрашивается: зачем г.г. социалисты-революционеры трудились «перечислять» стачку и бунт? Неужели только затем, чтобы, как хочет уверить г. Левицкий, заявить, что социалисты-революционеры ко всему этому имели самое отдаленное касательство? Полный ответ на этот загадочный вопрос может получить лишь тот, кто прочтет эту замечательную главу: ибо надо прочитать, *как* она написана.

Теперь пункт второй: г. Левицкий уверяет, что социалисты-революционеры в своем докладе не замалчивали вопроса о терроре. Посмотрим же «доказательства». Их несколько, и прежде всего мы попросим читателей внимательно прочесть *все,* что мог выудить из «доклада» г. Левицкий, и сказать: так ли говорят о терроре г.г. социалисты-революционеры на российском языке, с российскими гражданами?

В самом деле, вот *все,* что мог привести г. Левицкий: во-первых, то место о Боевой Организации, которое цитируется и в статье «Торжество социалистов-революционеров». И что же? Оказывается, что про «боевую организацию» сказано именно то самое и именно в тех словах, как цитировалось в «Искре». Боевая организация служит партии «для непосредственной революционной борьбы против царизма». Правда, перед этим местом неподалеку стоит сакраментальное слово «террор». Но — увы! — говорится о терроре правительства, а не о терроре социалистов-революционеров. Г-н Левицкий в примечании уверяет, что lutte révolutionnaire directe (непосредственная революционная

борьба), подобно action directe, есть «обычное во французском политическом языке выражение для обозначения террористического метода, практикующегося анархистами». Но этим примечанием усердный «читатель» «Революционной России» только лишний раз выдает себя с головой. Не говоря уже о сомнительном лингвистическом толковании, хочет ли г. Левицкий сказать, что социалисты-революционеры преднамеренно старались о том, чтобы их «террор» смешивали с преследующим совсем другие цели «террором» анархистов? И каким образом «террористический метод» может быть направлен против *царизма?* И, самое главное, зачем же все-таки такая скромность: о правительстве прямо говорится, что оно практикует террор (terreur), а «террористический метод» социалистов-революционеров закутан в такие выражения, что вот г. Левицкому приходится «толковый словарь» составлять?

Дальше: в «докладе», по словам Левицкого,

1) говорится, что «партия организовала БО, цель которой — карать агентов русского правительства» и т. д.,

2) упоминается о брошюре: «Террористический элемент в нашей программе»,

3) сообщается, что БО опубликовал прокламации по поводу покушений членов БО — Балмашева и Качуры. К этому месту г. Левицкий делает бесподобное примечание, что о Гершуни не упоминается потому, что он «на суде признавал себя членом ЦК, а не БО»! Как будто социалистов-революционеров упрекают в том, что они замалчивают не террор, а специально БО! А «уфимские революционеры»? О них «доклад» молчит, вероятно, потому, что вовсе неизвестно, по какому ведомству они зачислены?

Вот *все,* что, по словам г. Левицкого, сказано в «докладе» о терроре. Читатель видит, разумеется, что по той роли, которую социалисты-революционеры отводят террору, когда пишут по-русски, этого бесконечно мало! Это ли называется на языке социалистов-революционеров «беспристрастным осведомлением заграничных товарищей»?

Но читатель все-таки, вероятно, не вполне удовлетворен. Положим, что о терроре действительно ничего не говорится; положим, что о Гершуни, уфимских революционерах и др. вовсе не упоминается; положим, что о *делах* Балмашева и Качуры ничего не рассказывается, а глава о «деяниях» партии социалистов-революционеров наполнена стачкой и крестьянским бунтом. Но ведь имена Балмашева и Качуры все-таки упомянуты, хотя бы и мимоходом, а между тем в статье

«Искры» было категорично сказано, между прочим, и о Балмашеве, что он «не нашел себе места на страницах доклада». Как же это?

Вот тут-то и начинается самая большая «услуга», оказанная не по разуму усердным «читателем» социалистам-революционерам.

Но мы должны, впрочем, покаяться. До сих пор мы привели не все места о терроре, выписанные г. Левицким. Есть еще одно место, в котором, будто бы, про социалистов-революционеров говорится, что они отличаются от социал-демократов, между прочим, своею тенденциею «предпринимать серию открытых, насильственных нападений, хотя бы по партизанскому методу, на известных представителей автократического режима». Не будем останавливаться на том, что и тут террор закутан в слова, довольно туманные. Но, прочтя это место, мы поразились вот чем: именно это место «доклада» — об отличиях социалистов-революционеров от социал-демократов — мы хотели цитировать в своей статье в качестве самого убедительного доказательства замалчивания вопроса о терроре. Но нас остановила лойяльность. Хотя из «доклада» и трудно сразу уразуметь, к каким именно «социалистам-революционерам» относится это перечисление «отличий», но все же, по тщательном исследовании, можно прийти к заключению, что под именем «все эти группы» авторы доклада подразумевают никак не нынешних социалистов-революционеров, а разнообразные старые группы—от «народовольцев» 1892 г. до группы издателей газ. «Накануне». По этой именно причине мы, в интересах беспристрастия, решили этим местом «доклада» не пользоваться.

Прочтя теперь в статье г. Левицкого слова об «открытых насильственных действиях» и пр. и пр., мы поспешно бросились снова наводить справку. На стр. 10 (а не 16-й, как показано у Левицкого) мы нашли действительно то самое, что искали, но — увы! — слов о насильственных действиях, партизанских методах и пр. *нет как нет!* Сначала идет все, как следует, как у Левицкого: «...1) своей тенденцией придает более активный и революционный характер социалистической пропаганде», затем идет точка с запятой, а потом пункт 2), в котором говорится уже о пропаганде среди крестьян. Слов, отпечатанных г. Левицким курсивом на стр. 23 № 54 «Революционной России», повторяем, и *в помине нет*.

Такой результат проверки крайне заинтересовал нас, и мы пошли дальше. Следующая цитата, упомянутая уже в нашей статье в № 75 «Искры», нашлась, правда, не на страницах 23—24 и не курсивом, как указывает г. Левицкий, а простым шрифтом, на странице 16 (как это и указано в № 75 «Искры»). Цитата верная, но ведь мы ее затем и вытаскивали, что она дает опору нашим утверждениям.

Идем еще дальше. Ищем страницу 62, на которой, по словам Левицкого, говорится о том, что БО призвана «карать» и пр. Но тут нашему изумлению нет пределов. Страницы 62 отыскать невозможно, ибо уже на 47-й поставлена весьма изящная виньетка, указывающая конец «доклада», а на 48-й совершенно явственно напечатан адрес типографии: Imprimerie «Le Bigot Fr.». Разумеется, и цитаты о прокламациях БО с упоминанием Балмашева и Качуры, цитаты, которая, по уверениям г. Левицкого, помещена «через две страницы» после страницы 62, мы отыскать не могли.

Что же это, однако, за чудо? У нас в руках та самая красная, яркокрасная книжечка, которая раздавалась всем членам конгресса; книжечка у нас в нескольких совершенно одинаковых экземплярах; на ней стоит то самое заглавие — Rapport du P. S.-R. de Russie au Congrès Socialiste International d'Amsterdam. Août 1904 (Доклад партии русских социалистов-революционеров международному социалистическому конгрессу в Амстердаме. Август 1904), то самое заглавие, которое мы цитировали в статье № 75; цитаты г. Левицкого, если не целиком, то частью совпадают с тем, что напечатано в нашей книжечке; — и, вдруг, какая-то нелепая путаница!

После долгих недоумевающих размышлений, нас начал, наконец, озарять свет «истины», и мы увидели, в чем тут дело. Г-н Левицкий, изволите ли видеть, берет свои цитаты не из того подлинного доклада, который раздавался всем членам конгресса, а из якобы «официального издания» его «в сборнике, напечатанном ко времени конгресса Интернациональным социалистическим секретариатом». Не будем говорить об «официальности» «Желтой Книги» интернационального Бюро, которая появилась на конгрессе к концу его и которая предназначалась для *перепечатки* на французском языке (а на этом языке написан «доклад» социалистов-революционеров, так что в переводе он не нуждался) всех докладов, представленных конгрессу [1]), а спросим г. Левицкого: а те «Красные Книги», которые озаглавлены, как сказано выше, в которых на первой странице еще раз повторено, что это «доклад, представленный делегацией партии социалистов-революционеров», которые, наконец, самою делегациею социалистов-революционеров розданы в первый же день всем членам конгресса, — эти книжечки — «официальные, или «официозные», или предназначенные для специальных читателей, что ли?

[1]) У нас этой книги сейчас нет под руками. Увидев, что там напечатан тот же «доклад», мы не сочли нужным вторично читать его, никак не предполагая даже и возможности такого фокуса, который обнаруживается теперь.

Мы оставим без рассмотрения вопрос о том, были ли сделаны из'ятия из «Красной Книги» «до Плеве», или, наоборот, вставки в «Желтую Книгу» — «после Плеве»; мы охотно поверим г. Левицкому на слово, что эти вставки-из'ятия «принадлежат перу т. Рубановича». Для нас достаточно констатировать следующее.

Г-н Левицкий с убедительностью показал нам, что г.г. социалисты-революционеры не только ведут двойную бухгалтерию, смотря по времени, месту и языку, но и «доклады» их печатаются с какими-то таинственными махинациями, быть может, глядя «по читателю»; что бухгалтерия у них, действительно, не двойная, а тройная, а, может быть, если порыться, и четверная. Но нам нет охоты копаться в этой, по деликатному выражению г. Левицкого, «грязи» и доискиваться, зачем и почему понадобилось это чернокнижие с «желтыми» и «красными» книгами.

Г-н Левицкий не мог не знать и знал, что мы в своей статье опирались на единственно известный нам «доклад», розданный социалистами-революционерами на конгрессе. Он не мог этого не знать, потому что в нашей статье приведено полностью заглавие книжечки и сделана (в цитате) ссылка на ее страницы. Г-н Левицкий должен был это знать, а между тем... между тем, он находит в себе печальное мужество бить себя в перси, вопить о «лжесвидетельстве», «грязи», «клевете», «политической морали», кричать «довольно!», требовать, чтобы «все русские социал-демократы протестовали против «поступков» «Искры».

Мы показали цену «благородства», которое хотел «соблюсти» г. Левицкий. И теперь мы его спросим: довольно ли? *Пока, думается нам,* довольно; если же г. Левицкий останется и теперь неудовлетворенным, то мы, быть может, сумеем представить ему и еще кое-какие перлы их докладов, «официального» и «неофициального». Но не мешало бы все же зарвавшемуся «читателю» «Революционной России» теперь, когда вся двусмысленность поведения социалистов-революционеров в вопросе о терроре обнаружилась с такою яркостью, какой мы сами не ожидали, не мешало бы г. Левицкому заявить об этом печатно и обрушиться на своих лицемерных «друзей» с тою же пылкостью, которую он так неуместно обнаружил по отношению к «Искре».

Во всяком случае мы ждем, что ответит г. Левицкий по этому поводу, и, если он теперь попытается закутаться в тогу молчания, всем будет ясно, какую цену имеет его нравственное возмущение.

Еще о двойной бухгалтерии

«Революционная Россия» жаловалась, что социалисты-революционеры не имеют возможности самостоятельно осведомлять о своей деятельности «заграничных товарищей» и что монополия осведомления находится в руках их «идейных противников», которые осыпают их «клеветами». Ей указали, как удивительно г.г. социалисты-революционеры воспользовались представившеюся им возможностью «осведомить» весь социалистический мир: в своем докладе международному конгрессу они молчали о терроре. Тогда выступил г. Левицкий, и его статья, в которой он с благороднейшим негодованием бил себя в перси, разоблачила, что есть два «издания» доклада: якобы «официальное» и якобы неофициальное. В первом о терроре смутно говорится, хотя лишь в «библиографическом отделе» (при перечислении прокламаций) и притом — тоже феномен природы — преимущественно в той части (второй) якобы «доклада», которая представлена в Международное Бюро еще в 1903 г. и отсутствует в «докладе», розданном *конгрессу* 1904 г. Из первой же части «доклада», в «неофициальном» издании, которое, однакоже, нигде таковым не обозначено и раздавалось всем членам конгресса, вытравлены все места, которые в якобы «официальном» издании еще напоминают о терроре.

Уличенные в «двойной бухгалтерии», г.г. социалисты-революционеры не унимаются, и в № 56 «Революционной России» уже дуэт, — из г.г. Левицкого и Рубановича, — кричит благим матом о всех статьях о терроре, помещенных в «Tribune Russe», о письмах во французские газеты, о прокламациях, посланных в Международное Бюро, словом, обо всем на свете, кроме причин умолчания о терроре в докладе, представленном международному конгрессу. Метод самозащиты очень хороший, но, к сожалению, мало убедительный. Г-н Левицкий, как явно опытный «сих дел» мастер, откровенно излагает и теорию этого «метода»: «запутать как можно больше людей и вещей, чтобы потом никто ничего в этом хитросплетении разобрать не мог». К огорчению

г. Левицкого «разобрать» можно. Мало того. Пойманные с поличным г.г. социалисты-революционеры теперь, мимоходом, признаются, что имели всегда и помимо «идейных противников» возможность «осведомлять» всю иностранную печать: через «Tribune Russe», французские газеты и пр.

Мы не станем дольше останавливаться на этом совершенно ясном деле. Отметим только одну изумительно... смелую выходку г. Левицкого. Мы говорили, что, в доказательство умалчивания о терроре, хотели цитировать то место «доклада» об отличиях социалистов-революционеров от социал-демократов, на которое г. Левицкий ссылается в доказательство того, что о терроре *не* умалчивается. Проверка ссылки г. Левицкого и обнаружила ***из'ятия,*** сделанные в докладе: «из'ят» был именно тот пункт «отличий», в котором намекалось на террор. Очевидно, что «это место» мы хотели цитировать потому, что в нем о терроре не упоминалось, а мы никак не могли подозревать, что в якобы «официальном» издании вставлена и фраза о терроре. А г. Левицкий, с бесстыдством, которому трудно подобрать подходящую квалификацию, спрашивает: как же могли вы цитировать «это место», если *его* в вашем «экземпляре» не было? Очень милый образчик литературной порядочности господина, не перестающего сыпать словами: ложь, клевета, бесстыдство, краска стыда и пр. и пр.

А в заключение, pour la bonne bouche, эпизод совсем комический. Мы высказали скромную догадку, что двумя изданиями «доклада» г.г. социалисты-революционеры, пожалуй, и не ограничились, что для каждого сорта читателей у них особые «сокращения». И что же? Забегая с виноватым видом вперед, г. Левицкий услужливо сообщает:

«Кстати сказать, на английском языке было сделано нашими английскими товарищами особое издание отчета, еще более сокращенное, ибо оно предназначалось не для Бюро (NB: опять «Бюро»!), а для ознакомления с партией интересующихся ею (sic!).

Признаемся, мы будем очень удивлены, если в этом «еще более сокращенном» издании г.г. социалисты-революционеры не фигурируют в виде ярых трэд-юнионистов. Для «интересующихся» чего не сделаешь!

Пора об'ясниться!

Парижская *конференция (некоторых) революционных и оппозиционных организаций России* не вызвала в европейской печати тех многочисленных толков, которых можно было ожидать по ее поводу. Однако о ней говорят как в буржуазной, так и в социал-демократической прессе. И, насколько мы можем судить по тому, что нам пришлось прочитать на этот счет, наши западно-европейские товарищи находятся в некотором недоумении относительно тех побуждений, которые заставили нас отказаться от участия в названной конференции. Иногда их недоумение выражается даже очень резко. Так, например, в парижской «Humanité» де-Прессансэ, можно сказать, разделал нас на обе корки.

Мы нимало не смущаемся сердитой выходкой этого «товарища». Во-первых, Ф. Прессансэ, как и все жоресисты, является профессиональным защитником всякого рода союзов («блоков») социалистов с буржуазными партиями. Во-вторых, упреки, сыплющиеся на нас из лагеря жоресистов, будут в состоянии производить на нас известное впечатление только тогда, когда мы позабудем, что на этих «товарищах» лежит тяжелая нравственная ответственность за кровь наших братьев, французских пролетариев, пролитую вооруженной силой буржуазной республики в Шалоне и на острове Мартинике. Мы еще не забыли, да вряд ли и позабудем когда-нибудь, об этом печальном обстоятельстве. Поэтому мы не возражаем Ф. Прессансэ. Но наше отсутствие на Парижской конференции было, к сожалению, неправильно истолковано не одними только жоресистами. Оно удивило также и некоторых товарищей, принадлежащих к немецкой и австрийской социал-демократии. О нем не без легкого товарищеского упрека говорил несколько недель тому назад «Vorwäts», к нему совсем недавно, в номере от 22 декабря, отнеслась с подобным же упреком венская газета «Arbeiter-Zeitung». Неодобрение, идущее из таких источников, для нас далеко не безразлично, и потому мы находим, что пора об'ясниться. Но так как мы хотим избежать ненужных повторений, то мы будем говорить здесь

лишь о заметке, появившейся в «Arbeiter-Zeitung». Мы надеемся, что наш ответ центральному органу австрийской социал-демократической партии достаточно выяснит наши побуждения и для наших германских товарищей.

Редакция «Arbeiter-Zeitung», надеемся, поверит нам, когда мы скажем, что нас огорчила ее заметка: кому же приятно слышать, что его осуждают те люди, к которым он относится с уважением? Но мы не скроем от этой редакции, что ее заметка также и обрадовала нас в немалой степени. Обрадовала вот почему.

Во время прений, происходивших в политической комиссии Амстердамского с'езда, товарищ Виктор Адлер высказал и защищал то убеждение, что никто из нас, членов международной социал-демократии, не должен осуждать своих товарищей; делегаты Российской Социал-Демократической Рабочей Партии нашли тогда эту мысль совершенно ошибочной. Их представитель в политической комиссии оспаривал товарища Адлера, чем вызвал в нем, нисколько того не желая, довольно значительное раздражение. Теперь «Arbeiter-Zeitung» *осудила* нас; стало быть, и она находит, что мысль Адлера была неосновательна. Нам приятно убедиться, что в этом важном отношении центральный орган австрийской партии согласен с нами.

В той же комиссии и тот же т. Адлер довольно зло смеялся над теми социал-демократами, которые позволяют себе иметь определенное мнение о тактике социалистической партии других стран; он думал тогда, что такое мнение очень сильно рискует быть ошибочным вследствие недостатка данных; наши делегаты и в этом были несогласны с Адлером. Теперь австрийская «Arbeiter-Zeitung», хотя и мягко, но совершенно недвусмысленно высказалась о тактике нашей партии; стало быть, она находит, что Адлер заблуждался. Нам приятно видеть, что и в этом важном отношении она согласилась не с ним, а с нами.

Но нам хотелось бы, чтобы почтенный венский социал-демократический орган согласился с нами также и в том, что касается нашей собственной тактики; поэтому мы просим его внимательно взвесить нижеследующее.

Он с удовольствием констатирует тот факт, что во время больших демонстраций «последних недель» студенты и пролетарии (почему не пролетарии и студенты?—*Г. П.*) всех революционных направлений выступали вместе против казаков и сомкнутыми рядами героически делали свое революционное дело. Уже эти немногие слова показывают, что

«Arbeiter-Zeitung» находится в глубоком заблуждении. Наш отказ участвовать в Парижской конференции был понят ею, как видно, в том смысле, что мы не хотим выступать вместе с другими партиями *«против казаков»*. Но мы никогда *не говорили* ничего подобного и никогда *не делали* ничего такого, что могло бы дать нашим австрийским товарищам достаточное основание *предположить* что-нибудь подобное. С нашей «теоретико-тактической точки зрения», — как выражается «Arbeiter-Zeitung», — нам всегда казался неоспоримым тот принцип, который был высказан еще в «Манифесте Коммунистической Партии» и который гласит, что *революционный пролетариат обязан поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего экономического и политического порядка.* Мы всегда и везде отстаивали этот принцип, за что нас упрекали и до сих пор продолжают упрекать в оппортюнизме некоторые, не по разуму рьяные, «революционеры». Правда, на практике нам до последних лет не приходилось *поддерживать «против казаков»* какие бы то ни было другие оппозиционные или революционные направления. Но это произошло не по нашей вине. Это произошло единственно потому, что, когда, — после затишья восьмидесятых и начала девяностых годов, — мы выступили на арену борьбы «с казаками», на этой арене *не было никаких других оппозиционных или революционных элементов.* Собственно в России мы, после указанного затишья, выступили первыми застрельщиками в борьбе «с казаками». Нам первым пришлось испытать на себе всю тяжесть «казацких» преследований, и нам оставалось лишь сожалеть о том, что нас слишком *слабо поддерживали,* — тогда еще слишком слабые, — *другие элементы, враждебные царизму.* Нелегкое бремя борьбы «с казаками» до сих пор лежит главным образом на спине *социал-демократических российских «пролетариев»,* как в этом легко может убедиться «Arbeiter-Zeitung», дав себе небольшой труд ознакомиться со статистикой совершающихся в России арестов и ссылок. Вот почему нам в высшей степени странно слышать, как наши западно-европейские товарищи советуют нам не отставать, в борьбе с царизмом, от других революционных и оппозиционных элементов. Эти товарищи несравненно правильнее поступили бы, если бы посоветовали *другим* элементам поддерживать *нас* в этой борьбе. *Такой* совет способствовал бы распространению среди наших крупных и мелких буржуа, выступающих теперь против абсолютной монархии, верного взгляда на огромную важность российского рабочего движения в деле борьбы за политическую свободу и тем увеличивал бы у нас шансы революции. Именно этот, а не другой совет прежде и настойчивее

всего подсказывается, — по нашему скромному, но в то же время вполне искреннему и очень глубокому убеждению, — всеми правилами международной *пролетарской* солидарности.

Пусть не подумают наши австрийские товарищи, что мы, с своей стороны, отказываемся поддерживать другие анти-«казацкие» партии, хотя бы и позже нас выступившие на политическую сцену. Повторяем, мы убеждены, что такой отказ был бы огромной и непростительной ошибкой. Но, будучи всегда готовы энергично поддерживать эти партии, если они предпримут какое-нибудь серьезное политическое действие, мы никогда и ни за что не согласимся *слиться с ними*. Партия рабочего класса должна выступать как отдельная и независимая партия, если только она хочет неуклонно и последовательно защищать интересы этого класса.

Нам скажут, пожалуй, что Парижская конференция и не поднимала вопроса о взаимном слиянии представленных на ней партий. Допустим. Но Парижская конференция вовсе и не представляется нам серьезным политическим актом. В самом деле, что сделала эта конференция? Выработала «декларацию», гласящую, что представленные на ней организации стремятся к замене самодержавного строя свободным демократическим режимом и признают право самоопределения за всеми нациями, входящими в состав российского государства. Нашей партии не было никакой надобности дожидаться Парижской конференции для того, чтобы дать защищаемым ею демократическим принципам гораздо более яркое, полное и определенное выражение. Точно так же и признание права национального самоопределения гораздо раньше Парижской конференции было занесено в нашу программу. Стоило ли нам ехать в Париж для того, чтобы привести оттуда те истины, которые сделались для нас политическим трюизмом, вроде, например, сознания необходимости борьбы с царским самодержавием? «Соединять свои усилия» для того, чтобы хором повторять подобные трюизмы, значит лишать эти «усилия» всякого практического значения. Если Парижская конференция, не ограничившись хоровым повторением подобных трюизмов, сообщила своим участникам еще и то убеждение, что они должны поддерживать друг друга в борьбе с царизмом, то это могло быть очень полезным, в особенности для тех из них, которые еще не знали этого или забывали это под влиянием каких-нибудь политических или национальных предрассудков. Но мы совсем не нуждаемся и в этом напоминании. Следовательно, и с этой стороны поездка в Париж должна была представиться нам совершенно излишнею.

Организации, участвовавшие в конференции, заявляют в своей декларации, что они «соединяют свои усилия для ускорения неизбежной гибели абсолютизма», но в то же время ни одна из них «ни на минуту не думает отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических приемов борьбы, соответствующих потребностям, силам и положению тех общественных элементов, классов или национальностей, интересы которых она представляет». Это можно признать ясным только при одном условии, а именно только в том случае, если организации, участвовавшие на конференции, представляли, — несмотря на все богатое разнообразие своих названий,—интересы *одного и того же* общественного класса, а потому и выражали в сущности одни и те же классовые тенденции. В этом случае, конечно, им очень легко было понять друг друга и об'единить свои усилия. Но если предположить, что на конференции участвовали представители *различных* общественных классов, то неизбежно возникает интересный вопрос: каким именно образом они могли соединиться, не переставая в то же время быть самими собою? Это очень трудная задача. Нам говорят, что Парижская конференция разрешила ее, и не сообщают, в чем именно состоит ее решение. Но именно вследствие этого ее декларация утрачивает всякий серьезный смысл и представляется не более как рядом политических трюизмов и бессодержательных фраз. Стоит ли толковать о *такой* декларации? И неужели «Arbeiter-Zeitung» думает, что писать такие декларации уже значит *бороться «с казаками»?* Мы — враги всяких двусмысленностей и всякого фразерства, и уже по одному этому мы отказались бы подписаться под парижской декларацией. Мы спокойно можем ограничиться тем заявлением, что всякий серьезный противник царизма, — *не восстающий против политических требований сознательного пролетариата,* — может в каждом своем революционном действии рассчитывать на поддержку нашей партии. Это заявление, надеемся, достаточно для того, чтобы наши западно-европейские братья не приписывали нам желания уклониться от борьбы «с казаками».

«Arbeiter-Zeitung» сообщает нам далее, что каждая победа Японии является поражением царизма. Можем уверить ее, что мы давно и хорошо знаем это. Не говоря уже о передовых статьях «Искры», которые могли остаться неизвестными венскому социал-демократическому органу, мы напомним ту речь, которую один из делегатов нашей партии произнес в первом же заседании Амстердамского с'езда. Эта речь, содержание которой было передано также и в «Arbeiter-Zeitung», достаточно показывает, что мы нимало не заблуждались насчет исторического зна-

чения русско-японской войны. Но, безусловно признавая истину, сообщаемую нам нашим венским собратом, и неизменно руководствуясь ею в своей практической деятельности, мы продолжаем считать непростительной всякую спекуляцию на победу буржуазного японского правительства, которое, кстати сказать, преследует теперь, по сообщениям европейских газет, социалистов своей страны за то, что те распространяли социалистические издания между русскими военнопленными.

Еще два слова. «Arbeiter-Zeitung» как будто одобряет латышских социал-демократов за то, что они, с одной стороны, вместе с нами отказались участвовать в Парижской конференции, а с другой—все-таки участвовали в ней. Признаемся, нам такая похвала не представляется очень лестной.

Заслужил одобрение венской газеты и еврейский «Бунд», который, по ее словам, хотя и ответил отрицательно на приглашение участвовать в конференции, но закончил свой ответ выражением готовности вместе с другими партиями сражаться и бороться против царизма.

После всего сказанного нами выше, излишне было бы повторять, что и нам совсем не чужда эта, совершенно естественная, готовность. Заметим только, что представитель «Бунда» деятельно участвовал в редактировании ответа, посланного организаторам конференции нами, социал-демократией Литвы и Польши и некоторыми другими социал-демократическими организациями.

Вот все, что мы считаем *теперь* нужным и возможным возразить на заметку венской «Arbeiter-Zeitung».

Ответ нашим непоследовательным сионистам

Публицисты «Вестника Бунда» обвинили меня в искажении истины. Это — тяжкое обвинение. И если бы оно исходило от правдивых людей, то мне давно нужно было бы отозваться на него. Но так как оно исходило от публицистов «Бунда», то торопиться было некуда. Однако, в конце концов, ответить мне все-таки нужно, потому что иной наивный читатель может поверить даже и названным публицистам.

Искажение истины орган «Бунда» нашел в одном из моих фельетонов об Амстердамском конгрессе. Ему очень не нравится место этого фельетона, где я рассказываю о том, при каких обстоятельствах решен был Международным Социалистическим Бюро вопрос о представительстве России. Этому месту названный орган противопоставляет письма некоторых иностранных товарищей, состоящих членами этого Бюро, — письма, будто бы совершенно меня опровергающие. Я сейчас рассмотрю содержание этих писем, но прежде считаю необходимым сделать следующее замечание.

Публицисты «Бунда» слишком «вольно» излагают неудобное для них место моего фельетона. У них выходит, что я утверждал, будто национализм «Бунда» был той осью, вокруг которой вертелись дебаты в Бюро по вопросу о представительстве России. И они просят своих читателей «хорошенько это заметить». Но тут наши непоследовательные сионисты, стремящиеся к тому, чтобы утвердить Сион не в Палестине, а в пределах российского государства, очень далеко уходят от истины, хотя вероятно и без умысла. Они привыкли смотреть на свой союз, как на самую серьезную в России рабочую организацию, как на своего рода «*ось*», вокруг которой совершается все движение российского пролетариата. Оттого они усмотрели «*ось*» и в моем фельетоне. Но там ее не было. Я вовсе не говорил, что национализм «Бунда» был осью, вокруг которой вертелись споры и т. д. Поэтому публицисты

«Бунда», с помощью приводимых ими писем, опровергают не меня, а *свою собственную неуместную и неудачную выдумку*.

В том-то и дело, что никаких споров о *национализме* «Бунда» в Бюро не поднималось; в том-то и дело, что одного указания Гайндмэна на то, что «Бунд» вышел из нашей партии только вследствие своих националистических стремлений, было достаточно для того, чтобы решить вопрос о представительстве в пользу «социалистов-революционеров». Вот где «заковыка»! Если бы было иначе, если бы произошли «дебаты» и оказалась «ось», то это было бы гораздо более лестно для «Бунда». Может быть, потому-то его орган и извратил смысл моего рассказа об этом эпизоде?

Перехожу к письмам.

В письме Ван-Коля с *уверенностью* говорится, что о национализме «Бунда» не было и речи. Но ведь я заявил же, что бундисты вышли из нашей организации только потому, что «ее устав не оставлял места для их более или менее националистических стремлений». Факта этого заявления не оспаривает и орган «Бунда». И уже этого одного достаточно, чтобы видеть, что свидетельство Ван-Коля не совсем точно. Чем об'ясняется его неточность? Вероятно тем, что этот товарищ не понял, о чем его спрашивали бундисты. Вероятно, он думал, что кто-то утверждает, будто в спорах о представительстве России национализм «Бунда» подвергался подробному обсуждению, играл роль «оси» и т. п. Но ничего этого не было; все это впоследствии выдумали бундисты, и неудивительно, что Ван-Коль отрицал это.

Письмо тов. Серви... но пусть читатель даст себе труд пробежать это письмо, напечатанное в № 5 «Вестника Бунда». Он сам увидит, что письмо это ничего не говорит *ни против меня, ни в мою пользу*. Оно показывает только одно: что из памяти т. Серви совершенно изгладился ход интересующих нас здесь споров.

Письмо Гайндмэна гораздо содержательнее, хотя и оно показывает, что его автор не вполне хорошо помнит, как было дело. Он говорит: «Мне казалось несообразным, чтобы русские евреи, имея случай соединиться с русской социал-демократической партией и будучи на самом деле представлены делегатом этой партии, — тем не менее, требовали для себя отдельной делегации и отдельного голоса». На самом деле Гайндмэн не сказал в своей речи, что я «на самом деле» представляю *Бунд в Международном Бюро*, или, вернее, сказал это очень условно. Да он и не смог сказать это иначе, после того, как присутствовавший в Бюро гражданин из «Бунда» об'явил, что его организация меня своим представителем считать не может, а я, с своей стороны, поставил Бюро на вид, что решительно не претендую на честь подобного представительства. Но Гайндмэн действительно сказал, что *требование «русских евреев» ни с чем не сообразно и что они упускают прекрасный случай вернуться в Российскую Социал-Демократическую Партию* [1]). Я именно так и передал в своем фельетоне это место его речи. Что же касается собственно *«национализма»*, то неужели публицисты «Вестника Бунда» не поняли, что именно на него указывают слова: русские *евреи?* Ход мыслей Гайндмэна был таков: он находил, что, *как пролетарии,* рабочие, входящие в состав «Бунда», могли бы быть представлены в Бюро тем самым лицом, которое представляет всю вообще рабочую партию России; а *как русские евреи,* эти рабочие не должны иметь права на отдельное представительство. Читатель понимает, конечно, что это значит; но недогадливые публицисты «Бунда» этого не поняли; они не догадались, что письмо Гайндмэна опровергает *не меня, а их,* и с торжеством напечатали его в своем органе. Говорите же после этого, что гоголевский городничий лгал и что никакой человек не может сам себя высечь!

Остается письмо товарища Каутского. Непоследовательные сионисты ликуют по поводу того, что «Каутский солидаризуется с Бундом». Но тут они опять обнаруживают большую недогадливость. Каутский говорит, что он солидарен с Бундом в принципиальном отношении. Что же это значит? Это значит, что он солидарен с ним постольку, поскольку он стоит на социал-демократической точке зрения («я отношу Бунд к социал-демократии принципиально»). Но Каутский не одобряет *организационной обособленности Бунда.* А на чем основывается эта организационная обособленность? На том, что я назвал более или менее националистическими стремлениями Бунда. Стало быть, Каутский солидарен с этой организацией не более, чем солидарен с нею неприятный ей теперь Плеханов. Почему же ликуют публицисты Бунда? Говорю паки: — по недогадливости [2]).

В недогадливости вся беда публицистов Бунда. В приведенном ими месте моего фельетона говорится о *«смысле»* того эпизода, который произошел в Международном Бюро по вопросу о представительстве Рос-

[1]) При этом он сослался на то, что было сказано мною о причинах, побудивших «Бунд» к выходу из нашей партии.

[2]) Г.г. бундисты, как видно, позабыли статью Каутского, написанную им после кишиневского погрома. Я очень рекомендую ее читателю, он увидит из нее, как именно «Каутский солидаризуется с Бундом».

сии. Когда спорят о *смысле,* то апеллируют к *логике,* а не к показаниям свидетелей. «Теоретики» (гм! гм!) «Бунда» позабыли об этом и против собственной воли подтвердили, что логика на моей стороне. Как ни благодарен я им за это, но все-таки не могу воздержаться от восклицания: вот так полемисты! Видно, они мастера только на крепкие слова!

Впрочем, надо и то сказать: если бы эти люди были сильнее в деле логики, то они не были бы непоследовательными сионистами.

О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом

(Письмо к Центральному Комитету)

Дорогие товарищи!

Я потому пишу это письмо, что считаю себя обязанным выступить на защиту той тактики, которую рекомендовала «Искра» ввиду происходящей теперь земской кампании.

Когда началась эта кампания, в наших рядах стали раздаваться громкие сожаления, — мне самому пришлось выслушивать эти сожаления, — о том, что революция, прологом которой она является, будет иметь *буржуазный* характер. Это — неосновательные сожаления. Они были бы уместны только в устах наших *народников,* боявшихся *торжества капитализма,* или в устах тех *«истинных» немецких социалистов* сороковых годов, над которыми так зло смеялся «Манифест Коммунистической Партии». Вы помните, конечно, относящуюся сюда едкую страницу Манифеста? Вот она. «Этот немецкий социализм, так громко кричавший о своих жалких схоластических измышлениях, лишился, однако, мало-по-малу своей педантической невинности. Борьба немецкой и особенно крупной буржуазии против феодалов и королевского абсолютизма, словом, либеральное движение приняло более значительные размеры, и «истинному» социалисту представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазной свободе и буржуазному равенству и проповедывать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но, скорее, рискует все потерять... Немецким абсолютным правительствам со всей их сворой попов, школьных учителей, помещиков и бюрократов, он (истинный социализм) служил очень удобным пугалом против грозно выступавшей буржуазии. Он представлял

собою слащавое дополнение к горьким расправам посредством плетей и розог, которыми те же самые правительства отвечали на восстания рабочих».

Кто считает себя последователем Маркса и в то же время уподобляется нашим народникам или блаженной памяти «истинным» немецким социалистам, противопоставляя *политическому* движению *социалистические* требования, тот как нельзя более ясно показывает, что ему осталась неизвестной даже *азбука марксизма*.

Буржуазная революция впервые создаст у нас те общественно-политические условия, при которых только и можно будет серьезно задумываться о социальной революции пролетариата. «Развитие условий существования многочисленного, сильного, концентрированного и сознательного пролетариата идет рука об руку с развитием условий существования сильной, концентрированной и влиятельной буржуазии», — говорит Маркс в своей книге «Revolution und Kontrerevolution in Deutschland». Если смешно было плакать о *развитии* у нас капитализма, то еще более смешно огорчаться тем, что это развитие не остается бесплодным в *политическом отношении* и обещает, наконец, привести к падению царского самодержавия. Нам нужно радоваться тому, что России предстоит пережить буржуазную революцию, и стараться придать этой революции возможно более широкий размах, а неизбежному и необходимому участию в ней пролетариата сообщить возможно более *сознательный характер*. К этому сводится, к этому должен быть сведен основной вопрос нынешней тактики нашей партии.

К сожалению, этот вопрос очень неправильно разрешается даже многими из тех, которые понимают, что поставить его необходимо. Так, например, Ленин обрушился на «новую» редакцию «Искры» с целым рядом упреков за то, что она решает указанный вопрос будто бы в смысле оппортюнизма. Но в том-то и дело, что в решении, предложенном новой редакцией, оппортюнизма нет и тени.

Ленин очень охотно противопоставляет «новую» редакцию «Искры» *старой*. Старая редакция шла по правильному пути, а *новая* попала в оппортюнистическое болото. Чем отличается новая редакция «Искры» от старой? Только тем, что в ней нет Ленина. Выходит, стало быть, что только Ленин мог спасти «Искру» *от вредного влияния оппортюнизма* и что *там плохо, где его нет*. Это, конечно, очень лестно для Ленина, но... посмотрим «по какому случаю шум». С этой целью мы сравним «*старого*» Ленина с «новым» Лениным, сопоставим брошюру «Что делать?» с листовкой «Земская кампания и план «Искры».

На страницах 51 и 52 первой из названных двух брошюр мы находим следующие интересные строки: «Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной, политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических, вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества».

Итак, рабочему классу нужен опыт политической жизни, выясняющий ему «взаимоотношение» всех классов современного общества; и тот не социал-демократ, кто мешает рабочему приобрести такой опыт. Это верно, хотя и выражено крайне угловато. Но в чем же состоит такой опыт? Неужели в чтении тех «*политических обличений*», по поводу которых Ленин вел спор с Мартыновым и при защите которых он в своей брошюре «Что делать?» вдавался подчас в довольно-таки забавные крайности? Неужели деятельное участие рабочего класса в борьбе с абсолютизмом, — *которая будет успешной только в том случае, если станет общенародной*, — не в состоянии дать этому классу нечто гораздо более веское и убедительное в смысле *опыта*, нежели чтение, — хотя бы самое усердное чтение, — обличительной литературы? Маркс говорит, что в Германии одним из самых важных результатов участия рабочих в событиях 1848—1849 г.г. было разочарование пролетариата в буржуазной демократии. Это разочарование было, — замечу я от себя, — далеко не полным, как это показало впоследствии то отчасти равнодушное, отчасти недоверчивое отношение, которое встретил со стороны рабочих Лассаль в начале своей агитации. Но поскольку такое разочарование существовало, оно в самом деле было одним из важнейших исторических результатов *опыта* указанной эпохи, одним из драгоценнейших политических приобретений германского пролетариата. И если бы тот способ действий, который рекомендует теперь рабочему классу «новая» редакция «Искры», дал ему одну только возможность сделать это приобретение, — а я уверен, что он даст ему *не одну только*

эту возможность, — то и тогда к нему нужно было бы отнестись с полным одобрением: ведь мера разочарования пролетариата в буржуазном либерализме и в буржуазной демократии является мерой его собственной политической зрелости. Какой же способ действий рекомендуем мы в данном случае российскому пролетариату? По существу тот самый способ, который был указан «Коммунистическим Манифестом» в словах: «Коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства». Мы не рекомендовали ничего другого, *и тот не социал-демократ, кто,* — *подобно новому Ленину,* — *стремится совратить с этого пути Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию!*

Пойдем дальше. На странице 59 той же брошюры Ленина говорится: «Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему классу только *извне,* т.-е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: «что делать, чтобы принести рабочим политическое знание?», нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «иди к рабочим!» Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны итти во *все классы населения,* должны рассылать во все стороны отряды своей армии».

Известно, какую массу недоразумений вызвала ленинская мысль о том, что классовое политическое сознание может быть принесено рабочему «только извне». Я посвятил оценке этой мысли целых два фельетона в №№ 71, 72 «Искры» и потому не стану заниматься ею здесь. Я отмечу только одно: *старый* Ленин советовал социал-демократам «итти во все классы населения», «рассылать во все стороны отряды своей армии», а *новый* Ленин жестоко противоречит ему, нападая на «новую» редакцию «Искры» за то, что она посоветовала нашей партии посылать «отряды рабочей армии», между прочим, и в земские собрания, более или менее недовольные царизмом.

Новый Ленин сам чувствует, что здесь он противоречит *старому* и усиливается разрешить это противоречие таким образом:

«Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, — говорит он, — задача воздействия пролетариата на «общество», естественно, изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиваться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста г. г. либералов (достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к «Записке Витте», и на многочисленные статьи в «Искре»)».

Это было бы очень хорошо, если бы... не было из рук вон плохо. Статья Ленина, критикующая предисловие г. Струве, появилась во 2—3-й книжке «Зари», вышедшей в декабре 1901 года, *написана же* она была, эта статья, месяца за четыре до выхода названной книжки. А брошюра «Что делать?» появилась со всеми своими советами насчет хождения во все классы и т. п. — только в 1902 г. Ее предисловие помечено февралем этого года. Стало быть, несомненная «половинчатость» г. Струве не помешала «старому» Ленину твердо держаться того убеждения, что «тот не социал-демократ, кто» и т. д.; стало быть, эта несомненная «половинчатость» совсем не примиряет «нового» Ленина со «старым»; стало быть, вовсе не достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к «Записке Витте» и т. д.

Столь же мало «достаточна» и ссылка на многочисленные статьи «Искры»: так, например, в своей статье, напечатанной в № 16 нашего органа, Ленин говорит: «Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин!» Этот номер «Искры» вышел тоже в феврале 1902 г., т.-е. опять-таки *уже после того,* как Ленин ополчился на «половинчатого» г. П. Струве. Стало быть, и эта, очень характерная для *старого* Ленина, статья ясно показывает, что вовсе не половинчатостью г. П. Струве приходится об'яснять тот факт, что листовка «Земская кампания и план «Искры» бьет, — как выражаются немцы, — по лицу брошюру «Что делать?»

Я уже не говорю о том, что «половинчатость» представляемой г. П. Струве либеральной оппозиции никоим образом не могла быть неожиданной для нас и, следовательно, не могла повлиять сколько-нибудь решительным образом на наше отношение к «обществу» и на наше мнение о том, должны ли мы, и как именно должны, «обращаться» к нему. «Половинчатость» будущей нашей либеральной оппозиции легко можно было предвидеть уже на основании той «критики», которою

тот же самый г. Струве занимался задолго до своего выступления на политическое поприще. Или, может быть, «старому» Ленину, не «достаточно» было этих «критических» упражнений для составления себе ясного понятия о том, что может представлять собою наша политическая оппозиция? Пожалуй, что так. Я помню, что не далее, как летом 1900 года, т.-е. когда г. П. Струве уже во всем блеске обнаружил свой «критический» талант, Ленин непременно желал иметь этого «критика» в числе сотрудников «Зари». Мне пришлось много спорить с ним для того, чтобы заставить его отказаться от этого, крайне изумившего и огорчившего меня, желания.

Согласно своему неизменному обыкновению, Ленин и здесь рассуждает по той формуле: «да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого», которую Энгельс в своем споре с Дюрингом выставляет как образец *метафизического мышления*. По Ленину выходит, что мы можем *или* расталкивать буржуазную оппозицию, *или* обнаруживать ее половинчатость. Марксисты рассуждают иначе: их тактика умеет *соединить расталкивание с разоблачением*. Еще «Коммунистический Манифест» писал, что хотя коммунисты идут рядом с буржуазией, поскольку она является революционной в борьбе против абсолютной монархии, но *в то же время* они ни на минуту не перестают «вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Очевидно, — даже по смыслу вышеприведенной цитаты из «Что делать?», — что выработка такого сознания невозможна без разоблачения либеральной половинчатости, которая обусловливается именно характером *экономического отношения* этого класса к *пролетариату,* именно тем обстоятельством, что его интересы непримиримы с интересами рабочих.

Пойдем еще дальше. Вдумайтесь в нижеследующие строки: «Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*» («Что делать?», стр. 62).

«Понятно само собою, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и пр. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь... Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем,* но и непременно *должны* руководить, если хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся

не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция, сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных, собственно, только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. *Мы* должны взять на себя организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать, и действительно стали оказывать, все и всяческие оппозиционные слои. *Мы* должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту продиктовать «положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и пр., и пр.» (стр. 64—65).

Теперь сопоставьте эти строки с тем, что пишет Ленин в листовке «Земская кампания и план «Искры», и у вас получится следующий вывод: если мы хотим быть передовыми демократами, то мы должны «*наталкивать*» людей, недовольных, собственно, только земскими порядками, на мысль о негодности всего политического порядка; но когда эти «*натолкнутые*» нами недовольные люди вздумают бороться «со всем политическим порядком», то с нашей стороны будет оппортюнизмом, если мы вздумаем «*наталкивать*» их, в интересах рабочего класса, на более демократические требования. Поразительная логика! Глубокая политическая мудрость!

Это еще не все.

Мы должны взять на себя задачу организовать всестороннюю политическую борьбу под руководством нашей партии и стараться *заставить* «все и всякие оппозиционные слои» *помогать нам в борьбе с царизмом;* но когда *земский* «оппозиционный слой» придет в движение, мы окажемся оппортюнистами и чуть не изменниками, если захотим *заставить* этот элемент содействовать пролетариату в его борьбе с царизмом. Еще раз: удивительная логика!.. Непостижимая ортодоксальность!

Но и это еще не все.

Мы должны вырабатывать из наших практиков таких политических вождей, которые умели бы в нужную минуту продиктовать положительную программу действий недовольным земцам; а когда мы посоветуем нашим практикам позаботиться о том, чтобы рядом внуши-

тельных демонстраций напомнить «недовольным земцам» о политической программе пролетариата, против нас будет выдвинуто обвинение в оппортюнизме, и Ленин на все голоса закричит: «Караул!» «Измена!» Чудеса, да и только!

Мне, разумеется, и в голову не приходит защищать все положения, высказанные Лениным в его брошюре «Что делать?»; я очень далек также от мысли отстаивать все те положения, которые заключаются в сделанных мною выписках. Но поскольку в основе всех этих положений лежит то коренное правило, которое было высказано еще в «Манифесте Коммунистической Партии» и которое гласит, что мы обязаны поддерживать «всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений», — постольку я согласен со *старым* Лениным и постольку я сожалею о том, что *новый* Ленин сжег почти все, чему тот поклонялся, и поклонился почти всему, что тот сжигал.

Предлагая свой «план», новая редакция «Искры» руководствовалась теми основными положениями тактики международной революционной социал-демократии, которые были выработаны еще в то время, когда мы с Лениным и г. П. Струве не родились еще на свет божий, и о которых Ф. Энгельс говорил, что он в течение всей своей жизни не имел ни одного повода к тому, чтобы усомниться в их правильности. Основываясь на этих положениях, тот же Энгельс писал к Турати в январе 1894 года, — когда в Италии можно было ожидать революционного взрыва, — следующие многозначительные слова:

«Победа подготовляющегося теперь революционного движения [1]) может, стало быть, только усилить нас и создать более благоприятную для нас *окружающую среду*. Мы совершили бы величайшую из ошибок, если бы, ввиду этого, мы, в своем отношении к «родственным» партиям, захотели ограничиться чисто отрицательной критикой».

Но именно эту величайшую изо всех ошибок и советует нам совершить Ленин во имя Энгельса, во имя Маркса, во имя самого Ленина и во имя всей вообще марксистской ортодоксии. Кто же, наконец, прав: Энгельс или Ленин? И не пора ли заподозрить в оппортюнизме знаменитого автора «Анти-Дюринга»?

В «кампании», начатой новым Лениным против новой редакции «Искры», немалую роль играет его, будто бы революционный, смех по

[1]) Перед этим Энгельс показывает, что движение это еще *не может быть социалистическим.*

поводу того, что эта редакция не хочет *запугивать* никого из оппозиционных противников царизма. Полезно будет поэтому раз'яснить то понятие, которое связывается у нее с этим словом, и распутать ту сеть недоразумений, которую соткал наш «новый» противник.

Ленин пишет: «Пугаясь уличных листков, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, г. г. либералы всегда будут бояться лозунга: «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхом буржуазии».

Тут что ни слово, то самая изумительная и самая демагогическая путаница понятий.

Во-первых, пусть скажет нам Ленин, как относились «г. г. либералы» ко всему тому, что идет дальше цензовой конституции, в то время, когда он писал свою брошюру «Что делать?» *Пугались* ли они «всего» этого? Если он ответит: «*нет*», — то я спрошу его, почему же теперь так радикально изменилась их природа? Если он ответит: «*да*», — то я покорнейше попрошу его об'яснить мне, почему же он, *несмотря на это,* считал тогда нужным диктовать им «*положительную программу действий*».

Во-вторых, разве в письме редакции «Искры» речь идет об отказе от лозунга «демократическая республика» и от призыва к вооруженному восстанию? Пусть Ленин потрудится указать мне то место письма, в котором он вычитал это. Он не укажет такого места потому, что *его нет и быть не могло.* Редакция «Искры» говорила *нечто, прямо противоположное.* Она говорила вот что: «Революционный социалистический пролетариат должен напомнить оппозиционной либеральной буржуазии, вступающей в борьбу с царизмом, о том, что положение дел у нас теперь уже не похоже на то прежнее, печальное и постыдное, положение, когда народ оставался равнодушным ко всем освободительным стремлениям интеллигенции, — как то с горечью констатировал в свое время Чернышевский в «Письмах без адреса», — и когда одних дворников достаточно было бы для того, чтобы «покорить под нози» всех восставших врагов абсолютизма; он должен напомнить либеральной буржуазии, что в его собственном лице на нашу историческую сцену выступила новая и как нельзя более «народная» сила, умеющая ценить значение политической свободы, способная крепко постоять за эту свободу и готовая бороться за нее, в случае надобности, даже путем

вооруженного восстания; наконец, он должен напомнить либеральной буржуазии, что она вполне может рассчитывать на его энергичную поддержку, если только она не занесет в свою политическую программу политической измены демократии, если только она не выступит *против политических требований сознательных рабочих*». Вот что говорила «новая» редакция «Искры». Имеет ли это хоть какое-нибудь, хотя бы самомалейшее, хотя бы самое отдаленное сходство с тем, что приписывает ей Ленин?

Мы вообще не можем руководствоваться в своей деятельности паникой и страхом буржуазии. Ну еще бы! Конечно, нет! Это — аксиома. Но такую же аксиому представляет собою и та мысль, что мы в своей деятельности должны руководиться тем соображением, что мы не должны без надобности путать тех, которые в данное время могут быть полезны нам. Если эту аксиому до сих пор оспаривают анархисты, то все «сознательные» социал-демократы давно уже, надеюсь, перестали сомневаться в ней.

Кстати, о панике. Недавние тамбовские события способны, пожалуй, навести некоторых противников абсолютизма на ту мысль, что правы «Московские Ведомости», грозящие либералам всенародным восстанием *против* конституционализма. Я спрашиваю, есть ли на свете хоть один такой лоб, который не понимал бы, что для дела политической свободы в России была бы чрезвычайно вредна «паника», вызываемая такою мыслью, и что наша обязанность заключается в том, чтобы воочию, на деле, путем рабочих демонстраций, показать либеральной буржуазии, что «Московские Ведомости» клевещут на «народ», что рабочий класс готов восстать *не для поддержки царизма, а для борьбы с ним?* А ведь редакция «Искры» в своем письме имела в виду, между прочим, и *такую панику*.

То правда, что она имела в виду *не только такую «панику»*, то правда, что она вообще считала и считает вредной ту тактику, которая стремилась бы сообщить буржуазии убеждение в том, что в предстоящей нам теперь революции речь пойдет не о свержении нашего «старого порядка», а о торжестве *социализма*. Но разве *старая* редакция «Искры» когда-нибудь одобряла подобную тактику? Разве она не считала ее противоречащей всему духу современного социализма? Вот что писал я, — член *старой* редакции «Искры», — в той самой книжке «Зари», в которой Ленин воевал с «предисловием г. Струве».

«С точки зрения современного научного социализма всякие толки о *социалистическом перевороте*, как о *ближайшей цели* революционного

движения в России, представляются вполне и безусловно неосновательными.

«Ближайшей целью революционного движения является *низвержение абсолютизма*, которое, обеспечив русскому пролетариату политические права и политическую свободу, даст ему широкую возможность расти и зреть, развиваться и организовываться для *социалистической революции. Торжество социализма* не может совпасть с *падением абсолютизма*. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени. И именно потому, что они будут отделены один от другого во времени, *социал-демократы*, в своей непримиримой борьбе с абсолютизмом, могут, с полным правом и нимало не противореча себе, указывать всем, кому надлежит знать и понимать это, что *их интересы в настоящее время совпадают с интересами свободомыслящей части нашего общества*».

Если бы в то время, когда я писал это, — в 1901 году, — кто-нибудь из наших товарищей сказал, что момент социалистического переворота совпадет у нас с моментом падения абсолютизма, то *старая* редакция «Искры» сочла бы себя обязанной оспаривать эту мысль, *во-первых*, потому, что она *вообще неправильна* с точки зрения научного социализма, а *во-вторых*, — потому, что ее высказывание было бы *вредно в практическом отношении*, так как могло бы вызвать невыгодные для нас опасения в рядах либеральной буржуазии. Словом, наша *старая* коллегия об'явила бы эту мысль *вредной*, между прочим, и потому, что она могла бы до известной степени запугать либералов. И в то время нашу редакционную коллегию стали бы осуждать за это разве лишь «социалисты-революционеры», которые тем настойчивее обещают нам *социалистический* переворот, чем более души их проникаются *мелкобуржуазными* стремлениями. *Теперь* за это отрицательное отношение к ненужному запугиванию нас осуждает «ортодоксальный» и «радикальный» Ленин. Как далеко ушли мы по пути развития нашей политической мысли!

Увлеченный желанием атаковать *новую* редакцию «Искры», Ленин, как видно, совсем позабыл то, «что должен знать и помнить» каждый сознательный социал-демократ, т.-е. то, что тактика запугивания есть *тактика анархическая по преимуществу*. Анархическая тактика состоит в том, чтобы в каждый данный момент произвести как можно больше шуму, крику, страху, смятения и бестолковщины. Западный пролетариат давно уже прекрасно знает, как много вредит его освободительному движению эта нелепая тактика.

Пора знать это и русским рабочим. Если бы люди, принадлежащие к так называемому «обществу» и собирающиеся вместе для того, чтобы так или иначе протестовать против абсолютизма, приписали нам анархическую тактику, то каждое появление наше в их среде, или хотя бы только поблизости от них, могло бы только пугать их, потому что мало ли какую штуку способны отмочить г. г. анархисты! Нам следует *напомнить им о том, что мы не анархисты* и что мы сами осуждаем анархическую тактику. Этого требуют очевидные интересы нашего дела. Но ведь напомнить им об этом и значит принять меры к тому, чтобы не запугать «либералов».

Что же тут дурного? И почему Ленин так *запуган* нашим нежеланием запугивать?

«Мы были бы глупцами, — восклицает Ленин, — если бы соображались с их (либералов. — *Г. П.*) паникой». Да. Мы были бы глупцами, если бы соображались с нею. Но мы соображаемся не с нею, а с интересами рабочего движения. И мы были бы трижды глупцами, если бы, взявшись представлять эти интересы, мы не сумели понять, что держаться тактики запугивания — значит поддерживать не тех, которые *борются* с царизмом, а тех, которые его *защищают*.

Ленин думает, что только «нововременцы» могут задумываться о том, как бы не сыграть в руку реакции. Если бы он не был ослеплен своим желанием во что бы то ни стало уличить в оппортюнизме *новую* редакцию «Искры», то он сообразил бы, что задумываться об этом обязан всякий вышедший из детского возраста сторонник политической свободы.

Основатели научного социализма прекрасно понимали вредное значение запугиваний. В полемике с Ткачевым Энгельс писал (в половине семидесятых годов), что в России находятся налицо все условия революции, и прибавлял: «Отдалить ее могут лишь два события: удачная война против Турции или Австрии, — но для этого нужны деньги и прочные союзы, — или преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в об'ятия правительства» [1]). Энгельс решительно осудил бы такую преждевременную попытку именно потому, что она запугала бы имущие классы, т.-е. именно потому, что она сыграла бы в руку реакции. Пора, давно пора об'явить оппортюнистом «нововременца» Энгельса и отдать его под надзор «ортодоксального» и «радикального» Бонч-Бруевича, этого неизменного alter ego *нового* Ленина!

[1]) См. брошюру «Ф. Энгельс о России», Женева 1894 г., стр. 19.

Те мысли, которые *новая* редакция «Искры» высказала в своем письме, до такой степени неоспоримо правильны, что сам Ленин, поющий, вопиющий и глаголющий об ее оппортюнизме, вынужден признать их «самоочевидными». «Неразумно было бы игнорировать этого союзника (т.-е. либеральную буржуазию. — *Г. П.*), — говорит он, — нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его; все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руководящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом». Но если это «самоочевидно», то «о чем гремят витии»? Если это «самоочевидно», то с какой стати Ленин кричит о нашем оппортюнизме? Не «самоочевидно» ли, что весь его шум и крик совершенно лишен всякого разумного смысла?

Впрочем, нет, погодите. Ленин шумит и кричит потому, что в письме *новой* редакции «Искры» эти «самоочевидные» истины не сопровождаются следующими, например, положениями, «самоочевидность» которых Ленин «самоочевидно» считает еще не совсем «самоочевидною»: «Мы должны соображаться с состоянием своих сил (Вот оно что! А нам-то и невдомек, что мы должны с ним считаться! Мы впервые услыхали это от Ленина. — *Г. П.*), с ростом народного возбуждения и возмущения (*Новая* истина *обновленного* Ленина! — *Г. П.*), с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений». Тэ-эк-с! Правильно изволите говорить, почтеннейший! Но жаль только, что сами-то вы плохо «соображаетесь». Вы говорите:

«Заигрывая с земством, делая ничтожные уступки земству, правительство ведь ровно ничего не уступило фактически народу; правительство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца».

Это верно. Но именно потому, что правительство может вернуться к реакции, не сделав серьезных уступок «не только народу», *но даже и самому земству,* мы не без основания можем надеяться на то, что нам удастся толкнуть на более решительную борьбу с самодержавием, между прочим, и земцев. Именно поэтому мы и должны постараться продиктовать, — как говаривал *старый* Ленин, — недовольным земцам «положительную программу действий».

Новый Ленин продолжает: «Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкиванья его пустыми словечками,

надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломан, особенно энергично звать к продолжению и удесятерению борьбы с врагом».

Опять верно! Именно в настоящий момент надо особенно остерегаться лисьего хвоста царского правительства и напоминать всем, что враг еще не сломан.

Но что же говорит *новая* редакция «Искры»? То, что сознательный пролетариат, диктуя, — согласно совету *старого* Ленина, — недовольным земцам «положительную программу действий», должен напоминать им, что указанный хвост принадлежит именно лисице, а не какому-нибудь другому, менее хищному, зверю, и приглашать их принять участие в облаве на этого хитрого и вредного зверя.

Новый Ленин находит, что именно в настоящий момент преступно переносить центр тяжести с обращения к правительству на обращение к земству. Тут уже я не скажу: «верно!», потому что тут — или умышленная путаница, достойная самого пушистого лисьего хвоста, или невольное «недоумение», простительное только *зеленому гимназисту,* как выразился Энгельс в полемике с Ткачевым. *Обращение обращению — рознь.* К *правительству* мы «обращаемся», стараясь повалить его, а к *обществу* мы «обращаемся», стараясь побудить его к более энергичной борьбе с правительством и... и, — как выражался *старый* Ленин, — продиктовать ему «положительную программу действий». Ларчик открывается, как видите, совсем просто.

Товарищи, нападающие на новую редакцию «Искры» за ее письмо, мнят себя *крайними революционерами,* а между тем, та тактика, которую они рекомендуют, была бы вредна с точки зрения пролетариата, т.-е., стало быть, *с точки зрения революции.* Они идут в одну комнату, а попадают в другую. Такую ошибку постоянно повторяли когда-то *народники;* но она совершенно непозволительна *социал-демократам.*

А что такую ошибку делают товарищи, нападающие на письмо «Искры», это станет ясно для них самих, если они дадут себе небольшой труд в продолжение нескольких минут подумать над спорным вопросом.

В самом деле: товарищи, осуждающие нас, согласны с нами в том, что России предстоит теперь пережить не *пролетарскую, а буржуазную революцию.* Но между тем как мы советуем *пролетариату,* — которому суждено играть главную роль в этой буржуазной революции, — своевременно позаботиться о том, чтобы в начинающейся борьбе приняли участие все те *буржуазные элементы,* которые только могут участвовать в ней, — наши мнимо-радикальные товарищи хотят, чтобы *буржуазная* революция совершена была силами одного *пролетариата.* Нечего сказать, хорош радикализм! Если бы пролетариат послушался «радикальных» советов, даваемых ему этими нашими товарищами, то нашим восхищенным очам, может быть, в самом скором времени пришлось бы наслаждаться следующим отрадным зрелищем: революционный *пролетариат,* не щадя живота своего, ведет борьбу с *абсолютизмом,* предоставляя «половинчатой» *буржуазии,* — в наказание за ее «половинчатость», — спокойно сидеть сложа руки; а когда абсолютизм падает, этот самый пролетариат отходит на задний план, — потому что совершенная им революция имеет *буржуазный,* а не *социалистический* характер, — предоставляя «*половинчатой*» буржуазии *целиком* пользоваться плодами совершенной им революции. Какой замечательный радикализм! И как не сказать о людях, одержимых им, что они стремятся «*радикально*» *работать на пользу* «*половинчатой*» *буржуазии.*

Разница между нами и товарищами, нас осуждающими, сводится вот к чему:

Мы, — «оппортюнисты», — хотели бы хоть отчасти свалить тяжесть предстоящей политической борьбы с плеч пролетариата на плечи буржуазии.

Они, — «радикалы», — хотят, чтобы эта тяжесть целиком легла на спину пролетариата.

Разница тут большая, но она не в пользу *мнимых* «*радикалов*».

Маркс говорил когда-то, что буржуазия признает за пролетариатом одно право: *право на узурпацию борьбы с абсолютизмом.* Но то право, которое в конце сороковых годов «*признавалось*» *за пролетариатом буржуазией,* это самое право *навязывается теперь пролетариату* его бессознательными друзьями. Мы решительно отклоняем от себя всякую претензию на «радикализм» этих бессознательных друзей.

Если бы такой «радикализм» был обнаружен каким-нибудь заматерелым экономистом, то это было бы естественно: экономисты не понимали *политических* задач нашей партии. Но что такой же «радикализм» обнаруживает *новый* Ленин, тем самым впадая в непримиримое противоречие со *старым* Лениным, автором брошюры «Что делать?», это — загадка, разгадать которую можно лишь с помощью одной из двух следующих гипотез.

Первая гипотеза. Ленин увидел, что даже в его собственном лагере те старые обвинения в оппортюнизме, которые он прежде посылал по адресу *новой* редакции «Искры» единственно на основании своих

организационных разногласий с нею, порядочно уже приелись и перестали производить надлежащее впечатление. Поэтому он решил подкрепить их каким-нибудь «*принципиальным*» разногласием и придумал тактическое разногласие по поводу земской кампании.

Я думаю, что эта гипотеза далеко не лишена основания, и думаю так вот почему. Вскоре после выхода листовки Ленина я встретился с одним из товарищей, принадлежащих к «твердокаменным», и заговорил с ним о нашем партийном нестроении, обвиняя в нем, главным образом, политическую неразвитость его единомышленников, не желающих уступить совершенно естественным и законным требованиям своих товарищей. «Хорошо, — возразил мне мой собеседник, — допустим, что наши организационные требования неосновательны; но вот теперь обнаружились также и тактические разногласия». И надо было видеть, с каким удовольствием констатировал он «обнаружение» этих новых разногласий! Видно было, что, благодаря этому неожиданному «обнаружению», у него гора с плеч свалилась. Я тогда же подумал, что мой собеседник недолго остался бы «твердокаменным», если бы Ленин не догадался обвинить «новую» редакцию «Искры» в тактическом оппортюнизме. И мне сдается, что психология этого товарища не была исключительным явлением между «твердокаменными».

Вторая гипотеза состоит вот в чем. *Новый* Ленин в сущности не так расходится со *старым,* как это может показаться на первый взгляд. Известно, что *старый* Ленин никогда не смотрел на пролетариат глазами марксиста. Его пресловутое положение, гласящее, что предоставленный самому себе пролетариат никогда не пошел бы дальше трэдюнионизма, было, — с точки зрения Маркса, — настоящим пасквилем на рабочий класс. Такой взгляд можно было отчасти извинить лишь с помощью того соображения, что Ленин *еще не успел* усвоить себе, во всей ее полноте, марксову теорию. Чтобы вы не подумали, товарищи, что я преувеличиваю, я прошу вас вдуматься в смысл следующих строк:

«Таких людей (профессиональных революционеров, от души возненавидевших буржуазный порядок и повернувшихся к нему спиной. — *Г. П.),* таких людей немного, но зато они драгоценны, разумеется, только тогда, когда, возненавидев общебуржуазное стремление к господству, задушили в себе последние остатки личного честолюбия; в таком случае, повторяю я, они действительно драгоценны. Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву; но взамен они приносят ему положительные знания и привычку отвлечения и разобщения и умение организовываться и создавать союзы, которые в свою очередь создадут ту сознательную боевую силу, без которой немыслима победа». Кто автор этих строк? Ленин? Нет, не Ленин. Откуда же видно, что не Ленин? Вот откуда: у Ленина вместо «*народа*» стоял бы «*рабочий класс*»; вместо «*привычки отвлечения и разобщения*» стояло бы «*социалистическое сознание*»; у Ленина марксистская *терминология.* Но что касается собственно отношения профессиональных революционеров *к массе,* то старый Ленин отнюдь не расходился в его понимании с автором только что приведенных мною строк. Об этом авторе Маркс сказал, что у него профессиональный революционер является тем святым духом, который один только и способен сообщить революционную жизнь мертвой массе. Совершенно таким же святым духом, оживляющим мертвую массу пролетариев, являются профессиональные революционеры в концепции Ленина. И совершенно так же, как у автора только что приведенных мною строк, у Ленина профессиональные революционеры создают «союзы», по своему усмотрению распоряжающиеся судьбою всего рабочего движения. Неудивительно поэтому, что и тот «план» Ленина, согласно которому должны создаваться «союзы» профессиональных революционеров, как две капли воды похож на тот «план», который,— за тридцать лет до появления ленинского «Письма к товарищу», — был придуман и осуществлен автором интересующих нас строк. Но кто же был этот автор, предвосхитивший взгляд и план «ортодоксального» и «радикального» марксиста Ленина? Это был радикальный и ортодоксальный анархист М. Бакунин, автор книги: «Государственность и Анархия», на 7-й странице которой находится приведенное мною место об отношении профессиональных революционеров к массе. А «твердокаменный» союз, организованный Бакуниным, в духе ленинского «Письма к товарищу», за тридцать лет до появления этого письма, был тот «Всемирный Союз Социальной Демократии» (даже и социальная демократия, как видите, не была забыта! — *Г. П.),* с которым Марксу пришлось вести такую жестокую борьбу в недрах Интернационала. Вот так штука! [1])

Мыслящий по-бакунински, «ортодоксальный» и «радикальный» марксист Ленин энергично отстаивал ту мысль, что члены «союзов»

[1]) Этот «союз» целиком был основан на принципе «централизации руководства» и «децентрализации ответственности». Но вообще надо признать, что, как создание «интеллигентного» заговорщика, «план» Бакунина был несравненно грандиознее ленинского плана. Хоть Бакунин и был одним из отцов анархической церкви, а надо отдать ему эту справедливость. Беспристрастие — прежде всего!

профессиональных революционеров должны влиять на «все классы» общества (у Бакунина они тоже должны были стремиться к такому влиянию). Но политический кругозор мыслящего по-бакунински «ортодоксального» и «радикального» марксиста Ленина всегда ограничивался узкими пределами крошечных «союзов» профессиональных революционеров. На точку зрения *рабочего класса* Ленин был так же мало способен встать, как и Бакунин. Поэтому, когда наша история поставила перед этим классом серьезную политическую задачу, Ленин оказался неспособным решить ее и, благодаря этой неспособности, пустился обвинять в оппортюнизме тех людей, которые решали эту задачу в духе научного социализма.

Такова моя вторая гипотеза. Если вы скажете, что в ней так же мало лестного для Ленина, как и в первой, то я возражу вам, что виноват в этом не я, а сам Ленин со своими недодуманными теориями, заговорщицкими планами и ни на чем не основанными обвинениями. А если вы спросите, какой же из этих двух гипотез придерживаюсь я сам, то я отвечу: ***и той, и другой.***

Я думаю, что *бестактное* нападение Ленина на новую редакцию «Искры» по вопросу о *тактике* об'ясняется, ***во-первых,*** тем, что ему, в его нынешнем неприятном и затруднительном положении, как говорится, до зарезу нужно было придумать какое-нибудь «принципиальное» разногласие с нею; а ***во-вторых, еще и тем,*** что и в то доброе старое время, когда он сам принадлежал к редакции «Искры» и когда он так настоятельно советовал нам («тот не социал-демократ и т. д.») ходить во все классы общества и диктовать недовольным земцам положительную программу действий, он и это хождение, и эту диктовку представлял себе узко, однобоко, утопично, т.-е. по-бакунински, т.-е. как ряд более или менее «конспиративных» предприятий отдельных, — хотя и строго подчиненных центральному «кулаку», — профессиональных революционеров. По этой причине он и стал говорить сугубые пустяки, когда история выдвинула перед нами вопрос о том, каким именно образом не тот или другой отдельный конспиратор, а весь сознательный пролетариат России должен и может «*итти рядом*» с либеральной буржуазией, выступающей против абсолютной монархии. Эти сугубые пустяки неизбежно должны были прийти в не совсем сознательную голову Ленина; но неизбежность этих сугубых пустяков нисколько не помешала и нисколько не могла помешать ему использовать их для своей демагогической агитации против *новой* редакции «Искры». Напротив, он схватился за них, как утопающий хватается за соломинку, и в этом

случае соломинка, — вопреки общему правилу, — оказалась небесполезной для утопающего. Таким образом, предлагаемые мною две гипотезы не только не исключают, а дополняют и подкрепляют одна другую.

Но если Ленин оказался теперь в таком положении, что для него очень выгодна неясность его собственной политической мысли, то *наше* положение совершенно иное. Наша обязанность заключается не в том, чтобы вносить смуту в умы интеллигенции и сеять раздоры внутри основываемых ею «союзов», а в том, чтобы всеми зависящими от нас средствами освещать тот путь, на который теперь непременно должны выступить все сознательные российские рабочие и который в общих чертах был указан революционному пролетариату всех стран *еще Марксом и Энгельсом.* И эту обязанность мы сумеем исполнить, несмотря на все нелепые обвинения и заподазривания. Забывать о ней теперь значит, — в полном смысле этого энергичного выражения, — *позорить гражданина сан!*

Крепко жму руку.

Ваш *Г. Плеханов.*

Врозь итти, вместе бить!

Будьте же готовы, ибо время близко...

Передовая статья предыдущего номера «Искры» указала на то не подлежащее никакому сомнению обстоятельство, что революционный кризис все более и более обостряется в нашей стране и что очень ошибаются люди, говорящие о «затишьи». В настоящей статье мы хотим прежде всего отметить, что этот взгляд разделяется также и царской опричниной. В № 77 «Нашей Жизни» перепечатано из «Северо-Западного Края» следующее многозначительное сообщение:

«Департамент полиции уведомил г.г. губернаторов, что до настоящего времени было установлено, что Главное артиллерийское управление отпускало оружие и патроны учреждениям невоенного ведомства лишь при условии требования отпуска этих предметов центральным управлением этого ведомства, которым возбуждено об этом ходатайство. Ныне предшествующий порядок изменен в том смысле, что *Главному артиллерийскому управлению разрешено немедленно удовлетворять непосредственные требования местных властей,* какими признаются: губернаторы, градоначальники и обер-полицеймейстеры. Отпуск оружия и патронов производится для вооружения чинов полиции, при чем выбор оружия возложен опять-таки на местные власти».

Смысл этого «уведомления» как нельзя более ясен. Не желая итти на уступки и хорошо сознавая в то же время, что его неуступчивость подливает масло в огонь общественного неудовольствия, правительство деятельно готовится к бою и спешит вооружить тех, которые «по долгу службы» и по личному влечению стоят на его стороне. Люди реакции не краснобаи, но, — точнее сказать: именно потому, — они не имеют недостатка в энергии. Они не останавливаются и не остановятся ни перед чем; это показала чудовищная бойня 9 января в Петербурге; это продолжают показывать кровавые ужасы в других местах. В Варшаве, как сообщает наш корреспондент, письмо которого напечатано в № 86 «Искры», 16 января «стреляли по всем углам и закоулкам, не разбирая правого и виноватого. Около нас на улице валялись три трупа, внутренности которых валялись тут же около них. Всех, проходивших вечером по улице, первым делом обыскивали, при чем все их вещи, в том числе, конечно, и кошелек, оставались в руках полиции. Кроме того, их очень часто тут же пристреливали... Ужасы, которые я переживал в последнее время, не могу выразить на бумаге. Зрелище, которое представляли убитые, валявшиеся в грязи и крови, наводило на публику ужас. В воскресенье с самого утра прибыла масса войск, и без всяких поводов стреляли в каждого встречного, просто в одиночных людей, ибо толпы не было».

В том же номере нашего органа, в письме из Могилева губернского, яркими красками изображается беспримерная даже в России «охранительная» вакханалия. «Без всякого повода тащат людей с улицы на пожарный двор, и там начинается расправа; за что — неизвестно. Расправа самого последнего жанра, с выкручиванием рук. В пятницу и субботу искалечили до ста человек. Истязали утонченно, со вкусом, с толком... Какой-то старик Кройнин по делу зашел в субботу в полицию — избили до полусмерти, сломали переносицу. Мальчику лет 14 сломали руки; потащили его в пожарный двор потому, что он проходил в субботу по улице, и приставу заблагорассудилось обратить на него внимание. Забирали и тащили всех, кого вздумалось. Городовые, говорят, получают за это награду, так вот они и стараются. Такие дела творятся у нас, начиная с четверга (20 января). Сил нет... В Петербурге убивали; здесь истязают, мучат, издеваются. Там убивали людей, казавшихся опасными. У нас хватают людей с улицы и тащат в застенок».

Горе нашей стране, если она не возмутится ввиду всех этих кровавых подвигов царских людоедов! Горе тем сторонникам политической свободы, которые не ополчатся теперь на смертельную борьбу со смертельными врагами всякого поступательного движения! Ответ на кровавые бесчинства бандитов, управляющих Россией, может быть только один: громкий, дружный, единодушный крик, призывающий к вооруженному сопротивлению всех мужественных людей российского государства, всех врагов царского самодержавия. К нашему боевому кличу, знаменующему собою нашу принадлежность к международной социал-демократии: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», должен быть прибавлен теперь нами другой боевой клич, выражающий созна-

ние той политической обязанности, которая лежит теперь на нас, как на партии, представляющей интересы самого передового, самого революционного класса современной России: «Враги царизма, вооружайтесь!» — таков тот клич, который должен выйти из наших рядов и, как энергичный революционный призыв, громко раздаться по всей России.

Нам заметят, пожалуй, что мысль о *вооруженном сопротивлении* в своем логическом развитии неизбежно превращается в мысль о *вооруженном восстании*. И это будет справедливо. Но не менее справедливо и то, что нас ни на минуту не может смутить подобное замечание. Легенда о том, что наше учение бесповоротно приговаривает нас к «мирным» способам действий, сочинена была нашими противниками из лагеря народников, никогда не бывших в состоянии понять это учение. Впоследствии, под влиянием нашей полемики, сами народники почти позабыли эту легенду, и теперь ее повторяют иногда в своих речах только либеральные адвокаты, начитавшиеся Бернштейна и не умеющие надлежащим образом поставить защиту своих социал-демократических клиентов. На самом деле социал-демократия в каждое данное время и в каждой данной стране отстаивает те средства борьбы, которые она, по обстоятельствам времени и места, находит наиболее целесообразными. Там, где наиболее целесообразны «мирные» средства, она отрицает насильственные действия; там, где наиболее целесообразны насильственные действия, она поворачивается спиной к «мирным» средствам. Что же касается в частности нашей социал-демократии, то российская действительность ни в каком случае не могла развить в ней пристрастие к «*законности*». Уже первая русская социал-демократическая группа, — группа «Освобождение Труда», — в своей программе предвидела наступление того момента, когда революционному русскому пролетариату, в своем наступлении на царское правительство, необходимо будет прибегнуть к самым решительным действиям. И совершенно в духе программы группы «Освобождение Труда» пишущий эти строки, в № 14 «Искры» рекомендуя своим товарищам вооруженные демонстрации, выставлял, как несомненную для него истину, то положение, что демонстрации этого рода постепенно воспитают массу для неизбежного у нас вооруженного восстания. В то время, — т.-е. в январе 1902 г., — положение это не встретило ни одного возражения ни со стороны кого бы то ни было из редакторов «Искры», ни со стороны ее читателей. В глазах всей нашей редакционной коллегии она составляла и составляет одну из тех очевидных и

неоспоримых истин, за новое открытие которых могут браться теперь только совершенно праздные мыслители, не знающие, куда употребить свой досуг. Вопрос не в том, неизбежно ли восстание, а в том, близок ли его момент, наступает ли, наконец, то время, когда подготовка к нему явится серьезным делом серьезных революционеров, а не праздной забавой революционных недорослей. Теперь не может быть споров по этому поводу. Движение 9 января было лишь первым, неуверенным, плохо обдуманным и мало сознательным шагом рабочего Геркулеса, стряхивающего с себя политическую дремоту. Напрасно полицейские няньки стараются убаюкать юного гиганта обещанием экономических реформ. За первым его шагом скоро последуют другие, все более и более сознательные, обдуманные и решительные. Пролетариат не может пошевелиться без того, чтобы не затрещало безобразное здание царизма, и именно это обстоятельство, ясно понимаемое защитниками нашего старого порядка и приводящее их в злобный ужас, делает неизбежными у нас теперь кровавые столкновения народа с вооруженной силой правительства. Мы обязаны позаботиться о том, чтобы при таких столкновениях народ был вооружен не церковными хоругвями и не крестами, а чем-нибудь более серьезным и действительным. Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы, с своей стороны, можем сделать только одно: *постараться разрешить его в пользу пролетариата.*

И пусть не говорят нам, что нынешняя усовершенствованная военная техника заранее осуждает народное восстание на неудачу. Если бы это стояло даже вне всякого сомнения, то и тогда нам все-таки не следовало бы отказываться от мысли о поддержке такого восстания, потому что пассивное отношение нашего народа к гнусностям, совершаемым его правителями, было бы самым ужасным изо всех возможных видов его поражения, сделав его неизлечимым рабом и осудив его на вечную политическую незрелость. А кроме того, необходимо помнить, что убеждение в невозможности удачного восстания совсем не так основательно, как это кажется на первый взгляд. Ф. Энгельс, высказавший его в своем знаменитом предисловии к книге Маркса о борьбе классов во Франции, считал его правильным *только в применении к известному периоду в развитии известных стран Западной Европы.* И он сам был очень недоволен теми, которые, ссылаясь на его авторитет, об'явили удачные народные восстания невозможными ныне нигде и ни при каких условиях.

Вожаки западно-европейского пролетариата сделали бы теперь большую тактическую ошибку, склонившись к мысли о вооруженном восстании. Западно-европейские правительства имеют пока еще твердую опору в других, враждебных пролетариату, классах населения. Поэтому восстание западно-европейского пролетариата действительно не имеет теперь шансов на успех. У нас дело обстоит пока еще иначе. У нас еще только идет речь о завоевании тех общественно-политических условий, при которых ведется пролетарская борьба на Западе и которые, сообщая этой борьбе широкий размах, вместе с тем на некоторое время делают революционный пролетариат одиноким между другими общественными классами. Наше положение, вместе со свойственными ему огромными и многочисленными невыгодами, имеет, однако, ту очевидную и важную выгоду, что наш пролетариат *пока еще не совсем одинок* в своей борьбе с правительством. Общественное мнение всей не закупленной царским золотом России открыто заклеймило бойню 9 января и тем показало, что в названной борьбе пролетариат может рассчитывать на более или менее деятельную поддержку со стороны других слоев населения. А это очень значительно увеличивает шансы вооруженного восстания в России. Кто знает истории вооруженных взрывов во Франции, тому известно, до какой степени их успех всегда зависел от сочувствия к ним со стороны «общества». Наше положение, — положение крайней революционной партии, — похоже теперь не на положение парижских рабочих, восставших в июне 1848 года, а на положение французских революционеров, восставших в июне 1830 года против Бурбонов и в феврале 1848 года — против июльской монархии.

Если на Западе *изолирован,* — до поры, до времени, — *пролетариат,* то у нас *в изолированном положении оказывается как раз тот враг, с которым мы ведем теперь борьбу не на жизнь, а на смерть, т.-е. царское правительство.* Это в огромной степени увеличивает шансы восстания. Но чтобы использовать это, мы должны выяснить себе ту тактику, которая этим обусловливается.

Если для нас в военном отношении не только полезна, но прямо необходима поддержка со стороны «общества», то нам следует сделать все, что требуется современным положением нашего пролетариата, для того, чтобы «общество» не перестало сочувствовать его революционному движению. Для этого нам вовсе нет надобности покидать классовую точку зрения и «отказываться от социализма». Совершенно наоборот! Мы должны отстаивать теперь свою социалистическую позицию упорнее,

чем когда бы то ни было, по той простой причине, что, чем шире будет разливаться река революционного движения, тем многочисленнее и разнообразнее будут те несоциалистические или даже антисоциалистические влияния, которым станет подвергаться пролетариат. Жизнь уже дала нам, — между прочим также и 9 января текущего года, — весьма недвусмысленные предостережения в этом отношении. Но с высоты нашей социалистической позиции нам ясно видно, что в настоящее время дело идет не о социалистическом перевороте, а о завоевании тех свободных демократических учреждений, которые позволят нам при свете дня вести дело социалистического воспитания массы. Это понимают или, по крайней мере, инстинктивно сознают и все сочувствующие революционной борьбе прогрессивные элементы «общества». А потому партия пролетариата может обеспечить себе их поддержку, ни на волос не изменяя самой себе. Нам нужно только на виду у всех, ясно и отчетливо поставить свою ближайшую политическую задачу и решительно воздерживаться от тех бестактных выходок, которые принимаются иными за проявление крайнего социалистического радикализма, но которые на самом деле более всего вредят именно этому последнему. Так, например, стараться обеспечить себе поддержку со стороны «общества» и в то же время клеймить именем оппортюнизма и громить, как измену пролетариату, поддержку, оказываемую нами освободительным «кампаниям», предпринимаемым теми или другими элементами этого общества, значило бы попадать в самое жалкое противоречие и разрушать левой рукой то, что делает правая.

Кто не понимает, до какой степени успех восстания зависит от поведения войска? Кто не знает также, что на поведение солдат сильно влияет поведение офицеров? Но ведь офицеры представляют собою плоть от плоти и кость от костей нашего «общества», и чем более сочувствие «общества» будет склоняться на сторону восставших, тем ненадежнее станет войско, тем слабее будет его сопротивление. «Общество» лучше нас об'яснит своим детям, носящим офицерские мундиры, что стрелять в народ преступно даже с точки зрения ограниченного понятия о *присяге*, так как военный присягает служить не только царю, но также и *отечеству,* и не имеет нравственного права сделаться в интересах царя палачом отечества. Уже теперь есть все основания предполагать, что общественное негодование, вызванное расстрелами 9 января, заставило многих офицеров крепко задуматься о том, как следует относиться им ко «внутреннему врагу». И само собой разумеется, что, чем громче и чаще будет осуждать офицеров-палачей

общественное мнение России, тем меньше будет у нас военных, желающих принимать на себя эту позорную роль. А чем меньше будет таких военных, тем безнадежнее станет дело царизма, и тем больше повысятся шансы восстания.

В начале восьмидесятых годов «партия Народной Воли» имела значительные связи в военной среде, и когда она стала задумываться о вооруженном восстании, она естественно пришла к мысли о том, что сочувствующие ей офицеры могут оказать ей огромные услуги в этом деле. Если мы не ошибаемся, по плану, выработанному Исполнительным Комитетом названной партии, военным отводилась большая роль во всем, что касалось организации технической стороны восстания. Мы считаем теперь полезным напомнить об этом нашим читателям [1]).

Кто борется, тот хочет победить. Кто хочет победить, тот должен соблюсти те условия, от которых зависит победа. Удача вооруженного восстания зависит от сближения революционеров с «обществом». Поэтому сторонники вооруженного восстания должны сближаться с ним. Повторяем, это вовсе не значит, что мы должны прятать в карман свое знамя или сливаться с какими-нибудь другими партиями. *Врозь итти, вместе бить* — только это и нужно. Но те, которые находят, что необходимо *бить вместе,* обязаны сблизиться друг с другом и согласиться между собою. Сблизиться и согласиться не для лирических излияний и не для опубликования фразистых манифестов, а именно для того, чтобы *бить,* т.-е. для совместной борьбы там, на поле действий, где свистят пули и свирепствуют православные башибузуки.

Далее, известно, что всякий, ведущий войну, считает своим долгом по возможности *дезорганизовать силы неприятеля.* Эта дезорганизационная сторона военной деятельности имеет большее или меньшее значение в зависимости от тактики данного времени, а *тактика* определяется, как известно, в последнем счете *вооружением.* Наш неприятель вооружен так хорошо, что невозможно противостоять ему в открытом бою *без предварительной дезорганизации его сил* [2]) Следовательно,

[1]) О воздействии на солдат мы не говорим здесь только потому, что на них влиять надо не через посредство общества, а через посредство *народа.* Что такое воздействие необходимо, это нам всем известно.

[2]) Примечание для «проницательного» читателя. Слово: *предварительно* может подать повод к недоразумениям. Поэтому поясним нашу мысль. Прежде чем пустить в дело пехоту, полезно бывает *предварительно* обстрелять неприятеля артиллерийским огнем. Но это обстреливание должно

эта дезорганизация представляет собою второе условие успешного восстания. Мы уже говорили об этом в вышеупомянутой статье нашей «О демонстрациях», напечатанной в № 14 «Искры». Разбирая там брошюру «Об уличных беспорядках (мысли военного)» и приведя то место брошюры, где автор советует в самом начале борьбы народа с войском «из'ять из обращения гражданское, полицейское и военное начальство», мы заметили, что социал-демократии, *вероятно,* придется сделать этот смелый шаг, когда придет время нанести последний, смертельный удар издыхающему царизму. Тогда еще рано было привлекать внимание читателей к этому шагу, и мы говорили о нем только *предположительно.* Теперь настала пора говорить о нем, и мы заявляем категорически: *дезорганизация правительственной власти, — каких бы «из'ятий» она ни потребовала, — представляет собою, ввиду современной военной техники, совершенно необходимое условие удачного вооруженного восстания.* Поэтому революционеры должны уметь дезорганизовать правительственную власть в нужную для них минуту.

Но дезорганизация неприятеля, очевидно, предполагает ряд таких действий, которые называются у нас *террористическими.* Стало быть, берясь за оружие, мы изменим свое отношение к террору по той простой причине, что тогда коренным образом изменится его значение, как приема революционной борьбы. Если бы мы вздумали практиковать его в обыкновенное время, то мы совершенно отклонились бы от своей прямой и самой важной задачи: от агитации в массе. Поэтому мы обыкновенно отвергали его как *нецелесообразный* прием борьбы. А в момент восстания он *облегчит успешный исход* нашей революционной массовой агитации; поэтому, готовясь к восстанию, нам надо будет отвести ему надлежащее,—хотя, как видит читатель, и строго *подчиненное,* — место в нашем плане военных действий.

В семидесятых годах первые проповедники «терроризма» смотрели на него именно как на дезорганизацию правительственной *власти.* Они так и называли его *дезорганизаторской деятельностью.* В течение долгого, очень долгого времени «террор» дезорганизовал не правительство, а самих революционеров. Во время восстания он дезорганизует врагов революции. И не найдется ни одного социал-демократа, который откажется прибегнуть к нему в такое время. Кто борется, тот хочет по-

непосредственно предшествовать пехотной атаке. А если мы откроем артиллерийский огонь, — скажем, — за месяц до того, как пойдет в бой наша пехота, то неприятель совершенно исправит весь вред, нанесенный ему артиллерией, и мы только даром потратим порох.

бедить; кто хочет победить, тот должен соблюсти те условия, от которых зависит победа.

Это признание чрезвычайно важной роли «дезорганизаторской деятельности» открывает социал-демократической партии путь для соглашения с разными террористическими группами, уже существующими или могущими возникнуть в ближайшем будущем. Тут опять мы говорим, конечно, не о программном, а о чисто практическом соглашении: ты сделаешь то, между тем как я сделаю вот это; ты захватишь неприятельский обоз, между тем как я нападу на него с такого-то фланга, и т. д.

При соблюдении двух указанных нами условий, — при сочувственном отношении к нему со стороны общества и при дезорганизации революционерами правительственной власти, — вооруженное восстание имеет много шансов успеха, и те, которые даже при этих условиях будут пророчить ему неудачу, сильно рискуют оказаться лжепророками. Однако *восстание восстанию рознь*. «Искра», всегда резко высказывавшаяся против революционного авантюризма, считает своей обязанностью напомнить своим читателям, что нет ничего легче, как удариться в авантюризм именно при подготовке вооруженного восстания. Революционная история Франции свидетельствует, что все попытки французских заговорщиков вызвать восстание к данному, заранее определенному, сроку оканчивались полной и иногда довольно жалкой неудачей. Это происходило оттого, что французские тайные общества никогда не имели широкой опоры в народной массе.

В этом все дело. Если успешное восстание невозможно теперь у нас без сочувствия к нему со стороны «общества» и без дезорганизации сил правительства, то даже при соблюдении этих условий оно будет совершенно немыслимым, если явится делом сравнительно небольшой кучки заговорщиков. *Вооруженное восстание победит как восстание широкой массы или не победит никогда и ни при каких предварительных условиях*. И вот почему, подготовляя вооруженное восстание и зовя к оружию всех врагов царизма, наша партия должна помнить, что, — как сказано в передовой статье № 85 «Искры», — коренным и ничем не заменимым условием успешного восстания является жгучая потребность народной массы напасть на самодержавие с оружием в руках.

Без массы мы — ничто. Не имея за собой массы, мы, несмотря ни на какое самоотвержение, ни на какую «конспиративную» сноровку, должны заранее признать свое дело окончательно проигранным. Агитация в массе важна для нас теперь более, чем когда бы то ни было. Не будем обманывать себя: масса вовсе еще не вся проникнута ненавистью

к царизму; она еще далеко не вся разделяет наши политические стремления. Скажем более, выразимся резче: масса в значительной степени остается еще *бессознательной в политическом отношении*. Упускать это из виду могут только политические авантюристы, рассчитывающие на то, что при подходящем случае даже и бессознательная масса могла бы быть вовлечена в революционную борьбу каким-нибудь хитроумным приемом заговорщиков. Но и смущаться этим у нас нет никакой причины. Революционные кризисы чрезвычайно быстро воспитывают массу. Парижский народ даже после взятия Бастилии готов был устраивать восторженные овации Людовику XVI, а 10 августа тот же парижский народ шел на Тюльери, движимый жгучею ненавистью к монархии. От нас зависит ускорить политическое воспитание нашего пролетариата, который, как сказано выше, стряхивает теперь с себя политическую дремоту и который не может пошевелиться без того, чтобы не задрожал абсолютизм; от нас зависит сделать так, чтобы ненависть к самодержавию все шире и шире разливалась в народной массе и тем все более и более подготовляла ее для вооруженного восстания против него.

Итак, широкая, неустанная революционная агитация в массе, логически ведущая ее к решительному столкновению с правительством, с одной стороны, и подготовка упомянутых выше необходимых условий успешного исхода этого столкновения — с другой, — вот та двойственная задача, которая стоит перед нами в настоящую историческую минуту. Нам надо *развязать революцию*, — сказали мы, — и *подготовить победу*, — прибавим мы теперь.

Трудна эта задача... Но нам надо разрешить ее. Поэтому мы должны с удесятеренной энергией работать над ее разрешением. И мы *разрешим* ее, потому что мы *обязаны* ее разрешить. История не ждет...

Священник Г. Гапон

Перед нами лежит воззвание «ко всем рабочим и работницам», подписанное комитетами восточного района нашей партии и напечатанное в типографии Центрального Комитета. Воззвание это порождает в нас некоторое недоумение, и мы считаем необходимым сказать откровенно, что именно заставляет нас недоумевать. Мы уверены, что наши товарищи восточного района не посетуют на нас за нашу откровенность; мы *нравственно обязаны* быть откровенными.

Воззвание, — озаглавленное: «Рабочий класс и поп Гапон», — посвящено оценке петербургских событий 9 января и той роли, которую играл в этих событиях священник Гапон. К этому последнему авторы воззвания относятся крайне строго. Под их пером он выходит лживым, «обнаглевшим попом», комичной фигурой и т. д. За что же так величают они его? Чем вызвано их неудовольствие?

Во-первых, тем, что «российский рабочий класс, как ребенок, еще не научившийся самостоятельно ходить, еще не совсем свободный от темноты, в которой усердно держит его царское правительство, сделал первый шаг по пути революции не под красным знаменем пролетариев всех стран, а под крестом и хоругвью — этими царско-поповскими орудиями затемнения сознания народных масс».

Мы сами далеко не сторонники креста и хоругви. Мы сами твердо убеждены в том, что очень ошибочно поступают люди, — в рясе или без рясы, это все равно, — по тому или другому, иногда даже очень хорошему, побуждению поддерживающие религиозное суеверие в рабочем классе. Кто-то, — если не ошибаемся, Шопенгауэр, — сказал о «боге», что всюду, куда ни замешается этот старый еврей, он ничего, кроме вреда, не приносит. Это очень верно, и мы никогда не думали, что наша партия может примириться со «старым евреем», на том якобы основании, что «религия — частное дело». Но если религиозные верования вредят развитию самосознания рабочего класса, если они служат опием, усыпляющим пролетариат, то из этого вовсе еще не следует, что мы

имеем право *оскорблять* тех, которые имеют такие верования. Ведь даже в пролетарской среде до сих пор встречается немало верующих; их надо *не бранить, а просвещать.*

Кажется, это неоспоримо? А если это так, то можно ли *сердиться* на Г. Гапона за то, что он веровал в «бога», был священником, носил рясу и т. д.? Это была *беда его, а не вина его.* И если этот веровавший в бога и носивший рясу человек сочувствовал рабочему классу и *старался помочь ему, как мог и как умел,* то за это надо не обижать его, а благодарить. Много ли у нас «священно-церковнослужителей», сочувствующих пролетариату, как сочувствовал ему священник Гапон? Пусть назовут их авторы воззвания.

Само собою разумеется, что несравненно приятнее для нас и полезнее для дела революции было бы, если бы 9 января во главе рабочего шествия развевалось красное знамя социальной демократии. Но вышло не так, и авторы воззвания сами хорошо об'ясняют, почему не так вышло: сознание пролетариата еще не достигло желательной для нас степени зрелости. Это очень жаль, но виноват ли в этом священник Гапон? Нет, в этом виноваты те общественные условия, против которых он, *по-своему,* боролся с полным самоотвержением.

Кроме того, воззвание упрекает священника Гапона в том, что он хотел получить «куцую свободу» не для народной массы, а для именитых, обеспеченных людей. Прямых доводов, которые подкрепляли бы это обвинение, не приводится. Подкрепляется оно только тем косвенным доводом, что Г. Гапон стал «на такую дорогу, на которой, кроме куцой свободы, ничего не найдешь». Несколько выше в воззвании сказано, что Г. Гапон учил рабочих покорности вместо смелого нападения. Покорность, в самом деле, не приведет рабочих ни к чему хорошему. Но Г. Гапон указывал на нее рабочим не потому, что хотел *обмануть* их, а потому что *обманывался сам:* в своем недавно опубликованном открытом письме к Николаю II он прямо признает, что 9 января он еще «наивно верил» в нашего малоумного самодержца. Что и говорить! Было бы несравненно лучше, если бы 9 января вожаком рабочих выступил не священник, наивно веровавший в бога и царя, а социал-демократ, совершенно чуждый такой веры. Но Гапон не виноват в том, что социал-демократия, по упомянутой выше причине, *не могла* выставить подобного вожака, как не виноват он и в том, что сам он, искренно сочувствуя пролетариату, плохо понимал условия его освобождения: это опять была *только беда его.* Можно ли упрекать его, — как это делают авторы воззвания, — в том, что он занял место социал-демократа? Разве социал-

демократия — барышня, которой благовоспитанные кавалеры должны уступать место? Зачем же она позволила мне оттеснить ее? — возразит ей обижаемый некоторыми из ее представителей Гапон. Мы опять скажем ему, что мы поступили так по не зависевшим от нас причинам, что при наших *полицейских условиях* социал-демократии, — именно потому, что она революционная партия, — труднее было приобрести широкое влияние на широкую массу, чем *священнику, действовавшему первоначально с разрешения министерства внутренних дел* [1]). Это будет совершенно справедливо, и это оправдывает нашу партию от упрека в том, что не ей принадлежало преобладающее влияние в памятный день 9 января. Но неужели Гапон должен был сидеть сложа руки до тех пор, пока обстоятельства позволили бы нам собрать под свое знамя все рабочее население Петербурга? Неужели можно винить его за то, что он не стал дожидаться этого и повел рабочих, — рискуя собственною жизнью, — туда, где ему виделась некоторая надежда на улучшение их быта?

Теперь Г. Гапон выступает как революционер, *и теперь он заслуживал бы строгого осуждения, если бы вздумал копировать самого себя.* Но обвинять его за 9 января — значит обвинять его за то, что он, имевший наивную веру в царя, поступил так, как не поступил бы человек, такой веры не имевший.

Авторы воззвания говорят, что «полусознательное рабочее восстание в Петербурге окончательно убило веру в царя даже в самой серой массе рабочего люда». Разве же этого мало? И разве справедливо бранить человека, принявшего такое видное деятельное участие в движении, которое привело к этому? Авторы прибавляют, что 9 января убило не только веру в царя, но в самого священника Гапона. Это надо понимать, конечно, в том смысле, что теперь петербургская рабочая масса уже переросла те приемы агитации, которые употреблял священник Гапон. Мы думаем, что это верно. Мало того, мы думаем, что и 9 января очень значительная, — и притом лучшая, наиболее развитая, — часть петербургского рабочего населения стояла несравненно выше тех приемов, которые практиковал Г. Гапон, и терпела их только потому, что не считала остальную массу, — и не считала, может быть, по недоразумению, об'ясняющемуся теми же полицейскими условиями, — достаточно

[1]) Это последнее обстоятельство *не могло не вызывать* недоверия к Г. Гапону со стороны социал-демократов; этим недоверием об'ясняются резкие отзывы о нем в некоторой части социал-демократической печати. Г. Гапон должен понять, что тут не злая воля, а совершенно естественное недоразумение.

подготовленной для истинно-революционного воздействия на нее. Если теперь и эта масса рассталась со многими из своих старых предрассудков, то священник Гапон, наверное, сам порадуется этому: ведь за время, протекшее с 9 января, он тоже не стоял на одном месте.

«Итак, товарищи, — говорят в заключение авторы воззвания, — первый шаг всенародного восстания совершен. Второй шаг, который неизбежно разнесет в прах царскую монархию, российский рабочий класс сделает не с иконами в руках, не с царским портретом, не с хоругвью, не с смиренным прошением на устах, а с оружием в руках, с ненавистью в сердце к царскому самодержавию и под красным знаменем пролетариев всех стран».

Мы всецело присоединяемся к этому пожеланию и приглашаем всех наших товарищей энергично содействовать скорейшему его осуществлению. Но если это пожелание очень естественно в нас, как в социал-демократах, то оно все-таки не должно заглушать в нас столь же естественного чувства справедливости, а авторы воззвания отнеслись к священнику Гапону несправедливо.

В характере того движения, которое произошло в Петербурге 9 января, преобладает черта «*стихийности*». Священник Гапон явился «стихийным» вожаком этого стихийного движения. Его действительно наивная политическая и религиозная вера мешала ему правильно понять значение *сознания* в современном рабочем движении. В этом—разгадка того, что с нашей точки зрения представляется, и не может не представляться, его ошибкой. Но «стихийное» движение 9 января очень сильно содействовало развитию самосознания рабочего класса. Поблагодарим же за это самого видного из его «стихийных» вожаков. Христианская церковь поет, что Иисус *смертью смерть попрал*. Священник Гапон попрал верой в царя—веру в царя, стихийностью—стихийность. Похвалим его за это и пожелаем ему удачи на совершенно новом для него пути *сознательного революционера*. На этом пути его ждет много опасностей. Не тех опасностей, которые воплощаются в жандарме, а тех, которые заключаются *в возможных промахах его собственной мысли*. Ему надо теперь усердно и много учиться. Скажем откровенно: по нашему мнению, некоторые воззвания, написанные им после 9 января, многого оставляют желать в идейном отношении. Таково, например, его воззвание к пролетариату. По своему содержанию воззвание это грешит против той истины, *которую обязан усвоить всякий сознательный революционер наших дней* и которая выражается словами первого параграфа знаменитого устава знаменитого Интернационала: *Освобождение рабочих*

должно быть делом самих рабочих. Г. Гапон совсем еще новичок в вопросах этого рода, и, поэтому, мы не думаем упрекать его за эту его погрешность. Но мы не желаем и скрывать ее, потому что она может завлечь его в практические ошибки. Впрочем, об этом мы подробнее поговорим в другой раз, когда совершенно определится характер *новой* деятельности Г. Гапона. Цель настоящей статьи заключалась не в том, чтобы *критиковать нового революционера,* а в том, чтобы *защитить от несправедливых упреков бывшего священника.*

К вопросу о захвате власти

(Небольшая историческая справка).

Товарищ С. обратился ко мне с письмом, в котором он спрашивает, что я думаю о захвате власти пролетариатом. Я собирался было ответить ему тоже письмом, но после некоторого колебания решил, что из моего ответа можно сделать статью, не лишенную общего интереса, так как вопрос, затронутый товарищем С., все еще не исчерпан в нашей партийной литературе.

Политическая власть представляет собою ничем не заменимое орудие коренного переустройства производственных отношений. Поэтому всякий данный класс, стремящийся к *социальной революции,* естественно, старается овладеть *политической властью*. Пролетариат не составляет исключения из этого общего правила. Чтобы устранить *капиталистические отношения производства,* осуждающие его на тяжелую зависимость по отношению к классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: *диктатура пролетариата должна быть первым актом социалистической революции*. Это оспаривают, — и, конечно, не могут не оспаривать, — г.г. Бернштейны. Но это совершенно неоспоримо с точки зрения социал-демократа, верного революционному духу своей программы. Следовательно, об этом распространяться излишне.

Но совсем в другом и в гораздо менее ясном свете представляется дело, когда речь заходит не о торжестве *социализма* над *капитализмом,* а о той *буржуазной* революции, которую, кажется, нам предстоит пережить в самом ближайшем будущем и которая впервые создаст в России совокупность условий, необходимых для *социалистической* революции. В этой буржуазной революции пролетариату тоже суждено сыграть решающую роль, и вследствие этого могут показаться странными взгляды тех людей, которые, всеми силами поддерживая революционные стремления пролетариата, вместе с тем не одобряют тактики, напра-

вляемой к захвату им политической власти. Противники таких людей, могут, повидимому, не без основания обвинять их в непоследовательности, оппортюнизме и прочих грехах, не менее тяжких. И не только *могут* обвинять, но уже *обвиняют:* достаточно напомнить статьи, печатающиеся в «Вперед» и направленные против «Искры».

Кто же прав? Давайте разбираться.

Наша партия стоит на точке зрения *марксизма*. Посмотрим же, не приходилось ли самому Марксу высказываться о той тактике, которой должен держаться революционный пролетариат в исторические моменты, подобные переживаемому нами.

В начале 1850 года, несмотря на повсеместное и почти полное торжество «партии порядка» в Западной Европе, Маркс и его последователи не только не считали дело революции окончательно проигранным, но, напротив, ждали нового революционного взрыва в главнейших странах Западной Европы. В ожидании этого взрыва Центральный Совет знаменитого Союза Коммунистов разослал своим германским членам «Обращение» (Aussprache), в котором он излагал им свой взгляд на тогдашнее положение дел и на определяемые этим положением политические задачи пролетариата. «Обращение» было написано Марксом, состоявшим тогда в Центральном Совете Союза, и дает очень ценный материал для задуманной нами исторической справки. Полезно будет, поэтому, изложить здесь его содержание.

И прежде всего надо отметить следующее любопытное обстоятельство.

Автор передовой статьи № 14 «Вперед» решительно заявляет: «Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков», в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала, будто бы, очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, — потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец, за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна на «долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (например, для Франции с 1789 по 1905 г.); но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства».

Маркс был именно таким «виртуозом филистерства» и имел именно такое «школьническое понятие об истории». Написанное им «Обращение» [1]) указывает на то, что движение 1848—1849 г.г. поставило у власти *либеральную крупную буржуазию,* которая, воспользовавшись революционной энергией рабочих для низвержения старого порядка вещей, обратилась против пролетариата тотчас же после того, как получила некоторые уступки («уступочки», по терминологии публициста газеты «Вперед»), и теперь готова соединиться с феодальной партией для борьбы с новыми революционными попытками. Но дальнейшее развитие будет лишено того мирного характера, который хотела бы сообщить ему крупная буржуазия: теперь быстро приближается новая революция, во время которой *демократическая мелкая буржуазия* выступит в той же роли по отношению к народу, какую играли либералы в 1848 г.

Эта мелкая буржуазия называет теперь себя *республиканской или крайней* и представляет собою значительную общественно-политическую силу. К ней принадлежит не только большинство буржуазных обитателей больших городов, — т.-е. не только большинство мелких предпринимателей, купцов и ремесленников, — но также крестьяне и сельские пролетарии, поскольку эти последние еще не примкнули к выступающему самостоятельно городскому пролетариату. Далекие от всяких стремлений к коренному переустройству общества в интересах революционного пролетариата, мелкие буржуа хотели бы лишь так перестроить существующее общество, чтобы им жилось в нем сносно и удобно. Прежде всего они требуют сокращения государственных расходов путем уменьшения бюрократии и переложения главной тяжести налогов на крупных землевладельцев и буржуа. Они требуют, далее, устранения того гнета, который испытывает мелкий капитал со стороны крупного, и хотят достичь этого посредством законов, направленных против ростовщичества, и посредством общественных кредитных учреждений, которые дали бы возможность мелким буржуа и крестьянам получать от государства ссуды на необременительных условиях. Кроме того, им хочется утвердить в деревне господство буржуазных имущественных отношений и совершенно устранить оттуда все остатки феодализма. Для того, чтобы ослабить господство капитала и задержать его накопление, они предлагают ограничить право наследства, а для улучшения быта рабочих,—которые должны, как и теперь, работать по найму,— они рекомендуют передачу возможно большей части работ в ведение

[1]) Напоминаем, что оно было написано именно в «революционную эпоху».

государства и лучшую организацию общественной благотворительности. Для проведения всех этих мероприятий им нужно демократическое государственное устройство, — с ограниченной монархией или республикой, — и демократическая организация общинного самоуправления.

Маркс нимало не сомневался в том, что мелко-буржуазная демократия в дальнейшем развитии германской революции приобретет на время преобладающее влияние, сменив собою уже добившуюся господства крупную буржуазию. И это нисколько не удивляет нас после того, как мы узнали, что он был виртуозом филистерства и имел школьническое понятие об истории. Но как же должна была, — по мнению этого виртуоза филистерства, — относиться партия революционного пролетариата к мелко-буржуазной *демократической партии*?

В «Обращении» этот вопрос подразделяется на три следующих вопроса:

1) Как надо относиться к ней при существующем порядке вещей, который угнетает также и мелкую буржуазию?

2) Как надо относиться к ней *во время* предстоящей революции, которая доставит ей преобладание?

3) Как надо относиться к ней *после* этой революции?

На первый из этих вопросов Маркс отвечает, что в настоящее время, когда мелко-буржуазная демократия повсюду чувствует себя угнетенной, она проповедует пролетариату примирение и об'единение, приглашая его создать вместе с нею одну большую оппозиционную партию, в которой сольются все отдельные оттенки. По замечанию нашего «филистера», это означает, что мелкие буржуа стремятся завлечь пролетариат в такую политическую организацию, в которой его отдельные классовые требования будут, в интересах мира, преданы забвению. Такое об'единение, — говорит он, — принесло бы пользу одним демократам и очень сильно повредило бы пролетариату. Пролетариат утратил бы свое самостоятельное положение, проибретенное им с таким трудом, и снова превратился бы в простой придаток к официальной буржуазной демократии. Вот почему коммунисты должны решительно воспротивиться такому об'единению. Временное сочетание усилий для непосредственной борьбы с общим врагом, конечно, необходимо, но ради него нет надобности об'единяться с демократами.

Словом, тут у Маркса выходит, что хотя надо *бить вместе*, но, тем не менее, необходимо *итти врозь*.

Ответ на второй вопрос состоит в том, что правительства, в предстоящих кровавых столкновениях, будут побеждены, как и прежде, главным образом благодаря мужеству, решительности и самоотверженности рабочих и попрежнему демократы, в своем большинстве, будут долго оставаться нерешительными и недеятельными, чтобы затем, когда победа будет уже вырвана из рук неприятеля, обратить ее в свою пользу. Помешать этому рабочие еще не в состоянии, но они могут продиктовать мелкой буржуазии такие условия, благодаря которым значительно облегчится будущая замена господства буржуазной демократии господством пролетариата. Рабочие, — т.-е. сознательные пролетарии, — должны позаботиться о том, чтобы революционное восстание масс не улеглось тотчас же после победы; рядом с требованиями буржуазной демократии рабочие должны также при каждом удобном случае выставлять свои собственные классовые требования и добиваться, — если это будет нужно, даже силой, — чтобы новое правительство гарантировало им исполнение этих требований. Короче, они должны, — как выразилась бы «новая» «Искра», — *возможно больше развязать революцию*. Но эта задача развязывания революции нисколько не исключает, в глазах нашего автора, задачи *организации* сил ее главного фактора — пролетариата. Пролетариат должен быть организован и вооружен, иначе он не в состоянии будет противиться буржуазной демократии, которая изменит ему немедленно после низвержения существующего порядка.

Переходя к ответу, даваемому Марксом на третий и последний из поставленных им вопросов, т.-е. на вопрос об отношении пролетариата к мелко-буржуазной демократии *после победы*, мы прежде всего укажем на тот факт, что основатель научного социализма, как видно, не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя. Совершенно наоборот: после победы над крупной буржуазией и захвата власти мелко-буржуазными демократами, рабочие должны были, по плану Маркса, *сложиться в сильную оппозиционную партию*, которая своей критикой и своей агитацией толкала бы вперед мелко-буржуазное правительство, а главное — все более и более развивала бы революционное самосознание представляемого ею класса. Конечно, говорит Маркс, рабочие сначала не в состоянии будут выставлять чисто коммунистические требования. Но уже с самого начала они будут иметь возможность:

1) Принудить демократов к революционному вмешательству в существующие общественные отношения.

2) Толкать вперед демократов, склоняющихся только к социальной реформе, а не к социальной революции, и вкладывать более крайнее содержание в предполагаемые ими мероприятия. Так, например, если демократы предлагают *выкупить* железные дороги и фабрики, то пролетариат должен требовать, чтобы эти фабрики и дороги были конфискованы в качестве имущества реакционеров; если демократы потребуют введения *подоходного* налога, то пролетариат должен требовать введения *прогрессивного подоходного* налога и т. п.

Немецкие рабочие, говорил Маркс в заключение, не могут непосредственно достигнуть господства, но они могут и должны стараться приблизить свою окончательную победу, выясняя себе свои классовые интересы, не позволяя сбить себя с толку фразеологией мелко-буржуазной демократии и выступая в качестве отдельной, независимой партии. Их лозунгом должна быть *непрерывная революция*.

Так говорил Маркс в ожидании мелко-буржуазного переворота. Его «Обращение» еще недавно удостоилось самого резкого отзыва со стороны г. Бернштейна (см. пресловутую книжонку этого последнего). И, действительно, оно до такой степени пропитано непримиримым, революционным духом, что одно чтение его должно бросать в лихорадку всякого благомыслящего мелкого буржуа. Но нам нет дела до мелко-буржуазных политиков. Нам важно здесь то, что это архи-революционное «Обращение» предлагает как раз ту тактику, которую рекомендует теперь русским товарищам «Искра» и которую «Вперед» осуждает, как жалкое измышление жалких филистеров. Согласитесь, читатель, что мы с вами сделали очень интересное открытие, и что ради одного этого открытия стоило и давно следовало сделать предпринятую нами историческую справку.

И заметьте при этом, что вы очень ошибетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаем, что наша справка окончательно исчерпывает вопрос. Отнюдь нет. Мы никогда не думали, что мы во всем должны слепо следовать примеру Маркса. Маркс мог ошибаться, и тот из нас, кто заметит ошибку, обязан обнаружить ее перед товарищами. Только недобросовестные или глупые люди решались утверждать, что «ортодоксальные» марксисты не допускают никакой критики своего учителя. Нет, «ортодоксы» возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая, — подобно критике, практикуемой г. Бернштейном и неокантианцами и сторонниками Маха и Авенариуса, — представляет собою лишь *совершенно некритическое* повторение буржуазных нападок на основу современного научного социализма.

Такая «критика» в самом деле глубоко возмущает нас. А кто сделает серьезное возражение против Маркса, тот может быть уверен, что мы выслушаем его с самым серьезным и самым спокойным вниманием. Но кто критикует Маркса, тот так и говорить должен: «*С Марксом* я там-то и там-то несогласен». Кто критикует Маркса, тот и выступать должен во имя *критики,* а не во имя «*ортодоксии*».

Если наши противники находят, что тактика, отстаивавшаяся «Искрой», неправильна, то им так и говорить надо: «Хотя эта тактика вполне согласна с той, которую защищал в свое время Маркс, но она все-таки ошибочна». Далее, разумеется, должны следовать доказательства. Но наши противники поступают как раз наоборот: они самих себя выдают за верных последователей Маркса, а «Искру» об'являют органом оппортюнистов и филистеров, неспособных усвоить истинный смысл марксова учения. При этом доказательства их ограничиваются (см. многочисленные статьи во «Вперед») несколькими беспрестанно повторяемыми словечками, которые, по мнению лиц, пускающих их в ход, очень хлестки, но в действительности производят впечатление сердитого бессилия именно потому, что беспрестанно повторяются вместо серьезных доводов.

Прибавлю кстати, что критика взглядов, заключающихся в изложенном здесь «Обращении», была сделана двумя очень компетентными в марксизме лицами, именно — самим Марксом и Энгельсом.

«Обращение» написано было, — как сказано выше, — в ожидании нового революционного взрыва в передовых странах Европы. Но очень скоро, — в том же 1850 году, — Маркс увидел, что такое ожидание было неосновательно, и тогда он немедленно заявил об этом в своем журнале, выходившем в Гамбурге в 1850 г. и называвшемся так же, как и знаменитая газета 1848—1849 г.г., «Neue Rheinische Zeitung».

Но в 1850 году Маркс признал ошибочным только свое ожидание нового взрыва, а те задачи, которые он ставил перед рабочим классом Германии, он не перестал тогда считать вполне правильно формулированными, и если бы у него в скором времени опять возникла уверенность в том, что в Европе близка мелко-буржуазная революция, то он опять поставил бы эти задачи в прежней их формулировке. Лишь долго спустя он убедился, что в ту эпоху, к которой относится его «Обращение», капитализм представлялся ему значительно более отжившим и одряхлевшим способом производства, чем он был на самом деле.

Эта перемена взглядов отмечена в знаменитом предисловии Энгельса к марксовой книге: «Die Klassenkämpfe in Frankreich». Ввиду

этой перемены могут предположить, пожалуй, что впоследствии сами Маркс и Энгельс не одобрили бы той тактики, которую они предлагали германским коммунистам. И нам скажут, может быть: зачем же вы хотите поступать, как Маркс и Энгельс, в такое время, когда Маркс и Энгельс поступали бы иначе?

Но на это мы ответим, что Маркс и Энгельс не одобрили бы своей тактики 1850 г. только с той ее стороны, которая обусловливалась их тогдашним убеждением в дряхлости капитализма, а следовательно, и в совершенной близости социалистической революции, для которой мелко-буржуазный переворот должен был послужить только прологом. Именно это убеждение и продиктовало им выставленный ими лозунг — *непрерывная революция*. Впоследствии, когда социалистическая революция перестала казаться им совсем близкой, они, даже в ожидании мелко-буржуазной революции, уже не сказали бы: «*наш лозунг* — Revolution in Permanenz», так как они видели бы, что отсутствуют об'ективные (а следовательно, и суб'ективные, т.-е. психологические) условия «непрерывной революции». Политические задачи пролетариата были бы определены ими уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы социалистов в мелко-буржуазном правительстве. Иначе сказать, они тем яснее показали бы себя ненавистными газете «Вперед» виртуозами филистерства.

— Толкуйте! — воскликнет иной читатель, — это одни ваши предположения, и вы ничем не докажете, что они правильны.

Нет, вы ошибаетесь, — возразим мы, — тут у нас есть неотразимое доказательство, заключающееся в письме Энгельса к Турати, написанном не далее, как в 1894 году.

В этом году на всем итальянском полуострове было чрезвычайно сильно неудовольствие против реакционной политики правительства, и революция становилась довольно вероятной. Ввиду этого революционного положения дел и написано было только что упомянутое нами письмо.

В нем старый теоретик международного социализма обращает внимание Турати на то обстоятельство, что на нынешней ступени экономического развития Италии ожидаемая революция не может быть *социалистической* и будет *мелко-буржуазной* [1]). *До победы* пролетариат

[1]) Энгельс, как видно, до глубокой старости остался «виртуозом филистерства» и сохранил свой «школьнический» взгляд на историю.

должен выступать против существующего порядка *рядом* с мелкой буржуазией, но непременно в виде отдельной партии («врозь итти, вместе бить», говорим мы теперь). *А после победы* было бы чрезвычайно опасно («questo è il pericolo piu grande» — говорит Энгельс), *если бы социалисты вошли в новое правительство*. Этим они повторили бы ошибку, сделанную в 1848 году Луи Бланом и другими французскими социалистами. Участвуя в новом,—*демократическом*,—правительстве, итальянские *социалисты* приняли бы на себя ответственность за все ошибки и за все измены этого правительства по отношению к рабочему классу, а в то же самое время революционная энергия этого класса парализовалась бы тем же самым фактом участия социалистов в правительстве.

Этот совет итальянским товарищам подкрепляется в письме *общими тактическими соображениями*, правильность которых доказана была, по словам Энгельса, *опытом всей его жизни*. «Они еще ни разу (non una volta) не ввели меня в ошибку», — говорит автор письма.

Итак, участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии — значит изменять пролетариату. Вот что говорит нам наша справка. А из этого следует, что с точки зрения марксизма не «Искра», а «Вперед» проповедует оппортюнизм — и притом самый худший, самый вредный оппортюнизм.

Нет, господа, вы можете рисовать какие вам угодно карикатуры и сколько вам угодно повторять ваши будто бы хлесткие, а на самом деле избитые словечки,—но правда остается правдой: *Маркс и Энгельс осудили бы тактику «Вперед» и одобрили бы тактику «Искры»*, и если вам хочется доказать несостоятельность этой последней, то вам не миновать *критики Маркса*. Приступайте же, г.г. «впередовцы», к вашим критическим упражнениям. Мы выслушаем вас со всем тем вниманием, какого заслуживает интересующий нас важный спорный вопрос. Начинайте «благословясь», и да помогут вам всевозможные Махи и Авенариусы! Не забывайте, что труден только первый шаг, а ваш первый шаг, по своей огромности, был достоин вольтеровского Макромегаса: вы доказали, что основатели материалистического об'яснения истории были школьниками и виртуозами филистерства в своих исторических взглядах. Идите дальше: смелым бог владеет!

Заканчивая эту справку, я опять позволю себе обратиться к товарищу С. и выразить ему ту надежду, что теперь ему уже ясно, как смотрю я на вопрос о захвате власти: *я решительно не ощущаю потребности критиковать в этом отношении Маркса.*

Открытое письмо ко всем членам РСДРП

Товарищи!

Я нахожу необходимым об'ясниться с вами по вопросу, который хотя и касается одного меня, но имеет в то же время важное практическое значение для всех нас.

Дело вот в чем. Некоторые товарищи пишут мне, что в наших заграничных организациях кем-то настойчиво распространяется слух о том, что постановление Совета нашей партии, относящееся к с'езду, созываемому известным Бюро так называемых «большевиков» при известном благосклонном содействии нынешнего ЦК, было принято не единогласно, и будто именно я разошелся здесь во мнении с остальными своими коллегами.

Это неправда, которую легко опровергнуть указанием на текст постановления: в нем говорится об *единогласном* его принятии Советом. Или это фальсификация? Но, — оставляя в стороне вопрос о том, насколько достойно нашей партии подобное предположение, — я спрошу: кто же мог бы помешать мне печатно разоблачить подобную фальсификацию? Я еще не разучился держать в руке перо и не боюсь отстаивать свои взгляды.

На самом деле я не только одобряю постановление Совета, но и принимал деятельное участие в его редактировании. Да и мог ли я не одобрить его? Ведь даже орган «большевиков» признает, что с точки зрения нашего устава желательный для него с'езд *незаконен.* С какой же стати я признал бы законным этот с'езд? Когда наш второй *(законный)* партийный с'езд назначил меня пятым, — единственным *выборным,* — членом Совета, то он сделал это, конечно, не для того, чтобы я насмехался над им же одобренным партийным уставом и нарушал те статьи этого устава, которые относятся к созыву партийных с'ездов.

Я не исполнил бы принятой на себя обязанности члена Совета и обманул бы доверие партийного с'езда, если бы не восстал против с'езда,

незаконно собирающегося по почину людей, *находящих свою выгоду* в том, чтобы итти к своей цели не той прямой дорогой, которая ясно и недвусмысленно намечена *для всех нас* партийным уставом.

Если бы в Совете действительно возникло разногласие по этому вопросу и если бы, — я намеренно беру крайний случай, — все остальные мои коллеги решили пойти на незаконный с'езд, то и это обстоятельство, как ни печально было бы оно для меня, ни на волос не изменило бы моего поведения: я все-таки протестовал бы против того, против чего я обязан протестовать по долгу своей партийной службы и своей личной совести.

Я знаю, «большевики» говорят, что не следует останавливаться перед *формальностями,* когда этого требует *интерес партии.* Но, во-первых, мы до тех пор не выйдем из жалкого состояния полупартии, пока не научимся уважать *свои собственные* законы и видеть в них нечто гораздо более важное, чем *«пустая формальность»;* во-вторых, интерес партии может быть удовлетворен *законным* путем; в-третьих, самый важный интерес партии, тот интерес, от удовлетворения которого зависит все ее будущее, настоятельно требует от нас *положительной работы в среде пролетариата,* а не тех мелких, смешных, жалких, но тем не менее вредных кружковых *интриг, которые достигнут высшего своего расцвета именно на с'езде,* созываемом вышеназванным Бюро.

Уже одно то обстоятельство, что попытка этого своеобразного учреждения могла найти хоть некоторое сочувствие между членами нашей партии, показывает, что мы далеко не стоим на высоте своего великого и святого исторического дела.

Вот что я хотел сказать вам, товарищи.

Я знаю, что меня можно выругать за это на разные лады и с большею или меньшею грубостью. Но,.. правда прежде всего.

В ожидании первого мая

Западно-европейские газеты переполнены тревожными слухами из России, вызванными приближением праздника пролетариев всех стран. На юге будто бы ждут жестоких европейских погромов; на севере будто бы трепещут в ожидании разбойничьих подвигов знаменитых отныне «хулиганов». Кто распространяет эти тревожные слухи?

По всей вероятности, то самое правительство, которое, утратив всякое уважение со стороны честных людей всех партий, заключило ныне братский союз с пролетариатом оборванцев, «этим пассивным протестом разложения нынешнего порядка вещей». Оно подстрекает его к нападениям на врагов самодержавия. Но, всегда готовые изменить всякому союзу, хулиганы, окружающие царский трон, очень не прочь были бы продать своих нынешних союзников, хулиганов, ютящихся в разных вертепах, и выступить в прибыльной роли спасителей общества от их разбоев. Некоторые простодушные люди, может быть, и кинутся в их об'ятия, испугавшись страшных слухов, ими же распускаемых в ожидании первого мая, но такие люди явятся исключением из общего правила. Разбойники, украшенные золотым шитьем, внушают «обществу» еще больше недоверия, чем разбойники, одетые в лохмотья, и как бы ни были сильны опасения, вызываемые в нем тревожными слухами, но надо думать, что в большинстве случаев оно предпочтет обойтись без дружеских услуг со стороны царского правительства.

Нравственная связь между обществом и «бюрократией» совершенно разрушена; все мало-мальски толковые люди понимают теперь, что Россия не дождется ни одной капли добра от разбойничьей шайки, присвоившей себе право распоряжаться ее судьбами. Это очевидно; но, к сожалению, не менее очевидно и то, что в борьбе с ненавистной ему «бюрократией» наше общество ограничивается пока одними словами. У нас говорят теперь чрезвычайно много, — говорят на банкетах, говорят на с'ездах, говорят на всякого рода собраниях. И это, разумеется,

очень хорошо, особенно ввиду того, что Россия страшно долго молчала и что речи, раздающиеся теперь в таком изобилии, отличаются по большей части весьма возвышенным содержанием. Но этого совсем недостаточно. Если когда-то стены иерихонские пали, по уверению Библии, от звука «труб юбилейных», то в наше прозаическое время чудес не бывает, и твердыня самодержавия едва ли падет вследствие многочисленных ораторских упражнений наших многочисленных любителей свободы. Чтобы повалить царизм, необходима сила, сила же приобретается не словами, а действиями. Конечно, в политике *слово* имеет очень часто значение *дела,* но это бывает тогда, — *и только тогда,* — когда говорящий несет новую мысль в новую общественную среду, прежде этой мысли недоступную, и тем пробуждает политическое сознание этой среды. Вот если бы наши либеральные и радикальные ораторы *«пошли в народ»,* как это делали революционеры семидесятых годов и как это делают теперь социал-демократы; если бы их речи содействовали развитию политического сознания в *народной массе,* тогда их *слово* приобрело бы значение важного исторического *дела.* Но они предпочитают агитировать «промеж себя», обращаться к той интеллигенции, которая и без того уже настроена крайне враждебно по отношению к царизму. Поэтому их красноречивые рассуждения все более и более принимают характер простой забавы. И это чрезвычайно жаль, так как с нашим правительством шутки очень плохи. Оно уже много раз и как нельзя более убедительно показало, что оно не остановится решительно ни перед чем в борьбе со своими врагами. Если оно пока еще делает кое-какие обещания, то единственно потому, что хочет с их помощью выиграть время и приготовиться *к отпору.* Ведь оно еще не потеряло надежды на то, что Рождественский разобьет адмирала Того и тем придаст новый оборот всему ходу нашей войны с Японией. И надо говорить прямо: если бы счастье улыбнулось, наконец, нашим морякам на водах Тихого океана, то наши петербургские правители тотчас же подняли бы голову, и шансы их торжества над освободительным движением в России немедленно же увеличились бы в значительной степени. В том-то и заключается глубокий трагизм нынешнего положения всех россиян, одетых в военные мундиры, что теперь для них *победить «неприятеля»* — значит *нанести поражение своему собственному отечеству.* Из этого глубоко трагического положения для них есть только один выход: поднять против царского правительства то оружие, которое куплено трудом и потом народа. И, конечно, нынешняя война откроет глаза большому числу ее участников: можно с уверенностью сказать, что из их

среды выйдет немало революционеров. Но как бы там ни было, не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что физическая сила до сих пор на стороне царского правительства и что это правительство в подходящий момент не побоится прибегнуть к физической силе. Говорят, что физическая сила не уничтожит идеи: «идея на штыки не уловляется». Это весьма старая истина. Но практическое значение этой убеленной сединами истины сводится к нулю той, не менее старой, хотя, может быть, и менее почтенной, истиной, что на штыки с большим удобством уловляются люди, увлеченные идеей, а это все, что нужно нашим правительствующим хулиганам. Великие исторические идеи побеждали только тогда, когда на защиту их сторонников против физической силы «охранителей» поднималась *физическая сила народной массы*. Ввиду этого весьма естественно спросить себя, что же сделали наши либералы и наши демократы для того, чтобы воодушевить народную массу идеей политической свободы? На этот вопрос всякий беспристрастный человек, не колеблясь, ответит: *крайне мало*. И только потому, что наши либералы и демократы сделали в этом отношении крайне мало, наше «общество» могло быть встревожено слухами о том, что и хулиганы готовятся по-своему отпраздновать день первого мая. Как бы ни были многочисленны эти несчастные, они — полнейшее ничто в сравнении с трудящимся населением России, и этому населению достаточно пошевелиться, достаточно нахмуриться, чтобы положить конец их бесчинствам. Ясно, стало быть, что к нему и надо апеллировать против этих бесчинств. Но наши либералы и демократы не только не апеллируют к нему в подобных случаях, а боятся подчас некоторых его классов не меньше, чем самих хулиганов. Еще совсем недавно либеральные «Новости» выражали страх перед «черными сотнями», к которым, по их словам, принадлежит *класс городских ремесленников*. Но что же такое городские ремесленники, если не *составная часть нашей мелкой буржуазии*, т.-е. того самого класса, идеологами которого слывут, в огромном своем большинстве, наши красноречивые демократы? Почему же демократы до сих пор не обратили внимания на ремесленников? Почему они не позаботились о том, чтобы повлиять на их образ мыслей? Почему они не дали себе труда показать им, как много выиграют они от падения царизма? Почему они предоставили правительству вербовать ремесленников в *«черные сотни»* и не постарались завербовать их *в армию политической свободы*? Скажут, пожалуй, что трудно сделать это. Мы спорить и прекословить не станем. Пусть будет очень трудно! Дело революционной борьбы, дело завоевания политической свободы вообще очень трудное дело, а сделать его все-таки надо, и потому оно *должно быть сделано*.

А крестьянство? Теперь, с началом холерной эпидемии, в нашей печати все чаще и чаще раздаются голоса, грозящие нам повторением печальной памяти холерных бунтов, разразившихся в начале девяностых годов в Поволжьи. И надо заметить, что теперь такое движение было бы гораздо опаснее, чем когда-нибудь прежде, потому что агенты царского правительства постарались бы осложнить его травлей на оппозиционную интеллигенцию. Но и здесь сам собою возникает все тот же неизбежный вопрос: что сделано нашими либералами и демократами для того, чтобы обеспечить себе политическое доверие крестьянства? И опять приходится давать на него грустно звучащий ответ: крайне мало. Между тем, сделать надо много, очень много. Надо показать крестьянству, что злейшие враги его находятся именно в рядах охранителей и что оно очень много выиграет от падения царизма. Надо убедить его в том, что сочувствие к нему существует только в рядах противников нынешнего порядка. А для этого надо уметь поддержать его в его собственном движении, направляющемся прежде всего против источников хронической нищеты, свившей себе также прочное гнездо в деревне. Пусть только оппозиционная «интеллигенция» поддержит начинающееся движение крестьянства, и тогда ему нечего будет опасаться никаких «холерных бунтов».

Повторяем, нам очень хорошо известно, что сделать все это несравненно труднее, чем произнести на каком-нибудь с'езде или банкете речь на тему о правах человека и гражданина. Но другого выхода нет и не будет. Серьезная борьба всегда требует серьезных усилий, а серьезными усилиями преодолеваются даже очень серьезные трудности. Посмотрите на нас, социал-демократов, которых так часто обвиняли в «квиетизме». Когда мы решили повторить на свой лад практиковавшееся революционерами семидесятых годов «хождение в народ», когда мы принимались за пропаганду и агитацию *в среде пролетариата*, нас со всех сторон окружали, повидимому, самые непреодолимые трудности. И эти трудности ставила на нашем пути не одна только полиция. Нет, наше дело страшно затруднялось также народолюбивым усердием тогдашней интеллигенции, которая с пеною у рта и с «цифрами» в руках доказывала нам, что, благодаря выгодам своего самобытного экономического развития, Россия избавлена от *«язвы пролетариата»* и что вследствие этого возлагать свои надежды на пролетариев могут лишь жалкие педанты, совершенно сбитые с толку немецкими книжками и

позабывшие о том, что мы — не немцы. Но жалкие педанты упорно шли своей новой дорогой, не смущаясь ни постоянными преследованиями со стороны правительства, ни непрерывными насмешками со стороны «интеллигенции», и теперь мы можем похвалиться уже не малым успехом: класс, появления которого народническая интеллигенция боялась как *«язвы»*, оказался самым передовым и самым надежным носителем революционной идеи в России. Лассаль сказал на своем сильном и образном языке, что пролетариат есть тот камень, на котором будет воздвигнута церковь будущего. Под церковью будущего он понимал социализм. В России можно сказать, что здание политической свободы также будет основано главным образом на том камне, который называется пролетариатом. Но пролетариату нужна поддержка со стороны других классов трудящегося населения, и с этой стороны не малую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые так любят свободу и так далеки еще от народной массы.

Господа, красным батальонам не страшны черные сотни! Поддержите же эти батальоны, помогите их мобилизации. Они освободят от позорного ига царизма и свой собственный класс, и всю Россию...

Царское правительство хорошо понимает, как опасно для него рабочее движение, и потому, в ожидании первого мая, оно, с одной стороны, пугает «общество» *хулиганами,* а с другой — деятельно готовится к подавлению *рабочих демонстраций*. Что-то будет? Отложит ли наш пролетариат свои демонстрации до первого мая старого стиля, или теперь же выйдет на улицу? И ограничится ли он одними демонстрациями, или, доведенный до крайности бесчисленными и нестерпимыми мучениями только что пережитой зимы, он вступит с царским правительством в тот решительный бой, которого ему не миновать в борьбе за политическую свободу, но к которому он, к сожалению, еще не достаточно подготовлен. Вот вопросы, которых нельзя не признать теперь важнейшими вопросами нашей внутренней жизни.

И не одних нас они волнуют. Жгучий интерес к ним разделяет с нами вся международная социал-демократия.

Все члены нашей рабочей армии должны стоять теперь на своих местах, и горе тем, которые добровольно покинут их в эту критическую минуту!

Об'единение французских социалистов

Об'единение французских социалистов — совершившийся факт. Теперь во Франции, где до сих пор существовало несколько отдельных социалистических организаций и где взаимная борьба этих организаций приносила так много вреда делу пролетариата, есть только одна социалистическая партия, под знаменем которой пойдут, — по крайней мере, решили итти, — вместе все оттенки французского социализма. Социалистический пролетариат всего мира громко и радостно приветствовал это событие. И ему в самом деле нельзя не радоваться.

Мы не страдаем излишним оптимизмом с этой стороны.

Если бы нас спросили, уверены ли мы в прочности только что состоявшегося об'единения, то мы, не колеблясь, ответили бы отрицательно. Такой уверенности у нас, к сожалению, пока еще нет. Мы сказали бы даже больше. Уже теперь, когда только еще начался медовый месяц об'единения, мы видим во французской социалистической печати признаки, которые показывают, что разногласия, вызывавшие такие жестокие раздоры между французскими социалистами, далеко не устранены. Вот знаменательный пример. По случаю предстоящего приезда испанского короля в Париж возник вопрос, будет ли встречать его председатель парижского муниципального совета доктор Поль Брусс, — которого можно по всей справедливости назвать отцом французского социалистического оппортюнизма, — или постарается уклониться от этой чести под тем или другим предлогом. Брусс поспешил категорически заявить, что уклоняться от встречи Альфонса XIII он совсем не намерен, а в органе Жореса «L'Humanité» появилась заметка, автор которой видит в заявлении Брусса отрадное доказательство того, что французскому социализму чужд дух *демагогии*. Совершенно так же рассуждали жоресисты во время приезда во Францию русского царя и итальянского короля. Это дает основание опасаться, что они после об'единения остались такими же, какими были до него. А так как мы уже знаем, до чего доводило этих людей их своеобразное понимание

«демагогии», то мы поневоле начинаем считать возможным новый разрыв их с революционными социал-демократами. Но, несмотря на это, мы решительно присоединяемся к тем, которые радуются делу, начатому еще в августе прошлого года в Амстердаме и законченному в Париже 23—25 апреля. Оно представляет собою большую победу революционного социализма, — иначе называемого *ортодоксальным марксизмом, — над оппортюнизмом.*

Амстердамский международный социалистический с'езд, как известно, высказался против той тактики, которой держались французские оппортюнисты во главе с Жоресом и которой всем сердцем и всем помышлением сочувствовали социалистические оппортюнисты всех других стран. В Амстердаме *было жарко,* как говорят французы. Жорес защищался с энергией отчаяния, и был момент, когда благодаря ловкому маневру социалистического «центра», руководимого В. Адлером и Вандервельде, казалось возможным, что оппортюнистам удастся и на этот раз, — как удалось им это на Парижском международном с'езде 1900 года, — помешать представителям международного пролетариата высказать ясно и решительно свою политическую мысль. Это опасение, к счастью, не оправдалось. Неприятная «оппортюнистам» «дрезденская резолюция» была принята с маленькой поправкой совершенно несущественного свойства, и французским оппортюнистам оставалось одно из двух: выйти из рядов всемирного пролетариата или подчиниться решению международного с'езда. Сознание этой, весьма неприятной для них, необходимости привело их в сильное раздражение. Осыпая упреками «узких догматиков» марксизма, будто бы неспособных понять самых важных политических задач современного рабочего движения, они упорно твердили, что резолюция Амстердамского с'езда не заслуживает внимания, так как принявшее ее большинство состояло из делегатов преимущественно таких стран, в которых пролетариат еще не приобрел серьезного политического влияния. Это было не верно; но этому придавали внешний вид серьезного довода против ненавистной оппортюнистам резолюции. И это еще не все. Немедленно по возвращении из Амстердама Жорес и наиболее видные из его единомышленников предприняли агитационную поездку на север Франции с целью защитить свою «отвергнутую» международным с'ездом тактику перед лицом французского пролетариата. Эта агитационная поездка увенчалась, повидимому, блестящим успехом. Речи адвокатов оппортюнизма вызывали шумные, долго несмолкаемые рукоплескания, а резолюции, предлагавшиеся этими адвокатами, принимались почти

без оппозиции на многолюдных народных собраниях. Но весь этот громкий успех остался совершенно бесплодным: он не отменял строгого приговора, произнесенного над оппортюнизмом в Амстердаме. Конечно, если бы французские пролетарии, рукоплескавшие красивым речам и трубному гласу Жореса, обнаружили решительное желание не подчиняться амстердамскому приговору, то положение, испорченное этим приговором, было бы до известной степени поправимо. Жоресисты продолжали бы держаться своей прежней тактики, а международная социал-демократия продолжала бы щадить их, не желая отталкивать от себя значительную часть французского рабочего класса. На следующем международном с'езде можно было бы, пожалуй, добиться какого-нибудь компромисса, на деле равносильного отмене амстердамского решения, и, таким образом, пресловутая «новая метода» была бы спасена. Но — увы! — пролетарии, шедшие за Жоресом, поступили как раз наоборот. Они не только не обнаружили желания восстать против амстердамского решения, но дали ясно понять своим вождям, что это решение должно быть исполнено без проволочек. Уже в то самое время, когда Жорес совершал свою агитационную поездку по северу Франции и, повидимому, так успешно защищал свою тактику, рабочие собрания, происходившие в самых различных местах французской территории, одно за другим и одно решительнее другого принимали резолюции, приглашавшие вожаков оппортюнизма преклониться перед волей международного с'езда. Это настроение крепло с каждым днем и с каждым днем становилось все больше и больше очевидным, что Жорес и его ближайшие единомышленники будут оставлены почти всей своей армией, если пойдут вразрез с ними. Убедившись в этом, главный штаб французского оппортюнизма увидел себя вынужденным итти на уступки и заявить, что готов вступить в переговоры для об'единения... на основе амстердамской резолюции.

В конце декабря уполномоченные от различных социалистических организаций [1]) пришли к окончательному соглашению относительно тех принципов, которыми должны будут руководствоваться об'единенные французские социалисты в своей политической деятельности. И достаточно бросить самый беглый взгляд на «об'единительную декларацию», заключающую в себе изложение этих руководящих принципов,

[1]) Кроме французской социалистической партии (жоресистов) и социалистической партии Франции (гэдисты и бланкисты) в переговорах участвовали еще: социально-революционная рабочая партия (аллеманисты) и независимые федерации устьев Роны, Эро, Бретани, Соммы и Ионы.

чтобы увидеть, как далеко идут уступки, сделанные революционной «ортодоксии» французским социалистическим оппортюнизмом.

Впрочем нет, мы выражаемся неточно. Оппортюнизм не *уступил*, а просто-напросто *сдался* своему противнику, очистив перед ним все свои позиции. Чрезвычайно интересно то место декларации, где говорится, что «по своей цели, по своему идеалу, по средствам, употребляемым ею, социалистическая партия является партией классовой борьбы и революции, а не реформы, хотя и добивается в то же время непосредственных реформ, требуемых рабочим классом». Правда, оппортюнисты могут утверждать, — и утверждали, — что от классовой борьбы они собственно не отказывались и что хотя их бывший товарищ Мильеран предпочитал ей «сотрудничество классов», зато Жорес всегда говорил о ней в самых прочувствованных и возвышенных выражениях. Но на деле классовая борьба принимала у них самый безобидный для буржуазии вид и утрачивала всякий революционный характер. Если бы французский пролетариат усвоил себе тактику оппортюнистов, то французский социализм очень скоро совершенно превратился бы в мирную партию буржуазной социальной реформы. В области теории такой переход чрезвычайно облегчился бы для него теми рассуждениями о социальном развитии, которым с особенной охотой предавались немецкие оппортюнисты и в результате которых получался успокоительный вывод, гласивший, — «рассудку вопреки», наперекор истории, — что самое понятие о социальной революции есть чистейшая бессмыслица. Теперь французские оппортюнисты торжественно признали несостоятельность этого вывода; теперь они открыто стали под знамя социальной революции. Это — огромный шаг вперед, и мы очень довольны им. Но что скажет по этому поводу г. Бернштейн? Что скажут «социал-демократы», группирующиеся вокруг редакции журнала «Sozialistische Monatshefte»?

Не менее интересно, — а с практической точки зрения особенно важно, — и заключающееся в декларации указание на то, что представители социалистической партии составят во французском парламенте *отдельную группу, противостоящую всем буржуазным партиям,* что эта группа обязана голосовать *против бюджета* и, наконец, что даже при исключительных обстоятельствах она не имеет права входить в договоры с другими парламентскими группами, если не получит предварительно разрешения на такой шаг от представляемой ею партии. Прощай, «республиканский блок»! Прощай, независимость социалистических депутатов! Отныне все они будут подчинены контролю организованного социалистического пролетариата, который, надеемся, сумеет предохранить их от повторения политических ошибок, доставивших большинству из них не совсем лестную известность в течение последних лет.

Мы пишем все это вовсе не затем, чтобы попрекать недавним прошлым наших товарищей, принадлежащих к правому крылу французской социалистической партии. К чему бесполезные упреки? Прошлого не воротишь. Но именно потому, что мы не уверены в прочности мира, только что заключенного между двумя фракциями французского социализма; именно потому, что уже теперь, когда только что прекратилась междоусобная война, некоторые оппортюнисты исподтишка затягивают свою старую песенку, мы считаем необходимым напомнить нашему читателю важнейшие из обстоятельств, подготовлявших и сопровождавших интересующее нас событие. Только приняв в соображение эти обстоятельства, можно выяснить себе его истинный смысл.

Международная социалистическая «ортодоксия» победила в Амстердаме международный социалистический оппортюнизм. Парижский мир между социалистами был первым крупным плодом этой победы. И этот крупный плод мог созреть только в здоровой атмосфере современного массового движения пролетариата. Если бы дело об'единения зависело в последнем счете от принадлежащих к французской интеллигенции сторонников «новой методы», то оно не только не увенчалось бы успехом, но все более и более становилось бы безнадежным. Мы никогда не были врагами интеллигенции, — по крайней мере той интеллигенции, которая была достаточно *интеллигентна* для усвоения великой революционной идеи нашего времени, — но мы не смотрим на нее через призму идеализации, мы видим ее недостатки. «Интеллигент» всегда хоть немножечко принадлежит к породе «сверхчеловеков», а «сверхчеловеки», страстно любящие повелевать, не выносят даже и легкого прикосновения дисциплины. Было бы совсем неуместно разбирать здесь, какими *социальными* причинами вызываются эти *психологические* черты. Мы ограничимся тем, что констатируем их существование и попросим читателя представить себе, что должно происходить внутри партий, состоящих главным образом из таких «сверхчеловеков». Мы думаем, что в таких партиях перевороты, расколы, coups d'état и всяческие междоусобия будут по необходимости происходить так же часто, как революции в латинских государствах Америки. Замечательно, что социалистическая интеллигенция, пока она не растворилась в рабочем классе, нигде не могла сложиться в единую, прочную партию. Это

об'ясняет нам, почему расколы между социалистами составляют обычное явление в тех странах восточной Европы, где социалистические партии до сих пор состоят главным образом из «интеллигентов». И единственным, — *не «паллиативным»*, — лекарством от таких «сверхчеловеческих» болезней может служить лишь придание социалистическим партиям *истинно пролетарского характера*. Когда *«рабочие партии»* этих стран сделаются *партиями рабочих*, тогда и расколы станут там не правилом, а исключением, и распри *интеллигентов* перестанут вредить делу *пролетариев*...

Возвращаясь к нашей теме, повторим, что мы не очень верим в прочность только что создавшегося об'единения социалистических сил Франции. Общественная жизнь современного «демократического» государства слишком богата соблазнами, способными вовлечь в политические грехи социалистов, склонных к оппортюнизму. Возможно, что прежние разногласия, повидимому совершенно устраненные теперь «об'единительной декларацией», скоро возобновятся во французской социалистической среде с новой силой. Но в чем мы уверены совершенно твердо, так это в том, что в случае нового раскола огромная часть тех рабочих, которые шли когда-то за оппортюнистами, останется в рядах *революционной* социалистической армии. И эта твердая уверенность заставляет нас сильно радоваться выгодному и почетному для революционеров миру, заключенному в Париже 23 — 25 апреля.

Если бы мы захотели, в заключение, оглянуться на тот «кризис французского социализма», который теперь закончился, по крайней мере на время, то мы должны были бы сказать, что он в самом деле был *кризисом роста*, как его назвал, кажется, Поль Лафарг.

С конца восьмидесятых годов в ряды французских социалистов стало притекать чрезвычайно много новых пришельцев. Число голосов, подаваемых за социалистических кандидатов, удваивалось чуть не при каждых новых выборах. Рядом с этим замечалось ослабление сил левого крыла буржуазии — *радикальной* партии. Избиратели, голосовавшие прежде за *радикалов*, отдавали свои голоса *социалистам*. Это отразилось, конечно, и на французской интеллигенции. Прежде совершенно глухая к голосу социализма, она стала выдвигать из своей среды довольно значительное число социалистов. Но эти *новые* социалисты принесли с собою из своего прежнего лагеря порядочный запас *старых мелко-буржуазных* предрассудков. И когда они сравнивали свои взгляды со взглядами французских марксистов, они неизбежно открывали большую разницу между ними. Эта разница, *обусловленная их отсталостью*,

об'яснялась ими как *отсталость марксизма от новых требований жизни*. И вот они заговорили о необходимости «критики Маркса» и придумали *«новую методу»*. Борьба, вызванная этой методой, продолжалась несколько лет и закончилась, как мы видим, победой марксизма. Парижский об'единительный с'езд похоронил «новую методу». Многие и многие из ее бывших сторонников, открыв истинный источник своего заблуждения и став социалистами в *полном смысле этого слова*, уже никогда к ней не вернутся. Но у нее могут явиться новые сторонники между теми людьми, которые впредь станут переходить к социалистам из буржуазного лагеря. Такие люди будут, конечно, появляться вплоть до самой революции. И чем больше будет таких людей, т.-е. чем больше станет притягательная сила социализма, тем больше будет расти возможность появления *новых кризисов в социализме* и новых «критиков Маркса». А так как рост притягательной силы социализма показывает нам, что правы были теоретики, обнаружившие об'ективную необходимость этого роста, то мы решаемся выставить следующее, на первый взгляд парадоксальное, положение:

«Кризисы в современном социализме будут тем чаще, чем больше правильность его теории, — т.-е. марксизма, — будет подтверждаться ходом развития современного общества».

Но именно по той причине, что эти кризисы будут возникать не оттого, что марксизм *ошибочен*, а оттого, что он *верен*, всякий новый кризис будет вести к новому торжеству «ортодоксии» и к все более и более сильному сплочению рядов *революционного пролетариата*.

Выход из редакции «Искры»

(Письмо в редакцию «Искры»)

Товарищи!

Решения конференции, нанесшие смертельный удар центральным учреждениям нашей партии, заставляют меня сложить с себя звание редактора центрального органа и пятого (выбранного вторым, *законным,* с'ездом) члена Совета.

Г. Плеханов.

P. S. Пользуюсь этим случаем, чтобы печатно спросить ту часть партии, которая признает обязательными решения «третьего» с'езда, желает ли она, чтобы я попрежнему представлял эту, теперь, — увы! — разорванную, партию в Международном Социалистическом Бюро. Я могу остаться представителем российской социал-демократической партии *только* в том случае, если этого пожелают *обе фракции.*

Г. П.

Montreux, 29 мая 1905 г.

Предисловие к брошюре: «На два фронта»

Выпуская в виде отдельного сборника некоторые мои политические сочинения, я не имею ни возможности, ни охоты снабжать этот сборник длинным предисловием и ограничусь лишь немногими замечаниями.

Иные из этих статей отчасти, — в более кратком виде и в другой связи, — повторяют то, что более подробно и по другому поводу развивается в предыдущих. Читатель найдет, пожалуй, такие повторения излишними. Но я попрошу его вспомнить, что статьи эти отделялись одна от другой промежутком времени, простиравшимся иногда до нескольких лет, в течение которых совершенно обновлялся, — благодаря чудовищным условиям нашей политической жизни, — весь состав «публики», интересующейся социалистической литературой. Повторения были, поэтому, не только допустимы, но прямо неизбежны. Скажу больше. Я буквально сожалею подчас о том, что группа «Освобождение Труда» недостаточно часто возвращалась к изложению своего credo. Мне кажется, что российская социал-демократия избежала бы серьезных ошибок, если бы она полнее и лучше усвоила себе идеи, — и в частности политические взгляды, — названной группы. Чтобы не далеко ходить за примером, напомню хотя бы эпизод с экономизмом, представлявшим собою, в теоретическом отношении, одно недоразумение.

Название сборника об'ясняется тем, что нам, в нашей политической пропаганде, приходилось вести борьбу с двумя предрассудками совершенно *противоположного* характера; нам надо было раз'яснять, что социализм не исключает политики и в то же самое время доказывать, что и политика вовсе не требует от нас забвения социализма, т.-е. нашего превращения в либералов.

Сборник этот заканчивается статьей: «Что же дальше?» О ней мне хочется сказать здесь два слова.

Она была написана по поводу студенческих волнений, к которым чрезвычайно сочувственно отнеслась рабочая масса. Я доказывал в ней,

что *академическая* свобода может явиться у нас лишь как составная часть *политической* свободы вообще и что никакие «сердечные попечения», идущие со стороны царского правительства, не прекратят наших студенческих «беспорядков». Тогда нужно было доказывать это, так как даже «передовая» часть нашей «легальной» печати склонна была поддерживать веру в благие намерения царя и, — по крайней мере некоторых, — его слуг. Теперь нечего и спрашивать, кто заблуждался; теперь почти все наше «общество» видит и говорит, что от «бюрократизма» ничего доброго не дождешься. К сожалению, оно до сих пор ограничивается одной чисто словесной борьбой с «бюрократией». Но словами с ней ничего не поделаешь. «Бюрократия», это — тот враг, которого надо, по выражению Лассаля, повалить на землю и, взяв его за горло, поставить ему колено на грудь. А для этого нужна *сила* и большая сила. А сила будет на стороне врагов царизма только тогда, когда на их сторону решительно перейдет *народная масса*. Это очевидно. Но если, исходя из этой очевидной истины, мы спросим себя, что же сделало общество в смысле политической агитации в народной массе, то придется ответить: ничего или очень мало. И в этом заключается причина того, что «бюрократия» до сих пор не очистила ни одной, решительно ни одной, из своих старых позиций. Тут повторяется история, так художественно изображенная Крыловым. «Интеллигенция» твердит:

...Ахти, какой позор!
Теперь уж все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»

А плут Васька нимало не смущается этим «слов теченьем» интеллигентных «риторов» и продолжает держать в своих острых и крепких когтях всю интеллигентную и прочую Россию.

А Васька слушает да ест...

И не только ест. Он собирается дать решительный отпор нашему «повару-грамотею»; он организует своих своеобразных шуанов, набираемых между хулиганами. И наша свободолюбивая интеллигенция, не желающая или не умеющая «власть употребить», — т.-е. апеллировать к народу, — дрожит перед *черными сотнями*...

Эпиграфом для статьи «Что же дальше?» я взял слова Маркса: «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wächst auch der Umfang der Masse, dessen Aktion sie ist». (Чем основательнее данное историческое действие, тем шире та масса, которая его совершает.) Наша «интеллигенция» до сих пор не усвоила себе заключающейся здесь глубокой политической мысли. А время не терпит, роковая развязка приближается...

Заканчивая свою статью, я так формулировал тогдашнюю практическую задачу нашей партии:

1) Организоваться.

2) Принять все зависящие от нас меры для выяснения оппозиционным элементам общества истинного характера преследуемой нами ближайшей политической задачи.

3) Продолжать политическую агитацию в трудящейся массе.

4) Придать этой агитации *еще более широкие размеры, распространив ее по возможности и на сельское население.*

5) То же в большей степени.

6) То же в еще большей степени.

7) То же в самой большей степени.

8) А потом... но об этом мы успеем потолковать и в другой раз: время терпит...

Эта формулировка не понравилась «социалистам-революционерам». Мне сообщали, что один из их ораторов, — довольно известный *человек с неверными цитатами из Маркса и Энгельса,* — пытался публично осмеять ее на одном русском собрании в Женеве. Прибавляли даже, что его попытка увенчалась заметным успехом, что довольно значительная часть присутствовавших на собрании рукоплескала насмешкам оратора. Но если черная сотня может наводить трепет на общество; если правительству удается вызывать погромы, подобные кишеневскому, бакинскому и—совсем недавним—мелитопольскому и житомирскому, то не доказывает ли это, что революционная агитация и организация в народной массе до сих пор не приняла достаточно широких размеров? А если это так, то не ясно ли, что люди, меня осмеивавшие, смеялись, собственно, над самими собою? Или, может быть, им не понравилось то, что я не захотел сказать, какие задачи выставим мы тогда, когда нам удастся воспитать политическое сознание массы? Может быть, слова: «время терпит» поняты были ими в смысле проповеди политического квиетизма? Но какой же квиетизм призывает к деятельности? И разве политическая агитация в народной массе не остается до сих пор важнейшим родом деятельности для всякого серьезного революционера? И что можем предпринять мы в смысле *непосредственного* нападения на царизм до тех пор, пока наша политическая агитация в народе не

приняла достаточно широких размеров? Нет, поистине, над самими собой смеялись мои «социально-революционные» критики!

Что касается собственно организационного вопроса, то надо признать, что для нас, социал-демократов, он до сих пор остается открытым. Пресловутый «план Ленина» не только ничего не *«построил»*, но, напротив, очень многое *расстроил*. Да, как видно теперь, иначе не могло и быть.

По поводу Ленина я не раз вспоминал анекдот, рассказываемый профессором Адлером в его книге: «Geschichte der ersten sozialpolitischen Bewegungen in Deutschland». Последователи Маркса будто бы просили его написать для них катехизис, заключающий в себе изложение всех его взглядов, а он не только отказывался писать такой катехизис, но еще и смеялся над просившими, как над людьми, ничего не понимавшими в той самой теории, изложения которой они требовали. Se non è vero, è ben trovato! *Катехизис марксизма* был бы произведением, резко противоречащим всему духу *учения Маркса*. Сам Маркс, разумеется, лучше всех должен был понимать это. А Ленин написал для наших практиков именно *катехизис*, — правда, не теоретический, а *организационный*. За это многие из них прониклись благоговейным уважением к нему и провозгласили его *социал-демократическим* Солоном. Но мысль о том, чтобы написать организационный катехизис для партии, именующей себя *рабочей* партией, еще нелепей, еще уродливее, — если это возможно, — чем мысль о теоретическом катехизисе марксизма. Теперь кажется даже *«твердокаменные»* сторонники Ленина *смягчились* в том смысле, что увидели несостоятельность его «организационного плана». Это не мешает им попрежнему считать его Солоном. Это странно, но это уже их дело, дело их логики, меня здесь совсем не интересующей; я хочу только сказать, что всякие попытки решить у нас организационный вопрос с помощью катехизиса, написанного тем или другим *«вожаком»*, заранее обречены на неудачу. *Этот вопрос будет решен* только опытом и притом опытом особого рода, который получится в результате твердого решения расширить старые, негодные рамки нашей партийной организации и сделать эту организацию *пролетарской не только на словах, но и на деле*. Теперь как раз наступило время для такого энергичного усилия.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 1

МАРТ 1905 Г.

Два слова о моем «Дневнике»

Характер этого издания достаточно определяется его названием. Это будет дневник человека, стоящего на социал-демократической точке зрения и горячо интересующегося тем, что происходит теперь в России. Но российская социал-демократия есть лишь один из отрядов всемирной армии пролетариата; поэтому в свой дневник я буду заносить также разные впечатления, производимые на меня ходом рабочего движения в других странах. Состояние моего здоровья не позволяет мне теперь же сделать свой «Дневник» периодическим. Я надеюсь все-таки, что мне удастся это в недалеком будущем.

Живой обмен мыслей с читателем — большое счастье для писателя. Поэтому я буду очень благодарен тем, которые захотят вступить со мной в переписку по поводу вопросов, затрагиваемых в «Дневнике».

Мукден

Начальник наш рожден был хватом...
Лермонтов, Бородино.

Итак, новое поражение! До сих пор невозможно с точностью определить его размеры, но во всяком случае они страшно велики: по некоторым известиям мы потеряли под Мукденом 20 знамен, до 500 пушек, огромное количество всяких припасов и, — это, разумеется, самое главное, — около 200.000 человек. Это, поистине, ужасно! Даже в битвах с гениальным Наполеоном мы не терпели таких страшных поражений. Был слух о том, что наш главнокомандующий застрелился. Тот, кто пустил этот слух, очень плохо знал ген. Куропаткина. Этот человек, в угоду «Петербургу» соглашавшийся даже на заведомо нелепые движения, не одержавший ни одной, ровно ни одной, победы; всегда, подобно раку, пятившийся назад и после каждой затрещины, полученной им от неприятеля, неизменно повторявший свою архи-комическую фразу, достойную генерала из «Герцогини Герольштейнской»: «это входило в мой план»; этот человек, который навредил России больше, чем маршал Базэн навредил Франции, не принадлежит к числу тех, которые способны произнести над собой строгий приговор. Он до последней крайности держался на своем месте главнокомандующего, а когда увидел, что «Петербург» слишком уж им недоволен, он попросил об увольнении, ссылаясь на усталость [1]). Теперь он будет отдыхать на своих лаврах. Особый поезд, обставленный всеми удобствами, какие только возможны на современных железных дорогах, отвезет его в Россию, а ряды его солдат, которых обкрадывали и били «по морде» подчиненные ему офицеры и в которых он сам, по старой, подлой, казарменно-барской привычке, даже в минуту наилучшего к ним отношения, видел, конечно,

---

[1]) Статья эта была уже набрана, когда оказалось, что Куропаткин был уволен без прошения.

не больше, как «*святую скотину*», ряды этих несчастных, нравственно измученных и изнуренных физическими лишениями солдат, — даже под его неумелой командой удивлявших мир своей стойкостью и своим мужеством, — будут пополнены новыми пришельцами из России, и под предводительством нового «хвата», терзаемые новыми неслыханными муками, пойдут в новые безнадежные битвы, на новые верные поражения [1]). В продолжение нескольких дней в заграничной печати упорно держался пущенный корреспондентом «Echo de Paris» слух о том, что на военном совете, происходившем в Царском Селе 1 марта (нов. ст.), решено было поручить главное командование великому князю Николаю Николаевичу. Когда я прочитал это известие, я сказал себе, что генералы, командующие японскими армиями, могут поздравить друг друга с большой радостью. Во-первых, наша военная история с ясностью показывает, что вообще «августейшие» главнокомандующие никогда и ничего, кроме огромного вреда, нашим войскам не приносили [2]). Во-вторых, что касается в частности Николая Николаевича, то он еще во время своего пребывания в Академии генерального штаба прославился между своими товарищами изумительной глупостью и с тех пор, насколько мне известно, показал себя вполне достойным этой лестной репутации. Это был бы именно тот главнокомандующий, который русскому войску нанес бы больше вреда, чем Ойяма, Куроки, Ноги и Оку вместе взятые. Даже тупая реакционная камарилья, окружающая Николая Малоумного, нашла, что это было бы уже слишком, и на пост, который, очевидно, очень хотелось получить царскому двоюродному дядюшке, поставила генерала Линевича. Это, разумеется, гораздо лучше: Линевич умнее Николая Николаевича, — что чрезвычайно легко, — и решительнее Куропаткина, — что тоже очень нетрудно. Но что и он далеко не стоит на высоте своей трудной задачи, что и он не победит японцев, при тех условиях, при которых победить их

[1]) Газеты сообщают, что Куропаткин, уже двинувшийся было в путь, выразил царю желание быть назначенным начальником первой армии и что пожелание его исполнено. Чем руководился он? Желанием смыть свои ошибки своею кровью? Но тогда ему надо было поступить, хотя бы в ту же первую армию, *простым рядовым*. Тогда он узнал бы, что значит для солдата плохой начальник.

[2]) Напомню хотя бы письма гр. Лорис-Меликова, изображающие поведение великого князя Михаила Николаевича в азиатской Турции во время войны 1877 — 1878 г.г. и напечатанные в брошюре «Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма», Берлин, издание (без обозначения года) Гуго Штейница.

не удалось бы даже самому Наполеону, это ясно, как день, в этом невозможно сомневаться.

Выбор Линевича обещает очень немного. Но у русского правительства и нет возможности сделать хороший выбор. У него много лакеев; но вокруг него нет талантливых людей. Да оно и понятно. Как ни специально военное дело, но его организация всегда стоит в теснейшей связи со всей социальной и политической организацией страны. Древняя Спарта была страшна своим врагам до тех пор, пока прочна была ее старая система землевладения, обеспечивавшая относительное благосостояние граждан; и эта же Спарта утратила все свое военное могущество, когда старая система разрушилась, и земля сосредоточилась в немногих руках. Франция, выставившая целый ряд замечательных полководцев и одержавшая столько блестящих побед в лучшую пору царствования Людовика XIV, стала терпеть поражение за поражением уже к концу этого царствования, а в XVIII веке, в тяжелое для нее время агонии абсолютной монархии, она терпела их каждый раз, когда правившая ею придворная клика пускалась в военные авантюры. И та же Франция, обновленная великой революционной бурей, опять сделалась грозной на поле битв. Нынешнее социально-политическое положение России таково, что, совсем не будучи пророком, можно было при самом начале ее войны с Японией с полной уверенностью предсказать, что не ей суждена победа. Наш крестьянин до такой степени изголодался, что военные качества русского солдата непременно должны были понизиться и что заслуживает величайшего удивления та стойкость, которую все-таки обнаружил русский солдат на Дальнем Востоке. Систематическое обкрадывание казны и солдата, правда, представляет собою один из весьма древних «устоев» нашей общественной жизни. Но, во-первых, казнокрады становились и должны были становиться тем беззастенчивее и тем наглее, чем дальше подвигалось вперед гниение нашей абсолютной монархии. Во-вторых, расстройство, вносимое казнокрадством в наше военное дело, естественно, должно было быть тем опаснее для России, чем лучше были организованы силы ее противника, переживающего совсем другую фазу своего социально-политического развития. В-третьих, царские опричники обессиливали нашу страну еще и тем, что всеми зависящими от них средствами противились распространению в ней *образования*. Я помню, что когда я рассказал Энгельсу о деляновском циркуляре, затруднявшем доступ в средние учебные заведения «детям кухарок» и прочей бедноте, он, стукнув кулаком по столу, горячо воскликнул: «Русский царь лишает себя возможности иметь достаточное

число образованных офицеров; он дорого поплатится за это в первую же войну». Теперь пророчество Энгельса оправдалось: русское правительство, — и, к сожалению, не оно одно, — дорого платится за свою борьбу с просвещением.

Вокруг микадо собрались все живые силы Японии, за исключением пока еще немногочисленных в ней социал-демократов.

У нас, наоборот, все живые силы давно уже отвернулись от царского правительства и давно ведут с ним ожесточенную, то скрытую, то явную, борьбу. И кто скажет нам, чего стоила России эта продолжительная борьба? Кто сосчитает, сколько всякого рода талантов погибло у нас в зародыше под ударами правительственных преследований, — в школе, ссылке и в тюрьмах, в ледяных пустынях Сибири и в каменных мешках крепостей, а то и прямо на виселицах? Царское правительство издавно косило у нас, по выражению Некрасова, все живое, все честное, и понятно поэтому, что с ним остались одни тупицы. Наши генералы умеют только низкопоклонничать перед высшими, гнуть в бараний рог низших, грабить солдат и расстреливать безоружных граждан. На все это они неподражаемые мастера; но для борьбы с мало-мальски серьезным неприятелем они совсем не годятся, и, сколько бы ни перемещали их на служебной лестнице, Россия все-таки вынуждена будет сказать им всем словами крыловского соловья:

...Вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь!

Да если бы и были у нас талантливые генералы, то наш «батюшка», *воюющий прежде всего со своим собственным народом,* не мог бы отправить их в Манчжурию: они нужны были бы ему для того, чтоб командовать его опричниной.

Но римляне недаром говорили, что кого Юпитер захочет погубить, у того он отнимает разум. Коронованный дурачок в Царском Селе во всеуслышание заявляет, что он хочет продолжать войну до последней крайности. Он не видит, что крайность уже наступила. Он вообразил, что французские мелкие буржуа, сбережения которых прежде с такой легкостью переходили, под видом займа, в русское государственное казначейство, будут питать доверие к нему, несмотря на все полученные им колотушки. Но французские банкиры дали ему понять, что это не так; *новый парижский заем, как известно, не удался.* Это было бы очень хорошим уроком для царя, если бы царь способен был чему-нибудь научиться. Еще лучшим уроком могло бы послужить для него отрицательное отношение к нынешней войне решительно всей России. Он думает, что он может гнать на войну своих «верноподданных», как гонял некогда свои полчища какой-нибудь Дарий или Артаксеркс. Но русский народ уже вышел из состояния рабской покорности. Он не хочет войны, он громко против нее протестует, и чем воинственнее будет высказываться *правительство,* тем более станет расти *антиправительственное* движение в народе.

Правительство скоро окончательно убедится в этом. И тогда оно пустится на хитрости.

Когда оно увидит, что ему остается только признать себя побежденным, оно постарается свалить с себя нравственную ответственность за тяжелые условия мира на тот самый народ, сынов которого оно насильно, — штыками и нагайками, — гнало в Манчжурию.

Слух о том, что царь хочет собрать вокруг себя выборных народных представителей, нужен был, конечно, прежде всего с той целью, чтобы сделать более сговорчивыми иностранных банкиров: у нас, мол, скоро совсем восстановится тишь, гладь и божья благодать. Но если окажется, что иностранные капиталисты ни за что не пойдут на эту удочку и денег совсем не дадут, так что воевать будет не на что, то правительство созовет какой-нибудь плохонький Земский Собор и, «уступая его просьбам», пойдет на мир. А если, впоследствии, «крамольники» вздумают упрекать его за печальные для России последствия войны, оно с лицемерным вздохом возразит им: «Виновата в них сама Россия, не обнаружившая достаточной твердости; если бы она не надоела государю своими слезными просьбами о мире, то война закончилась бы торжеством русского оружия, и тогда не России, а Японии пришлось бы вздыхать по поводу тяжелых условий мира».

Мы во что бы то ни стало должны помешать этой комедии. Нашей стране нужен не кое-как спроворенный *собор «государственных холопов»* и *«сирот»,* годных только на то, чтобы прикрывать именем народа царские грехи и ошибки. Нет, ей нужно *учредительное собрание, созванное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, властно провозглашающее волю народа и способное требовать строгого отчета у всех тех, которые виновны в наших бедствиях.*

Только такое собрание найдет в себе силы для того, чтобы вывести Россию из ее нынешнего, до последней степени затруднительного,

положения. Но царское правительство никогда не согласится на созыв такого собрания. *Поэтому необходимо свергнуть царское правительство.* Усиленная республиканская агитация должна быть ответом на известие о мукденском поражении.

Долой царское самодержавие и да здравствует самодержавие народа!

«Мужики бунтуют»

«Если кого держит за шиворот революция, — писал мне Энгельс незадолго до своей смерти, — то это вашего маленького Николая». И в самом деле, революция, не только не признающая придворного этикета, но и вообще крайне сурово расправляющаяся подчас с теми, которые становятся ей поперек дороги, не церемонится с «высочайшим» шиворотом ничтожнейшего венценосца. Сегодня грубят земцы, завтра выпрямляется почти во весь огромный рост мужественная фигура пролетариата, послезавтра заговаривает о политической свободе промышленная буржуазия, бывшая до последнего времени верным союзником абсолютизма, которым она пользовалась как удобным орудием своего обогащения, — одним словом, каждый божий день венценосцу приходится слышать о том, что все новые и новые слои его «верноподданных» начинают увлекаться «бессмысленными мечтаниями». Самой свежей новостью в этом роде является известие о *крестьянских волнениях,* уже успевших распространиться на несколько губерний. Разумеется, для усмирения «бунтовщиков» послано несколько непобедимых военачальников, которые и восстанавливают «порядок» с тем мужеством и с той находчивостью, которые им так свойственны... в борьбе с безоружным «внутренним врагом». Весьма вероятно, что «враг» будет и на этот раз побежден, что неустрашимые и находчивые военачальники и на этот раз покроют себя неувядаемыми лаврами. Но какую пользу извлечет царизм из этой победы? Упрочит ли она его положение? Как бы не так! Талейран говорил, что с помощью штыков можно много сделать, но невозможно сидеть на них. Николай II скоро убедится в справедливости этого афоризма. Все заставляет думать, что усмиряемые теперь крестьянские «бунты», — равно как и все те бесчисленные неприятности, которые пережил «обожаемый монарх» благодаря коварству «внутреннего врага», — служат лишь первыми, пока еще сравнительно слабыми, но чрезвычайно быстро усиливающимися предвестниками приближающейся всенародной грозы. Наш «старый порядок» отжил свой век, а отжившего порядка не

спасут ни ружья, ни сабли, ни пушки, ни пехота, ни кавалерия, ни артиллерия.

Положение, в которое, при господстве этого порядка, был поставлен наш крестьянин, всем известно. Оно характеризуется словами: *крепостная зависимость*. Даже тогда, когда под влиянием севастопольского погрома правительство увидело, что необходимо предоставить некоторый простор развитию производительных сил страны, и когда оно с шумом и треском приступило к так называемому освобождению крестьян, оно вовсе не собиралось уничтожить крепостное право и отнюдь не уничтожило его. Борьба мнений, происходившая в то время в наших «влиятельных сферах», сводилась к вопросу о том, кому будет отныне закрепощен помещичий крестьянин: своему барину или государству. Государство взяло верх, и с тех пор в крепостной зависимости по отношению к нему одинаково находились как бывшие помещичьи крестьяне, так и крестьяне всех других наименований. Этот взгляд на «эмансипацию», высказывавшийся в наших социал-демократических изданиях с тех самых пор, как существуют такие издания, оспаривается теперь разве только самыми наивными людьми. Уездный Балашовский комитет о нуждах сельско-хозяйственной промышленности очень точно выразил его, сказав, что «в крестьянском устройстве сохранились почти все черты крепостной зависимости, какие существовали до освобождения: только вместо прежнего личного подчинения помещику крестьяне стали в обязательные отношения к правительству» [1]). Крестьяне, разумеется, прекрасно сознают, как невыгодны для них такие отношения. В только что цитированной мною книге о нуждах деревни приведена, — в качестве эпиграфа к статье г. В. Розенберга: «Земские начальники»,— очень интересная выписка из *крестьянских писем* в местные комитеты: «Главная причина и вина наша в том, что мы, крестьяне, стеснены в правах и всегда находимся под опекой других; иными словами сказать, какие мы жители, считаемся хозяевами в своих имениях, а сами собой распорядиться не имеем права». Поэтому революция, которая сметет с лица русской земли наше старое, более или менее видоизмененное ходом времени, государственное крепостничество, нужна крестьянину больше, чем кому-нибудь другому: она впервые разобьет сковывающие его цепи рабства и сделает из него «человека и гражданина». И неудивительно, что крестьянин, мало-по-малу пробужденный от своего векового сна быстрым развитием капитализма [1]), начинает питать сочувствие к этой приближающейся революции. Его здравый смысл довольно явственно подсказывает ему теперь, что только от нее может он ждать улучшения своей участи. Но он не только сочувствует ей. Начинающиеся крестьянские волнения свидетельствуют о том, что он сам готовится выступить одним из важнейших ее факторов. Какие же требования напишет он на своем революционном знамени?

[1]) См. книгу: «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Том. I, С.-Петербург 1904 г., стр. 115.

Чтобы ответить на этот вопрос, не впадая в старые народнические иллюзии, надо помнить, что крестьянство не *класс*, а *сословие*, — униженное, бесправное сословие, к которому принадлежат, однако, весьма различные по своему экономическому положению элементы. Развитие капитализма разрушило старые экономические «устои» народного быта и вызвало появление в нем тех же классов, — хотя и не так резко разграниченных один от другого, — какие мы видим в городе: *буржуазии* и *пролетариата*. К числу *пролетариев* здесь приходится отнести всех тех, которые живут главным образом *продажей своей рабочей силы;* к числу *буржуа* — всех тех, доход которых создается преимущественно путем *эксплоатации этой силы*. Между этими двумя классами, как слой, соединяющий их рядом почти незаметных переходов, стоит средний «хозяйственный мужичок», живущий главным образом «трудами рук своих», но не упускающий случая поживиться и на счет рук своего ближнего. Это тот самый мужичок, о революционном настроении которого очень сочувственно говорил корреспондент «Революционной России» (№ 21, в статье «Что делается в крестьянстве») и который, по снисходительному замечанию того же снисходительного корреспондента, пользуется наемным трудом только изредка, при чем зимой об'ектом его эксплоатации служат «подростки» [2]).

Что касается *пролетариев*, то наибольшая часть между ними продает свои руки не сельско-хозяйственным, а промышленным предприни-

[1]) Капитализм проникает в самые отдаленные медвежьи углы. («Нужды деревни», стр. 128.)

[2]) В высшей степени замечательно то, указываемое снисходительным корреспондентом «Революционной России», обстоятельство, что на хозяйственных мужичков, жадно читающих революционные прокламации и брошюры, производят неприятное впечатление «рассыпанные в различных местах брошюр предостережения против кулаков». *Они принимают эти предостережения на свой счет.* Судите после этого о социалистах-революционерах, которые хотят стоять не только на точке зрения пролетариата, но также и на точке зрения хозяйственных мужичков!

Разве же это не мелко-буржуазная партия?

телям. Связь этих *сельских горожан* с землею совсем ничтожна, и нет основания думать, что земля подскажет им какие-нибудь особые «*крестьянские*» требования, кроме того требования, чтобы их уравняли в правах с другими гражданами, т.-е. избавили от невыносимого удовольствия быть *крестьянами. Их интересы целиком совпадают с интересами рабочих*. О них, стало быть, нечего здесь распространяться. Иное дело — сельский батрак и полубатрак, все-таки кормящийся «вокруг земли» и всегда готовый жадно схватиться за всякий удобный случай в свою очередь стать «хозяйственным мужичком». И уже совсем иное дело сам этот «мужичок», который из-за какого-нибудь осьминника заводит подчас «поножовщину» со своим братом-крестьянином и который давно уже с завистью посматривает на помещичьи земли. В случае массового восстания в деревне, эти два слоя не ограничатся «бессмысленными мечтаниями» либеральных помещиков: они в первую голову поставят такое «мечтание», которое будет об'явлено «бессмысленным» даже и в очень либеральных помещичьих салонах: *они потребуют земельного «передела»*.

И как ни странно покажется это читателю, но я скажу, что это крестьянское «бессмысленное мечтание» будет поддержано значительною частью *сельских буржуа*. В пояснение и в подтверждение моей мысли я позволю себе сослаться на прекрасного знатока деревни, Энгельгардта.

«Богачи-кулаки, это—самые крайние либералы в деревне,—говорит он, — самые яростные противники господ, которых они мало того, что ненавидят, но и презирают как людей, по их мнению, ни к чему не способных, никуда не годных. Богачей-кулаков, хотя иногда и ненавидят в деревне, но, как либералов, всегда слушают, а потому значение их в этом смысле громадное. При всех толках о переделе, о равнении, кулаки-богачи более всех говорят о том, что вот-де у господ земля пустует, а мужикам затеснение, что будь земля в мужицких руках, она не пустовала бы, и хлеб не был бы так дорог» [2]). И заметьте, что, по наблюдениям Энгельгардта, деревенские богачи совсем не верят в возможность общей экспроприации частных землевладельцев. «Теперь это уже и нельзя,—продолжает Энгельгардт излагать их взгляды,—потому что многие земли мужичками и купцами куплены». Они, — да, как видно, и остальные крестьяне, — понимают дело так, что земли отберут только у помещиков. В этом различении, способном удивить иного наив-

[1]) «Письма из деревни», стр. 563—564.

кого «интеллигента», сказывается инстинктивное сознание того, что помещичье землевладение соответствует уже отжившей системе общественно-политических отношений, между тем как переход земель в руки купцов и «мужичков» знаменует наступление нового порядка вещей, существенно отличного от старого и представляющего собою лишь дальнейшее развитие того самого способа производства, за который обеими руками держится «хозяйственный мужичок» и за который готов, при подходящих условиях, схватиться также и сельский пролетарий-«землероб». Короче, в этом различении сказывается антагонизм старой, *до-буржуазной Руси* с Русью *новой, буржуазной*.

В параллель с этим мнением Энгельгардта можно поставить картину, изображающую внутренние отношения во французской деревне и написанную рукой великого мастера Базалька в его романе: «Les paysans». Там руководителем крестьян в их борьбе с помещиками выступает именно сельский буржуа. Правда, написанная Бальзаком превосходная картина внутренних отношений французской деревни относится уже ко времени Реставрации, но это не изменяет дела: свое влияние на крестьян сельский буржуа приобрел именно во время революции. Скажут, пожалуй, также, что французские крестьяне восставали собственно только против *феодальных повинностей* и не посягали на помещичьи *земли*. Но это неверно. Посягали и на земли, как в этом легко убедиться, прочитав Тэна, который в первом томе своего известного сочинения, «Les origines de la France contemporaine», приводит много документально засвидетельствованных примеров захвата восставшими крестьянами помещичьих земель. Замечу мимоходом, что тот же автор сообщает следующий интересный случай: отняв у помещика [1]) мельницу, крестьяне обратили ее в общественную собственность своей деревни. Сколько радужных выводов насчет «правовых воззрений» французского крестьянства сделано было бы народниками, если бы народники существовали во время французской революции! Но их тогда не было, и подобные случаи не подали повода ни к каким иллюзиям насчет «социализации» и т. д. Нужно, чтобы и в России возможные захваты крестьянами помещичьих земель не вызывали подобных иллюзий. По крайней мере нам, — социал-демократам, — не к лицу поддерживать такие иллюзии и распространять их в какой бы то ни было среде. Мы должны смотреть на события трезво, беря их во всей

[1]) Цитирую на память и потому не уверен в том, что мельница была отнята именно у помещика: может быть, она принадлежала сельскому буржуа; но ведь это все равно.

их об'ективной исторической наготе. Мы должны помнить, что если бы в самом деле совершился тот *«черный передел», о котором давно* толкуют *русские крестьяне* и о котором в конце семидесятых годов мечтала также значительная часть *русских революционеров,* то в этом факте не было бы ровно ничего социалистического. Напротив, он был бы апогеем *буржуазной* революции и дал бы новый, чрезвычайно сильный толчок давно уже начавшемуся и указанному мною выше *расслоению деревни.* Тут я опять сошлюсь на Энгельгардта, на которого мне приятно ссылаться потому, что он работал в одном журнале с покойным Михайловским, г. В. В. и другими защитниками старых деревенских «устоев».

«Не может быть никакого сомнения, — замечает он, — что, будь крестьяне наделены землей в достаточном количестве, производительность громадно увеличится, государство станет очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные, и батраки. Скажу более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с богатыми будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать земло — ешь ее» [1]).

Энгельгардт верил, что рост неравенства между крестьянами мог быть предупрежден путем развития *сельско-хозяйственных артелей.* Тут сказалось влияние народнических утопий на этого, вообще очень трезвого, писателя. Но ведь мы-то навсегда распростились с этими утопиями, всецело предоставив их социалистам-революционерам. Мы знаем, что сельская кооперация *ведет к социализму, лишь проходя через капитализм,* и потому мы-то не можем не видеть, что переход помещичьей земли в руки крестьян еще более усилил бы «расслоение» деревни.

Таким образом «черный передел», которого народники ждали, — а социалисты-революционеры ждут и по сие время, — как Мессию, долженствующего избавить нашу страну от «язвы капитализма», на самом деле только усилил бы развитие капиталистических отношений производства. Мысль об этом, естественно, должна очень сильно смущать социалистов-революционеров, разогревающих старые народнические

[1]) Ibid., стр. 423.

предрассудки на священном огне своего революционного воодушевления, но нас она нисколько не смущает.

Как это всем известно, мы совсем не боимся развития капитализма. Мы твердо убеждены в том, что чем сильнее развивается капитализм и чем больше обостряются свойственные капиталистическому обществу противоречия, *тем ближе торжество социалистической революции.*

Кроме того, «черный передел», — *обострив* свойственные деревне общественные *противоречия,* — в то же время очень значительно *поднял бы ее экономическое благосостояние,* что имело бы чрезвычайно важные последствия как для беднейшей части крестьянства, так и для промышленного пролетариата, ряды которого постоянно пополняются выходцами из деревни.

Поэтому необходимо признать, что *мы сделали бы страшную, непоправимую ошибку, если бы остались равнодушны к начинающемуся теперь* революционному движению в деревне. Как партия пролетариата, как представители самого революционного класса в нынешней России, мы обязаны поддерживать это движение, как обязаны мы поддерживать всякое прогрессивное движение, направляющееся против существующего у нас порядка вещей.

Некоторые понимали нашу аграрную программу в том смысле, что нам хотелось бы ублаготворить крестьян знаменитыми «отрезками» и этим помешать им пойти хотя бы на один шаг дальше в борьбе их с крупными землевладельцами: дескать, получи *«отрезки»* и сиди смирно, не проси никакой *«прирезки».* Это — ошибка, вызванная незнакомством с нашей партийной литературой. В доказательство позволю себе привести то, что я сам писал и говорил по этому поводу.

В статье: «Проект программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», напечатанной в четвертой книжке «Зари», я говорил, комментируя этот проект, что в *революционную эпоху,* — эти слова были тогда же подчеркнуты мною, — экспроприация крупных землевладельцев может стать у нас необходимым условием победы революционной партии [1]). И я прибавлял, что хотя говорить об этом вопросе «теперь», — т.-е. до наступления революционной эпохи, — преждевременно, но «теперь же» следует заметить, что при известных обстоятельствах его *необходимо будет поставить* (и это подчеркнуто мной тогда же).

[1]) Об экспроприации *мелких* землевладельцев смешно теперь и говорить.

Эту же мысль защищал я и на нашем втором с'езде. Именно, оспаривая взгляд одного товарища, утверждавшего, что «черный передел» не имел бы никакого революционного значения, я сказал:

«Нам говорят: выставляя требование возвращения отрезков, вы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это нисколько не пугает. В самом деле: выясним себе значение черного передела. Интересно мнение Энгельгардта по этому поводу (следует изложение взгляда Энгельгардта). И действительно, такое движение в пользу передела было бы движением в пользу буржуазии. Мы, конечно, не обязаны выставлять программу для буржуазии [1]), но если бы в борьбе против остатков крепостных отношений крестьянство пошло по этому пути, то мы не стали бы задерживать это прогрессивное движение. Наша роль состояла бы только в том, что, в отличие от наших противников социалистов-революционеров, которые видят в нем начало «социализации», мы направили бы все силы, чтобы не оставить у пролетариата никаких иллюзий насчет результатов этого движения, разоблачить буржуазный характер его. Признавая возможность такого движения, мы должны себе сказать, что не мы, революционные социал-демократы, будем пытаться задержать этот процесс, крича ему, подобно тому, как некогда крикнул Архимед римскому воину: «Остановись! ты испортишь нашу схему!» [2])

Теперь отчасти уже находятся в *наличности* те обстоятельства, которые моя статья в «Заре» рассматривала как *возможные*. И именно потому я высказываюсь теперь *категорически* по тому самому предмету, о котором я тогда мог говорить только *условно: деревня становится революционной; мы обязаны поддержать революционную деревню.*

Требование возвращения отрезков, над которым так усердно изощряли свое остроумие многие наши критики, вовсе не так маловажно, как это могло казаться людям, не знакомым с положением нашего помещичьего хозяйства. Еще «Вестник Народной Воли», помнится мне,

[1]) В протоколах с'езда (стр. 204) стоит: «*активно* выставлять». Это — описка. Слово: *активно* тут не при чем.

[2]) В протоколах стоит: «не мы, революционные социал-демократы, остановим этот процесс, крикнув ему, как некогда крикнул»... и т. д. Мысль совершенно та же, но в ее изложение вкрались там некоторые неправильности, об'ясняющиеся тем, что мне приходилось составлять для протокола конспект своей речи, одновременно исполняя далеко не легкую обязанность председателя

указывал, что отрезки «железным кольцом» охватывают крестьянские наделы и тем очень сильно способствуют закабалению крестьян помещиками. И нет ничего легче, как подтвердить это его указание целым рядом выписок из сочинений самых серьезных исследователей нашей народной жизни. Но теперь бесполезно было бы плодить споры об этом. Требование вернуть крестьянам отрезки могло бы иметь немаловажный смысл в том случае, если бы падение нашего старого порядка совершалось при менее революционной обстановке. Теперь же революционная волна высоко поднимается даже в деревне. Теперь крестьянин требует экспроприации помещиков: тем лучше для дела революции.

Но если процесс экспроприации крупных землевладельцев *начинается в деревне,* то *закончиться* он может *только в городе,* и именно в той из наших столиц, в которой соберется наше *Учредительное Собрание*. Только это Собрание и даст нынешнему нашему *земельному вопросу* его окончательное разрешение, потому что ведь не может же решать его каждое сельское общество отдельно. В этом Собрании будет, разумеется, много партий, и почти каждая из них предложит *свое* решение земельного вопроса.

Спрашивается:

1) С какой точки зрения станем мы критиковать предложения других партий?

2) Что предложим мы от себя?

На первый из этих вопросов ответить не трудно, ибо ответ на него давно уже найден и составляет одно из основных положений нашей «*социальной политики*». Состоит он в том, что если мы не хотим изменить интересам того революционного класса, который мы представляем, то мы должны решительно противиться всем без исключения попыткам *остановить колесо истории,* т.-е., в частности, задержать *развитие капитализма*. Бебель был верен этому положению, когда говорил на Бреславльском с'езде германской социал-демократической партии, что при рассмотрении всякой меры, относящейся к области социальной политики, он прежде всего спрашивает себя, не будет ли она препятствовать развитию капитализма, и что он неизменно и решительно отвергает ее, если убедится, что она составила бы *препятствие* для этого развития. В современном обществе ни один социал-демократ не может отказаться от этого критерия, потому что задерживать развитие капитализма значит поддерживать *экономическую и политическую реакцию: золотого века надо искать не по сю сторону капитализма, а по ту сторону его.* За этот критерий, конечно, будет крепко

держаться и российская социал-демократия. Она должна будет энергично восстать против всех тех прожектеров, — к какому бы лагерю они ни принадлежали: к «охранительному» или к социально-утопическому, — которые, под предлогом *закрепления земли за крестьянином*, захотели бы *закрепить крестьянина за государством*. Как я уже говорил в цитированной мною выше статье моей «Проект программы» и т. д., наша партия должна будет очень осторожно относиться к требованию *национализации земли*, потому что и эта мера при наличности известных политических условий, — т.-е. в том случае, если бы наш старый царизм сменился бы чем-нибудь вроде прусского полу-абсолютизма, — была бы не революционной, а реакционной, потому что она чрезвычайно сильно содействовала бы успехам полу-конституционного правительства в его борьбе с революционными партиями. В наши интересы вовсе не входит умножение *мелкой крестьянской собственности;* но если бы у нас не было другого выбора, как или 1) передать земли, отнятые у крупных землевладельцев, в частную, — соответствующую буржуазному способу производства, — собственность «хозяйственных мужичков», или 2) обратить ее в государственную собственность на условиях, ведущих к закрепощению земледельца государством, то мы, не колеблясь, выбрали бы первое. Товарищ Икс, критикуя наш проект аграрной программы, предлагал передачу земель, подлежавших конфискации согласно этому проекту,—т.-е. земель церковных, монастырских и удельных, — «во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населения». Но ведь демократическое государство у нас пока еще не существует. Ясно, стало быть, что и проект товарища Икса имеет *совершенно условное значение; если* наше государство не будет демократическим, *то* не нужно будет и передавать в его владение конфискованные земли.

Более определенно можно высказаться по другому проекту товарища Икса. Согласно этому проекту, земли крупных землевладельцев должны перейти во владение крупных органов общественного самоуправления, например, земств. Этот проект позволяет избежать невыгод как «национализации» помещичьих земель, так и передачи их мелким собственникам. В случае принятия этого проекта Учредительным Собранием, «хозяйственный мужичок» стал бы арендатором принадлежащих земству земель, и тогда вопрос свелся бы к *определению условий аренды*. Наша партия должна была бы позаботиться о том, чтобы эти условия, во-первых, как можно более ограждали интересы наемного труда, — т.-е. сельско-хозяйственных пролетариев, — во-вторых, не

служили бы орудием эксплоатации арендаторов и, в-третьих, не поощряли бы одного какого-нибудь класса на счет другого, подобно тому, например, как нынешние земства облегчают при обложении земли помещиков на счет крестьян.

Вообще поддержка «бунтующих» теперь «мужиков» отнюдь не должна иметь значение того «Bauernschutz», который так горячо рекомендуется германской социал-демократии Давидом и компанией.

Оставляя в стороне *деревенских бедняков,* живущих продажей своей рабочей силы и, вследствие этого, принадлежащих, — по своему экономическому положению, если не по своим, иногда еще очень отсталым, стремлениям, — *к пролетариату,* интересы которого получили такое яркое выражение в нашей программе, — мы можем сказать, что поддерживать крестьян мы должны:

Во-первых, как низшее, угнетаемое и оскорбляемое сословие, очень существенно заинтересованное в падении нашего *сословного государственного порядка.*

Во-вторых, как новый, стремящийся «снизу вверх» класс *мелко-буржуазных производителей,* вступающих в смертельную борьбу со *старым поместным дворянством,* которое совершенно не приспособлено к новым условиям сельско-хозяйственного производства и,—благодаря своим «широким», а главное *бездельным* «барским» привычкам, — лишено почти всякой возможности приспособиться к ним.

Крестьянство выступает теперь как *революционная сила,* и мы поддерживаем его именно как такую силу.

В той мере, в какой мелко-буржуазный производитель станет, — при новых общественных условиях, — утрачивать свое *революционное значение,* в той же самой мере будет падать и *наше сочувствие к нему.* Поддерживать *мелкого мещанина земледелия* за пределами *нынешнего* времени, когда он выступает как *революционер,* есть тьма охотников, даже и между «социалистами»; *мы — не из их числа.*

О некоторых наших «нехватках»

Недели полторы тому назад я получил следующее письмо:

Многоуважаемый товарищ Плеханов!

Мы, нижеподписавшиеся, приехали в Женеву в надежде услышать от наших политических вождей постановку и разрешение *основных* вопросов социал-демократии. Вот уже несколько месяцев мы здесь, однако от наших политических вождей до сих пор слышали разбор только организационных вопросов, а не вопросов принципиальных. Это, конечно, имеет свое оправдание в современном положении дел в партии. Но нам от этого не легче. Нам в скором времени предстоит ехать в Россию и таким образом нам никогда не удастся быть свидетелями принципиальной борьбы нашей партии с партиями противников социал-демократии. Недавно г. У. читал реферат на тему «Коллективизм и коммунизм». Мы надеялись, что кто-нибудь из наших вождей будет присутствовать и возражать. Но наши ожидания не оправдались. А между тем. г. У. выступил с тяжкими обвинениями против наших идеалов: социал-демократы против распределения средств по потребностям каждого в будущем государстве; социал-демократы хотят оставить несправедливое разделение труда неквалифицированного в пользу труда квалифицированного, так что, например, директор завода и в государстве будущего будет загребать тысячи; социал-демократы хотят сохранить тюрьмы даже для людей, несогласно с ними мыслящих; приводилась цитата из какого-то не очень известного немецкого социал-демократа, который говорит, что арестантам будет предоставлено право самим выбирать себе тюремное начальство; дальше г. У. утверждает, что истинный виновник реформизма не Бернштейн, а Каутский, который в «Эрфуртской программе» отрицает теорию обнищания; Каутский даже желает *выкупить* земли и средства производства у богачей. Словом, много несимпатичного указывал г. У. в социал-демократии, при этом в основу своего суждения о коллективизме брал брошюру Гэда о коллективизме.

Так вот мы, нижеподписавшиеся, и желаем услышать от вас веское слово по тем же основным вопросам. Во имя чего, во имя какого социализма должны мы звать рабочих к революции?

Если вы не очень слабо себя чувствуете, то мы просили бы вас, прежде чем уехать, назначить *открытый* реферат, чтобы могли присутствовать и ваши противники.

Члены РСДРП.

Следует восемь частью неразборчивых, частью неполных подписей. Но дело не в подписях. Кто хоть бегло прочитает письмо, тот ни на минуту не усомнится, что оно в самом деле написано товарищами. Товарищи эти прибавляют: «Мы, в лице восьми партийных членов, выражаем желание огромного большинства женевских товарищей». Я не сомневаюсь и в этом. Но, к величайшему моему сожалению, здоровье не позволяет мне исполнить заключающуюся в письме просьбу. Потому я попрошу кого-нибудь из сотрудников «Искры» прочитать реферат на тему, затронутую г. У. А пока что, мне хочется высказать авторам письма несколько соображений, на которые навели меня их жалобы. Но так как авторы не дали мне адреса для ответа, то я отвечаю печатно, и я тем более считаю себя в праве сделать это, что письмо имеет весьма значительный общепартийный интерес.

Оспаривать г. У. я здесь не буду: это сделает тот товарищ, который возьмется читать на тему о *коллективизме и коммунизме*. Я даже не берусь *утверждать*, что в приведенном мною письме правильно переданы мысли г. У.: недоразумения всегда возможны. Но я *предположу*, что авторы письма верно изложили главный упрек, делаемый г. У. международной социал-демократии, и я позволю себе заметить им, что людей, стоящих на точке зрения Маркса, такой упрек не должен был смущать ни на одну минуту.

В самом деле, в чем упрекает г. У. всемирную социал-демократию? В том, что она хочет установить в социалистическом обществе достойный порицания, несправедливый способ распределения продуктов. Г-н У., очевидно, считает, что хороший или дурной способ распределения продуктов зависит от доброй или злой воли людей. Но марксисты думают иначе. Маркс говорит: «Так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным общественным формам процесса производства и тем взаимным отношениям, в которые входят люди в процессе воспроизведения своей человеческой жизни; они и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер отношений распределения выражает собою лишь одну сторону исторического процесса производства и определяется им. Капиталистическое распределение отличается от способов распределения, возникающих из других способов производства, и каждый способ распределения исчезает вместе с тем определенным способом производства, из которого он вытекает и которому он соответствует [1]).

[1]) «Das Kapital», B. III, Th. 3, p. 420 В русском переводе III тома это место передано не вполне точно

А чем определяются, по теории Маркса, способы производства, господствующие в данную историческую эпоху? *Состоянием производительных сил* [1]). Ясно, стало быть, что не добрая или злая воля людей, а состояние производительных сил данного времени определяет собою свойственный этому времени способ распределения продуктов. Я не имею возможности входить здесь в рассмотрение вопроса о том, из какого именно состояния производительных сил возник *капиталистический* способ производства и распределения. Я отмечу только, что если мы хотим выяснить себе, как должны распределяться продукты при социалистическом способе производства, то мы должны прежде всего помнить, что и здесь дело будет зависеть от состояния производительных сил, находящихся в распоряжении общества. Разница только в том, что в других общественных формациях соответствие между способом производства и способом распределения устанавливалось «за спиною производителей» и процесс, устанавливающий это соответствие, нередко очень болезненно давал себя чувствовать, по крайней мере некоторым классам, а в социалистическом обществе соответствие это явится плодом сознательного определения людьми своих собственных взаимных отношений. Но это, как видите, весьма существенная разница.

Чтобы социалистическое общество в распределении продуктов руководствовалось принципом: каждому по потребности, необходима чрезвычайно высокая степень развития производительных сил. Если такая степень их развития еще не достигнута, то социалистическому обществу волей-неволей придется ввести известные ограничения этого принципа. Ограничения вообще неприятны. Но в занимающем нас случае надо винить не человеческую природу и уж никак не злую волю социальной демократии, а нечто совершенно иное: ограниченность власти человека над природой. Если анархисты и «критики», подобные г. У., не понимают этого, то это происходит единственно по той причине, что они вообще не способны возвыситься до точки зрения научного социализма.

Коммунистическое общество не может быть организовано «единым духом». Прежде чем капитализм окончательно уступит место коммунизму, цивилизованное человечество должно будет пережить переходный период, в течение которого *старое* общество будет более или менее быстро заменяться *новым. К этому переходному периоду* и относятся

[1]) Смотри относящееся сюда знаменитое и столько раз цитированное в русской марксистской литературе место из предисловия к «Zur Kritik der politischen Oekonomie».

соображения *коллективистов* о невозможности распределения по потребностям. Вы можете, если угодно, назвать их соображения слишком абсолютными, вы можете предположить, что уже и в переходное время состояние производительных сил позволит обществу приложить коммунистический принцип к распределению некоторой части продуктов, — но это будет именно только предположение, правильность которого проверит только опыт и о котором совершенно бесполезно спорить в настоящее время [1]). Если же анархисты, полуанархисты и прочие утописты все-таки спорят об этом, то это об'ясняется тем, что, как я уже сказал выше, точка зрения научного социализма им совершенно недоступна.

Итак, то, что я изложил здесь, достаточно показывает, насколько основательны те «тяжкие обвинения», с которыми выступил против социальной демократии г. У. Но то, что я изложил здесь, вы могли найти в нашей литературе. Или, чтобы говорить точнее, вы могли бы найти в этой литературе те основные положения, из которых неотразимо вытекает изложенное мной. И если вас, тем не менее, смутил г. У., то позвольте мне сказать вам прямо, по-товарищески, что вы отчасти виноваты в этом сами. Вы говорите в своем письме: «Вот уже несколько месяцев мы здесь, однако от наших политических вождей мы до сих пор слышим только разбор организационных вопросов, а не вопросов принципиальных». Это, разумеется, очень жаль, и я сам знаю, до какой степени приедаются вошедшие у нас теперь в обычай беспрерывные споры о «меньшинстве» и «большинстве». Эти споры — настоящая «сказка о белом бычке», и не я стану упрекать вас за то, что вам хотелось бы услышать другие, не столь однообразные, а главное — более принципиальные речи. Но на нет и суда нет, — говорит русская пословица, — и если никто не обращался к вам с такими речами, то вам нужно было самим взяться за разрешение этих, интересовавших вас принципиальных вопросов. И в этом случае вам оказала бы большую помощь та наша принципиальная литература, которая, сколько я могу судить, теперь далеко не в «авантаже обретается». Теперь ограничиваются именно организационными спорами, а кто отличается более значительною любознательностью, тот доходит до вопросов тактики и затем уже останавливается, не позволяя себе тратить время на такую роскошь, как основные положения марксизма, с помощью которых

[1]) Об арестантах я уже и не говорю. Это — просто вздор, кто бы его ни выдумал.

легко разрешаются и тактические, и организационные вопросы. Но наши практики не очень благоволят к теории. И они совсем неправы, потому что в самом деле, товарищи, что такое теория? Что такое практика? Как провести границу между ними? В нашем деле, в деле людей, основывающих все свои практические упования, — в последнем счете, — на развитии самосознания пролетариата, найти эту границу труднее, чем во всяком другом. «Теория, — говорил Фейербах, — это то, что остается в одной моей голове; практика — то, что проникает в головы многих, то, что об'единяет многие головы, создает массу, распространяется и завоевывает себе место в мире». И это неоспоримая истина. Но если это истина, то как же можно пренебрегать теорией? Как можно отодвигать ее на задний план ради практики? Ведь от теории зависит качество того, что «создает массу».

И пусть не говорят мне, что я преувеличиваю, что указываемое мною зло не так велико, что никто у нас не пренебрегает теорией. Я очень рад был бы, если бы мне могли доказать, что я преувеличиваю. Но, к сожалению, это невозможно. Послушайте, что *говорят* у нас, прочтите, что у нас *пишут,* когда зайдет речь о развитии русской социал-демократии. Исходным моментом этого развития об'является обыкновенно возникновение нашей партии как таковой, т.-е. момент об'единения социал-демократических организаций, разрозненно действовавших до того времени в разных местах России. Но ведь эти кружки не с неба упали, ведь идеи, их одушевлявшие, имели свою историю, и эта история яркими, неизгладимыми буквами занесена в летописи русской литературы. Почему же об этой истории говорится и пишется у нас так мало? Очень просто. Потому, что те, которые мало интересуются самими идеями, естественно не могут сильно интересоваться и их историей. У нас забывают о том, что жолуди растут на дубе и что они перестанут расти, если корни дуба будут попорчены. И именно потому у нас чуть не каждые два года является какой-нибудь Колумб, открывающий давно открытую Америку и готовый разорвать партию для поддержки своей, будто бы новой, «идеи». И именно потому у нас завелись теперь чижи, поющие за канареек, т.-е. люди, пишущие «по-марксистски», отстаивающие «ортодоксию» и в то же время отрицающие Маркса ради какого-нибудь Маха или Авенариуса. И наши читатели готовы рукоплескать таким чижам. Я сам недавно имел удовольствие беседовать с одним из таких читателей: с лукавой улыбкой на устах он приглашал меня открыть хотя бы самомалейшее отклонение «*от Маркса*» в публицистических произведениях некоторых наших последователей «эмпириокритицизма». Дальше этого итти некуда: кто допускает, что учение Маркса есть не более, как простая механическая смесь разных теорий: философских, исторических, экономических и т. д., из которых одна составная часть может быть удалена без ущерба для остальных, тот не понимает Маркса и тот всуе приемлет его великое имя. И кому бы ни подражал *чиж,* он никогда не станет *канарейкой*. Иное дело *марксизм,* а иное дело *махизм*.

И заметьте, товарищи, что указываемое мною огромное зло не ограничивается пределами российской социал-демократии. Нет, мы страдаем от него больше других, но существует оно едва ли не во всех других странах. Везде *теория* приносится в жертву мнимым интересам *практики*. Еще недавно мы видели поразительный пример этому в спорах, поднятых г. Бернштейном и его последователями. Предприятие г. Бернштейна, задумавшего очистить марксизм от его революционной сущности, далеко не вызвало в рядах международных социал-демократов того великого негодования, какого оно заслуживало. Почему же это? Неужели потому, что международная социал-демократия в самом деле, — как уверяют анархисты, — перестала быть *партией революции?* Совсем нет! Просто потому, что г. Бернштейн говорил о *теории,* а к теории равнодушно было большинство международных *практиков*. «Критические» выходки г. Берштейна были строго порицаемы только тогда, когда они затрагивали *тактические* вопросы, т.-е. несколько обобщенные вопросы той же *практики*. Вот почему г. Бернштейн и мог повредить практике международной социал-демократии несравненно больше, чем он повредил бы ей при менее равнодушном ее отношении к теории. «Бернштейниада» воочию показала, как быстро катилась международная социал-демократия по наклонной плоскости равнодушия к теоретическим основам своей собственной деятельности. Вот яркий пример.

В статье, написанной в день похорон Энгельса, т.-е. 10 августа 1895 г., и озаглавленной: «Универсальность Энгельса», известный вождь австрийской социал-демократии, Виктор Адлер, писал:

«Социализм, как его понимали Маркс и Энгельс, универсальное, а не только экономическое учение. Движение революционного пролетариата есть только часть умственной революции, характеризующей собою наш век» [1]). Если это правда, — а это несомненно правда, — то

[1]) Не имея под руками немецкого подлинника этой статьи, я цитирую ее по итальянскому переводу, помещенному в брошюре: *Federico Engels,* Economica politica — introduzione etc. Milano 1895.

казалось бы, что Виктор Адлер должен был очень сурово отнестись ко всем попыткам превратить *универсальное и строго последовательное* учение Маркса и Энгельса в пеструю, эклектическую смесь разных, наполовину идеалистических, наполовину «реалистических», теорий, обязанных своим появлением упадку буржуазии. Но не тут-то было! Виктор Адлер очень сурово отнесся не к этим критическим попыткам, а к тем людям, которые восстали против них во имя марксистской «ортодоксии». Он утверждал, что *эти люди* затевают совершенно ненужные и потому вредные споры. А ведь критическая кампания г. Бернштейна началась всего два с половиной года после смерти Энгельса, так что Виктор Адлер не успел еще, может быть, износить тот сюртук, в котором он шел за гробом своего универсального учителя! И притом Виктор Адлер не кто-нибудь, это—человек, одаренный большим умом, образованный и, уж без всякого сомнения, горячо преданный интересам пролетариата. Чего же можно было ждать после этого от людей, менее выдающихся и менее одаренных?

Международная социал-демократия уж теперь дорого платится за свою беззаботность по части теории. Современем она поплатится за нее еще того более. Мне становится очень тяжело, когда я подумаю об этом. Но речь идет у меня теперь не о «заграницe», а о наших собственных «нехватках». На судьбе нашей партии равнодушие к теории отзовется еще вреднее, потому что она гораздо моложе западно-европейских партий и потому что интеллигенция до сих пор играет в ней гораздо более значительную роль, чем на Западе. Если наша социалистическая интеллигенция заразится буржуазными теориями, то она будет вредить пролетариату даже в том случае, — и особенно в том случае, — когда станет в его ряды. А буржуазия наша не теряет времени. Ее идеологи не равнодушны к теории, напротив, они деятельно заготовляют то оружие, которое они направят против нас.

Помочь беде можно не отдельными теоретическими брошюрами, книгами или хотя бы непериодическими изданиями, а *коренной переменой в отношении всех наших товарищей к теоретическим брошюрам, книгам и непериодическим изданиям.* На нашем втором с'езде осыпали похвалами «Искру», и никто не сказал *ни одного,* — буквально ни одного,—слова о «Заре». Это факт, которого я никогда не забуду. Рядом с ним можно поставить другой факт, тоже весьма знаменательный: многие из наших товарищей очень похваливают теперь, как «талантливые вещи», те произведения, которые г. Надеждин пишет «для рабочих».

А эти «талантливые вещи» — верх вульгарности, и преподносить их пролетариату — значит не уважать его [1]).

Повторяю, помочь указанному огромному злу в состоянии только общественное мнение всей нашей партии в ее целом — партии, которая должна же понять, наконец, как велика опасность, грозящая с этой стороны, и должна же, наконец, убедиться в том, что пренебрежение к *теории* всегда и необходимо будет вредить ее *практике.* Кто из нас не знает теперь, как ослаблены наши силы нашими бесконечными организационными спорами? Но самое существование этих бесконечных споров представляет собой кару, налагаемую на нас *практикой* за наше *пренебрежение к теории.* Если бы мы не пренебрегали теорией, то слабые места брошюры Ленина «Что делать» бросились бы всем нам в глаза немедленно по ее выходе, и тогда не было бы у нас той смуты, которая раздирает нас теперь.

— Но до теорий ли теперь? — воскликнет иной товарищ, — теперь надо драться, а не учиться.

— Драться необходимо, — отвечу я, — но надо и учиться. Учиться можно везде и всегда. Надо только дорожить своим временем, надо только пользоваться каждой минутой досуга для пополнения своих знаний. Невольного досуга не мало бывает подчас даже у самого делового «практика»; но далеко не всякий «практик» «практично» пользуется своим невольным досугом. Наш практик, а иногда, — нечего греха таить, — и теоретик, любит «поговорить», и один Аллах ведает, сколько драгоценного времени пропадает на нескончаемые всероссийские разговоры!

К тому же учиться можно не только по книгам. Учит, — и еще как учит! — сама жизнь, к которой практики подходят вплотную. Но жизнь говорит на своем особом языке, который часто непонятен без

---

[1]) Как вульгарны писания г. Надеждина, показывает, например, вот такое место из его новой брошюры «Церковные речи». Г-н Надеждин уверяет, что солдаты не признают японцев язычниками, нуждающимися в христианском воздействии со стороны России. Даже не «мудрящие» солдаты говорят, по уверению г. Надеждина:

«Да мы сами вроде как язычники... Они больше нас христиане... Справный народ, это не турки... Магомет — Магомет, а у самого ничего нет, а тут Будда и вся тебе посуда».

Как вам нравится это остроумие? Манухины, Леухины и прочие издатели лубочных книжек никогда не выпускали ничего более остроумного. И это «социал-демократическое» издание? До каких же пошлостей мы, наконец, дойдем под предлогом социализма... «для рабочих».

помощи теории, и уже по одному этому каждый практик нравственно обязан приобрести теоретическую подготовку.

Wissen ist Macht, Macht ist Wissen, — говорил знаменитый Вильгельм Либкнехт, который был хорошим практиком, потому что знал много. «*Знание есть сила, сила есть знание*»...

Каждый социал-демократ должен всегда помнить эти золотые слова.

Вот на какие мысли навело меня письмо товарищей. Я записал эти мысли, надеясь на то, что авторы письма прочтут их с некоторым интересом. Они касаются явления, которое, как видно, и их не раз наводило на печальные размышления. И мне было бы очень приятно встретить сочувствие со стороны молодых товарищей. Недаром говорится, что за кого молодежь, за того сама жизнь, т.-е. все та же «практика».

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 2

АВГУСТ 1905 Г.

Патриотизм и социализм

Выпуская первый номер своего «Дневника», я предупредил читателей, что я буду рассматривать в нем, между прочим, и те вопросы и явления, которые имеют интерес не только для нас, российских социал-демократов, но и для социал-демократов всего мира. К числу вопросов этого рода, несомненно, относится вопрос об отношении патриотизма к социализму, выдвинутый известным, резким и отчасти парадоксальным заявлением французского социалиста Эрвэ. Редакция журнала «La vie socialiste» предприняла по его поводу целую «анкету», т.-е. обратилась к социалистам разных стран с просьбой написать, что они думают об этом предмете. В числе других получил такое приглашение и я. Мой ответ заключается в нижеследующем письме в редакцию вышеназванного журнала.

Дорогие товарищи!

Только теперь у меня нашелся некоторый досуг, позволяющий мне ответить на ваши вопросы. Это довольно поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Ваши вопросы гласят так:

«1) Что думаете вы о том месте «Манифеста Коммунистической Партии», в котором сказано, что рабочие не имеют отечества?

«2) К каким действиям, к какой форме пропаганды обязывает социалистов интернационализм ввиду милитаризма, «колониализма» и их причин и последствий?

«3) Какую роль должны играть социалисты в международных сношениях (таможенные тарифы, международное рабочее законодательство и т. д.)?

«4) Какова обязанность социалистов в случае войны?»

Я начинаю, — как и следует, — с начала.

Некоторые думают, что указанные вами строки Коммунистического Манифеста выражают собою скорее негодование Маркса и Энгельса на тяжелое положение пролетариата в капиталистическом обществе, чем истинный взгляд их на отношение социализма к патрио-

тизму. Так, например, Жорес в своем споре с Эрвэ назвал эти строки пессимистической бутадой, которая отчасти, — заметьте, товарищи, *только* отчасти, — об'ясняется обстоятельствами того времени, когда был написан Коммунистический Манифест и когда экономический кризис достиг своей высшей точки, а рабочие лишены были элементарных прав человека. Почти того же мнения держится и Э. Бернштейн. По его словам, интересующая нас «теза» может быть «оправдана» тем, что когда Маркс и Энгельс писали свой знаменитый Манифест, «рабочие везде лишены были права голоса, т.-е. всякого участия в администрации»!

Я не могу согласиться ни с Жоресом, ни с Бернштейном.

Если бы они были правы, то выходило бы, что теперь, когда пролетариат передовых капиталистических стран уже имеет бóльшую часть тех политических прав, которых недоставало ему накануне революционного движения 1848 г.; теперь, когда даже русский пролетариат не далек от приобретения прав гражданина, пределы социалистического интернационализма должны быть сужены в пользу патриотизма. Но это значило бы, что *интернационализм должен отступать по мере успехов интернационального рабочего движения*. Мне кажется, что дело происходит как раз наоборот, что интернационализм все глубже проникает в сердца пролетариев и что теперь его влияние на них сильнее, чем это было в эпоху появления «Манифеста Коммунистической Партии». Мне кажется, что «теза» Маркса и Энгельса нуждается не в *оправдании*, а только в *правильном истолковании*.

Слова: «рабочие не имеют отечества», написаны были в ответ идеологам буржуазии, обвинявшим коммунистов в том, что те хотят «уничтожить отечество». Ясно, стало быть, что у авторов Манифеста речь шла об «*отечестве*», понимаемом в совершенно определенном смысле т.-е. в том смысле, который придавали этому понятию буржуазные идеологи. Манифест об'явил, что *такого* отечества рабочие не имеют. Это было справедливо в то время; это остается справедливым теперь, когда пролетариат передовых стран пользуется известными, более или менее широкими, более или менее прочными, политическими правами; это останется справедливым и на будущее время, как бы ни были велики те политические завоевания, которые еще предстоит сделать рабочему классу.

В самом деле, вы не забыли, надеюсь, товарищи, как изображал Жорес в зале Элизэ-Монмартр патриотизм того счастливого будущего, когда коммунизм сделается господствующим способом производства.

Тогда «отечества» будут существовать лишь как представители оригинальных духовных черт, свойственных «различным народам». «Как индивидуумы с их характерными чертами, с их разнообразием, не растворятся в социалистической организации, но удержат и утвердят в самых гармоничных формах оригинальность своей природы, точно так же и исторические индивидуальности, называемые отечествами: английское отечество, немецкое отечество, французское отечество, итальянское отечество, русское отечество, китайское отечество, — когда желтая раса освободится от гнетущей опеки белых... все эти отечества, с их нравственной индивидуальностью, созданной историей, с их языком, с их литературой, с их понятием о жизни, с их воспоминаниями, с особенной формой их надежд, с особым складом их страстей, их души, их гения, — все эти индивидуальности составят великое коммунистическое человечество завтрашнего дня». Эта тирада не безупречна с логической точки зрения: *индивидуум есть биологическая категория; национальность есть категория историческая*. Поэтому эти два понятия несоизмеримы. Но это мимоходом. Главное же для меня состоит здесь в том, что «отечества» будущего, как нам изобразил их Жорес, *совсем не похожи* на то «отечество», которое имели в виду буржуазные публицисты, нападавшие на коммунистов, и о котором говорили Маркс и Энгельс, возражая этим публицистам. Многочисленные и разноцветные «отечества» будущего являются в изображении Жореса не чем иным, как *народностями*. Если бы авторы Коммунистического Манифеста сказали, что рабочие не принадлежат ни к каким народностям, то это было бы не «пессимистической бутадой», а просто смешной нелепостью. Но они говорили не о народностях, а об отечестве, и вдобавок не о том отечестве, которое *будет существовать*, по мнению Жореса, в счастливом царстве коммунизма, а о том, которое существует теперь, при гнетущем господстве капиталистического способа производства. А *это* отечество имеет, как я сказал, черты, делающие его очень мало похожим на те будущие «отечества», о которых говорил Жорес со свойственным ему красноречием. Какие же это черты? Их указал сам Жорес.

По его словам, после «окончательной и полной социальной революции» (la révolution sociale complète et définitive) отечества *перестанут существовать* «как сила недоверия, исключительности, взаимного угнетения». Стало быть, в настоящее время, в царстве *капитализма*, «отечества служат не только выражением духовных особенностей различных народов, но также, — и более всего, — *выражением на-*

циональной исключительности, взаимного недоверия между народами и угнетения одного народа другим. Каково должно быть отношение сознательного пролетария к *этому, к буржуазному, отечеству?*

«Манифест Коммунистической Партии» говорит, что у пролетария нет *такого* отечества. Разве его авторы не правы?

Их ответ не только не представляет собой «пессимистической бутады»; он не только не нуждается в «оправдании», но должен быть положен в основу всей международной политики социалистического пролетариата.

Маркс сказал, как известно, что германский пролетариат есть наследник германской классической философии. Жорес восклицает: «Нет, Кант со своей автономией, Фихте со своей гордостью абсолютного сознания, Гегель со своей революционной диалектикой могли быть поняты и представлены только таким рабочим классом, они могли воплотиться только в этом революционном классе пролетариев, которые хотят освободить все воли, оставить природу во власти одного только нравственного закона сознания и открыть вечной диалектике новые горизонты бесконечной человеческой революции».

Я не знаю, что значит оставить природу во власти одного только нравственного закона, и опасаюсь, что революционному пролетариату никогда не удастся решить эту головоломную задачу; тем не менее, я все-таки готов рукоплескать красноречию товарища Жореса. Но я не понимаю, в каком смысле это красноречивое место его речи могло бы поколебать ту мысль Маркса и Энгельса, что пролетариат не имеет отечества.

Жорес продолжает: «В этом заключается ответ тем, которые говорят рабочему классу, что он может не интересоваться вещами, относящимися к отечеству, всей национальной традицией». Это опять удивляет меня. Маркс и Энгельс никогда не говорили рабочим, что они «могут не интересоваться вещами, относящимися к отечеству». Но интересоваться этими «вещами»—не значит быть *патриотом.* Политическая власть, классовая диктатура, является, без всякого сомнения, «вещью», имеющей очень близкое отношение к «отечеству», а между тем авторы Манифеста всегда указывали пролетариату на необходимость ее завоевания. И напрасно думает Жорес, что отрицательное отношение к идее отечества тождественно с равнодушием к культурным приобретениям народа. Именно успехи культуры и приводят людей к пониманию узости этой идеи.

Жорес упрекал Эрвэ в софистике. В данном случае Эрвэ имел бы право вернуть ему этот упрек и сказать, что его довод напоминает софизм, к которому прибегают буржуазные экономисты, утверждающие, что *уничтожение капитала* было бы равносильно уничтожению *средств производства.* Капитал, это — одно, а средства производства — совсем другое. Точно так же иное дело культурные завоевания данного народа, его цивилизация, а иное дело «отечество». Необходимым условием существования капитализма служит отсутствие средств производства у огромнейшей части населения. Подобно этому, необходимым психологическим условием любви к *своему отечеству* является то неуважение к правам *чужих отечеств,* которое сам Жорес называет *духом исключительности.* И если революционный пролетариат в самом деле должен «освободить все воли», то уже по одному этому он должен *подняться выше идеи отечества.*

Жорес указывает на знаменитого публициста времени Реставрации, Армана Каррэля, имевшего мужество пойти против своей собственной страны, когда она начала несправедливую войну с Испанией. К этому можно прибавить, что во время польской революции 1863 года некоторые русские офицеры, не желая быть палачами соседнего народа, боровшегося за свою свободу, перешли в ряды польских «повстанцев». Я считаю эти подвиги геройскими, делающими честь французскому и русскому народам. Но *с точки зрения патриотизма эти подвиги являются позорнейшим преступлением: национальной изменой.*

При всем красноречии Жореса, ему только потому удается сделать свою «тезу» до некоторой степени приемлемой, что у него одна идея не отграничена от другой: идея *отечества, как оно есть,* смешивается с идеей *отечества, как оно, по его мнению, должно быть и будет.* Таким путем можно доказать решительно все, что угодно. Но такое смешение понятий нимало не способствует выяснению вопроса.

Повторяю, отечество есть категория историческая, т.-е. преходящая по своему существу. Как идея *племени* сменилась идеей *отечества,* сначала ограниченного пределами *городской общины,* а потом расширившегося до нынешних *национальных* пределов, так идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей *человечества.* За это ручается та самая сила, благодаря которой образовалась и видоизменялась патриотическая идея: *сила экономического развития.*

Идея отечества связывает людей одной страны теснейшими узами солидарности во всем, что касается интересов этой страны в их про-

тивоположности с интересами других стран. Герой одного из романов Тургенева, болгарин Инсаров, говорит: «В Болгарии последний мужик, последний нищий и я — мы желаем одного и того же, у всех одна цель», т.-е. цель завоевания болгарской независимости. Такая цель заслуживает, конечно, всякой симпатии со стороны класса, стремящегося к «освобождению всех воль». Но надо помнить, что турецкие патриоты, в свою очередь, должны были не менее единодушно, — забывая все классовые различия, — стремиться к противоположной цели, т.-е. к *поддержанию турецкого господства в Болгарии*. Во время восстания 1897 г. на острове Крите младо-турки, издававшие в Женеве журнал «Osmanlis», писали, что Крит принадлежит Турции по праву завоевания. Это было патриотическое суждение в его чистом, не софистицированном виде.

Но этот чистый патриотизм возможен только при двух условиях. Он предполагает, во-первых, неразвитое состояние борьбы классов, а во-вторых, отсутствие большого, бросающегося в глаза сходства в положении угнетенных классов двух или нескольких «отечеств». Где борьба классов принимает острый, революционный характер, расшатывая старые, унаследованные от прежних поколений, понятия, и где, кроме того, угнетенный класс легко может убедиться в том, что его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны интересам господствующего класса его собственной страны, там *идея отечества* в весьма значительной степени утрачивает свое прежнее обаяние. Это показывает нам уже древняя Греция, где низшие классы граждан чувствовали себя более солидарными с низшими классами граждан других государств, чем с высшими классами своего государства-города. Пелопонесская война, эта война между демократией и аристократией, охватившая бо́льшую часть тогдашнего греческого мира, может служить этому ярким подтверждением. В новое время нечто подобное видим мы, хотя и в меньших размерах, в некоторых международных столкновениях, вызванных великой французской революцией конца XVIII века. На эти явления необходимо должен обратить внимание всякий тот, кто хочет серьезно выяснить себе историческое значение патриотической идеи. Но как ни важны эти явления, они представляются незначительными в сравнении с тем, что мы видим в современном освободительном движении пролетариата.

Капитализм, который по самому характеру своему должен стремиться выйти за пределы всякого данного «отечества» и проникнуть в каждую страну, захватываемую международным обменом, служит могучим экономическим фактором, расшатывающим и разлагающим ту самую идею отечества, которая, — *в своем новейшем виде*, — им же вызвана была некогда к жизни. Отношения между эксплоататорами и эксплоатируемыми, — несмотря на многочисленные и часто очень важные местные различия, — по своему *существу* одинаковы во всех капиталистических странах. Поэтому сознательный *пролетарий* всякой данной капиталистической страны чувствует себя несравненно ближе к пролетарию всякой другой капиталистической страны, чем к своему согражданину — *капиталисту*. А так как, по условиям современного мирового хозяйства, социалистическая революция, которая положит конец господству капитала, должна быть *международной*, то в умах сознательных рабочих идея *отечества*, — об'единяющего в одно солидарное и полное «исключительности» целое все классы общества, — по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т.-е. «*пролетариев всех стран*». И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология *патриотизма* перед психологией *интернационализма*.

До тех пор, пока классовая борьба еще не расшатала в Греции патриотизма городских общин, афинский гражданин видел в гражданах Спарты чужестранцев, которых можно было эксплоатировать так или иначе, — например, путем торговли или временных политических союзов, — но интересы которых не могли быть ему близкими и дорогими. Современный афинский уроженец, стоящий на точке зрения *современного* патриотизма, смотрит на Лакедемон, как на часть своего отечества, интересы которого одинаково дороги ему *на всем его протяжении*. Это значит, что современный греческий патриот уже чужд того рода «исключительности», который был свойственен патриотизму городских общин. Но это совсем не значит, что он враждебен «вещам» своего родного города или хотя бы только равнодушен к ним. Нет, его патриотизм вполне совместим с самым ревностным, самым неутомимым служением «вещам» своего родного города. Этот патриотизм не допускает только эксплоатации в пользу этого города других частей того же отечества. Для такого человека salus patriae — suprema lex. Точно так же и современный социалистический интернационализм вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но он совершенно несовместим с готовностью поддерживать родную страну там, где ее *интересы приходят в противоречие с интересами революционного человечества, т.-е. современного между-*

народного движения пролетариата, т.-е. прогресса. Интересы этого движения представляют собой ту высшую точку зрения, с которой современный социалист, не желающий изменить своим взглядам, должен оценивать все международные отношения как там, где ими выдвигаются вопросы *войны и мира,* так и там, где речь заходит о *коммерческой политике вообще и о «колониализме» в частности.* Для такого социалиста salus revolutiae — suprema lex.

Я прекрасно понимаю, что в этих словах заключается лишь общая формула, не содержащая в себе готового ответа для каждого частного случая. Но, по прекрасному выражению Маркса, наша теория вовсе не есть passe-partout, избавляющий нас от необходимости внимательно изучать отдельные общественные явления. Современная социалистическая теория, это — *алгебра революции,* могущая дать нам только *алгебраические* формулы. Чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них *алгебраические знаки* определенными *арифметическими* величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохранят свой живой, диалектический характер и не превратятся в мертвые метафизические догмы...

Характер мертвой догмы имеет, например, то мнение, что социалисты должны быть против *всякой войны.* Еще наш Чернышевский писал, что такие абсолютные приговоры несостоятельны, и утверждал, что Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества. Не менее догматично и то мнение, что мы, социалисты, можем сочувствовать только *оборонительным* войнам. Такое мнение правильно лишь с точки зрения *консервативного* suum cuique, а международный пролетариат, последовательно держась своей точки зрения, должен сочувственно отнестись ко всякой войне, — оборонительной или наступательной, это все равно, — которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции.

Несомненно, однако, что в настоящее время войны между цивилизованными народами во многих отношениях очень сильно вредят освободительному движению рабочего класса. Вот почему сознательные элементы этого класса являются самыми решительными и надежными сторонниками мира [1]).

[1]) Несомненно и то, что колониальная практика буржуазных «отечеств» уже доставила международному пролетариату достаточно данных для решительного ее осуждения. По этому поводу достаточно напомнить решения последних международных с'ездов.

На вопрос о том, как должны вести себя пролетарии тех стран, которые вступают между собою в войну, тоже нельзя дать один неизменный, раз навсегда изготовленный, ответ. Этот вопрос поднимался, как известно, еще на Цюрихском международном с'езде 1893 года. Домела Ньевенгайс выступил тогда с тем предложением, которое делает теперь Эрвэ: он утверждал, что ответом на об'явление войны должна быть *военная стачка.* В качестве докладчика военной комиссии я решительно выступил против этого предложения, и меня энергично поддержали тогда марксисты всех стран к великому негодованию различных, в изобилии присутствовавших на том с'езде, полуанархических и полубуржуазных элементов. Я и теперь думаю, что идея военной стачки — весьма неудачная идея. Вообразите, что начинается война между двумя странами, в одной из которых существует влиятельная рабочая партия, а в другой, — очень отсталой, — рабочее движение едва-едва начинается. Что выйдет, если социалисты призовут пролетариев к военной стачке и если пролетарии не останутся глухи к их призыву? Это легко предвидеть. Передовая страна будет побеждена. Отсталое государство восторжествует! Выгодно ли это для международного социалистического движения? Нет, очень вредно. Стало быть, вредна была бы в этом случае и военная стачка.

Но Эрвэ думает, повидимому, что военная стачка была бы уместна только в случае военного столкновения между двумя такими странами, в каждой из которых существует значительно развитое рабочее движение. В этом случае она, конечно, не имела бы указанного мною неудобства; но здесь против нее поднимается другое возражение.

Сам Эрвэ признает, что военная стачка имеет смысл только в качестве первого шага рабочей революции. И это верно. Но ведь революционный пролетариат всегда, и даже независимо от войны, должен стремиться к революции. Почему же он не делает ее, положим, в настоящую минуту? Очевидно, потому, что он еще не достаточно для этого силен. Но если это так, то спорный вопрос сводится, стало быть, к другому вопросу: к вопросу о том, даст ли об'явление войны пролетариату силу, необходимую для революции? А на этот последний вопрос, разумеется, нельзя ответить с помощью стереотипной формулы, годной для всех стран и для всякого данного времени. И уже по одному этому военная стачка не может быть принята международным проле-

тариатом в качестве общего тактического рецепта. И, конечно, международный пролетариат такого рецепта никогда себе не пропишет.

Если организованная рабочая партия какой-нибудь страны в момент об'явления войны найдет, что час социальной революции пробил, то, — *в числе других средств достижения своей великой цели,* — она может прибегнуть и к военной стачке. Но тогда «теза» такой стачки должна будет подвергнуться всестороннему обсуждению на основании всех условий времени и места. Принимать же ее наперед было бы по меньшей мере рискованно.

Резюмируя свой взгляд на этот предмет, я скажу, что решение международного Брюссельского с'езда 1891 года до сих пор сохранило весь свой глубокий смысл. Лучшим средством борьбы с милитаризмом нужно признать не тот или другой возможный, — или предполагаемый таковым, — акт рабочего класса, а *всю совокупность успехов освободительного движения пролетариата.* Наша борьба с милитаризмом вообще не может быть приурочена к отдельному действию. Это целый процесс.

На ваш вопрос о рабочем законодательстве можно, я думаю, ответить очень кратко. Никто из нас, международных социалистов, не сомневается в том, что это законодательство должно быть *международным.* Сомнение возможно лишь тогда, когда заходит речь о той конкуренции, которую менее требовательные пролетарии отсталых стран делают, при продаже своей рабочей силы, более требовательным пролетариям передовых стран. Некоторые наши товарищи приходили по этому поводу к мысли о *запретительном законодательстве.* Я нахожу эту мысль противоречащей принципам международного социализма. По моему твердому убеждению, мы должны держаться другого метода борьбы с указанной конкуренцией. *Революционный пролетариат передовых стран должен стараться пробудить классовое сознание в умах своих конкурентов, приходящих из отсталых стран, и организовать их для совместной борьбы с капиталом, а не обороняться от них с помощью пограничной стражи.*

Вот что я могу, товарищи, ответить вам на ваши вопросы. Простите, если я слишком долго занимал ваше внимание.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Выбранные места из переписки с друзьями

(Письмо в редакцию газеты «Пролетарий»).

Уважаемые товарищи!

Вы недовольны мной. Вам не понравилась «историческая справка», сделанная мной в № 96 бывшего центрального органа нашей партии, и ваш фельетонист «разделал» меня за нее, — как говорит купец у Г. И. Успенского,—*под орех.* У него вышло, что я, в полемике с вами, прибегал к самым непозволительным приемам: что я «подсовывал», и «подтасовывал» и т. п. Дальше этого итти некуда: я оказываюсь у него чем-то вроде литературного шулера. При столь *строгом* его отношении ко мне вы, естественно, должны ожидать, что и мне, — по выражению вышеупомянутого купца, — вступит в кулак *железное расположение духа;* что и я, подобно вашему фельетонисту, стану употреблять в своем ответе столь же энергичные выражения. Но я не сделаю этого; не сделаю по многим причинам. Во-первых, потому, что если я в своей полемике никогда не останавливался перед *резкостью суждения,* то я всегда избегал *грубости выражений,* находя, что такая грубость недостойна людей, обладающих хоть некоторой долей *литературного вкуса;* во-вторых, потому, что я вообще «непамятозлобен», подобно гоголевскому городничему; в-третьих, потому, что на вашего фельетониста в частности и на вас вообще трудно рассердиться за ваши *строгие,*— чтобы не выразиться иначе, — выражения: они уже ни на кого и «не действуют», так как вы уже слишком часто прибегаете к ним, в изобилии осыпая ими всех тех, которые в чем-нибудь несогласны с вами; в-четвертых, потому, что я все-таки смотрю на вас, как на товарищей, хотя и думаю, что ваши рассуждения и ваш образ действия во многом вредят интересам нашей партии. Наконец, в-пятых, потому, что и *не стоит мне сердиться на вас... за вашу строгость:* смею думать, что даже в рядах тех социал-демократов, которые идут теперь за вами, не много найдется людей, способных заподозрить меня в литературном шулер-

стве. Ввиду всего этого я, не отвечая вам строгостью на *строгость*, ограничусь спокойным рассмотрением спорных вопросов, вызвавших разногласие между нами и, как это по всему видно, очень интересующих теперь наших читателей.

Я начну с некоторых частностей, чтобы поскорее покончить с ними и устранить их с нашего поля зрения.

В своей «справке» я выразил искреннее пожелание того, чтобы вам помогли ваши Махи и Авенариусы. Вы замечаете по этому поводу: «Должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен придумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед», и рассматриваемому вопросу». Здесь, между нами, кажется, некоторое недоразумение. Я вполне готов согласиться с тем, что «сюжеты», подобные Маху и Авенариусу, были «посторонними» для *газеты* «Вперед». Но я думал и думаю, что «сюжеты» сии не были посторонними для многих *лиц, писавших в этой строгой газете* и пишущих теперь в «Пролетарии». Что же, вы скажете, что это неверно? Вы не скажете этого. Кто из товарищей, хоть немного осведомленных о положении дел в нашей партии, не знает, что в литературную группу работавшую в газете «Вперед», а теперь работающую в «Пролетарии», вошло несколько таких людей, для которых Мах и Авенариус совсем не чуждые «сюжеты»? Я предположил, что казавшиеся мне ошибочными рассуждения о «революционной диктатуре» поддерживались и будут поддерживаться этими людьми, так значительно уклонившимися от марксизма в самой его основе, и я пожелал, чтобы этим людям, в их дальнейших отступлениях от теории научного социализма, помогли дорогие для них мыслители. Другими словами, я пожелал им быть по следовательными. Спрашивается, каким же образом это доброе пожелание могло явиться хотя бы косвенным доказательством слабости моей позиции? Непонятно!

Я прекрасно знаю, что литературная группа «Вперед» состояла *не из одних только «критиков»* Маркса». Мне очень хорошо известно, что в центре этой группы стоял Ленин, для которого Мах и Авенариус в самом деле — чуждые «сюжеты». Но ведь для него чужды и все прочие философские «сюжеты», ибо по части философии он всегда был совершенно беззаботен. Стало быть, его в этом отношении и считать нечего. Это, во-первых. Во-вторых, — как знать? — может быть, и сам марксист Ленин начал понемногу поддаваться влиянию окружающих его *махистов*. Что касается до меня, то признаюсь, что я, — по французской пословице: ce sont les enfants des autres qui gâtent les nôtres, — об'яснял себе многочисленные промахи газет «Вперед» и «Пролетарий» именно этим вредным влиянием на «самого» сгруппировавшихся вокруг него «критиков Маркса». Не говорите, что мое предположение совсем невероятно. Ведь вот то лицо, которое отвечало мне в фельетонах третьего и четвертого номеров вашей газеты (пожалуй, даже «сам»), лицо, так решительно отводящее Маха и Авенариуса, должно было бы, кажется, быть вполне стойким по части марксистской «ортодоксии», а на деле-то за ним оказывается довольно-таки большая «нехватка». Посмотрите, как он иронизирует по поводу одного из моих «силлогизмов».

«Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться... «диалектический». Так как Маркс в соответствующий конкретный момент» и т. д. Мне не важно здесь, какой именно «силлогизм» вызывает насмешку автора; лишен здесь значения и вопрос о том, насколько этот «силлогизм» заслуживает насмешки. Об этом я не тороплюсь говорить, твердо помня другую французскую пословицу, именно: rira bien, qui rira le dernier (хорошо посмеется тот, кто посмеется последним). Но я считаю полезным отметить, какой вид принимает здесь насмешка: чтобы «выразиться помягче», автор называет мой силлогизм *диалектическим*. Да разве же слова «диалектика», «диалектический» являются *мягким* выражением очень *крепких* суждений? Так могут думать только «критики Маркса» и именно те его «критики», которые восстают против философской основы его теории, т.-е., между прочим, и те сторонники Маха и Авенариуса, которые ютились в редакции газеты «Вперед», а теперь ютятся в редакции «Пролетария». Вот недавно мне попались в четвертой книжке «Вестника Русской Революции» такие слова: «В настоящее время только немногие марксисты (и прежде всего г. Плеханов) упорно держатся за гегельянскую школу, в которую облечено учение Маркса, — за так называемый диалектический метод. Вряд ли можно сомневаться в том, что в ближайшем же поколении последние следы этого специфического наследия немецкой философии исчезнут. В том упорстве, с которым г. Плеханов держится за диалектический метод, — в теории, конечно; мы вовсе не хотим обвинять г. Плеханова в том, что он и мыслит диалектически, — сказался тот же недостаток самостоятельности» и т. д. [1]). Когда я прочитал это,

[1]) Стр. 356, примечание.

я прежде всего стал искать в конце книги списка опечаток: так нелепо выражение: «*учение облечено в школу*», — но такого списка там не оказалось. Заглянул в начало книги, — и там нет. Так я принужден допустить, что один из сотрудников «Вестника Русской Революции» думает, будто школа Гегеля облекает учение Маркса. Это, разумеется, несколько странный сотрудник. Но этот странный сотрудник нисколько не изменяет себе, глумясь над диалектикой. А вот мой противник из «Пролетария» поступает весьма непоследовательно, если считает себя марксистом и в то же время находит возможным для «мягкости» кидать словом: «диалектический» в таких людей, которые, по его мнению, заслуживают, чтобы в них кинули что-нибудь покрепче. Как об'яснить эту его непоследовательность? Я боюсь, что в ней сказывается влияние на него тех его товарищей по оружию, которые, придерживаясь Маха и Авенариуса, естественно, — и вместе с социалистами-революционерами, — должны смотреть на диалектику, как на нечто, заслуживающее *крепкого* осмеяния.

Однако погодите. У моего противника слово: «диалектика» стоит во вносных знаках. Это, должно быть, неспроста. Нет ли в этих «кавычках» какой-нибудь «заковыки»? Не означают ли они, что насмешка, несомненно заключающаяся в словах этого писателя, относится не к диалектике вообще, которую он ценит (гм!) и понимает (гм! гм!) и которою он умеет владеть (гм! гм! гм!), а к какой-то особой, мнимой и потому достойной презрения, диалектике? Положим, что так оно и есть. Положим, кроме того, — вы видите, уважаемые товарищи, до чего я кроток и склонен к самоотвержению, — положим, что эта мнимая, достойная насмешки диалектика есть именно та, которой придерживаюсь аз многогрешный. Но и в таком случае, но и с заковыкой, марксисту непозволительно употреблять слово: «диалектический» там, где литературное приличие требует, по его мнению, замены крепкого мягким. Я поясню это наглядным примером. Говоря откровенно, «по душе», вы, уважаемые товарищи, кажетесь мне подчас плоховатыми марксистами [1]). Ваши организационные и тактические взгляды, по-моему, совсем не вяжутся с марксизмом, — но что сказали бы вы, если бы я на этом основании написал в споре с вами: это вывод

[1]) По поводу этого моего признания какой-нибудь сотрудник «Вестника Русской Революции» или «Революционной России» с торжеством воскликнет, пожалуй, как восклицал покойный Ник. Михайловский: «Пойди разбери, кто из них настоящий марксист». Это, в самом деле, не так легко разобрать особенно тем, которые из непонимания Маркса ухитрились сделать главную

немножечко... как бы это помягче выразиться... «марксистский»? Вы имели бы полное основание предположить, что я тоже попал в число «критиков Маркса», но я так не напишу: так написать может только такой человек, который или в самом деле смеется над марксизмом, или совсем не умеет полемизировать. Я упрекаю вас не в марксизме и не в «марксизме», а, как раз наоборот, в том, что в своих рассуждениях о революционной диктатуре вы отклонились и от марксизма, и даже от «марксизма», т.-е. не только от правильно понятой теории Маркса, но даже и от того более или менее упрощенного ее толкования, которого до сих пор придерживались товарищи, называемые в нашей социал-демократической среде *твердокаменными*.

Вот это-то я и постараюсь показать вам. Но прежде я должен сделать еще замечание.

В статье «К вопросу о захвате власти» («Искра» № 96) я, сделав свою «историческую справку», говорю моим противникам из газеты «Вперед»: «Вы очень ошибаетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаем, что наша справка окончательно исчерпывает вопрос. Отнюдь нет. Мы никогда не думали, что мы во всем должны слепо следовать примеру Маркса». Это место моей статьи навело вашего фельетониста на ту мысль, что я сам чувствую слабость своей позиции. «Он (т.-е. я. — *Г. П.*) осторожно оговаривается, — пишет фельетонист, — что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос, хотя делает выводы исчерпывающей категоричности» и т. д. Мой противник убежден, стало быть, что я делаю свою «осторожную» оговорку единственно вследствие сознания мною самим неправильности сделанного мною толкования Маркса. Мой противник хочет читать в моем сердце; но его чтение не делает ему чести как марксисту. Подумайте, в самом деле, товарищи, разве не должен каждый из нас ежечасно и ежеминутно помнить, что мы сделались бы жалкими педантами и смешными начетчиками марксизма; что мы коренным образом изменили бы *духу своего собственного учения* и стали бы недостойными его, если бы хоть раз допустили, что наши теоретические и практические споры могут исчерпываться простым указанием на то, что утверждал Маркс, на то, как magister dixit? И разве так трудно было понять, что именно это соображение руководило мной, когда я на-

отличительную черту своего миросозерцания. Но с этим надо мириться. «Только обносившиеся идеи очень понятны», — справедливо говорил Ф. Достоевский. К числу таких идей принадлежат идеи социалистов-революционеров.

писал вышеприведенные строки? Ведь я же прибавил: «Только недобросовестные или глупые люди решались утверждать, что «ортодоксальные» марксисты не допускают никакой критики своего учителя». Неужели это не ясно? Какое же непонимание всего нашего отношения к Марксу нужно для того, чтобы об'яснить мою оговорку моею неуверенностью в своей правоте! Ай-ай, товарищи, плохо полемизирует ваш фельетонист!

Дальше. Этот фельетонист утверждает, что я задался целью реабилитировать Мартынова и неудачно защитил его. В другом месте, цитируя мои слова: «иное дело марксизм, а иное махизм», он назидательно замечает: «одно дело марксизм, другое дело мартыновизм». На это я отвечу, что ваш фельетонист имеет, разумеется, полнейшее право находить мои соображения неудачными, но что ему не следует слишком часто поддаваться своей склонности к чтению в сердцах. Тем более не следует, что понимает-то он прочитанное не лучше гоголевского Петрушки. Против теории «захвата власти» революционерами я спорил еще в то время, когда ее отстаивали народовольцы, и если я теперь счел нужным опять выступить против нее, то это произошло вовсе не из желания защитить товарища Мартынова, — он сам умеет защищать себя, как это неоспоримо доказывают №№ 102 и 103 «Искры», — а единственно потому, что своими толками о «революционной диктатуре» вы воскрешаете, и к тому же очень неудачно, старый заговорщицкий предрассудок народовольцев. В моей книге «Наши разногласия», вышедшей в Женеве в январе 1885 года, я цитирую ту страницу из сочинения Энгельса «Der deutsche Bauernkrieg», которая говорит о печальных последствиях захвата власти представителями класса, еще не созревшего для такого политического акта, и которую Мартынов привел в своей брошюре, появившейся в конце 1894 года. У меня есть основание думать, что Мартынов именно из моей книги и заимствовал эту цитату. Ясно, значит, что изображать мою полемику с вами как простое порождение моей симпатии к «мартыновизму»—значит прибегать к приему и несостоятельному, и неудобному даже для того, — и особенно для того, — кто к нему прибегает. Ведь если бы я захотел последовать примеру моего противника и задался вопросом о том, *почему* он вздумал приписывать мне слабость к «мартыновизму» [1]), то мне мог бы, пожалуй, прийти в голову такой ответ:

[1]) Который, — замечу во избежание недоразумений, — вполне согласен в этом случае с *марксизмом*, как я понимал его двадцать лет тому назад и как понимаю до сего дня.

«Когда-то в своей брошюре «Что делать» Ленин спорил с Мартыновым. И хотя он совсем не сумел обнаружить, в чем заключалась слабая сторона *тогдашних* взглядов этого товарища, и даже сам весьма порядочно зарапортовался в своих рассуждениях об отношении интеллигенции к рабочему классу, но ему удалось все-таки выпустить против него несколько, правда, грубоватых и неизящных, но хлестких словечек, очень понравившихся некоторой части нашей невзыскательной читающей публики и сильно повредивших в ее мнении Мартынову, имя которого ассоциировалось для этой части с так называемым, — на нашем неуклюжем партийном жаргоне, — *рабочедельством*. Дело дошло до того, что на эту часть публики слово: «мартыновизм» стало производить такое же удручающее впечатление, какое производили на знаменитую купчиху Островского слова: «*жупел*» и «*металл*». Вот Ленин и пользуется этим чрезвычайно важным для него обстоятельством: чуть какой-нибудь товарищ разойдется с ним в том или другом вопросе, — кроме вопросов философских; в философии Ленин мирно уживается даже с эмпириомонистами, — он сейчас гласом велиим кричит: «сударыня, металл!»... виноват, я хочу сказать: «товарищи, мартыновизм!», и пугливая, по своему неразумению, «сударыня» приходит в ужас и, сложив с мольбой руки, жалобно стонет: «Батюшка, Ленин, будь отцом-благодетелем, спаси; на тебя одного надежда, я женщина слабая, сырая, а тут вишь какие страсти!» И отец-благодетель «спасает», особенно страшась того, что какой-нибудь сострадательный человек покажет его купчихе, до какой степени нелепа и смешна ее пугливость. И как только представится ему, что кто-нибудь из нас желает взять на себя роль такого сострадательного человека, он опять трубит: «жупел, металл!», и его купчиха опять трепещет, опять доходит до полного одурения и опять беспомощно стонет. Редакторам «Пролетария» нравится этот способ оседлания купчихи; они зачисляют и меня, в числе прочих, по «мартыновизму». Какие хитрецы! Чистые Макиавелли!

Повторяю: такой ответ на вопрос о причинах зачисления меня в разряд доброжелателей фантастического «мартыновизма» есть не более, как простая *возможность:* он *мог бы прийти мне в голову,* если бы я захотел, по примеру вашего фельетониста, читать в сердцах. Но так как я этому занятию не предаюсь, то я отвечаю на указанный вопрос совершенно иначе. Я говорю, что «Пролетарий» об'явил меня защитником «мартыновизма» единственно только по своей неловкости, по своему неумению полемизировать. Зачем же я стану подозре-

вать своего противника в коварстве? Литературная справедливость запрещает мне выставлять его намерения в дурном свете. И я предполагаю, что он хотя и неловок, но чист душой:

...Хотя немножечко дерет,
Зато уж в рот хмельного не берет...

Что собственно сказал Мартынов? Какие такие «металлы» изрек этот, зараженный «мартыновизмом», товарищ? Мой противник повествует об этом следующим образом:

«Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда, в случае успеха, вытечет необходимость участия ее во временном революционном правительстве, а такое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может». Взгляд Мартынова изложен здесь так, что, в самом деле, может произвести впечатление «металла». Человек считает недопустимым участие нашей партии во временном правительстве и потому не желает, чтобы она руководила восстанием. Хорош революционер! Если он хочет быть последовательным, то ему надо опасаться *всякого* участия социал-демократии в революционном движении нашего времени. Вот что скажет себе доверчивый читатель и проникнется благородной ненавистью к «мартыновизму» и спасительным негодованием ко всем его «защитникам». Но в том-то и дело, что мой противник позволяет здесь себе некоторые вольности, по поводу которых Мартынов мог бы воскликнуть словами Некрасова:

О, прокурор, ты не статью,
Ты душу вывернул мою!

Заметьте, что Мартынов говорил вовсе не о социал-демократии, или, — если вы предпочитаете, — говорил о социал-демократии *условно, предполагая, что она из партии рабочего класса превратилась в тайное общество заговорщиков.* И вот об этой-то *гипотетической* «партии», об этой-то социал-демократии, *изменившей своей собственной природе,* об этом-то *тайном обществе* он сказал, что оно, — по обычаю всех заговорщицких организаций, — должно было бы стремиться вызвать восстание в заранее назначенный день и что, если бы удалось такое *заранее назначенное восстание,* то вызвавшим его заговорщикам по необходимости пришлось бы захватить

власть в свои руки, — т.-е. совершить акт, о котором мечтают все заговорщики, — а это невыгодно отразилось бы на дальнейшем ходе революции. Как видите, — Федот, да не тот, и даже совсем не тот, и даже совсем не Федот! Если человека, рассуждающего подобно тому, как рассуждал здесь Мартынов, обвинять в распространении антиреволюционных идей, то подобное же обвинение следует выдвинуть и против нашего учителя Энгельса, который, характеризуя Бланки, говорит: «В своей политической деятельности он был, в сущности, «человеком дела», человеком веры в то, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, старающееся вызвать восстание в благоприятную минуту, может, своими первыми успехами, увлечь за собой народную массу и таким путем совершить революцию... Из того, что Бланки смотрел на всякую революцию как на Handstreich маленького революционного меньшинства, сама собой следует необходимость диктатуры в случае успеха, — разумеется, диктатуры не всего революционного класса, пролетариата, но небольшого числа тех, которые начали восстание и уже заранее организовались под диктаторской властью одного или немногих». Энгельс прибавляет: «Вы видите, что Бланки был человеком старого поколения». Но он тут же оговаривается, что французскими бланкистами до сих пор (это было написано Энгельсом в 1874 г. — *Г. П.)* признается тот основной принцип, что революции вообще не сами делаются, а их делают; что их делает сравнительно небольшое меньшинство по заранее выработанному плану; и что, наконец, во всякое время «скоро начнется».

При таких понятиях французские бланкисты, — жившие тогда в Лондоне изгнанниками после Парижской Коммуны, — естественно делались, по мнению Энгельса, «совершенно беспомощными жертвами всех свойственных эмигрантам самообольщений» [1]).

Как вы думаете, уважаемые товарищи, не тот ли это самый «мартыновизм», который вызвал со стороны газеты «Вперед» такие, желающие быть едкими и страшными, нападки на Мартынова? По-моему, тот самый. По-моему, сделанная Энгельсом характеристика бланкизма очень сильно смахивает на сделанную Мартыновым характеристику ленинских тактических понятий. И если я прав, — а читатель видит, что я прав, — то вам, товарищи из «Пролетария», остается одно из двух: или признать свои нападки на Мартынова неосновательными, а его критику вашей тактики правильной, или же опять пугать свою

[1]) «Internationales aus dem Volksstaat» (1871 — 1875). Berlin 1894, p. 41—42.

купчиху и опять вопить: «металл!», но на этот раз по поводу самого Энгельса. Выбирайте.

Впрочем, по части выбора вы большие оригиналы и любите подражать тому человеку, о котором рассказывает Гейне и который, будучи приговорен к смерти и спрошен, что он предпочитает: быть расстрелянным или повешенным, ответил: «Я предпочитаю молочный суп». Я знаю, вы тоже предпочитаете «молочный суп»; вы приметесь доказывать, что Энгельс говорит совсем другое, чем Мартынов, и что на самом деле автор «Анти-Дюринга» очень одобрял и заговорщицкие Handstreich'и и заговорщицкую диктатуру,— словом, что он тоже был «твердокаменным». Моя статья в № 96 «Искры уже побудила вас «предпочесть молочный суп». Теперь я прошу у вас позволения отведать этого питательного кушанья.

Припомним, с чего «началось». В газете «Вперед» (№ 14) я встретил следующую развязную тираду:

«Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков», в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, — потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец, за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (например, для Франции с 1789 по 1905 год). Но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства».

Отвечая на эту тираду, я сказал, что Маркс в «Обращении» к членам Коммунистического Союза, написанном им в начале 1850 года, представляет дело именно в виде медленно восходящей прямой линии: сначала движение 1848—1849 годов поставило у власти либеральную буржуазию, которая, добившись «уступочек» от самодержавия, обнаружила готовность соединиться с феодальной партией для борьбы с новыми революционными попытками, но ее усилия не приведут ни к чему: быстро приближающаяся новая революция передаст господство в руки демократической мелкой буржуазии, в борьбе с которой *рабочий класс* должен итти к своей собственной, *коммунистической,* революции. Отсюда я делал то неизбежное умозаключение, что если прав развязный публицист развязной газеты, то основателей научного социализма надо

причислить к «виртуозам филистерства», а их исторические взгляды следует признать «школьническими».

Ваш фельетонист оспаривает мое умозаключение, называя его бездоказательным.

«Доказательство? — вопрошает он. — Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848 — 1849 годов, не сумев добить самодержавие, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции, одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный под'ем будет под'емом на вторую ступеньку. Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. немножечко «диалектический». *Так как* Маркс в соответствующий конкретный момент конкретной демократической революции говорил, что после происшедшего под'ема на первую ступень предстоит под'ем на вторую, — то *поэтому* лишь «критики» Маркса могут называть филистерами людей, которые до под'ема на первую ступень пугают нас ужасной перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу».

Я нарочно сделал длинную выписку, потому что короткая не дала бы возможности схватить мысль моего ехидного автора во всей ее своеобразности. В самом деле, вдумайтесь в первую часть выписки. «Когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступень и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный под'ем будет под'емом на вторую ступеньку». Как это понимать? Ну, а если бы движение, поднявшееся на первую ступеньку, *не* «остановилось в бессилии», разве *тогда* Маркс не сказал бы, что новый революционный под'ем приведет немецкий народ на вторую ступеньку? Какая странная логика! Можно без преувеличения сказать, что в ней нет ни одного атома диалектики, ни в кавычках, ни без оных! Она приводит читателя в самое полное недоумение. Но тут-то и выручает его вторая часть длинной выписки.

Маркс действительно говорил, что после происшедшего под'ема на первую ступень предстоит под'ем на вторую. Но он говорил это в соответствующий конкретный момент конкретной демократической революции. *Поэтому* я построил плохой силлогизм, умозаключив от-

сюда, что только критики Маркса могут считать филистерами людей, которые боятся и пр.

Теперь ясно, в чем заключается моя ошибка, по мнению моего талантливого противника. Ясно также, почему в первой половине сделанной мной выписки указывается на то, что революционное движение 1848—1849 годов, поднявшись на *первую* ступень, *в бессилии остановилось:* если бы оно было сильнее, то оно скакнуло бы сразу на вторую ступеньку. Это бессилие, конечно, было очевидно для Маркса *после того,* как движение остановилось. Но раньше печального события Маркс мог рассчитывать на более решительный ход событий. Поэтому *накануне* революции 1848 года он, вероятно, сам мечтал о скачке на две ступени сразу и, вероятно, сам обозвал бы виртуозами филистерства людей, считавших последовательный переход со ступеньки на ступеньку более нормальным и более благоприятным для революционного дела. Словом, можно думать, что *перед* революцией 1848 года Маркс всеми силами души стремился стать германским Лениным и отказался от этого высокого идеала лишь тогда, когда эта революция «в бессилии остановилась» и когда основателю научного социализма осталось только сказать себе: «*Рад бы в рай, да грехи не пускают*».

Очень хорошо и очень приятно... для Ленина. Но вот беда. Не безызвестное, надеюсь, и вам, уважаемые товарищи, сочинение того же Маркса: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», лишает эту приятность всякого серьезного основания.

В этом сочинении мы читаем:

«В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов,* а господство *жирондистов* сменяется господством *якобинцев.* Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что она более не в состоянии не только итти вперед, но и следовать за ней, — ее устраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция двигается, таким образом, по восходящей линии. Обратное происходит в революции 1848 года. Партия пролетариата является придатком мелко-буржуазной демократической партии. Последняя изменяет первой 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, с своей стороны, стоит на плечах буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами спешат опереться на плечи партии порядка. Партия порядка пожатием плеч опрокидывает буржуазных республиканцев и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит на плечах армии, когда она в одно прекрасное утро открывает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягается в сторону стремящейся вперед и упирается в стремящуюся назад партию. Неудивительно, что она в этой смешной позитуре теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция двигается, таким образом, по нисходящей линии. Она находится в этом попятном движении прежде, чем убрана последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть» [1]).

В великой революции конца XVIII века движение поднималось *со ступеньки на ступеньку.* И это обстоятельство позволило ему совершить максимум полезной исторической работы. Февральская революция скакнула *на несколько ступенек сразу...* и *пошла по нисходящей линии,* и партии, принимавшие в ней участие, приняли смешную позитуру, стали лягаться, терять равновесие, падать, корчиться, гримасничать. Печальная картина! Безотрадный ход событий! Чем был он вызван? Группировкой составных частей тогдашнего буржуазного общества. Эта группировка была неблагоприятна для революции и обусловила собой ее бессилие. Не так ли? Конечно, так. А если так, то не ошибаются ли те люди, которые думают, что под'ем на «несколько ступенек сразу» доказывает *силу* революционного движения? Не увлекаются ли они предрассудками прошлого? Не являются ли они революционерами «старого поколения»? Очень на это похоже!

Теперь спрашивается, имеем ли мы право думать, что уже накануне взрыва 1848 г. Маркс считал предстоявшее революционное движение осужденным на ту полу-неудачу, которая характеризует его в глазах историка? Нет, такого права мы не имеем. Напротив, «Манифест Коммунистической Партии» показывает, что Маркс был, подобно всем коммунистам того времени, полон бодрой веры в силу близкой революции. «Смешная позитура» французских партий явилась для тогдашних марксистов печальной неожиданностью. Их представления об условиях и ходе революционных движений основывались, — по свидетельству Энгельса, — на прежнем историческом опыте, особенно на опыте великой французской революции [2]). Отсюда ясно, что вероятный, — и,

[1]) «Восемнадцатое брюмера» и т. д., перевод Б. Кричевского, стр. 33—34.

[2]) См. предисловие Энгельса к сочинению Маркса: «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 года», Женева 1903 г., стр. 6—7.

разумеется, желательный, — для них ход событий представлялся им тогда именно в виде *под'ема со ступеньки на ступеньку, а не в виде скачка через несколько ступенек сразу.*

Но такое представление свойственно, — по властному решению газетки «Вперед», — лишь виртуозам филистерства. Следовательно, основатели научного социализма принадлежали к числу филистеров. Что и требовалось доказать.

Теперь пойдем дальше. Почему тот ход движения, который мы наблюдаем в великой французской революции, обеспечил максимум полезной исторической работы выступавших одна за другой более или менее прогрессивных партий? Это видно из слов самого Маркса. Пока еще не достигнута была первая «ступенька», партия, которой предстояло господствовать по ее достижении, направляла главную часть своей силы на борьбу со старым порядком, а не на то, чтобы лягать более передовые партии, на которые она опиралась. Таким образом ее работа приобретала *положительное,* а не *отрицательное* значение. А что касается более передовых партий, то хотя они с самого начала вели более или менее ожесточенную борьбу с умеренными элементами революции, но их борьба толкала эти элементы вперед и тем, с своей стороны, оказывала огромную услугу делу разрушения старого порядка. Но это еще не все. Их борьба с умеренными элементами пополняла их собственный революционный опыт, расширяла их собственные революционные взгляды, довершала их собственное революционное воспитание и тем облегчала им решение их собственной революционной задачи. Вот почему эта их борьба, увеличивая размах революционного движения, в то же самое время давала ему новую силу. Вот почему тактика, рассчитанная на перескакивание через промежуточные ступеньки, вопреки своей мнимо-революционной внешности, — внешность анархической тактики еще революционнее, — на самом деле далеко не так революционна, как противоположная ей тактика людей, кажущихся вам, уважаемые товарищи, виртуозами филистерства. Вот почему товарищи, группировавшиеся вокруг газеты «Вперед», а ныне группирующиеся около «Пролетария», являются «*революционерами старого поколения*» сравнительно с товарищами, группирующимися вокруг «Искры». Это—факт, которого нельзя, по немецкому выражению, wegschwatzen. Не думайте, что я пристрастен к сторонникам «Искры». Нисколько! У них очень много своих недостатков. Их организационные взгляды из рук вон плохи. Но их *тактика* несравненно лучше тактики «твердокаменных».

Однако, я уклоняюсь в сторону. Маркс только тогда мог бы заранее мечтать о «под'еме на две ступеньки сразу», если бы пришел к тому архи-нелепому убеждению, что движение по *нисходящей линии* полезнее для революционного дела и потому желательнее для революционеров, чем движение по линии *восходящей.* Запомним этот вывод и послушаем моего страшного противника.

«В знаменитом «Обращении», — продолжает он, — Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допустимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 г. Маркс ни слова не говорит об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве потому, что при тогдашних условиях не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры».

Почему же не могло? По слабости сил тогдашнего германского пролетариата. Так думает мой противник. Он говорит:

«После двух лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении... полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было; мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве».

Хорошо или, по крайней мере, ясно. А теперь посмотрим, что говорит о тогдашних надеждах тогдашних коммунистов на пролетариат человек, сам разделявший эти надежды и сам игравший чрезвычайно видную роль в тогдашнем рабочем движении.

Указав на то, что в 1848 году даже в Париже можно было по пальцам пересчитать людей, которые хоть немного понимали, при каких условиях может произойти освобождение пролетариата, Энгельс продолжает: «И, однако, движение существовало, инстинктивное, самопроизвольное, неподавимое. Именно это положение заставляло верить в неизбежный успех революции, которая хотя и произойдет под руко-

водством меньшинства, но на этот раз в самом действительном интересе большинства». Правда, этими словами характеризуется и об'ясняется только настроение Маркса и Энгельса накануне 1848 года, но потрудитесь читать дальше: «Когда же выросшая из «социальной» революции 1848 года буржуазная республика в своем дальнейшем развитии дошла до того, что весной 1850 года (т.-е. в то самое время, когда написано было «Обращение», послужившее поводом для нашего спора. — *Г. П.*) вся действительная власть сосредоточилась в руках крупной буржуазии, желавшей к тому же восстановления монархии; когда, с другой стороны, все остальные общественные классы, крестьянство и мелкая буржуазия, сгруппировались вокруг пролетариата, так что после общей победы решающим фактором должны были стать не они, а умудренный опытом пролетариат, — то возможно ли было тогда сомневаться в том, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?» [1])

Фельетонист «Пролетария» уверяет, что тогда *невозможно было верить в силы пролетариата*. Энгельс утверждает, наоборот, что тогда *нельзя было не верить в них* [2]). Кто говорит правду?

Мне скажут, пожалуй, — после фельетонов моего противника можно ожидать всего, — что приведенное мною место относится к Франции, а не к Германии. Но это не так. Энгельс только поясняет свою мысль примерами, заимствуемыми из жизни Франции, а рисуемая им картина настроения коммунистов относится *не только к Франции,* как это видно из дальнейшего: «История не оправдала наших ожиданий и ожиданий всех тех, которые разделяли наши взгляды. Она показала, что *экономическое развитие континента* далеко еще не созрело для устранения капитализма» [3]).

Ясно, что мой фельетонист весьма основательно промахнулся.

Ту же самую мысль можно доказать иначе. Вспомните, какую программу предлагает Маркс германскому пролетариату в своем «Обращении». Он рекомендует ему — и полагает, что он вполне способен к этому, — во-первых, принудить демократов к революционному вмешательству в существующие общественные отношения, а во-вторых, толкать вперед этих демократов, склоняющихся только к социальной реформе, а не к социальной революции. Короче, Маркс думал, — и прямо высказывал, — что немецкий пролетариат уже созрел для *непрерывной революции*, пролагающей очень короткий путь к его диктатуре. А ввиду этого он мог, кажется, поставить перед собой и вопрос об участии пролетариата в диктатуре мелкой буржуазии. И если он не сделал этого, то не сделал единственно по той причине, что *не допускал даже мысли о возможности подобного участия.*

[1]) Ibid., p. 9 — 10.

[2]) Курсив мой.

[3]) Ibid., p. 10, подчеркнуто опять мной.

Когда я писал передовую статью для № 96 «Искры», я, — как это само собой разумеется, — отлично понимал, что моей ссылке на «Обращение», как бы ни была она убедительна по своему существу, всегда можно противопоставить то, что французы называют une fin de non recevoir в виде указания на перемену «ситуации». Правда, я не допускал, что подобное указание может быть сделано в такой чудовищно неудачной форме, какую получило оно у моего противника. Но, — хорошо помня аргументацию мильерандистов в их споре с гэдистами, — я все-таки его предвидел и потому заранее предупредил его цитатой из письма Энгельса к Турати. Письмо это было написано в 1894 году, т.-е. при «ситуации», существенно отличной от «ситуации» 1848 года; притом же мысль о недопустимости участия пролетариата в мелко-буржуазном правительстве высказана там в виде общего тактического принципа, одинаково применимого ко всем тем странам, в которых рабочий класс не созрел еще для своей диктатуры. Отвечая на мою цитату, мой фельетонист говорит: «Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс *должен был доказывать Турати различие между социалистической и мелко-буржуазной революцией*».

Тотчас же после смерти Энгельса письмо его к Турати напечатано было в «Critica Sociale»; потом оно появилось в виде приложения к брошюре «Economica politica», содержащей в себе перевод известной статьи Энгельса «Umrisse zu einer Kritik der politischen Oekonomie», потом его цитировал в «Neue Zeit» Каутский во время полемики, вызванной «кризисом в социализме». Оно было известно, можно сказать, всем и каждому; оно представляет собою чрезвычайно важный документ для характеристики взглядов основателей научного социализма на тактику революционного пролетариата, т.-е. как раз на тот вопрос, о котором «Вперед» начал спорить с «Искрой», а мой страшный противник узнал о нем только из «плехановского изложения»! Скажите, уважаемые товарищи, с каких же пор невежество приобрело, — вопреки и вам, конечно, знакомой аксиоме, — значение аргумента? Но это еще только ягодка, а вот цветочек. «Турати — итальянский Мильe-

ран, — продолжает фельетонист, — бернштейнианец, которому Джиолитти предлагал портфель в своем министерстве». Вот оно куда пошло! Но когда Энгельс писал свое письмо, ни о каких бернштейнианцах никто ничего не слыхал, а Турати был самым убежденным и самым революционным марксистом. При чем же тут министерский портфель, при чем же тут Джиолитти? Фельетонист, очевидно, понятия не имеет о том, в каком положении находилась международная социал-демократия десять лет тому назад. Но это уже слишком. До такого «градуса» доходить в социал-демократическом издании непозволительно.

Фельетонист что-то хотел с'ехидничать насчет моей «диалектики». А мне, — уже безо всякого ехидства, — вспоминается теперь не Гегель с диалектикой, а Шеллинг с его «методом *потенцирования*». Незнание, свойственное т. фельетонисту «Пролетария», после каждой своей «об'ективации» *потенцируется,* т.-е. поднимается на высшую «ступеньку», а иногда и на «несколько ступенек сразу». Чего же это смотрит «сам»? Ведь в его руках «централизовано» теперь так много власти!

Но перейдем к письму. Там говорится, что «французские демократы-социалисты совершили ошибку», заняв место во временном правительстве. «Будучи меньшинством в правительстве, они добровольно разделили ответственность за все подлости и измены по отношению к рабочему классу, совершаемые большинством чистых республиканцев; между тем, присутствие их в составе правительства совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, который они претендовали представлять». Это уже само по себе довольно назидательно. Но заметьте еще, что здесь речь идет о «ситуации», совсем непохожей на ту, которую Ленин констатирует в Германии 1850 года. В феврале 1848 года движение не было «обессилено», и французский пролетариат находился в полном упоении победы и в полном сознании своего могущества. А его представители все-таки совершили, по мнению Энгельса, ошибку, вступив во временное правительство. Ясно, что ссылка на исключительный характер германской «ситуации» 1850 года совершенно несостоятельна и об'ясняется только тем, что сделавший ее фельетонист сам находился в затруднительной «ситуации», не зная, что ему возразить на мою «историческую справку».

Мало того. Как я уже сказал в «Искре», Энгельс не только советует итальянским социалистам не вступать в мелко-буржуазное революционное правительство. Он не только ссылается при этом на пример французских «демократов-социалистов» 1848 года. Он подкрепляет свой совет также ***общими тактическими соображениями,*** правильность которых была

доказана, по его словам, *опытом всей его жизни и которые еще ни разу не ввели его в ошибку*. Это уже не «ситуация», которой всегда можно противопоставить другую «ситуацию», а именно общий принцип, который, разумеется, можно *критиковать*,—что я охотно и признавал в своей статье, — но которого нельзя «отболтать прочь» посредством «ситуации». Судите же после этого о политической ловкости моего противника, который как раз «в эфтом месте» переходит в наступление, об'являя: «Если он всякое участие пролетариата в революционном правительстве, при борьбе за республику, при демократическом перевороте считает принципиально недопустимым, то мы беремся доказать ему, что это есть «принцип» анархизма, самым решительным образом осужденного Энгельсом».

Час от часу не легче! Прежде я находился «под сумлением» насчет «мартыновизма», а теперь попал в анархисты. Ну, да и комик же мой фельетонист! Вот посмеются анархисты, если узнают, какой невероятный упрек обрушился на мою голову!

Но удивительнее всего то, что мой противник хочет разбить меня с помощью того самого Энгельса, который и слышать не хочет об участии пролетариата в революционном правительстве мелкой буржуазии. Изумительный фельетонист «Пролетария» не соображает, что если бы ему удалось доказать свою тезу, то он тем самым доказал бы, что Энгельс проповедует принцип анархизма, «самым решительным образом осужденный» им же, Фридрихом Энгельсом. Вот так чудасия! Гоголь говорит о Ноздреве: «Этот человек решительно не знал сомнений». Решительно не знает их и мой проповедник. Ноздрев, благодаря указанному своему свойству, «отливал» удивительные «пули». Столь же, если не более, удивительны и пули, отливаемые фельетонистом «Пролетария».

В своей статье «Bakunisten an der Arbeit» Энгельс зло смеется над последователями Бакунина, т.-е. анархистами, совершившими множество глупостей во время революционных событий 1873 года в Испании. Он показывает, что испанские бакунисты своими действиями противоречили своим собственным принципам, а там, где они остались верны этим последним, они своей последовательностью только ослабили свои собственные силы. Когда в Испании провозглашена была республика, и речи: слишком уж неразвиты были экономические отношения этой страны. Чтобы полное освобождение рабочего класса стало возможным, о *немедленном* полном освобождении рабочего класса не могло быть Испания должна, говорит Энгельс, пройти различные предварительные

ступени развития и устранить целый ряд препятствий, стоящих на пути к социалистической революции. Социалистам представлялся прекрасный случай воспользоваться республикой для того, чтобы сократить время прохождения всех этих ступеней и ускорить устранение этих препятствий. Но воспользоваться для этой цели провозглашением республики можно было только при одном необходимом условии: при энергичном вмешательстве испанского пролетариата в политическую жизнь своей страны. И пролетариат чувствовал это; он повсюду стремился принять деятельное участие в совершавшихся событиях. Какой же тактики должно было держаться ввиду такого положения дел Международное Товарищество Рабочих, стоявшее во главе испанского рабочего движения? Ему следовало всеми силами содействовать выступлению пролетариата в качестве *деятельной и самостоятельной политической партии*. Так оно и поступило бы, если бы его испанские секции не находились под сильнейшим влиянием Бакунина. Это влияние помешало испанским членам Международного Товарищества выбрать правильный образ действий. Энгельс довольно подробно изображает ту печальную роль, которую пришлось играть испанским бакунистам в тогдашних событиях, и приходит к следующим выводам:

«1. Как только бакунисты очутились лицом к лицу с серьезным революционным положением, они оказались принужденными выбросить за борт всю ту программу, которой они до сих пор держались. Прежде всего они пожертвовали учением об обязательности политического воздержания и особенно воздержания во время выборов. За ним последовала анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они попытались основать ряд новых, маленьких государств. Потом они покинули положение, гласящее, что рабочие не должны принимать участия в такой революции, целью которой не является немедленное и полное освобождение пролетариата, и приняли участие в чисто и очевидно буржуазном движении. Наконец, они стали в полное противоречие с только что провозглашенным членом своего символа веры, утверждавшим, что создание революционного правительства есть обман рабочих и измена их делу: они преспокойно заседали в правительствах отдельных (восставших. — *Г. П.*) кантонов и заседали, как бессильное меньшинство, майоризируемое и политически эксплоатируемое буржуазией.

«2. Но это их отречение от своих прежних принципов совершилось самым трусливым и лживым образом, с угрызением совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы не имели, вступая в движение, определенной программы и вообще не знали, чего они хотят. Каково было естественное следствие этого? Или то, что бакунисты помешали начаться движению, как это было в Барцелоне; или то, что они были вовлечены в отдельные, лишенные плана и нелепые, восстания, как это было в Алькое и Сан-Люкар-де-Баррамеда; или же, наконец, то, что руководство попало в руки буржуазной партии непримиримых, как это было в большинстве восставших мест. Революционные фразы бакунистов привели, стало быть, когда дошло до дела, или к уклонению от революционной работы, или к заранее осужденным на неудачу восстаниям, или к присоединению к буржуазной партии, постыднейшим образом эксплоатировавшей рабочих в политическом отношении и к тому же награждавшей их пинками.

«3. От так называемых принципов анархии, от свободной федерации независимых групп и т. д. не осталось ничего, кроме бессмысленного и безмерного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству покорить своей власти один восставший город за другим с помощью горсти войск.

«4. Концом всей этой песни было не только то, что хорошо организованный испанский Интернационал, — фальшивый, равно как и настоящий, — пал вместе с буржуазной партией непримиримых, но также и то, что на его счет было отнесено множество вымышленных крайностей, без которых филистеры всех стран совершенно не могут представить себе восстание рабочих, и что поэтому международная реорганизация испанского пролетариата стала невозможной, пожалуй, на много лет.

«5. Словом, бакунисты дали нам в Испании несравненный образчик того, как не следует делать революцию» [1]).

Теперь я прошу читателя, обладающего хотя бы самыми элементарными сведениями о том, что́ такое учение Бакунина, сказать мне, какое отношение имеют эти выводы к интересующему нас вопросу и в какой мере они подтверждают взгляд моего противника. Я утверждаю, что к нашему спору они имеют *только одно отношение:* именно, они говорят нам, что *участие социалистов, в качестве меньшинства, в буржуазном революционном правительстве не только смешно и бесцельно, но прямо непозволительно, потому что оно дает буржуазии возможность политически эксплоатировать представителей пролетариата.* Но меня-то ведь не смутишь этим выводом. Я говорю как раз то же самое. По-моему, вообще участвовать в буржуазном, — или в мелко-буржуазном, это все

[1]) «Internationales aus dem Volksstaat», Berlin 1894, p. 32 — 33.

равно, — правительстве социал-демократы могут *только как меньшинство,* потому что если они будут большинством, то правительство сделается уже *пролетарским,* а не *буржуазным,* а тогда перед ним во весь свой рост встанет вопрос о *социалистической* революции. Но газета «Вперед» твердо держалась той точки зрения, что революция, предстоящая нам, — вернее, уже начавшаяся, — теперь будет иметь не пролетарский, а буржуазный характер. Возражая Парвусу, один из ее публицистов писал:

«Русский пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелко-буржуазной, городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии». («Социал-демократия и революционное временное правительство», «Вперед», № 14.)

Эти рассуждения, действительно, заставляют вспоминать о насмешках Энгельса над бакунистами. Публицист газеты «Вперед» требует, чтобы социал-демократы участвовали в революционном правительстве даже в том случае, если в нем будут *преобладать* «самые разношерстные представители революционной демократии», т.-е. *мелкой буржуазии,* т.-е. тех «полухозяйчиков», которые *не захотят или не будут в состоянии* перейти на точку зрения *социалистического пролетариата.* При этом очень кстати он забывает сказать нам, каким образом нам удастся в этом случае избежать смешного и печального положения испанских бакунистов, т.-е. не подвергнуться майоризации, политической эксплоатации, и не получать пинков со стороны «разношерстных» мелких буржуа. Он, вероятно, убежден в том, что если «сам» попадет в правительство, то сумеет сделаться полным «хозяйчиком» над политическими представителями «полухозяйчиков». Но это убеждение, если оно существует, основывается лишь на вере в магическую силу «самого» и не подкрепляется никакими доводами. Поэтому я имею полное основание не разделять его и сказать своим товарищам, указывая на пример испанских бакунистов, участвовавших в буржуазных правительствах: *«Помните, как не следует делать революцию».*

Это напоминание, в самом деле, вполне уместно. Но его уместность обусловливается не моими взглядами, а взглядами газеты «Вперед», защищаемыми теперь газетой «Пролетарий». Что же касается прочих выводов Энгельса, то они решительно неприменимы ни ко мне, ни к тем товарищам, которые согласны со мной. Разве мы проповедывали когда-нибудь политическое воздержание рабочих? Разве мы говорили, что надо уничтожить государство? Разве мы находили, что пролетариат не должен участвовать в таких революциях, которые не ведут к немедленному и полному его освобождению? Наконец, разве мы утверждали когда-нибудь, что создание революционного правительства есть обман рабочих и измена их делу? Ничего подобного этому, хотя бы и в самой отдаленной степени, мы не проповедывали, не говорили, не находили и не утверждали. Если же мой противник, тем не менее, смешал наши взгляды со взглядами испанских бакунистов, то это произошло единственно благодаря его *методу потенцирования*... своего собственного незнания.

В самом деле, какой член анархического символа веры имеет в виду Энгельс, говоря, что он был провозглашен совсем не задолго до описываемых им событий? Если бы мой противник знал это, то он не стал бы сравнивать меня с анархистами. А так как он этого не знает, то я об'ясняю ему, в чем дело.

Со времени своего вступления в члены Международного Общества Рабочих Бакунин энергично проповедывал принцип политического невмешательства пролетариата и на рабочих собраниях, и в рабочих газетах. Эта проповедь препятствовала развитию классового сознания пролетариата; поэтому Маркс нашел нужным предложить второй Лондонской конференции (сентябрь 1871) резолюцию, напоминавшую о том, что программа Международного Товарищества Рабочих признает политическую борьбу средством экономического освобождения рабочего класса. Резолюция напоминала, кроме того, что пролетариат обязан не только сам вести политическую борьбу, но и поддерживать всякое политическое движение, способствующее достижению им его конечной цели. Как видите, эта резолюция повторила лишь то, что высказано уже в «Манифесте Коммунистической Партии». Но именно это обстоятельство и подало бакунистам повод поднять крик о том, что Маркс навязывает Интернационалу свои собственные политические взгляды. Принятая Лондонской конференцией резолюция Маркса встречена была бакунистами до последней степени враждебно, и вопрос о политических задачах пролетариата был снова поднят на международном с'езде в Гааге, где произошло, как известно, решительное сражение между марксистами и бакунистами. Гаагским с'ездом принцип политического воздержания был осужден еще резче, чем Лондонской конференцией.

С'езд принял, по предложению Вальяна, следующее решение: «В своей освободительной борьбе рабочий класс может действовать как класс только в том случае, если он сплотится в особую партию, обособленную и враждебно противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами. Это сплочение рабочего класса в политическую партию необходимо для торжества социальной революции и для достижения ее конечной цели, уничтожения всех классов. Соединение сил, уже совершенное рабочим классом в его экономической борьбе, должно послужить также рычагом для их борьбы против политической власти землевладельцев и капиталистов. В войне, ведомой рабочим классом, неразрывно соединены экономическое движение и политическое действие» [1]). Само собою понятно, что эта резолюция так же мало пришлась по вкусу бакунистам, как и предыдущая. На конгрессе бакунистов в Сэнт-Имье (сентябрь 1872) было принято решение, гласившее, что «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти явилась бы обманом и была бы так же опасна для пролетариата, как и все существующие правительства». Совершенно в таком же духе высказались и испанские бакунисты почти накануне тех событий, о которых идет речь в статье Энгельса. Когда же начались эти события, они повели себя совсем иначе. Они не только поддерживали революционные правительства («хунты») «непримиримой» буржуазной демократии в восставших «кантонах» Испании, но и сами заседали в этих «хунтах». Это было вопиющим противоречием, и это противоречие отметил и осмеял Энгельс, который находился тогда под совсем еще свежим впечатлением недавнего раскола в Интернационале. Но каким образом насмешки Энгельса могут затрагивать меня и мой взгляд на участие социал-демократов во временном буржуазном правительстве? Ведь резолюция, принятая в Сэнт-Имье, имела в виду не это участие. Она повторяла на новый лад старую погудку анархистов: *политическая революция не может быть средством экономического освобождения пролетариата;* она осуждала *диктатуру пролетариата* и всю вообще политическую деятельность этого класса, как ее понимают марксисты. Ее антитезой была уже знакомая нам резолюция Гаагского с'езда, а вовсе не мысль о том, что представители пролетариата могут, — не попадая в ложное положение, — проникать

[1]) Замечу кстати, что это как раз та самая мысль, которую мы развивали в своих спорах с экономистами [см. мою статью: «Еще раз социализм и политическая борьба» в сборнике «На два фронта» (Сочинения, т. XII)] и которая казалась им недостаточно пролетарской.

во временные революционные правительства. Эта мысль отвергалась, как мы уже видели, Энгельсом вполне категорично, и нужно было все изумительное невежество моего противника, чтобы вычитать ее из статьи «Die Bakunisten an der Arbeit».

Энгельсу все те местные восстания, о которых у него говорится, кажутся совершенно нелепыми, лишенными всякой серьезной цели, выражающими лишь самые мелочные интересы некоторой части испанской мелкой буржуазии. Он думает, что испанский пролетариат поступил бы гораздо разумнее, если бы не вмешался в это восстание. Рабочим следовало, по мнению Энгельса, поддержать министерство Пи-и-Маргаля, которое обещало им целый ряд социальных реформ, прокладывавших путь для социальной революции. «Но бакунисты, — замечает Энгельс, — считавшие себя обязанными отталкивать даже самые революционные мероприятия, если они идут от «государства», более склонны были поддерживать самых нелепых шарлатанов между непримиримыми, чем министра». Этими словами прекрасно характеризуется его собственный взгляд на то, как следовало поступить при тогдашних обстоятельствах социалистическому пролетариату Испании: лучше было поддерживать министра, чем пускаться в политические авантюры вместе с нелепыми буржуазными шарлатанами. И если мой противник хотел противопоставить моему мнению авторитет одного из основателей научного социализма, то ему следовало прежде всего остановиться на этом взгляде Энгельса, спросив себя: означает ли он, что представители пролетариата могли не только поддерживать Пи-и-Маргаля, но и *участвовать в его министерстве?* Надо надеяться, что при некотором размышлении он без посторонней помощи пришел бы к *отрицательному ответу* на этот вопрос. А раз придя к такому ответу, он без большого труда понял бы, что иное дело оказать при известных обстоятельствах поддержку известному буржуазному правительству, а иное дело войти в его состав. Первое возможно, а иногда и прямо обязательно для марксистов; второе мыслимо только для жоресистов, да разве еще для той новой разновидности социалистов, которая говорит устами моего противника и которую можно назвать *ублюдком, происшедшим от скрещивания бланкизма с жоресизмом.*

Мой противник уверяет, что раз мы,—в своих отношениях к революционным партиям буржуазии, — провозгласили правило: «*врозь итти, вместе бить*», то мы уже не можем, не противореча себе, отказываться от участия в временном буржуазном правительстве. Вместе нужно, по его словам, не только *бить, но и отбиваться,* т.-е. сопротивляться

контр-революции. Это неоспоримо. Но ведь мы совсем не о том и спорим. Коли вместе бить, то вместе и отбиваться, — тут я согласен с моим противником. Но у него оказывается: «а коли вместе отбиваться, то вместе и *сидеть*... в правительстве». На это я возражаю: это уж от лукавого; для того, чтобы вместе отбиваться от реакционеров, сидеть вместе вовсе не нужно. Сидеть вместе с буржуа нам нужно было бы только тогда, когда мы захотели бы вместе с ними отбиваться от революционного пролетариата.

Что такое эти «полухозяйчики», эти мелкие буржуа, с представителями которых нам пришлось бы заседать во временном правительстве? Это тот класс, который был так мастерски характеризован Марксом в его письме к Швейцеру о Прудоне: «Мелкий буржуа, подобно историку Раумеру, состоит из—«с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, и *потому* таков в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных взглядах. Таков он в своей морали, таков во всем. Он —*живое противоречие*». Но именно потому, что он—живое противоречие, наше отношение к нему *не может не быть двойственным*. Мы будем *поддерживать* его в его *революционных* стремлениях; мы будем противодействовать ему там, где он выставит, в борьбе с крупной буржуазией и с пролетариатом, *реакционные* требования. А ввиду этого нам *сидеть с ним в одном правительстве невозможно*.

Один из «передовиков» газеты «Вперед» говорил (№ 12): «Пролетариат охотно поддержит крестьянство... но непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянином-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки». Это правильно. Но чтобы «присматривать» за «когтками», *необходимо быть в оппозиции*, а то вон Мильеран тоже собирался «присматривать», вступая в министерство Вальдека-Руссо, да ничего хорошего из этого не вышло.

Мой противник упрекает Мартынова в том, что тот будто бы не понимает высшего жизненного значения нашей программы-минимум. Оставляя без рассмотрения вопрос о справедливости этого несправедливого упрека, я, с своей стороны, замечу, что если бы мы, борясь за осуществление нашей программы-минимум, должны были превратиться в мелких буржуа, то ее значение для нас, как социал-демократов, было бы не *жизненным*, а *смертельным*. А если мы не превратимся в мелких буржуа, то, даже борясь за эту программу, мы не можем не приходить в частые столкновения с мелкой буржуазией. Этого могли

не понимать наши блаженной памяти ***народники;*** но для социал-демократа подобное непонимание совершенно непростительно.

И замечательная вещь. Как только наши товарищи, группировавшиеся около «Вперед», начали лелеять мечту об участии в мелкобуржуазном революционном правительстве, они заговорили языком, напоминающим старую терминологию народников. Местоимение «мы» стало означать у них «революционный народ», пролетариат и крестьянство («Вперед», № 14), т.-е. совокупность тех двух слоев населения, экономические интересы которых во многом существенно различны, как это старательно выясняла, в целом ряде статей и фельетонов, именно старая «Искра». Наши противники «оговариваются... во избежание всевозможных недоразумений», что под республикой, — за которую они хотят бороться в таком тесном союзе с мелкой буржуазией, — они разумеют «не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум». Но мелкая буржуазия совсем не обязана держаться именно нашей программы-минимум, составленной такими людьми, для которых слово «*мы*» значило: *пролетариат*. В экономической области мелкая буржуазия, — пока она не перешла на точку зрения пролетариата, — понимает ***демократизм*** совсем не так, как «*мы*» его понимаем. Для *нее* демократизм означает нечто вроде блаженной памяти «*народного производства*», которое так наивно и так нескладно идеализировали г. В. В. и компания. С *этим* демократизмом у нас нет и не может быть ничего общего. Возможно ли для нас впрячься в правительственную колесницу подобного демократизма?

Публицист «Вперед» писал (№ 14), что «бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры, это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден». По этому поводу можно было бы вспомнить французскую поговорку: comparaison n'est pas raison (сравнение — не доказательство). Но сравнение показывает образ мыслей того, кто сравнивает, и с этой стороны оно может даже приобрести значение очень убедительного доказательства. Публицист «Вперед» убежден, что отказ от участия в мелко-буржуазном правительстве означает отказ от революционной демократической диктатуры, а этот последний отказ равносилен для него отказу от республики. Но ведь это именно то, что еще надо доказать. По-моему, наш отказ от участия в «демократической» диктатуре, — от участия, которое на самом деле означало бы

лишь подчинение пролетариата мелко-буржуазным диктаторам, — не только не ослабит силы революционного движения, но в огромной степени увеличит ее и именно потому очень умножит шансы *республики*. Разумеется, со мной можно не согласиться и можно стараться опровергнуть меня. Но для моего опровержения надо придумать что-нибудь более серьезное, чем «Мукден», представляющий собой не более, как petitio principii. Притом же, раз уже пошло на сравнения, можно вместо Мукдена вспомнить матушку Москву. Знатоки военного дела утверждают, что Наполеон мог победить Россию *только в том случае, если бы не поддался нелепому искушению—«войти» в Белокаменную*. А я говорю, что участие наше в столь любезной моему противнику диктатуре было бы именно нашим московским походом.

Наши противники хотят диктатуры «простого и черного народа». Это—социально-политическая категория, которая могла показаться определенной *только народникам*. Мы стремимся к *диктатуре пролетариата*. А пока она невозможна, мы требуем, чтобы партия, представляющая интересы этого революционнейшего в России, как и везде, класса, оставалась в *оппозиции ко всем буржуазным партиям, ко всем хозяевам, хозяйчикам и полухозяйчикам, лишь поддерживая их в той мере, в какой они становятся революционными*.

Газета «Вперед», с которой совершенно согласен мой противник, понимает спорный предмет так, как будто мы можем прийти в противоречие с революционной мелкой буржуазией только в том случае, если мы возьмемся за осуществление нашей «*программы-максимум*». И «Вперед» решительно заявляет, что раз его сторонники попадут во временное правительство, они ограничатся минимальной программой. Но вышеприведенное замечание одного из публицистов той же газеты о «хозяйских коготках» должно было навести наших «диктаторов» на ту весьма простую мысль, что разногласия между нами и мелкими буржуа (ремесла, промышленности и земледелия) неизбежно возникнут *гораздо раньше, чем поднимется вопрос о «конечной цели» социализма*, и что, следовательно, нам невозможно делаться составной частью *их* революционного правительства.

Именно потому, что у *пролетариата* никоим образом не может быть полного единомыслия с *хозяйчиками* и *полухозяйчиками* даже при проведении в жизнь нашей *программы-минимум*, представители рабочего класса, попав в *хозяйское и полухозяйское правительство*, окажутся в том неприятном положении, которое так хорошо описал Энгельс в книге «Der deutsche Bauernkrieg». *Возможное* для них будет зависеть

от степени развития материальных условий существования, отношений производства и обмена, а следовательно и от тех социальных стремлений, которые свойственны хозяйчикам и полухозяйчикам на этой степени развития. А *желательное* и *обязательное* для них будет определяться не этой степенью развития, не хозяйскими и полухозяйскими идеалами, а теми интересами пролетариата, которые представляют они, социал-демократы, и которые не могут быть тождественны с интересами мелкой буржуазии. Перед ними явится неотступная, неразрешимая, губительная дилемма: то, что они будут в состоянии сделать, окажется во многих случаях противоречащим непосредственным интересам пролетариата; то, что они обязаны были бы делать, окажется во многих и многих случаях неисполнимым. «*Кто раз попал в это ложное положение, тот пропал безвозвратно*».

Я сказал: чем более Маркс и Энгельс убеждались в том, что капитализм еще не так близок к своей гибели, как это им казалось в 1848 году, тем менее должно было им казаться допустимым участие пролетариата в мелко-буржуазном правительстве. Мой противник об'являет это замечание неправильным. На самом деле оно совершенно правильно, но *неудобно* для него, для моего противника. Можно высказать как неоспоримое общее правило, что чем более капитализм будет близиться к своему концу, тем более мелкая буржуазия будет склонна перейти на точку зрения пролетариата. А чем более она будет склонна перейти на сторону пролетариата, тем легче будет пролетариату отстоять, в союзе с нею, революционный характер своей собственной программы. Наоборот, чем более далек капитализм от окончательной своей гибели, тем крепче будет мелкая буржуазия держаться своей противоречивой точки зрения; тем решительнее будет она отталкивать от себя точку зрения пролетариата; тем сильнее будет элемент консерватизма даже в той ее революционной программе, которую она выставит в борьбе с феодальными элементами населения. И тем затруднительнее, тем нелепее, тем убийственнее будет положение социал-демократов, которые вздумают войти в ее правительство.

У нас в России капитализм далеко еще не созрел для своей погибели. Поэтому нас, российских социал-демократов, в мелко-буржуазном правительстве не ожидает ничего, кроме разочарования и... пинков. Товарищи, одобряющие идею такого участия, хотят диктатуры мелкой буржуазии и пролетариата; их усилия могли бы привести только к *диктатуре мелкой буржуазии над представителями пролетариата*.

Добиваться этой последней диктатуры может быть тьма охотников, я не из их числа.

Мои противники очень любят пугать свою купчиху некрасивым словом «*хвостизм*», принадлежащим к арсеналу их «жупелов» и «металлов». Я не люблю этого неизящного слова. Но раз уже я упомянул о нем, я скажу, что «хвостизмом» заражены именно они, мои противники: именно они, а не какие-нибудь другие товарищи, предлагают нам играть роль «*хозяйских*» и «*полухозяйских*» *хвостиков* [1]).

[1]) Мой ответ фельетонисту вашей газеты уже набирался, когда я прочитал в ее восьмом номере статью «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры». Эта статья тоже представляет собой историческую справку, будто бы показывающую, что хотя Парижская Коммуна и была, — как называл ее Энгельс, — *диктатурой пролетариата,* но что это не была «настоящая, чистая диктатура пролетариата в смысле чисто социал-демократического состава ее членов и характера ее практических задач». Но дело не в составе членов, хотя Маркс и говорит, что «большинство ее (Коммуны. — *Г. П.)* членов, естественно, состояло из рабочих или из признанных представителей рабочего класса». Дело в том, каково было в тогдашнем Париже отношение мелкой буржуазии к пролетариату, а на это тот же Маркс дает ясный ответ: «Это была первая революция, в которой класс работников был признан, даже огромным большинством парижской буржуазии, — лавочниками, торговцами, купцами, — исключая только крупных капиталистов, за единственный класс, способный к социальной инициативе». Можно ли ждать, что в предстоящей *нам* революции *наш* пролетариат добьется такого признания со стороны *нашей* мелкой буржуазии? По-моему, нет. А по-вашему как, товарищи? Если тоже — *нет,* то ваша «справка» ничего не показывает. А если — да, то прямо и говорите, что приближается такая революция, которая доставит господство пролетариату, поддерживаемому мелкой буржуазией, изверившейся в свои собственные силы, в свою собственную способность к социальной инициативе. Но тогда будьте последовательны и не бойтесь признать, что это будет *социалистическая* революция, которая не только осуществит нашу *программу-минимум,* но и приведет нас к нашей *конечной цели.* Ведь, по Марксу, Парижская Коммуна была именно такой, — *социалистической,* — революцией. Ваш публицист *неправильно, неполно* цитирует Маркса. Он позабыл привести следующие его многозначительные слова: «Да, господа, Коммуна собиралась уничтожить эту классовую собственность, которая трудом большинства создает богатство меньшинства. Она имела целью экспроприацию экспроприаторов. Она хотела сделать из индивидуальной собственности истину, превратив средства производства, землю и капитал, служащие ныне источником эксплоатации и порабощения труда, в простые орудия свободной и ассоциированной работы». Далее Маркс прямо называет *коммунизм* целью Парижской Коммуны. Хороша *«программа-минимум»!* Хороша «демократическая» диктатура! Всякий видит, что тут речь идет именно о нашей *конечной цели.* Когда мы убедимся, что у нас приближается *такая* революция, тогда мы не станем восставать против идеи захвата власти, тогда мы скажем, — как я говорил еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», — «den Teufel halte, wer ihn hält». А пока у нас стоит на очереди *буржуазная* революция, до тех пор толковать нам о таком захвате значит превращаться именно в ублюдков бланкизма и жоресизма. А эта помесь не заключает в себе ровно ничего привлекательного, и не скрасят ее никакие «справки», даже и в том случае, если они будут серьезнее, чем та, которая сделана в № 8 вашего, товарищи, органа.

А если уж стремиться к такой диктатуре, если уж дойти до такого глубокого политического затмения и самозабвения, тогда нечего бояться логики своих собственных желаний, тогда нужно приспособить всю тактику к этой цели, тогда надо уметь поставить точки над i. Мой противник говорит: врозь итти, вместе бить и вместе отбиваться. В сущности для него, как мы уже видели, главное заключается в не вошедших в эту формулу словах: *и вместе заседать в революционном правительстве.* Что ж, господа, заседайте, если у вас есть охота и... возможность сесть, или,—так как заседание-то ведь даже и при охоте, сопровождаемой возможностью сесть, является еще пока делом более или менее вероятного будущего,—проповедуйте идею такого заседания, готовьтесь к нему; но при этом будьте последовательны и скажите себе и другим смело и откровенно:

Вместе заседать, так уж вместе и шествовать.

О, я знаю, что когда вы прочтете эти мои слова, вы возмутитесь ими; вы с раздражением засмеетесь над той последовательностью, которую я вам рекомендую. Но *другой* последовательности для вас нет и не может быть, поэтому-то она одна соответствует истинно-об'ективному смыслу ваших стремлений. И если только эти ваши стремления возьмут верх в нашей партии; если большинство наших российских товарищей усвоит идею вашей буржуазно-пролетарской диктатуры, тогда сделается неизбежным шаг, многим из вас кажущийся теперь ненужным и невозможными.

Вы должны будете *итти вместе с «социалистами-революционерами»,* с тем отрядом российской революционной армии, который теперь уже марширует под знаменем *хозяйско-пролетарской диктатуры.*

Не только согласиться с «социалистами-революционерами» относительно тех или иных революционных действий,—подобное соглашение вполне допустимо и даже необходимо «по нонешному времени», — а именно пойти вместе, в тесном союзе, нога в ногу и плечо с плечом. И тогда «социалисты-революционеры» с торжеством воскликнут:

«Социал-демократия перестала существовать!» И они не солгут... если только ваше место, место людей, изменивших прямой и очевидной обязанности представителей рабочего класса, место ублюдков бланкизма и жоресизма, не займут другие бойцы, марксисты, оставшиеся верными своему революционному долгу.

Но такие люди, к счастью, уже теперь существуют; уже теперь ваша идея, к счастью, встречает в нашей социал-демократической среде сильный отпор. И я твердо верю, что число ее противников будет возрастать с каждым днем. Поэтому я не отчаиваюсь в будущности нашей партии. Она переживает тяжелый кризис; она подвергается большой опасности. Но ее спасет сама логика вещей; ее заставит опомниться *«мерный шаг рабочих батальонов»*...

А пока будем отстаивать то, что каждый из нас считает истиной, пока будем спорить. Но, ведя свои споры, не позабудем своего *достоинства социал-демократов*. Полемика — прекрасное дело. Умный грек недаром говорил, что спор (борьба) есть отец всех вещей. История всемирной литературы может назвать имена замечательных людей, вся литературная деятельность которых была одной беспрерывной полемикой. Но то были большие таланты, большие мастера в обращении с идеями. В полемике хороша и плодотворна именно борьба идей, а в борьбе идей позволительна,—повторяю,—*резкость суждений*, но вполне недозволительна *грубость выражения*. Непозволительно в ней и многое, многое другое. Гегель писал когда-то: «Полемика, складывающаяся из злобных инсинуаций и безвкусных выходок, имеющих притязания на остроумие, слишком жалка,—я не знаю, было ли бы слишком сильно назвать ее паршивой (schäbig zu nennen),—для того, чтобы не отвернуться от нее с отвращением». Если вы, уважаемые товарищи, усвоите себе эту мысль Гегеля, то вы,—я в том уверен,—будете полемизировать с прежней энергией, но... на несколько другой манер и без прежней приправы.

Будьте здоровы.

Ваш *Г. Плеханов.*

Враждующие между собой братья

Es ist kein Zufall und blindes Loos,
Dass die Brüder sich wütend selbst zerstören.
Schiller, Die Braut von Messina, oder die feindlichen Brüder.

Что долго в себе я таю и ношу,
О том я пространно теперь напишу..
А. Толстой, Василий Шибанов (чуть-чуть видоизмененный).

Международный социалистический с'езд, состоявшийся в августе прошлого года в Амстердаме, принял, между прочим, резолюцию, гласящую, что в каждой стране должна быть только *одна социалистическая партия,* подобно тому, как в каждой стране есть только один *пролетариат*. Мы, в лице делегатов нашей партии на с'езде, очень одобряли эту резолюцию; мы рукоплескали ей и... раскололись на две враждебных организации. Тому из читателей, который не встречался лично с товарищами, принадлежащими к социал-демократическим партиям других стран, трудно даже и представить себе, какое тяжелое впечатление произвел наш раскол на международный пролетариат. Люди, самым искренним образом сочувствовавшие нам, марксистам, в наших спорах с социалистами-революционерами, находили междоусобную борьбу в нашей собственной среде не только лишенной всякого серьезного основания, но *прямо преступной*. Некоторые из них признаются, что им приходится теперь *краснеть за российскую социал-демократию*. И пусть не утешают себя российские товарищи той мыслью, что наши западно-европейские братья недостаточно осведомлены о положении у нас дел. Во-первых, они вообще не так плохо знакомы с нашими делами, как это думают многие из нас. А во-вторых, разве же они не правы? Разве же не основательно то резкое осуждение, с каким встретила наш раскол международная социал-демократия? Увы! Про-

тив его основательности возразить ничего невозможно. Мы в самом деле совершили настоящее политическое преступление: мы раскололись в такое время, когда мы обязаны были сплотиться, мы тратили огромную часть своих сил на внутрипартийную распрю в такой момент, когда российский рабочий класс вступал в решительную борьбу с самодержавием, когда он орошал землю целыми потоками своей крови и когда мы обязаны были всеми силами стремиться к нему на помощь. Ход событий был крайне благоприятен для нас; мы не сумели воспользоваться им. Мы имели возможность в огромной степени увеличить свое политическое влияние в стране; мы ослабили его своими междоусобиями. Кто и что причиной всего этого? Упрямство Икса? Индивидуализм Игрека? Неуступчивость Ивана? Распущенность Петра? Разумеется, подобных причин нашего великого партийного несчастья можно, с более или менее сомнительной основательностью, указать не мало. Но стоит ли искать их? Не подаст ли это повода к новым неудовольствиям? И многое ли об'ясняют в жизни партий личные недостатки их отдельных членов? Не определяется ли *сознание бытием,* психология политических деятелей — свойствами того общественного класса, к которому они принадлежат?

Российская социал-демократия называет себя рабочей партией. И это не самозванство с ее стороны. Она, несомненно, — рабочая партия в том смысле, что она стоит на точке зрения интересов рабочего класса и защищает эти интересы, как может и как умеет. Но если бы нас спросили, какую роль играют *рабочие* в ее внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, ответили бы: *почти никакой.* Главным вершителем ее судеб являлась до сих пор так называемая *интеллигенция,* и кто желает понять ее историю, тот должен прежде всего понять, что такое наши «*интеллигенты*».

Интеллигент, это — человек умственного труда, что, конечно, не мешает ему предаваться умственной *лени.* В качестве человека умственного труда он, — поскольку не мешает ему его умственная лень, — легко схватывает общие идеи и охотно распространяет их в окружающей его среде. За эти его свойства его надо признать чрезвычайно полезным, а при известных общественно-политических условиях даже незаменимым «фактором прогресса». Но, — известно, что и на солнце есть пятна, — интеллигентный «фактор прогресса» отличается также и крупными недостатками, в значительной степени ослабляющими значение его достоинств. Чтобы выяснить себе происхождение этих недостатков, — не личных недостатков Икса или Игрека, Петра или Ивана,

а недостатков целого общественного слоя, — полезно вспомнить следующие соображения Шопенгауэра о воспитании.

Шопенгаузер говорит, что наши идеи родятся из наших *восприятий* и что эти вторые должны предшествовать первым. Воспитание идет по этому естественному пути, когда учителем человека является *опыт.* В этом случае человек хорошо знает, на каких восприятиях основывается каждая из его идей, и он умеет правильно прилагать эти идеи ко всему его окружающему. Совершенно другой результат получается, когда его голова наполняется идеями, заимствованными из книг, прежде чем он приобрел опыт. Тогда он не умеет обращаться со своими идеями, он применяет их некстати, судит о вещах и о людях ошибочно, действует невпопад. Вот почему, прибавляет Шопенгауэр, мы встречаем так много ученых, которые совсем лишены здравого смысла, столь обыкновенного у неученых людей [1]). Нам нет здесь никакого дела до ученых, но что касается интеллигенции, то нельзя не признать, что ее общественное воспитание идет по второму из указанных Шопенгауэром путей Интеллигенция легко усваивает себе общие идеи, касающиеся тех отношений, которые существуют в окружающем ее обществе. Но эти идеи не опираются на собственный опыт «интеллигента», и потому они всегда *поверхностны.* «Интеллигентный» человек не принадлежит ни к одному из тех общественных классов, борьбою которых определяется вся внутренняя жизнь общества: он не капиталист, не рабочий, не землевладелец, не мелкий буржуа промышленности или земледелия. Он живет вне этих классов, хотя иногда стоит и близко от них, и если он судит об их положении и об их взаимных отношениях, то судит именно по книгам, а не на основании собственного опыта. Уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы ввести в его суждения и действия весьма значительный элемент ошибки. К этому надо прибавить, правда, что книг интеллигент читает, — вследствие умственной лени, — обыкновенно очень немного и что он тем меньше читает их, — тем больше ленится, — чем больше стремится стать «практиком». Но эта... умеренность в чтении нисколько не уменьшает для него шансов ошибки. Так как его идеи приходят к нему все-таки из книг, а не из опыта, то чем меньше он читает, тем отвлеченнее он рассуждает, т.-е. тем более рискует ошибиться. В нашей революционной среде отвлеченным характером своих суждений отличаются особенно «практики». Эти «практики» — самые отвлеченные существа в мире. Но отвлеченное

[1]) «Parerga und Paralipomena», II. Band, XXVIII, «Ueber die Erziehung».

мышление, это — мышление по тому методу, который у Гегеля, а вслед за Гегелем и у Энгельса, назывался *метафизическим*. Метафизик мыслит по формуле: «да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого». Он не понимает, что отвлеченной истины нет, что истина всегда конкретна, что все зависит от обстоятельств времени и места. Он и на истину смотрит независимо от времени и места, с точки зрения бескровной абстракции. Ему чуждо сознание того, что вследствие перемены обстоятельств истина становится заблуждением, а заблуждение может оказаться истиной. Он знает лишь отвлеченную противоположность между истиной и заблуждением. Поэтому он, как Саладин в «Натане Мудром», очень нетерпелив в искании истины; он хочет, чтобы она была дана в готовом виде, чтобы она находилась налицо, «как будто истина монета». А раз он приобрел некоторый запас истины, раз он положил несколько «монет» в свою голову, он воображает, что завладел всем богатством всего мира, и вы только даром потратите труд и время, если станете доказывать ему, что ценность его духовного имущества очень относительна. Он придает ей абсолютное значение и об'являет ложью все, что выходит из узких рамок добытой им истины. Кому известна история наших революционных идей, — особенно тех, которые относятся к «практике»,—тот знает, что в моих словах нет ни тени преувеличения. Когда на «монете», попавшей в головы «практиков», стоит штемпель: «*пропаганда*», тогда предается анафеме всякое покушение на «агитацию»; когда на монете выбита «агитация», тогда сторонник «*пропаганды*» представляется чуть ли не исчадием ада и так далее и так далее. С нашими «практическими» идеями происходит как раз то, о чем говорит Гёте в стихотворении «Politica»:

Bei einer grossen Wassernot
Rief man zu Hilfe das Feuer;
Da ward sogleich der Himmel rot,
Und nirgend war es geheuer...

Я очень хорошо помню то сравнительно недавнее время, когда мне приходилось доказывать моим товарищам социал-демократам, что без *организации* невозможна никакая серьезная работа. Мне возражали, что отсутствие организации предохраняет от «провалов», а мое несогласие с этим изумительным мнением об'ясняли тем, что я еще не совсем разделался с предрассудками революционеров семидесятых годов. Это время круто сменилось другим, когда организация была у всех на устах, и когда каждый хотел, чтобы план организации был налицо, чтобы

его дали в совершенно законченном виде. «Как деньги прячут в кошелек», так каждый хотел спрятать план организации в свою голову. А когда явился такой план, за него ухватились зубами, и малейшее отступление от него стало представляться ересью, «оппортюнизмом». Таким образом вышло то, что *стремление к организации привело нас к расколу, т.-е. дезорганизовало наши силы.* А между тем, казалось бы, легко понять, что если где вреден узкий дух исключительности, то именно там, где поднимается вопрос о «собирании земли», о «строении партии». Тут ничего не сделаешь по метафизической формуле: «да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого». Организатор необходимо должен быть диалектиком. Это прекрасно понимал великий мастер диалектического мышления, Платон, который видел невыгодную сторону законного порядка вещей в том, что «закон всегда направлен на одно и то же, как упрямый и грубый человек, который не допускает ничего противоположного его распоряжению и не выслушивает рассуждений даже в том случае, если кому-нибудь пришло в голову нечто лучшее, чем установленный им порядок». Наш «закон», наши кружковые и партийные уставы не имеют никакой принудительной силы, а потому они должны отличаться особенной гибкостью; они непременно сделаются источником расколов, если уподобятся «упрямому и грубому человеку». Но у нас упрямство и грубость, не допускающие ничего противоположного своим распоряжениями, сочтены были признаком политической мудрости и выражением твердости духа. Я никогда не забуду впечатления, произведенного на меня разговором с одним молодым «практиком», который принадлежал к так называемому *большинству* и которого я, вскоре после нашего второго с'езда, пытался убедить в том, что интересы нашей партии требуют от нас возможно более быстрого улажения наших недоразумений с так называемым *меньшинством*. Мой молодой товарищ твердо держался того убеждения, что их, — т.-е. «меньшевиков», — *надо гнать в шею,* и какие доводы я ни приводил против целесообразности подобной политики, он тихо, но упрямо повторял: «в шею! в шею!» Извольте организовать что-нибудь при столь... лаконическом образе мыслей!

При таком характере мышления революционная мысль может двигаться вперед только посредством перехода от одной крайности к другой. По этому поводу можно было бы, пожалуй, сказать, что все движение человечества совершается посредством противоположностей. Но иное дело великие исторические противоположности, порождаемые борьбой классовых интересов, а иное дело узкие крайности «интеллигентных» сектантов, порождаемые именно неспособностью этих сектантов стать

на точку зрения какого-нибудь великого общественного класса. Узкая односторонность «интеллигентного» мышления увековечивает наши распри, потому что торжество одного оттенка мыслей, одного кружка, одной секты заключает в самом себе необходимость появления нового оттенка мысли, новой секты, нового кружка, нового раскола. И все эти расколы замедляют наше поступательное движение. Они представляют собой навоз, повышающий урожайность одних только посредственностей.

Само собой разумеется, что, об'ясняя подобные «промахи незрелой мысли», надо принимать во внимание не только общие отличительные свойства данной общественной среды, но также и особенности *данного исторического момента*. В странах, пользующихся благами политической свободы, самый абстрактный «интеллигент» поймет, что невозможно «построить партию» на лаконическом правиле: «тони в шею!» Если многие из наших товарищей в своей «организаторской» деятельности уподоблялись тому щедринскому администратору, который, изыскивая меры к поднятию благосостояния инородцев, населяющих Мамадышский уезд, находил, что одних из оных инородцев надо истребить, а других заточить, и тогда край, несомненно, процветет; если наши *организаторы* проявили преимущественно *дезорганизаторские* способности, то в этом много виновата общая политическая невоспитанность российских человеков. Но в интересующем нас случае особенности исторического момента только придают крайнюю, почти карикатурную, выпуклость тем чертам, которые вообще свойственны «интеллигентам». «Интеллигенты» всегда и везде были склонны к метафизическому мышлению; «интеллигенты» никогда и нигде собственными силами не могли выйти за узкие пределы кружковщины и сектантства. У нас эти недостатки умственного склада «интеллигентного» человека дали себя почувствовать сильнее, чем где-либо, просто потому, что в России интеллигенции дольше, чем где-нибудь, пришлось тянуть свою историческую лямку вне органической связи с теми элементами населения, которые одни только и могли дать ее деятельности прочное общественное основание, т.-е. с «народом».

«Интеллигент» мыслит до крайности отвлеченно. Он *метафизик* до конца ногтей. Это не единственный его грех. Он, кроме того, большой *индивидуалист*. И он останется им, как бы ни увлекался он *социализмом*. Даже когда он идет на смерть за «социальную идею», ему не удается совлечь с себя ветхого Адама. Эта черта его «сознания» стоит в тесной связи с характером его «бытия». Рабочий трудится вместе с себе подобными и борется вместе с ними за лучшие условия существования.

Он чувствует себя силой, сознает себя человеком преимущественно тогда, когда идет в ногу с другими. К рабочему больше всего подходит определение Аристотеля: человек есть общественное животное. К «интеллигенту» оно применимо только с очень большими оговорками. Ему, конечно, тоже нужно общество; но общество нужно ему, как фон, на котором выделяется его «личность», как хор, воспевающий его подвиги. Интеллигенция почти сплошь состоит из микроскопических сверхчеловеков. Ну, а известно, что сверхчеловек — индивидуалист по ремеслу. Это господство индивидуализма в психологии «интеллигента» обусловливается характером его труда и его положением в обществе. «Интеллигент» работает,—когда работает,—«головой», а работа «головой» есть *работа в одиночку*. Исключения, разумеется, бывают и здесь. Но кто не знает, что они очень редки? Когда человек работает в одиночку, то ему другие люди нужны лишь как ценители продуктов его труда, и тут его «коллеги», работники одной с ним специальности, являются не столько его *товарищами,* сколько его *конкурентами*. Его point d'honneur заключается не в том, чтобы поддержать других, а в том, чтобы выдвинуться перед другими. Да и в чем он будет поддерживать своих конкурентов-товарищей? Когда рабочие вступают в борьбу с своим нанимателем за лучшие условия труда, они делают важное историческое дело даже в том случае, когда остаются на точке зрения чистого трэд-юнионизма: об'ективная логика борьбы наемного труда с капиталом ведет к устранению капиталистических отношений производства. И всякий трэд-юнионист смутно сознает величие своего дела. А что изменится, если адвокаты стакнутся между собой для получения со своих «клиентов» более высокого «гонорара»? Что изменится, если врачи станут требовательнее по отношению к своим пациентам? Ничего, кроме доходов адвокатов и медиков. То новое распределение дохода, которое вызвала бы их борьба, не может повести к изменению производственных отношений, т.-е. не может иметь никакого влияния на ту основу, от которой зависит в последнем счете весь общественный строй. Вот почему в борьбе «интеллигентов» за лучшие условия труда, — как ни необходима иногда эта борьба, например, там, где речь идет об оплате труда учителей в низших школах,—не может быть ничего «идеального». И вот почему «интеллигент», когда он склонен к идеальным порывам, борется не за свои, а за чужие интересы, — в настоящее время за интересы рабочего класса. Он об'ясняет этот несомненный факт своим бескорыстием; но на самом деле это об'ясняется тем характером его труда и теми особенностями его общественного положения, которые

сообщают его психологии такие выпуклые черты индивидуализма. Именно то обстоятельство, что он борется не за себя, а за других, дает ему повод с удовольствием оглянуться на себя и сказать, подобно евангельскому фарисею: «Благодарю тебя, господи, за то, что я не похож на мытаря». А раз человек начал с удовольствием оглядываться на себя и наслаждаться сознанием своего превосходства над «мытарями», он не преминет кинуть взор и на своего товарища в деле перехода на точку зрения обиженных и униженных. Он ревниво спросит себя, не уступает ли он своему товарищу в самоотвержении, в энергии, в широте взглядов или в чем-нибудь подобном. Словом, и тут его *товарищ* непременно станет для него *конкурентом*. Психология сверхчеловеков дает себя знать даже там, где они отстаивают великие интересы человечества. Лессинг называл актеров самой щепетильной разновидностью людей в мире. Он был несправедлив к актерам, потому что ему не приходилось встречаться с «профессиональными революционерами» из интеллигентной среды. У этих последних щепетильность доходит до апогея и делает то, что попытка «построить» на них партию столь же утопична, как была бы утопична мысль построить из «сыпучего» песку нечто, подобное Эйфелевой башне.

Раздражительная щепетильность «интеллигента», как проклятие, тяготеет на всей его деятельности: она делает невозможным сколько-нибудь значительное сплочение революционных сил интеллигенции; она чрезвычайно усиливает раздоры, порождаемые узкой односторонностью «интеллигентного» мышления, и если эти раздоры служат навозом, повышающим урожаи влиятельных и самодовольных посредственностей, то они же дают широкий простор маленьким кружковым Макиавелли, практикующим правило: «цель оправдывает средство», и крошечным кружковым честолюбцам, ставящим возвышение своего драгоценного «я» главной целью своей революционной работы. Жалобы на это раздавались у нас с тех самых пор, как началось революционное движение интеллигенции. Покойный В. Смирнов, описывая «занятия» в кружках интеллигенции, уже в самом начале семидесятых годов говорил:

«Чаще всего кружок делается ареною для борьбы наиболее испорченных, наиболее тщеславных и самолюбивых его членов. Желание быть королем хоть в деревне, первым петухом в околотке, на которого любовались бы все соседские куры и которому завидовали бы все соседские петухи, обыкновенно так сильно у таких личностей, что у них не остается даже и бледных воспоминаний о том деле, за которое они взялись. Борющиеся «деятели» с рвением достойным русских земских и думских выборных людей, стараются превзойти друг друга в искусстве подставлять подножки и капканы, в хитрости и сложности «конспираций» друг против друга, в силе и меткости взаимно наносимых ударов. Остальные члены кружка не остаются равнодушными зрителями: они спешат бросить все кружковые занятия, кроме этой борьбы, которая представляет предмет, более доступный их пониманию, и не требует ничего от них, кроме благоприобретенных и унаследованных качеств привилегированного человека со всей глубиной его эгоистического разврата. Кружок делится на два лагеря, из которых каждый числится под покровительством одного из дерущихся петухов и защищает его от всего своего куриного сердца. В общей свалке каждый старается о том, чтобы утопить противников в самых зловонных помоях, каждый старается укусить другого в самое чувствительное место. Дым коромыслом от клевет, сплетен, ругани. Исход таких занятий очевиден: глубоко деморализованный кружок этих смехотворных деятелей распадается на два: эти два в скорости еще на два и т. д.» [1]).

Каждому из нас приходилось, к сожалению, созерцать эту непривлекательную картину, — и не только там, на отдаленнейшей «периферии», в «кружках для занятия с молодежью», — нет, мы наблюдали ее совсем близко от «центров»... Кто следит за ссорой «большинства» с «меньшинством», тот и теперь может видеть ее во всей ее красоте. Шли годы, сменялись события, в России вырос и политически возмужал новый класс населения: пролетариат, бывший еще в пеленках в то время, когда покойный В. Смирнов писал свою статью о «революционерах из привилегированной среды», а характер «интеллигентного» российского человека оставался таким же, как был: горбатого исправит могила.

Наша социал-демократия не имела бы ровно никакой будущности, если бы ее судьба зависела только от интеллигенции. К счастью, она зависит не только от нее. Социал-демократия—*партия рабочей массы*. И тот период ее истории, который она переживала в России (и который характеризуется преобладанием интеллигенции), есть собственно то, что немцы называют Vorgeschichte, предварительная история, а лучше сказать — *доисторический быт*. Конец этому быту, с его бурями в стакане воды и с его взаимным соперничеством сверхчеловеков, придет тогда, когда *социалистическое* движение сделается *массовым*. И такое время уже не за горами, оно уже близится, оно уже наступает

---

[1]) «Вперед», непериодическое обозрение, № 2, 1874 г., отдел первый, стр. 140.

Посмотрите, что происходит на нашей родине: революционное движение рабочей массы уже не укладывается в узкие рамки созданной интеллигенцией партийной организации; эти узкие рамки трещат и ломаются со всех сторон, и «интеллигентные» руководители, еще не далее, как вчера, считавшие рабочих недостаточно зрелыми для вступления в святилище «*комитетов*», начинают сознавать, что старые типы революционных организаций так же мало соответствуют революционным потребностям нынешнего времени, как мало соответствовали бы игрушечные лопаты, грабли и вилы земледельческим нуждам взрослого крестьянина. Теперь сам пролетариат, — правда, пока еще только как бы ощупью, — старается найти подходящие для него организационные формы, ломая сдерживающие его полицейские рогатки и создавая открытые союзы. В этой стороне и лежит широкая область нашего будущего; «интеллигентные» организации, с их «центрами» и «периферией», с их маленькими «героями» и с их игрушечными «толпами», отходят в область отживающего прошлого, и как ни плохо идут подчас дела в этих организациях, как ни сильно терзают один другого враждующие между собой братья, как ни вредит их братоубийственная вражда нашему общему делу, но унывать нам все-таки нет основания. Теперь уже приходит к концу наша Vorgeschichte, кончается наше «накануне» и близится «настоящий день». Теперь уже не долго хозяйничать «интеллигентным» сверхчеловекам, теперь *пролетариат идет*...

Смысл всего сказанного мною не нуждается, я думаю, в дальнейших раз'яснениях; он хорошо выражается словами шиллеровского хора из «Мессинской невесты»: совсем не случайно то, что братья с яростью уничтожают друг друга. Но шиллеровский хор об'ясняет вражду между братьями тем обстоятельством, что прокляты были недра родившей их матери, а у меня дело об'ясняется более прозаично: «интеллигентной» психологией, в свою очередь об'ясняющейся положением и ролью интеллигенции в обществе. Что касается до психологии, то мне могут, пожалуй, сделать следующее возражение.

«Посмотрите на социалистов-революционеров, — скажут мне, — преобладание «интеллигенции» в их среде еще несравненно сильнее, чем в вашей; это партия «интеллигентов» по преимуществу, а между тем о распрях между ними что-то совсем не слышно».

Отвечаю: «социалисты-революционеры» вообще — *консерваторы* по своим взглядам и привычкам. Они лучше нас блюдут правила «древлего» революционного «благочестия», а эти правила запрещали, как известно, выносить сор из революционной избы. Но если сор оставался в избе, то это еще не значит, что его не было. Правда, уже тот факт, что раздоры, по всей вероятности существующие между «социалистами-революционерами», не ведут к расколам, указывает на их сравнительную слабость. Это об'ясняется, по моему мнению, тем, что «социалисты-революционеры» не только консерваторы в революции, но еще и *побежденные* консерваторы. Неприязнь к *новаторам,* сбившим их с их старых позиций «господствовавшей партии», делает их более солидарными между собой. А на нас неприязненное отношение к нам «социалистов-революционеров» не может оказывать такого сдерживающего влияния, потому что мы мало, — *слишком мало,* — считаемся с ними, смотря на них, как на бессильные обломки старины.

И это еще не все. Наши раздоры отчасти питаются тем самым духом новаторства и задором, свойственным всем новаторам, которым отличается социал-демократия в *идейном* отношении. Это может показаться парадоксом, но это так. Чтобы восстать против правил «древлего благочестия», чтобы разрушить мертвую революционную догму, нам нужно было иметь тот особый род мужества и тот особый род задора, которым далеко не всегда обладают даже крайние революционеры: нам нужно было отважиться совершить *революцию в революции.* Эта революция давно уже совершена нами; но своеобразный революционный задор, который был необходим для ее совершения, остался во всей силе. Нам хочется продолжать революцию, хотя продолжать ее при нынешнем нашем положении значит ослаблять свои собственные позиции. Это отражается даже на наших манерах и на нашем обращении с людьми. Многие наши товарищи, особенно из тех, что побойчее, говорят и пишут таким решительным и даже угрожающим тоном, как будто они, по выражению Гоголя, собираются кого-то прибить. Наши нынешние революционеры в революции забывают, что события не повторяются и что тот, кто стремится сыграть во второй раз уже сыгранную *трагедию,* рискует разыграть *фарс.* Мы платимся в этом случае за свои прежние победы. Мы дорого платимся за них; но эта дорогая расплата только подтверждает то, что я сказал выше о психологии интеллигенции и о сверхчеловеках: если бы эта психология была другая, то меньше, несравненно меньше было бы между ними охотников разыгрывать жалкие фарсы из подражания тем, которым суждено было участвовать в великой трагедии.

Но как бы там ни было, а неоспоримо, что с выступлением пролетариата на историческую сцену России исчезнет, — хотя, может быть, и не сразу, — дух «интеллигентной» кружковщины, так сильно мешавший

нам до сих пор пользоваться так благоприятно для нас складывающимися обстоятельствами. Мы имеем полное право надеяться на лучшее будущее. Наша социал-демократия заслуживает строгого осуждения, поскольку ее «интеллигентные» качества вредят революционному делу. Однако, осуждая ее, не надо забывать о том, что составляло ее сильную сторону и что доставило ей господство в революционной среде. Как ни узко, как ни односторонне усвоила она идеи Маркса, но эти великие идеи все-таки дали ей способность *предвидеть события*. «Всякий отдельный человек, — говорит Гегель, — есть слепое звено в цепи абсолютной необходимости, в которой развивается мир. Всякий человек может возвыситься до господства над значительным отрывком этой цепи лишь в том случае, если познает, куда стремится великая необходимость, и с помощью этого познания может высказать волшебные слова, вызывающие ее образ». Наша социал-демократия познала, куда стремилась великая необходимость, в экономическом развитии нашей страны. И если благодаря своей «интеллигентной» природе она не сумела возвыситься до того, возможного для нее, господства над событиями, то все-таки ей удалось высказать *волшебные слова,* которые ручаются за то, что действительность в конце концов не обманет ее ожиданий.

Повторяю, мы имеем полное право надеяться на лучшее будущее. Но мы не имеем права спокойно сложить руки на груди в его ожидании. Ибсен говорит в одном из своих писем: «Я не хочу, чтобы мое платье пачкалось уличной грязью. Я хочу в чистых праздничных одеждах ожидать следующего дня». Для убежденного социал-демократа подобное предпраздничное поведение прямо непозволительно. Он обязан работать, несмотря на грязь кружковых ссор, сплетен и столкновений. Именно — *несмотря,* потому что и *смотреть-то* на них нет никакой надобности. Заниматься ими, это все равно, что *играть пустыми орехами на пустые орехи,* как выразился однажды Шиллер (mit hohlen Nüssen um hohle Nüsse spielen). Серьезному человеку такое препровождение времени не доставит ни малейшего удовольствия. Но ведь можно употребить свое время иначе; можно работать для уменьшения того вреда, который приносится нам склонностью к игре в пустые орехи. Тем более можно, что все расширяющееся и все углубляющееся *движение пролетариата,* наверно, окажет свое оздоровляющее влияние на профессиональных революционеров из привилегированной среды и хоть немножко изменит их нравы. А чтобы успешнее работать в этом направлении, необходимо выяснить себе, что вышло у нас от нашей затеи «*построить*» *из интеллигентного песку Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию.*

Со времени нашего второго с'езда *дезорганизаторская* деятельность российской социал-демократической интеллигенции совершалась, как я уже сказал, под знаменем *организации.* При этом уже скоро после названного с'езда ясно определилось два стремления: одно, которое я назову стремлением к крайней заговорщицкой *централизации;* другое, которое после решений, принятых на так называемой первой общерусской конференции, можно назвать стремлением к крайней *децентрализации.* Именно борьба этих двух стремлений и расколола нашу партию. Теперь у нас есть две организации, каждая из которых своим складом, надо надеяться, вполне соответствует идеалу своих членов. «Большевики» под названием партии образовали организацию заговорщиков, о которой я скажу, как говорил Гегель о вюртембергской конституции: «В конце концев в ней все вертится вокруг одного человека, который ex providentia majorum соединяет в себе все власти». Человек, соединивший в себе все организационные власти, уверяет, что избавил партию от ига «*заграничников*»; на самом же деле именно теперь «партия»,—т.-е. одна из ее частей,—попала под иго *заграничника,* который, — в своем качестве заграничника, — будет несравненно долговечнее всех остальных своих товарищей по Центральному Комитету. Тех рано или поздно арестуют, а он все будет сидеть на своем месте. *Время уйдет, а он не уйдет.* И так как он не уйдет, так как изменять вюртембергскую конституцию вовсе не в его интересах, то ни на какие перемены в ней рассчитывать невозможно. Организация «большевиков» достигла в ней «твердости» *кристаллических пород.*

С другой стороны, так называемые *меньшевики* дали на своей конференции самый полный простор своему беспредельному стремлению к децентрализации. Они отчасти напоминают ту сказочную лягушку-царевну, которая, когда Ивану-царевичу нужно было во что бы то ни стало сшить к следующему утру праздничное платье, взяла дорогую материю, изрезала ее на мелкие кусочки и выкинула за окно, спокойно проговорившись: «Завтра утром все будет готово». Сказка утверждает, что на следующее утро совсем готовое платье в самом деле влетело в окошко. Я не знаю, произойдет ли такое же чудо у «меньшевиков»; боюсь, что— нет, ибо в наше время чудеса редки, а лягушки только квакают и не обладают более никакой волшебной силой. Наши враждебные централизму Иваны-царевичи могут оказаться вовсе без платья. Но первая

половина дела во всяком случае сделана: материя изрезана на куски и выброшена на улицу. Организация меньшевиков дошла теперь до того же децентрализованного состояния, какое свойственно *туманным массам*.

Выходит, что обе так долго воевавшие между собой стороны могут быть довольны. А кто доволен, тому нечего горячиться, и он может спокойно обдумать свои дальнейшие шаги.

Когда-то в Невшателе происходили сильные религиозные споры по вопросу о том, следует ли считать вечными те муки, которые предстоят грешникам на том свете. Между спорившими об этом интересном и важном вопросе особенно выдавалась своею «твердокаменностью» секта, непременно хотевшая, чтобы муки были вечными. Так как Невшатель находился тогда в зависимости от Пруссии, то дело дошло до прусского короля, которым был Фридрих «Великий». Король-философ высказался о нем с полным благоразумием. Он ответил, что хотя он, любя своих подданных, очень желал бы, чтобы их не вечно мучили на том свете, но раз они предпочитают вечные муки, то «qu'à cela ne tienne», (пусть будет по-ихнему), пусть загробные муки их будут вечными. Вот с таким же благоразумием должны, по-моему, относиться к организационным стремлениям враждующих между собой братьев те из нас, которые не принадлежат ни к «меньшевикам», ни к «большевикам». Если «большевики» непременно желают подвергаться вечным мукам ленинского централизма, то пусть подвергаются; если «меньшевики» непременно хотят наслаждаться вечным блаженством мартовской децентрализации, qu'à cela ne tienne: пусть наслаждаются. Но, удовлетворив свои стремления, достигнув своего организационного идеала, каждый из враждующих между собой братьев обязан оглянуться вокруг и спросить себя, какая изо всех революционных организаций, существующих рядом с ним, ближе к нему, чем все остальные. На этот вопрос «меньшевики» не могут не ответить: организация «большевиков», а «большевики» — организация «меньшевиков». А если это так, то обе организации должны подумать о взаимном сближении.

Я говорю именно о *сближении,* а не о *слиянии,* не о восстановлении разрушенного единства. Слияние было бы при настоящих условиях несбыточной мечтой, между тем как сближение, установление *федеративной связи* возможно вопреки всем организационным и даже *тактическим* разногласиям. Между тактическими разногласиями самое большое место занимает, конечно, придуманная редакцией газеты «Вперед» *диктатура,* стремление к которой грозит превратить ленинский ломоть

партии в общество заговорщиков à la Бланки и бланкисты. От социал-демократов, не одобряющих этого вредного стремления, разумеется, нельзя требовать, чтобы они его поддерживали. Но надо надеяться, что не все же свои силы и средства ухлопывают «большевики» на осуществление своего фантастического замысла. Надо думать, что они занимаются также и положительной работой революционной агитации в рабочей массе. На почве этой положительной работы им можно и должно было бы *федерироваться с «меньшевиками»*.

Я знаю, что это не легко; я помню, что

> Es ist kein Zufall und blindes Loos,
> Dass die Brüder sich wüthend selbst zerstören.

Легче верблюду войти в игольное ушко, чем российскому интеллигенту позабыть кружковую «склоку». Как между «большевиками», так и между «меньшевиками» есть «товарищи», которые будут всеми неправдами поддерживать и подогревать существующую вражду между организациями. Но и там, и тут есть люди другого нравственного закала, люди, неравнодушные к нашим партийным несчастьям и с горестью видящие, как низко падают наши акции благодаря расколу. *Эти* люди, единственные, имеющие право называться социал-демократами, должны высказаться громко и повелительно в пользу сближения. Теперь их молчание было бы непозволительной слабостью.

А если их усилия не приведут ни к чему? Если раз'единяющие влияния окажутся сильнее? Ведь это очень возможно ввиду изображенной мной выше психологии «российской социал-демократической рабочей»... интеллигенции. Что тогда?

Тогда останется только один выход: товарищи, не желающие поддерживать, упрочивать и умножать наши раздоры, должны будут стряхнуть «интеллигентский» прах со своих ног и, примкнувши к наиболее сознательным элементам рабочей массы, об'единяться на почве положительной работы, предоставив «большевикам» и «меньшевикам» терзать и грызть друг друга до тех пор, пока от тех и от других не останутся одни хвосты, как от двух дравшихся между собой кошек в известной легенде. Надобно же кому нибудь *спасти честь российской социал-демократии!*

Мелкие заметки

I. «Князь Потемкин Таврический»

Румыния обязалась не выдавать русским властям высадившихся на ее территорию матросов «Потемкина». Я не знаю, исполнит ли она свое обязательство. Наша дипломатия сделает, конечно, все, от нее зависящее, для того, чтобы принудить румынское правительство поступить иначе. Возможно поэтому, что наши моряки-революционеры еще раз привлекут к себе внимание цивилизованного мира. Но что бы ни произошло в будущем, мы можем считать законченным, по крайней мере, первый акт драмы, начавшейся «бунтом» около Тендровского острова. И этот первый акт наводит на серьезные размышления.

Еще совсем не далеко от нас то время, когда русскому правительству приходилось иметь дело с такими противниками, которые,— если не считать нескольких, весьма немногочисленных террористов, — были совершенно *безоружны*. Несколько лет тому назад мне дали прочитать письмо одной студентки, принимавшей участие в одной из петербургских демонстраций. «Казаки хлестали нас нагайками,—писала студентка,—мы кидали в них калошами и муфтами». Легко представить себе, какое впечатление произвели эти муфты и калоши на «славное казачество». Теперь многое изменилось к лучшему. Теперь наши усмирители нередко встречают несравненно более серьзный отпор, потому что теперь «бунтовщики» приносят с собой несравненно более серьезные орудия самозащиты. Но и теперь «друзья порядка» без труда справляются с нашими товарищами благодаря огромнейшему превосходству своей организации и своего оружия. Чем дальше идет русская революция, тем очевиднее становится та истина, что для ее победы над старым порядком нужен переход хоть части войска на сторону народа.

Восстание на броненосце «Потемкин» показало всем и каждому, что мысль о таком переходе не заключает в себе ничего фантастического.

Оно свидетельствует о том, что рабочие и крестьяне, одетые по приказанию начальства в военную,—сухопутную или морскую,—«форму», далеко не так недоступны влиянию великих освободительных идей нашего времени, как это могли думать некоторые недостаточно осведомленные сторонники свободы. Оно дало другим частям войска *хороший* пример, который, наверно, не останется без подражания. И в этом заключается огромное значение восстания на «Князе Потемкине Таврическом». Труден только первый шаг. Честь и слава тем, которые его сделали.

Но именно ввиду огромного значения матросского «бунта», у меня возник неотвязчивый вопрос: принес ли этот «бунт» всю ту пользу нашему делу, которую он мог принести?

Мне думается, что — нет. Разумеется, я не могу говорить об этом с уверенностью, потому что я не моряк и, кроме того, мне известны далеко не все обстоятельства дела. Но как ни сильно я рискую ошибиться, я все же не могу не думать об этом важном деле, а когда я задумываюсь о нем, мне начинает казаться, что наши товарищи-матросы выбрали не совсем правильный образ действий.

Как только «Потемкин» пришел в Одессу, надо было высадить, под прикрытием его пушек, значительную часть его людей на берег и свезти туда же все то холодное и огнестрельное оружие, которое только можно было свезти. Матросы наскоро показали бы рабочим, как надо обращаться с этим оружием, внушили бы им кое-какие понятия о боевой дисциплине, и, разделив их на дружины, стали бы в центре этих дружин в качестве их военных руководителей. Благодаря этому борьба рабочих с царским войском стала бы несравненно успешнее, и кровавые одесские дни составили бы эпоху в истории нашего революционного движения. И какой прекрасный урок был бы дан «храброму казацкому войску»! Долго помнило бы оно его!

Говорят, что восставшие матросы ««Потемкина» сочли необходимым дожидаться прибытия остальной эскадры. Но было ли это необходимо на самом деле? Ведь революционные события не ждут, и случай, упущенный сегодня, крайне редко возвращается по желанию упустивших его революционеров.

Повторяю, у меня слишком мало данных для того, чтобы я позволил себе решительно высказаться обо всем этом. Очень может быть, что способ действий, представляющийся мне наиболее естественным и разумным, на самом деле был совершенно неразумен и неприменим. Но возможно и то, что он оказался неприменным только вследствие

каких-нибудь пробелов в нашей агитационной и организационной деятельности. Все это необходимо выяснить в интересах будущего. Восстание на «Потемкине» есть, как я уже сказал, только первый шаг, за которым не замедлят последовать другие. Надо, чтобы эти другие шаги были более целесообразны; надо, чтобы матросы и солдаты, сбрасывающие с себя ярмо рабского повиновения офицерам, как можно скорее сливались с революционной народной массой. Это — необходимое условие победы.

II. Г-н П.С. и «крайние партии»

В № 73 «Освобождения» г. П. С. старается доказать неосновательность обвинений, выдвигаемых нашими «крайними партиями» против «земцев» по поводу знаменитого свидания 6 июня в Петергофе. Смысл этих обвинений сводится к тому, что г.г. «земцы» боятся выступить на революционный путь в такое время, когда выступление на этот путь безусловно необходимо, потому что ни на какие серьезные уступки со стороны царского правительства рассчитывать невозможно. Г-н П. С. думает не так.

По его мнению, ошибка людей, выдвигающих подобные обвинения, «заключается в слишком упрощенно-оптимистическом понимании русской революции, которую будто бы можно сейчас мобилизовать, кликнув достаточно громко революционный клич. На самом деле, русская революция есть огромное, растущее стихийное движение, в котором, однако, «грозные народные массы» до сих пор еще не пришли в состояние готовности к мобилизации по чьему-либо приказу. Сами социал-демократы,—а с ними вместе и все освободительное общественное мнение, — болезненно испытали это первого мая».

Я не думаю и не думал, что народная масса *уже* пришла в состояние готовности к мобилизации. Не возлагал я никаких преувеличенных упований и на майскую демонстрацию нынешнего года, как читатель может увидеть из моей статьи, напечатанной в «Искре» и написанной именно *накануне первого мая*. Но, тем не менее, меня, признаюсь, довольно «болезненно» поражает ошибка, заключающаяся в рассуждениях г. П. С.

Вопрос заключается не в том, пришла или не пришла народная масса в состояние готовности к мобилизации. Было бы очень хорошо, если бы она *уже находилась в таком состоянии;* но не беда, если она *только приближается к нему* с большей или меньшей быстротой. Весь

вопрос состоит в том, сделали ли наши «земцы» все, от них зависящее, для того, чтобы *ускорить* это ее чрезвычайно важное историческое движение. А на этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно: нет, г.г. «земцы» и вообще наши «либералы» *ничего* не сделали для этого, хотя должны были и могли *очень много сделать*. В этом направлении до сих пор работали только наши «крайние партии». И именно это обстоятельство дает этим последним право смотреть на г.г. «либералов», как на людей, которые еще не созрели для серьезной политической борьбы.

Господа «либералы» как будто и сами начинают сознавать, что «*действовать*» так, как они действовали до сих пор, это значит *бездействовать*. На с'езде городских деятелей в Москве г. Волков заявил, что время политической астрологии прошло и что теперь нужно дело. Но что же предложил с своей стороны решительный г. Волков? Он предложил... составить адрес с изложением конкретных требований. Это называется начать за здравие, а кончить за упокой. «Адрес» — та же астрология. Чтобы добиться свободы, нужно готовиться к бою, а в битве победит не тот, кто составит наиболее забористый адрес, и не тот, кто вооружится наилучшими резолюциями, а тот, кто сумеет опереться на народную массу. Г-н Мануилов говорил на только что упомянутом мною московском с'езде: «Нам сулят свободу, но нас бьют и убивают». Именно так. И чем дальше, тем хуже будет. Силы реакции деятельно организуются для *контр-революции*. Теперь нас бьют и убивают, но все-таки сулят свободу; а потом придет такое время, когда нас будут только бить и убивать, а насчет свободы посоветуют «всякое ныне отложить попечение». Чтобы победить *реакцию*, необходимо прямо и решительно выступить на путь *революционной борьбы*. Какова же первая, самая насущная задача революционеров в *нынешней России? Все та же политическая агитация в массе*. Когда г.г. «либералы» возьмутся за дело такой агитации, тогда, — *и только тогда*, — лишится своего основания, по крайней мере, *часть* тех упреков, которыми ныне осыпают их «крайние партии».

Г-н П. С. продолжает: «Падение самодержавия неизбежно, и оно падет, конечно, в более или менее близком будущем, под напором всех революционных сил, но 6 июня 1905 г. «либерализм» в лице Петрункевича, Родичева и товарищей мог говорить авторитетно и уверенно, только опираясь на то общественное мнение, которое он действительно выражает, которым он владеет и управляет». Что верно, то верно, хотя если вы, г.г. «либералы», будете вести себя так, как вели доныне, то

абсолютизм падет вовсе не вследствие *ваших* усилий. Но почему же «либерализм» не мог, — а он, в самом деле, не мог, — говорить от имени народной массы? Да опять-таки потому, что он *не дал себе труда сблизиться с нею*. И тут нечего ссылаться на «процесс», еще не успевший подготовить массу к политической мобилизации. Ведь «*процесс*»-то этот, господа, *отчасти—вы сами*.

«Вырвав у царя и его приспешников признание за собой права на оппозицию,—говорит г. П. С.,—конституционно-демократическое общественное мнение сможет теперь быстро и прочно расширить сферу своего действия и, сообщив революционное сознание народным массам, превратить русскую революцию из стихийного потока в непреоборимое организованное движение».

Вот как хорошо пойдет дело теперь, когда г.г. «либералы» примутся «сообщать революционное сознание народным массам»! Одно удовольствие! Но скажите, г. П. С., неужели за это необходимое, великое и важное дело г.г. либералы не могли приняться раньше, чем им удалось «вырвать у царя и его приспешников право на оппозицию»? Почему же не могли? Не потому ли, что были склонны к «политической астрологии»? И не доказывает ли это лучше всяких рассуждений, что упреки, делаемые либералам крайними партиями, *совершенно основательны?* А ведь это как раз то, что вы оспариваете [1]).

III. Восьмичасовой рабочий день в английских государственных мастерских

В 1894 году в мастерских военного и морского министерства введен был в Англии восьмичасовой день. Теперь английское правительство опубликовало результаты своего десятилетнего опыта по этой части. Я считаю полезным отметить здесь эти результаты.

[1]) В только что вышедшем № 74 «Освобождения», г. П. С. в заметке: «Рождается нация» приветствует решение московского земского с'езда «*обратиться к народу* и начать освободительную пропаганду и агитацию во всех слоях населения». Это — решение, в самом деле, очень хорошее. Давно бы так! Но если хорошо то, что г. г. земцы обращаются к народу, то плохо то, что они *до сих пор* к нему не обращались. А г. П. С. и тогда их похваливал, и теперь хвалит. Вот что называется реальной политикой, чуждой всяких утопий! «Крайние партии» никогда не поймут преимуществ этой благоразумной и удобной политики.

В указанном году в мастерских *военного* министерства занято было, — главным образом на знаменитом Вуличском заводе, — 18.641 человек. Рабочий день и тогда был сравнительно не очень длинен: рабочее время простиралось до $53^3/_4$ часов в неделю. Сокращение рабочего дня до 8 часов не увеличило *издержек производства* и не уменьшило *общей производительности мастерских*. Рабочие, работавшие преимущественно *поштучно,* продолжали зарабатывать столько же, сколько и прежде, хотя *расценки не изменились*. Повысить заработную плату пришлось только тем рабочим, которые работали *поденно*.

В *морском* министерстве до введения восьмичасового дня работали $50^1/_2$ часов в неделю. Число рабочих доходило здесь до 24.263; они трудились, главным образом, в верфях. Отчет морского министерства показывает, что и в этом ведомстве сокращение рабочего дня не повело за собой увеличения издержек производства, хотя и *здесь расценки не были повышены*. Морское министерство замечает, правда, что одновременно с сокращением рабочего дня им введены были в своих мастерских некоторые усовершенствования *машин* и *сырого материала*. Но кто же помешал бы другим,—*частным,*—предпринимателям делать подобные улучшения в случае введения у них восьмичасового дня?

Этот опыт английского правительства еще раз показывает, до какой степени права международная социал-демократия, утверждающая, что в нынешних цивилизованных странах уже существует полная техническая возможность ввести восьмичасовой рабочий день без уменьшения национального продукта. Но и этот опыт вряд ли помешает буржуазии этих стран оставлять без внимания выставляемое пролетариатом требование «трех весьмерок» (les trois huit) или даже отвечать на него полицейскими преследованиями. Так велика пресловутая склонность г.г. буржуа к «*социальной реформе*».

Женева, август 1905 года.

«ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» № 3

НОЯБРЬ 1905 Г.

Наше положение

Дело политической свободы не сегодня-завтра восторжествует на нашей родине; в этом теперь нельзя уже сомневаться; в этом можно быть уверенным, не греша утопическим оптимизмом, и этой отрадной уверенностью *мы обязаны героическому пролетариату нашей страны.* Те уступки, которые делает теперь правительство так называемому общественному мнению России, представляют собою первую политическую победу российского пролетариата.

Для нас, социал-демократов, в этой победе нет решительно ничего неожиданного. Мы давно уже предвидели, мы давно уже предсказывали ее. Когда в начале семидесятых годов реакция на-голову разбила тогдашнюю революционную партию, знаменитую партию «Народной Воли», и когда противники царизма смущенно спрашивали себя: *«что же теперь делать?»,* мы с непоколебимой уверенностью указывали на пролетариат, как на единственную у нас общественную силу, способную положить конец торжествующей реакции. Программа первой русской социал-демократической группы, группы «Освобождение Труда», гласит, что *низвержение царизма должно быть первым крупным шагом рабочего движения в России.* В духе этой программы я, в одном из первых своих сочинений, говорил, повторяя слова Маркса, сказанные, конечно, по другому поводу, что раз проникнет социал-демократическая мысль в ряды пролетариата, раз начнется рабочее движение в современном, т.-е. *революционном* смысле этого слова, то оно разрушит гнилое здание царизма, как землетрясение разрушает какой-нибудь курятник. И совершенно в таком же духе я сказал на Парижском международном конгрессе 1889 года, что *революционное движение в России восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует.*

Та или другая часть моих товарищей нередко расходилась со мной по поводу того или другого частного вопроса, но по поводу *этой* мысли со мной не расходился никто из русских социал-демократов. Она всегда

составляла основу нашего политического символа веры. И именно по тому, что она составляла основу нашего политического символа веры, нас обвиняли в узости, в догматизме и в бессердечии; нам говорили, что мы избрали слишком медленный путь. Но жизнь шла своим неотвратимым ходом, и не успели еще замолкнуть жестокие обвинения, раздававшиеся против нас, как всем или почти всем,—слепорожденные никогда и нигде не переведутся, — стало очевидно, что если может быть у нас, разноплеменных детей России, надежда на завоевание свободных политических учреждений, то эта надежда должна основываться на росте освободительного движения нашего пролетариата. Теперь эта надежда оправдалась, по крайней мере до некоторой степени. Наш неприятель еще далеко не совсем побежден; но он уже отступает; расстройство уже проникло в его ряды, и поле битвы, — той битвы, за ходом которой с замиранием сердца следил весь цивилизованный мир, — осталось за пролетариатом. Это — огромная политическая победа, это — событие, еще небывалое в истории России.

Но заметьте, читатель, — я надеюсь, что я, «узкий» марксист, имею право прибавить это с законной гордостью, — эта огромная политическая победа является в то же время торжеством нашего теоретического метода, потому что именно этот метод дал нам возможность задолго предвидеть то, что теперь произошло у нас на родине. Товарищи-практики, не пренебрегайте нашей теорией, ибо она есть незаменимое средство практических успехов!

Я сказал, что за ходом битвы нашего пролетариата с царизмом внимательно следил весь цивилизованный мир. Это в самом деле было так, и это было так по двум весьма серьезным причинам. Во-первых, наш царизм, издавна игравший роль всеевропейского жандарма, издавна был ненавистен всем мало-мальски прогрессивным слоям населения в цивилизованных странах. Во-вторых, внимательное отношение к происходившей у нас борьбе поддерживалось еще тем важным обстоятельством, что эта борьба велась именно *пролетариатом*. По прекрасному выражению «Манифеста Коммунистической Партии», пролетариат не может выпрямиться, не может пошевелиться без того, чтобы не затрещала вся возвышающаяся на его спине надстройка. Буржуазия прекрасно это поняла, и потому каждый раз, когда пролетариат разгибает свою согнутую спину, — хотя бы он делал это не для непосредственной борьбы с нею, а для борьбы с теми, чье господство противоречит ее собственным интересам, — она опасается, что он выпрямится слишком сильно. Так было и в настоящем случае.

Для борьбы с царизмом наш пролетариат обратился *ко всеобщей политической стачке*, т.-е. как раз к тому средству борьбы, на которое современный западный пролетариат смотрит, как на самое действительное, — *при настоящих условиях*, — средство своей освободительной борьбы с буржуазией. Всеобщая стачка применялась уже и в Западной Европе: в Бельгии, в Голландии, в Швеции, в Италии. Но в Швеции и в Италии она была применена скорее в смысле демонстрации, чем в смысле решительного нападения, а в Бельгии и в Голландии она дала отрицательные результаты. Правда, в 1893 году бельгийский пролетариат завоевал себе с помощью всеобщей стачки *избирательное право*. Но сами наши бельгийские товарищи признают, что руководимый ими рабочий класс победил тогда, главным образом, благодаря тому, что буржуазия была застигнута врасплох. В 1902 году, когда бельгийские пролетарии, недовольные политической уступкой, которую они получили за девять лет до того от буржуазии, снова прибегли ко всеобщей стачке для завоевания всеобщего и *равного* избирательного права, буржуазия была готова к отпору и сумела удержаться на своей консервативной позиции. Голландская всеобщая стачка 5—10 апреля 1903 года окончилась еще более решительной неудачей. Вот почему всеобщая стачка, которая началась в России по почину московских рабочих, в короткое время раскинувшаяся до нашей западной границы, с одной стороны, и до Сибири и Туркестана — с другой, и принявшая решительно небывалые размеры, эта грандиозная стачка имела значение в высшей степени важного социально-политического опыта. Этот опыт, — опыт борьбы пролетариата с правительством, которое не привыкло уступать и которое имело время подготовиться к отпору, — должен был послужить положительным или отрицательным доводом в споре, происходившем между социал-демократами всего мира по вопросу о всеобщей политической стачке. И чем больше распространялась наша всеобщая стачка, чем больше останавливала она все отправления общественной жизни, чем яснее доказывала она страшную революционную мощь пролетариата, тем сомнительнее покачивала головою даже та часть западно-европейской буржуазии, которая от всей души желала торжества политической свободы в России. А что касается более консервативной части этой буржуазии, то она скоро утратила всякое сочувствие к нашей «анархии». Несколько недель тому назад один из органов этой буржуазии назвал нашу будто бы анархию великим несчастьем для всего цивилизованного мира. И если мы встанем на точку зрения этого органа, то мы должны будем признать, что наша всеобщая стачка в самом деле была большим

несчастьем для консервативной буржуазии. Она воочию показала все колоссальное значение пролетариата в современной общественной жизни и она прибавила новый запас гордой самоуверенности в сердцах пролетариев всех стран. В таких гигантских размерах, как у нас, и с таким блестящим успехом, как в России, всеобщая политическая стачка еще нигде не практиковалась. Самоотверженно борясь с царизмом, российский пролетариат в то же время прокладывал путь для социалистической революции всемирного пролетариата. Вот почему консервативная буржуазия видела несчастье в его возрастающем успехе, и вот почему международный пролетариат приветствовал этот возрастающий успех с таким восторженным сочувствием.

Здесь мне вспоминается один неприятный эпизод, имевший место на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме. Когда сторонники так называемой новой методы в социализме увидели, что знаменитая дрезденская резолюция имеет шансы быть принятой большинством представленных на конгрессе наций, они попытались заранее ослабить вес амстердамского приговора. Наш бельгийский товарищ Ансель воскликнул: «Неужели такие страны, как Россия, Польша, Испания, Болгария и Япония будут указывать путь европейскому пролетариату?»

Мы, представители перечисленных Анселем наций, протестовали против странной его выходки, а на следующий день, когда собиралось Международное Социалистическое Бюро на свое заседание, я, разговаривая с представителями других стран об этом неприятном эпизоде, сказал им: «Движение российского пролетариата уже теперь имеет для европейского прогресса несравненно большее значение, чем те коврига хлеба и те картошки, которыми т. Ансель, в своем увлечении кооперативами, собирается бомбардировать капиталистическое общество».

События последних двух недель показали, что я не ошибался.

Я вспомнил об этом происшествии не затем, чтобы лишний раз напомнить о бестактности, сделанной т. Анселем, хотя бестактность эта заслуживает всякого осуждения. Я вспомнил о ней потому, что нынешнее в высшей степени сочувственное отношение международного пролетариата к рабочему классу нашей страны об'ясняет нам происхождение той психологической почвы, на которой вырастали суждения, подобные вышеприведенному суждению Анселя. Этот товарищ хотел отвести Россию, потому что он не имел понятия о росте российского рабочего движения, а он не имел понятия об этом движении, потому что, благодаря царизму, Россия и все, что в ней совершалось, было

скрыто китайской стеной от глаз цивилизованного мира. На одном из митингов, которые устраивались в Амстердаме во время международного конгресса, я сказал, обращаясь к своим слушателям: «Если бы я стал уверять вас в том, что белые медведи Ледовитого океана основали профессиональный союз для защиты своих интересов, то вы отнеслись бы к этому с меньшим скептицизмом, чем к известию о том, что в России происходит теперь могучее рабочее движение. Вам всем кажется, что рабочее движение в нашей стране совершенно немыслимо, а между тем оно существует, оно растет с каждым днем; в лице своего рабочего класса Россия входит в великую семью цивилизованных народов, и — как знать!—может быть, не далеко то время, когда мы созовем международный социалистический конгресс в Москве или Петербурге». Мои слушатели выразили мне свое одобрение, но я думаю, что немногие из них отнеслись к моим словам с полным доверием. Многие и многие западно-европейские социалисты тогда так же мало верили в российское рабочее движение, как и т. Ансель. Теперь в него верят все: и друзья, и враги, потому что теперь в него нельзя не верить, потому что теперь наш пролетариат перед глазами всего цивилизованного мира обнаружил свою огромную силу, и хотя я еще не знаю, скоро ли нам удастся созвать социалистический конгресс в Петербурге, но я не сомневаюсь, — и никто не может сомневаться в этом,—что в лице нашего пролетариата наша страна в самом деле вошла в семью цивилизованных народов.

Повторяю, события последних дней представляют собою великую победу нашего рабочего класса, и мы имеем вполне законное право радоваться этой победе, так как надломлено, наконец, то ярмо, которое давно уже изранило наши плечи. Но мы не имеем права забывать, мы *обязаны* помнить, что ярмо еще только надломилось и что слуги реакции скоро вырвут из рук пролетариата плоды его первой победы, если за нею не последуют новые и еще более решительные поражения царизма. Еще Лассаль справедливо говорил, что хотя слуги реакции не краснобаи, но умеют стоять на своем. Наша реакционная камарилья теперь растерялась, но ее первый испуг скоро пройдет, и она снова примется ковать козни против свободы. Все мы, все те, которым дороги интересы этой свободы, должны теперь же позаботиться о том, чтобы как можно скорее расширить и навсегда упрочить ее завоевания.

Иллюзии опаснее для нас теперь, чем когда бы то ни было. Мы имеем дело с человеком, который является чем-то вроде хитроумного Улисса царизма. Он завоевал сердце Николая II тем, что отбоярился от уплаты контрибуции японцам. Теперь ему поручили вести дипломати-

ческие переговоры с революцией для того, чтобы довести до минимума ту контрибуцию, которую должен будет заплатить ей наш самодержец. Граф Витте надеется, как видно, на удачу, и он составил недурной план; но русская революция не поддастся на его хитрости, и если Николай II не заплатит ей огромной контрибуции, то разве лишь потому, что убежит за границу. Но такой побег был бы величайшим торжеством революции, потому что он был бы равносилен крушению царского трона.

В чем же состоит план хитроумного графа? Опытный и умный министр сказал всероссийскому самодержцу: «Не бойтесь политической свободы, она не приведет к революции, а предупредит ее, потому что революция — не в интересах общества и потому что, добившись политических прав, общество заключит с нами союз против революционеров». И в этих словах заключается очень большая доля истины.

Наше общество, — т.-е. наша буржуазия, т.-е. наши буржуа в собственном смысле этого слова и наши обуржуазившиеся помещики, эти дворяне в мещанстве, — хочет политической свободы, но не хочет революции, и очень многим пожертвует для того, чтобы избежать ее.

В последнее время, по поводу Государственной Думы, у нас много кричали о какой-то измене буржуазии. Но чему собственно могла изменить буржуазия? Во всяком случае не революции, потому что она никогда не служила революционной идее. Что наша буржуазия не имеет ни малейшего намерения становиться в ряды революционной армии, в этом должны были убедить нас уже теоретические подвиги ее идеологов moderne style, направлявших главные свои умственные усилия на то, чтобы убедить читающую публику в несостоятельности самого понятия: революция. В доказательство достаточно сослаться на русские и немецкие статьи нынешнего редактора «Освобождения», Петра Струве. Правда, этот либеральный мыслитель сокрушал собственно понятие: социалистическая революция. Правда и то, что не всякий враг социалистической революции должен быть врагом всякой революции вообще. Но г. Струве и ему подобные философствующие публицисты так старательно доказывали преимущество мирного развития, они так аккуратно и умеренно критиковали существующий у нас порядок вещей, что сам Плеве, даже в самые мрачные свои минуты, вряд ли относил их к числу революционеров. Наша буржуазия уже достаточно созрела для того, чтобы не уживаться с царизмом. Поэтому смешно было думать, что она удовольствуется булыгинской Думой, оставляющей неприкосновенными решительно все прерогативы царской власти. Но в то же время она боится революции, которая непременно выдвинула бы на первый план нашей исторической сцены пролетариат и крестьянство. Поэтому она с радостью пойдет навстречу тем уступкам, которыми манит ее теперь наш новый граф. С этой стороны весь вопрос заключается в том, в какой мере г. Витте в состоянии будет выполнить данные им обещания. А на этот вопрос их превосходительства генерал Трепов в Петербурге и генерал Каульбарс в Одессе отвечают очень недвусмысленно: мы сделаем все, от нас зависящее, для того, чтобы он не смог выполнить их. В самом деле, что означает эта странная двойственность: г. Витте дарит нам «все свободы» [1]), а г.г. Трепов и Каульбарс,—да и не только Трепов и Каульбарс, а первый встречный пристав, первый встречный казацкий есаул,—расстреливают манифестантов и нападают на «жидов» без всякого повода? Эта двойственность означает то, что влияние Витте далеко не всемогуще, что оно в значительной степени ослабляется влиянием реакционной придворной клики. Но чем более ослабляется влияние г. Витте, тем больше уменьшаются шансы осуществления его хитроумного плана. Чтобы буржуазия заключила мир с Николаем II, необходимо, чтобы наш *политический* порядок хоть отчасти, хоть наполовину был приведен в соответствие с нашими *экономическими* отношениями, которые характеризуются господством *капитала*. Капитал — оппортюнист по самому существу своему. Он ни копейки не истратит для торжества идеи; он презирает даже своих собственных идеологов, — и их-то, может быть, больше, чем всех других, — но он хорошо понимает свои собственные выгоды, он очень хорошо знает, что царское самодержавие стоит теперь поперек дороги всему экономическому развитию России и тем противоречит самым важным его экономическим интересам. Поэтому он не может не добиваться политических прав, и пока г.г. Треповы будут мешать осуществлению плана г. Витте, до тех пор наша буржуазия останется недовольной. Это надо помнить нам в своей тактике. Политическое недовольство нашей буржуазии в высшей степени выгодно для дела российской революции, и мы сделали бы огромную ошибку, если бы не использовали его целиком.

Конечно, по поводу этого моего заключения меня самого можно упрекнуть в оппортюнизме и на меня можно обрушиться с целым ворохом революционных фраз. Но не всякий тот, кто говорит: «господи, господи», внидет в царствие небесное, и не всякий тот, кто кричит: «революция, революция!», оказывает услугу революционному делу.

[1]) Выражение газеты «Matin»

В семидесятых годах Энгельс, разбирая одно воззвание французских бланкистов, настойчиво предостерегал своих последователей от увлечения революционной фразой, изображая подобное увлечение достойным одних только анархистов, которые по части революционной фразеологии давно уже совершили, — заметил он, — все человечески возможное. В настоящую минуту, в момент первого опьянения нашей первой большой победой, нам особенно следует помнить это едкое замечание нашего учителя. Социал-демократу стыдно поддаваться революционной фразе. Социал-демократ стоит на точке зрения материалистического об'яснения истории.

С точки зрения материалистического об'яснения истории ход и исход всякой данной политической борьбы определяется соотношением общественных сил, в свою очередь основывающемся на соотношении общественно-классовых интересов.

Соотношение интересов мы прежде всего должны иметь в виду.

Если оно таково, что, пользуясь им, мы способствуем *раз'единению* тех общественных сил, которые могли бы *об'единиться* для борьбы с нами, то мы исполняем свою прямую обязанность революционеров, и кто вздумает обвинить нас в «политиканстве», тот докажет только, что он совсем не проникся духом нашего учения.

Salus revolutiae — suprema lex, говорил я на втором с'езде нашей партии. Salus revolutiae — suprema lex, повторяю я теперь ввиду того, что происходит в России. А для успеха революции нам нужно уметь воспользоваться всем тем неудовольствием, которое будет вызываться в среде буржуазии реакционными происками придворной камарильи, реакционными зверствами треповской компании. Чем лучше воспользуемся мы этими происками, тем более помешаем мы осуществлению хитрого плана г. Витте и тем труднее будет почтенному графу отвертеться от уплаты контрибуции свободе.

Очень возможно, что мои слова удивят некоторых, пожалуй даже многих, моих товарищей. По вопросу об отношении к либеральной буржуазии у нас распространен теперь тот странный взгляд, что это отношение должно быть безусловно и во всяком случае отрицательным. Но это большая ошибка, которую полезно отметить здесь же. Основатели научного социализма, — Маркс и Энгельс, — никогда не одобряли такого отношения. За это ручается та страница «Манифеста Коммунистической Партии», где они клеймят неуместные выходки тогдашних «истинных» немецких социалистов против либеральной немецкой буржуазии. Эта страница имеет такую огромную важность с точки зрения

тактики, что в настоящее время нашим товарищам следовало бы выучить ее наизусть.

«Борьба немецкой и особенно прусской буржуазии против феодалов и королевского абсолютизма, — словом, либеральное движение, говорят авторы Манифеста, — приняла более значительные размеры.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству и проповедывать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует потерять все. Немецкий социализм весьма кстати забывал о том, что французская критика, неразумным отголоском которой он явился, имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т.-е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии».

У нас теперь речь идет именно о том, чтобы завоевать те общественные условия, за которые боролась Германия во время появления «Манифеста Коммунистической Партии», и мы должны избежать ошибки, сделанной в то время «истинными» немецкими социалистами, так жестоко осмеянными Марксом и Энгельсом.

Правда, мы поступаем не совсем так, как они. Мы не проклинаем буржуазной свободы; мы уже поняли, что буржуазная свобода необходима для дальнейшего развития рабочего движения. Но мы еще не поняли, что если буржуазная свобода необходима для дальнейшего развития рабочего движения, то либеральная оппозиция необходима для завоевания буржуазной свободы. Поэтому мы пользуемся каждым удобным и даже, что гораздо хуже, каждым неудобным случаем для того, чтобы проклясть либералов. Мы называем это *противопоставлять себя буржуазии*. Но ведь и немецкие истинные социалисты противопоставили себя буржуазии, однако Маркс и Энгельс увидели себя вынужденными резко осудить принятый ими способ противопоставления. Почему же увидели? По той простой причине, что тот способ противопоставления, который практиковался «истинными» немецкими социалистами, вредил делу завоевания буржуазной политической свободы: «Немецким абсолютным правительствам, со всей их свитой попов, школьных учителей, помещиков и бюрократов, он служит очень удобным пугалом против угрожающе выступившей буржуазии».

«Если «истинный» социализм стал, таким образом, в руках правительства оружием против немецкой буржуазии, то он служит в то же время непосредственным выражением реакционных интересов *мелкого немецкого мещанства*».

Ясно, что в глазах Маркса и Энгельса хорошо было *только* такое противопоставление социализма либерализму, которое не укрепляло позиции немецких абсолютных правительств со всей их консервативной и реакционной свитой. А можем ли мы утверждать, что *наш* способ противопоставлять себя буржуазии никогда не страдает таким непростительным недостатком? К сожалению, мы не можем утверждать это. Вот наглядный пример.

Один из наших комитетов, — читатель понимает, конечно, что называть его нельзя, да и не нужно, — один из наших комитетов в письме ко мне так изображает печальное положение дел в том захолустьи, где ему пришлось действовать.

«Вы, конечно, хорошо знаете, как тяжела теперь в провинциях обстановка, при которой приходится работать нам, социал-демократам. Разнузданная реакция всеми средствами стремится искоренить «крамольный дух», проникший во все уголки России. Атмосфера отравлена хулиганством, погромами, ложью, распространяемой продажной прессой. Организованная «черная сотня» буквально терроризирует население. Хуже всего, разумеется, в местностях, подобных нашей, где нет пролетариата крупно-промышленных предприятий, а приходится вести работу среди ремесленников — подмастерьев и рабочих в портах. Тут уже и психология не та, да и удаленность от крупных центров заставляет пульс жизни биться медленнее. При таких условиях постановка агитации представляет значительные трудности... Приходится со стороны наблюдать, как слова: «долой самодержавие!», вызывают взрыв ярости у пролетариев, как листки рвут, не читая. Хуже того: социал-демократия в глазах многих и многих рабочих, это — партия политическая, но ничего общего не имеющая с интересами рабочего класса».

Такое положение дел, без сомнения, очень печально, и надо употребить все усилия для того, чтобы его улучшить. Но как вы думаете, что сделали наши местные товарищи для того, чтобы сообщить местному рабочему населению правильный взгляд на нашу партию? Бьюсь об заклад, что вы никогда не отгадаете. Слушайте же! Они воспользовались некоторыми зацепками, которые были у них в местной печати, и открыли энергичную кампанию против...либералов. Не правда ли, это было

как нельзя более целесообразно? Уронив либералов в глазах местного рабочего населения, наши товарищи, вероятно, без боязни могут кричать теперь «долой самодержавие!»

Товарищи, придумавшие этот удивительно целесообразный способ действий, вполне уподобились блаженной памяти истинным социалистам Германии, и к ним вполне применима данная в «Манифесте Коммунистической Партии» характеристика этих последних. Я тем более считаю себя обязанным громко высказать это свое убеждение, что указанные товарищи самым некорректным образом припутали мое имя к своей литературной кампании.

Народовольцы, которые были крайне энергичными революционерами, старались убедить наше общество в том, что «при современной постановке партийных задач» интересы либералов сходятся с интересами революционного движения [1]). Им очень нелегко было это сделать, потому что их постановка партийных задач решительно противоречила этому утверждению; ведь, по их мнению, от революции, низвергающей наш царизм, следовало «*ждать*» (известное выражение их тогдашнего «теоретика», г. Л. Тихомирова) *начала социалистической организации России*. Нечего и говорить о том, что такая «организация» была совсем не в интересах либералов. Правда, либералы все-таки до известной степени сочувствовали «народовольцам», но это происходило единственно потому, что народовольческие пророчества насчет социалистической организации казались им детской утопией, не грозящей никакими серьезными опасностями *буржуазному экономическому строю,* на пользу которого должно было послужить крушение нашего старого политического порядка. А поскольку либералы брали *всерьез* народовольческую программу, постольку они должны были приходить к тому убеждению, что их интересы самым существенным образом расходятся с интересами революционеров. Не так обстоит дело с нашей программой. Никто из нас не «ждет», что революция, начинающаяся теперь в России, будет *социалистической*. Поэтому нам легче осуществить то, к чему стремились народовольцы, движимые верным революционным инстинктом, правильным пониманием нужд революционного движения.

На это в высшей степени важное обстоятельство я указывал еще в 1901 году в статье «Что же дальше?», напечатанной во 2 — 3 книжке

---

[1]) См. записку «Подготовительная работа партии», напечатанную в «Календаре Народной Воли».

«Зари» с согласия и с одобрения *всей* нашей тогдашней редакционной коллегии [1]).

«С точки зрения современного научного социализма, — говорил я там, — всякие толки о *социалистическом перевороте,* как о *ближайшей цели* революционного движения в России, представляются вполне и безусловно неосновательными. Ближайшей целью революционного движения является *низвержение абсолютизма,* которое, обеспечив русскому пролетариату политические права и политическую свободу, даст ему широкую возможность расти и зреть, развиваться и организоваться для *социалистической революции. Торжество социализма* не может совпасть с крушением абсолютизма. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени. И именно потому, что они будут отделены один от другого во времени, *социал-демократы,* в своей непримиримой борьбе с абсолютизмом, могут с полным правом и нимало не противореча себе указывать всем, кому надлежит знать и понимать это, что их *интересы в настоящее время совпадают с интересами свободомыслящей части нашего общества*».

«Либеральное общество, — продолжал я в той же статье, — если только оно действительно созрело для понимания того соотношения политических сил, которое существует в нашем отечестве, не может требовать от нас отказа от нашей конечной цели, потому что такой отказ принес бы глубокий вред освободительному движению. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что будимое и развиваемое нами классовое самосознание рабочих представляет собою теперь вернейшее средство создания революционной силы в русском народе и надежнейший залог политического освобождения России. Оно должно понять и отчасти уже поняло, что каждый новый успех социал-демократической агитации в рабочем классе будет равносилен новому поражению царизма. Оно должно понять и, вероятно, отчасти уже поняло, что завоевание политической свободы принесло бы ему гораздо больше *непосредственной* пользы, чем рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы. Наша *конечная цель* не оттолкнет от нас передовых элементов нашего общества, если только мы сумеем хорошенько уяснить ему свою ближайшую *политическую задачу*. Явившись выручать студентов, атакованных полицией, рабочие очень облегчили

[1]) Статья эта была перепечатана в тайной типографии одного из местных российских комитетов. [Сочинения, т. XII.]

нашему обществу правильное понимание этой нашей задачи [1]). Мы должны воспользоваться этим обстоятельством. Теперь нас хорошо поняли, может быть, только *некоторые*. Сделаем так, чтобы нас поняли *все*. Тогда нам, наверно, будут сочувствовать *многие*».

Если теперь, по прошествии нескольких лет после того, как были написаны эти строки, мы спросим себя, многие ли сочувствуют социал-демократии в нашем либеральном обществе, то мы вынуждены будем ответить отрицательно: *нет, не очень* многие. Почему так?

На это есть две причины.

Во-первых, инстинкт либералов и буржуазных демократов, неизбежно вызывающий в них желание подчинить пролетариат своему собственному влиянию, заставляет их недоброжелательно относиться к социал-демократам, являющимся естественными выразителями революционных стремлений пролетариата.

Нередко мы видим, что именно наиболее сознательные представители либерализма и *буржуазной* демократии наиболее недоброжелательно относятся к демократии *социальной*. Здесь можно сказать, что *классовый предрассудок* ослепляет этих людей и мешает им следовать указаниям правильного *политического расчета*. И как ни печально это явление, но мы не можем устранить его по той простой причине, что мы не можем покинуть социал-демократическую точку зрения. Скажу больше. С этой стороны нам и невозможно подходить к его устранению, потому что это именно та сторона, с которой мы не можем не противопоставлять себя буржуазии, с которой мы должны противопоставлять себя ей под страхом постыдной измены самим себе. Когда представители буржуазии стремятся наложить печать своих воззрений на воззрения рабочих, мы должны разоблачать антипролетарский и антиреволюционный характер социальной и политической идеологии буржуазии. В этом смысле я, в резолюции, предложенной мною второму с'езду нашей партии и принятой им, рекомендовал нашим товарищам разоблачать перед пролетариатом истинный характер пропаганды г. П. Струве. Но для того, чтобы противопоставить себя буржуазии с этой стороны, надо развивать все вообще миросозерцание рабочего; надо излагать перед ним главнейшие положения нашей теории, — словом, надо пускаться в такую область, в которую наши практики вообще пускаются весьма неохотно. Мы сами еще плохо усвоили себе основные положения нашей

[1]) Речь идет о событиях 11 (24) февраля 1901 г. в Москве, где рабочие осаждали манеж, желая выручить запертых в нем студентов.

теории; мы сами еще не умеем противопоставлять свою идеологию идеологии буржуазии. Доказательство налицо: в нашей среде до сих пор подвизается, — принимая на себя самый революционный вид, — новая порода «критиков» Маркса: так называемые *эмпириомонисты*. Если бы слова: «противопоставление себя буржуазии» понимались нами в их серьезном значении, то это было бы совершенно немыслимо. Но в том-то и дело, что эти слова понимаются нами в высшей степени поверхностно. Потому и происходит то совершенно непонятное на первый взгляд явление, что наши товарищи, громче всех вопиющие против оппортюнизма, заключают практический союз с этими критиками Маркса, т.-е. сами оказываются вредными оппортюнистами. И потому же, что мы крайне поверхностно понимаем слова: «противопоставление себя буржуазии», мы отталкиваем от себя наших либералов и наших демократов там, где в интересах дела нам следовало бы привлекать их к себе.

Говоря это, я отмечаю вторую из тех причин, которые мешают либеральной и демократической буржуазии проникнуться сочувствием к нам, социал-демократам.

Вышеприведенный мною пример одного из наших захолустных комитетов показывает, что мы, в своем стремлении разбудить политическую мысль нашего рабочего класса, далеко не всегда поступаем разумно и тактично. Обрушиться на либералов с целью поправить то печальное положение дел, благодаря которому рабочий готов разорвать человека, позволяющего себе кричать: «долой самодержавие!», это значит попасть, по народному выражению, *мимо Сидора в стену*. Ненавидящий буржуазию пролетариат еще далеко не всегда выступает врагом абсолютизма. Это, как видно, лучше нас понимает г. Витте, который в своем известном разговоре с железнодорожными рабочими и служащими старался натравить их на либеральную буржуазию. Сколько раз мы, по своей политической бестактности, попадали в стену мимо ненавистного нам «Сидора»! Но едва ли не самым выдающимся проявлением изумительной нашей ловкости может считаться тот факт, что наши представители покинули второй с'езд всероссийского союза железнодорожных рабочих, происходивший в Москве с 23 по 25 июля нынешнего года. Покинув этот с'езд из-за вопроса об отдельных представительных собраниях для окраин, российские социал-демократы, — «меньшевики» действовали в этом случае согласно с «большевиками», — достигли прямо противоположного тому, чего они хотели избежать: они увеличили влияние буржуазной демократии на рабочий

класс. Надо надеяться, что во время недавней железнодорожной стачки они поняли свою ошибку и очень пожалели о ней [1]).

Так называемый некоторыми третий с'езд нашей партии, — на самом деле с'езд *одной части* этой партии, — принял следующую резолюцию «об отношении к либералам»:

«Принимая в соображение:

«а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

«б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,

«III с'езд РСДРП настоятельно рекомендует товарищам:

«1) раз'яснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

«2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его».

Что мы всеми силами, — но, конечно, употребляя в дело корректные приемы, — должны восставать против всяких попыток крупной или мелкой буржуазии подчинить пролетариат своему влиянию, это не подлежит и не может подлежать ни малейшему сомнению; мы не были бы социалистами, если бы мы думали иначе. Если я осудил наших московских товарищей, покинувших июльский железнодорожный с'езд, то

[1]) Когда я сделал этот упрек нашим товарищам на собрании русской колонии в Берне, то бундист Т. попытался поймать меня на противоречии. «Вы признаете право окраин на отдельное представительство, — сказал он, — потому что вы признаете самоопределение наций. А между тем вы против стремления Бунда поддержать культурную автономию евреев». Недостаток времени не позволил мне подробно ответить т. Т — ну. Этот товарищ признает право наций на самоопределение. А между тем он против сионизма, который является одним из видов самоопределения. Это *противоречие*, из которого необходимо выпутаться т. Т — ну, прежде чем обвинять меня в противоречии!

именно потому, что их мнимая непримиримость должна была расчистить путь для влияния радикальной буржуазии на рабочих. Но правильность этого вывода не исправляет односторонности того вывода, который ему предшествует в резолюции.

Ясный смысл предшествующего вывода тот, что *все* буржуазно-демократическое «направление» имеет антиреволюционный и антипролетарский характер. Но если это так, то почему же мы должны *приветствовать,* — как это говорит та же резолюция выше, — пробуждение политического сознания русской буржуазии? И почему мы должны *поддерживать* эту буржуазию? Правда, поддерживать ее резолюция рекомендует нам лишь в той мере, в какой она является революционной. Но ведь даже революционное движение буржуазии не может не быть антипролетарским, а следовательно, и антиреволюционным в том смысле, какой имеют эти слова в резолюции. Ведь не может же *буржуазное* революционное движение стать *пролетарским* революционным движением. Значит, одно из двух: или мы, — *вопреки «Манифесту Коммунистической Партии»,* — вообще не должны поддерживать революционную «или только оппозиционную буржуазию», или же мы должны поддерживать ее, *несмотря* на ее антипролетарский и антиреволюционный характер. Где же истина? Во всяком случае не в разбираемой мною резолюции, потому что эта последняя, — повторяя заученные, но плохо переваренные ее авторами фразы, — только запутывает дело.

Мне могут сказать, что резолюция, предложенная мною второму с'езду и принятая им, похожа на резолюцию, принятую так называемым третьим с'ездом и неодобряемую мною. Внешнее сходство действительно есть, но только внешнее. Моя резолюция *не имела общего характера;* она не давала общей «директивы»; она направлялась специально против г. П. Струве, который еще недавно фигурировал в качестве *марксиста* и буржуазная проповедь которого могла быть принята некоторыми неопытными пролетариями за проповедь умеренного социал-демократического направления[1]).Притом же моя резолюция дополнялась резолюцией Старовера, которую так называемый третий с'езд просто-напросто «отменил».

Чтобы найти истину, возьмем наглядный пример.

В № 10637 «Нового Времени» (от 14/27 октября 1905 г.) я нашел следующую телеграмму:

---

[1]) Моя резолюция была не более, как эпилогом к моим статьям в «Заре», направленным против г. П. Струве.

Саратов, 13 октября (СПА). Подробности вчерашнего инцидента. Вчера при возвращении с митинга, бывшего за городом, произошло столкновение между казаками и толпой. Выстрелами из толпы ранены две лошади. При этом арестовано двести человек, отправленных во вторую часть, из них 170 человек были сейчас же освобождены, но при выходе из части подвергались на дворе и на улице избиению со стороны казаков. Когда Дума в полном составе явилась во вторую часть, там оказалось только тридцать человек арестованных, которые показали, что их не били, но избивали освобождаемых. Полицеймейстер обещал дать Думе список освобожденных для расследования. Вернувшись в заседание, Дума постановила: 1) избрать комиссию для расследования этого печального случая, 2) возбудить ходатайство о немедленном удалении казаков из Саратова, как способствующих вызову беспорядков, 3) прекратить квартирное довольствие казаков от города, 4) обратиться с телеграфным запросом, почему в Саратове не разрешают собраний в городе, когда повсеместно таковые устраиваются и 5) избрать комитет для заведывания всеми делами, вытекающими из настоящего положения. В комитет вошли все гласные».

Я спрашиваю, какой характер имеют перечисленные здесь действия саратовской Думы? Можно ли назвать их антиреволюционными и антипролетарскими? И должны ли мы поддерживать подобные действия?

Очевидно, что в этих действиях Думы не было ничего антиреволюционного и антипролетарского. Напротив, действия эти были полезны революционному пролетариату. Стало быть, мы обязаны, в интересах собственного дела, не *только поддерживать,* но по возможности *вызывать* подобные действия. Это ясно.

Но, с другой стороны, эти действия саратовской Думы вовсе еще не показывают, что она стоит на пролетарской или хотя бы только на революционной точке зрения. Это тоже ясно. Это тоже не нуждается в доказательствах. Либерализм саратовской Думы до сих пор отличался такой преувеличенной скромностью, что очень походил на консерватизм. И ее настроение уже наверное было *антипролетарским.* Но это обстоятельство не помешало ей предпринять ряд таких действий, которые были полезны революционному пролетариату и которые мы обязаны были поддерживать всеми зависевшими от нас средствами.

Из этого следует тот неоспоримый и очень важный для нашей практической деятельности вывод, что, *несмотря на свою антипролетарскую и антиреволюционную точку зрения, либеральная буржуазия может, своей оппозицией правительству, принести пользу революционному про-*

летариату и что, вследствие этого, мы поступили бы вопреки прямому и очевидному интересу революции, если бы раз навсегда повернулись спиной к этой буржуазии, сказав себе и другим, что от нее решительно нечего ждать теперь для дела свободы.

На днях, на одном собрании, мне сделали, в виде вопроса, следующее возражение: но кто же за кем должен итти: буржуазия за пролетариатом, или пролетариат за буржуазией?

Лицо, сделавшее мне это возражение, показало, что оно не имеет ни малейшего понятия о научном социализме.

Если бы мы сказали пролетариату: «иди за буржуазией», то мы этим подписали бы смертный приговор социал-демократии. Социал-демократия может существовать только тогда, когда пролетариат не желает итти за буржуазией.

Если бы мы сказали буржуазии: «иди за пролетариатом», то наш голос, наверно, остался бы голосом человека, вопиющего в пустыне, и притом такого человека, который вопиет, как говорится, зря, т.-е. без всякого толку. Буржуазия не может пойти за пролетариатом, не подписав самой себе смертного приговора, на что у нее, разумеется, нет и не может быть ни малейшего желания.

Вместо того, чтобы убивать самих себя или приглашать к самоубийству буржуазию, мы должны выяснять и напоминать этой последней, что она сама заинтересована в падении абсолютизма и что поэтому она должна поддерживать революционные усилия пролетариата, поскольку они направляются против существующего у нас политического порядка.

Как это сделать?

Потрудитесь вдуматься в смысл следующего воззвания, напечатанного в № 2 «Известий Совета Рабочих Депутатов».

«Ко всем хозяевам торговых и промышленных заведений.

«Вся Россия бастует. Забастовали адвокаты, врачи, чиновники, банковые служащие, семинаристы, гимназисты. Вся Россия бастует. Она бастует против самодержавия, против бюрократии, против рабства, в котором так долго царь и шайка придворных держали русский народ Теперь настает час расплаты. Народ освобождается от векового ига. Хозяева! И на вас самодержавный царь не раз накладывал свою тяжелую лапу. Вас грабила полиция, разорял несправедливый суд, обдирали высшие чиновники. Хозяева! Если вы хотите лучшей жизни, если вы хотите перестать быть рабами и сделаться людьми и гражданами, вы должны присоединиться к всеобщей всероссийской забастовке. Лучше немного потерпеть, чем всю жизнь терпеть гнет и унижение. Поддерживайте же

борцов за свободу и счастье всего народа, присоединяйтесь к нам, закрывайте фабрики, заводы, магазины и все торгово-промышленные заведения.

«Если вы не согласитесь на это, вы пойдете против всего народа и тогда вас не защитит никакая полиция, никакие войска. Самодержавие, которое не могло спасти себя, не спасет и вас от народной мести. Забастовка должна быть всеобщей во что бы то ни стало, поэтому общий рабочий совет постановил потребовать от вас немедленного закрытия всех торгово-промышленных заведений. Если вы не исполните этого требования, ваши магазины будут разбиты, ваши машины уничтожены.

«Закрывайте же фабрики, заводы, магазины. Закрывайте немедленно, закрывайте, пока не поздно, пока вы не сделались жертвами народного гнева».

Здесь есть угроза, об уместности которой я в данном случае судить не берусь. Может быть, и нельзя было обойтись без нее. Но несомненно, что в общем лучше мстить, чем грозить местью, которой что-нибудь может ведь и помешать. Но напоминание о тяжелой лапе самодержавия и о полицейских грабежах, указание на то, что победа пролетариата сделает людьми и гражданами самих хозяев, должны быть признаны вполне уместными и удачными. Я думаю, что это напоминание и это указание не прошли без следа. Именно в таком тоне мы должны говорить с буржуазией, если не хотим уподобиться «истинным» германским социалистам, так некстати вздумавшим «проклинать» буржуазию.

Такой тон нужен нам особенно теперь, когда организованные полицией систематические и колоссальные разбои в свою очередь напомнили нашим либералам, что царским слугам верить нельзя и что даже те жалкие уступки, которые делает Витте, завтра же могут быть взяты назад Треповым или любым другим сторонником ничем не прикрытого самодержавия.

В этом смысле колоссальные полицейские разбои-«погромы» сильно повредили плану Витте, а вместе с ним и интересам царствующей у нас династии. Нам надо воспользоваться этой гнусной ошибкой реакционной камарильи, а не поправлять ее бестактными выходками против либеральной буржуазии.

У нас много говорят теперь о вооруженном восстании. Но для успеха вооруженного восстания необходимо то, что на языке предержащих властей называется деморализацией войска. А чтобы «деморализовать» войско, необходимо иметь хоть часть офицеров на своей стороне. А чтобы иметь их на своей стороне, необходимо, чтобы вооруженному

восстанию сочувствовало «общество», к которому принадлежат также и офицеры. Вот почему *всякая бестактная,* — а следовательно и ненужная,—*выходка, уменьшающая сочувствие общества «крайним партиям», в то же самое время уменьшает шансы успеха вооруженного восстания.* Не мешает запомнить это.

Но само собою разумеется, что tempora mutantur. Наш капитализм уже настолько развит теперь, что наша буржуазия ни за что не помирится с самодержавием. Этого не позволят ей ее самые насущные экономические интересы. Царь должен будет поделиться с ней властью. Теперь она еще не верит,—и не имеет основания верить,—в искренность царских уступок. Но если она увидит, что царь в самом деле решился пойти на уступки, то она сделается уступчивой с своей стороны, и тогда уже нам нечего будет рассчитывать даже и на слабое ее сочувствие. Тогда она сама будет требовать водворения порядка. Это тоже нужно знать, это нужно предвидеть и этим не надо смущаться.

Если бы на том основании, что буржуазия станет современем консервативной, мы отказались бы воспользоваться в интересах политической свободы ее нынешним оппозиционным настроением, то этим мы только показали бы, что мы в своей политике держимся такого «субъективного метода», который совершенно недостоин *марксистов.* То обстоятельство, что современное оппозиционное настроение буржуазии в будущем, — может быть, недалеком, — уступит место консервативному настроению, никоим образом не должно мешать нам использовать его в настоящую минуту.

«Но это оппортюнизм», — скажет иной товарищ.

Почему же оппортюнизм? — спрошу я его. И что такое оппортюнизм? Прежде чем употреблять это слово, следовало бы понять его значение.

Значение это можно выяснить на примере типичного и несомненного оппортюниста Бернштейна. «Для меня движение — все, конечная цель—ничто»,—сказал он. Это значит, что ради временных, минутных интересов движения он готов был приносить в жертву все его существенное содержание. И мы можем сказать, что оппортюнист есть тот, кто жертвует существенным содержанием, конечной целью движения ради его минутных успехов. Но есть ли хоть слабый признак такого «деяния» в том, что я рекомендую своим товарищам? Разве пострадает в своем существенном содержании наше рабочее движение от того, что его руководители используют для его успеха разлад буржуазии с царизмом? Предлагаемая мною тактика очень значительно увеличит силу нашего

движения, а увеличение его силы будет способствовать росту классового самосознания пролетариата, а в росте классового самосознания пролетариата именно и заключается все существенное содержание его движения. Стало быть, нечего и повторять вздорные возражения, подсказываемые простым непониманием марксизма.

Повторяю: то обстоятельство, что буржуазия успокоится, получив некоторые,—необходимые и достаточные для нее,—уступки, не должно смущать нас ни в коем случае. Мы пользуемся ее оппозиционным настроением, потому что это полезно и нужно для революционного дела. Когда это настроение исчезнет, мы, разумеется, перестанем пользоваться им, — на нет и суда нет, — но все дает основание думать, что тогда на смену буржуазии на историческую сцену выйдет другой деятель, уже теперь довольно громко дающий знать о своем приближении: *крестьянство.*

Нам, социал-демократам, охотно приписывали, и, кажется, до сих пор приписывают, намерение сварить крестьянина «в фабричном котле»; но это чистая напраслина. Мы считаем себя обязанными поддерживать всякое революционное и оппозиционное движение, направляющееся против существующего порядка. Изо всех классов нынешнего общества только революционный пролетариат способен оказать серьезную поддержку крестьянину, восставшему для того, чтобы своим топором разрубить гордиев узел нынешнего нашего аграрного вопроса [1]). Своевременно примененная железнодорожная стачка могла бы обеспечить удачный исход массового крестьянского восстания. Переход помещичьих земель в руки крестьян вовсе не сделает этих последних социалистами, как на это надеются социалисты-утописты, но он сделает их решительными *революционерами.* А этого достаточно для того, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни «внутренние» враги, ни *внешние,* ни доморощенные контр-революционеры, ни германский император, что-то уж очень сочувствующий теперь своему несчастному русскому «кузену»!

---

[1]) Говорю *нынешняго,* так как переход помещичьих земель в руки крестьянства отнюдь не предупредил бы возникновения у нас того аграрного вопроса, с различными разновидностями которого неизбежно приходится считаться западным капиталистическим обществам. Свой взгляд на крестьянский вопрос я изложил в № 1 Дневника, в статье: «Мужики бунтуют». [См. выше.]

На крестьянство нам надо теперь же обратить усиленное внимание. Крестьянство составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции, и было бы противно всем требованиям военного искусства, если бы мы не позаботились о том, чтобы установить постоянные сообщения между этим резервом и главными силами революционной армии, т.-е. пролетариатом.

Но в крестьянстве, очевидно, не могут быть применимы те тактические приемы, которые многим из нас кажутся вполне целесообразными в городе. Допустим, что тактика бойкота Государственной Думы, еще так недавно вызывавшая между нами такие горячие споры, была на самом деле наилучшей тактикой при данном настроении городов. Но по отношению к деревне это допущение очевидно невозможно. Всякий понимает, что при своей страшной политической неразвитости крестьянство совершенно неспособно было бы понять идею бойкота, и всякий должен понять также, что при умелом воздействии на ход волостных выборов мы могли бы вызвать целый ряд таких столкновений крестьян с администрацией, которые в короткое время создали бы сознательную оппозицию в деревне. Этого одного было бы достаточно для того, чтобы отказаться от бойкота. А кроме того надо помнить, что выборная агитация в деревне выдвинула бы на сцену аграрный вопрос, обострение которого сразу придало бы революционный оборот всему делу. Если уж дорожить громким словом «бойкот», то можно сказать, что лучшим средством бойкотировать идею булыгинской Думы было бы составление крестьянских наказов, говорящих выборщикам, чтобы они выбирали только тех людей, которые согласились бы на передачу земли в руки народа и на созвание Учредительного Собрания, имеющего задачей урегулировать и узаконить эту передачу. *От такого* «бойкота» булыгинская Дума разлетелась бы в щепки, между тем как если бы мы захотели разгонять собрания крестьянских выборщиков, то от этого произошло бы только умножение черных сотен. Наша партия хорошо сделает, если примет во внимание это соображение при неизбежном, — вследствие изменения избирательного закона, — новом обсуждении вопроса о нашем участии в выборной агитации.

Обращение к крестьянству сделалось необходимым для нас, между прочим, и благодаря проискам контр-революционной партии, силящейся привлечь народ на свою сторону. До сих пор главное ядро контр-революционного «народа» составляли знаменитые хулиганы, братски об'единившиеся с городовыми, сыщиками и прочей «казенной» братией. Газеты на днях сообщали, что в Петербурге одним из предводителей черной сотни выступил какой-то статский советник, сопутствуемый какими-то прилично одетыми господами в цилиндрах. До всей этой приличной и неприлично одетой сволочи нам, разумеется, нет никакого дела. По отношению к ним мы можем признавать только один прием: *террор*. Но за хулиганами, шпионами и «господами в цилиндрах», к сожалению, идут многие представители темных слоев народной массы. Так, например, «Приволжский Край» прямо говорит, что в толпе, громившей революционеров после опубликования манифеста 17 октября, было много *чернорабочих*. Чернорабочие должны быть с нами; им в черных сотнях не место; они попали туда только в силу печального исторического недоразумения. Это недоразумение необходимо рассеять. Но при его рассеянии надо помнить, что очень и очень часто чернорабочий есть человек, еще не успевший проникнуться современными пролетарскими стремлениями, разделяющий все предрассудки крестьянства, но зато и страдающий всеми его страданиями. Такой человек готов бить бунтовщиков, и в то же время он сам готов взбунтоваться из-за земли [1]). Убедите его в том, что переходу земли в распоряжение народа противятся не те бунтовщики, которых он избивает, а то правительство, которое его натравливает на бунтовщиков, и он сам с неудержимой энергией станет разгонять черные сотни. И чем более идеи революции будут проникать в деревни, чем более будет она ассоциироваться там с идеей земельного передела, тем меньше будет чернорабочих в рядах шаек, бьющих «жидов и студентов».

Но само собой разумеется, что, обращаясь к низшим слоям населения, надо раз навсегда оставить наш безобразный интеллигентский стиль, напичканный иностранными словами, ссылками на всякие «эволюции» (капитализма и прочее) и бесконечными придаточными предложениями. Такого слога не поймет ни чернорабочий, ни крестьянин. С ними надо говорить тем простым, но прекрасным языком «московских просвирен», учиться которому нам советовал еще великий стилист А. С. Пушкин [2]).

---

[1]) Недаром одно из черносотенных воззваний, перепечатанное в № 1 «Новой Жизни», натравливают толпу не только на «жидов», но также и на «панов». Кстати, в этой прокламации есть один несомненный *полонизм:* «такой Витте». Вероятно, ее писала «тень Булгарина».

[2]) Эти строки были уже написаны, когда я прочитал в № 10642 «Нового Времени» следующее известие:

«В пределах Московской губернии проявляется недоброжелательное отношение к некоторым земским учителям и земским врачам, устраивающим

Борьба с черными сотнями делает вопрос о вооружении одним из самых насущных практических вопросов. И не только о вооружении.

Недостаточно приобрести револьверы или кинжалы, надо еще научиться владеть ими. Революционеры семидесятых годов были большими мастерами в этом отношении, и нашим товарищам еще очень далеко до них. Нам необходимо как можно скорее пополнить этот пробел своего революционного *образования*. Умение хорошо владеть оружием должно стать в нашей среде предметом законной гордости со стороны тех, которые им обладают, и предметом зависти со стороны тех, которые его еще не достигли. Ввиду неслыханных зверств, совершаемых контр-революционерами, мы в свою очередь должны быть готовы на все. Конечно, кровопролитие не может быть привлекательно ни для кого, кроме озверевших и опьяневших горилл из черных сотен; но оно начато не нами, и еще покойный П. Л. Лавров справедливо сказал, обращаясь к русскому революционеру:

Не ты виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется!
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается.

Но чем лучше мы будем вооружены и чем более мы будем готовы дать энергичный, беспощадный, если нужно, даже жестокий, отпор черным сотням, тем более обязательным становится для нас тактичное поведение как во время наших собственных демонстраций, так и во время демонстраций наших монархистов. Телеграммы, рассылаемые агентствами по всему миру, уверяют, что во многих случаях революционеры первые начинали стрелять в демонстрантов противного образа мыслей, чем вызывали озлобление в народе. Разумеется, это—злая клевета на революционеров. Но если бы это была правда, то пришлось бы сказать, что мы сами страшно вредим своему собственному делу. Подобные промахи несравненно опаснее для нас, чем все полицейские козни. Ведь *монархические* манифестации, вызванные опубликованием манифеста 17 октября, нередко были в то же время манифестациями в честь *конституции*. Манифестировавшее население было, повидимо, настроено приблизительно так, как не один раз настраивалось парижское население, уже после взятия Бастилии, при каждой уступке со стороны Людовика XVI. Такому населению не внушишь республиканских стремлений никакими резкими выходками и никакими революционными речами. Надо постепенно *подготовить* его к усвоению республиканских взглядов посредством ряда столкновений с той самой монархией, которую оно пока еще готово поддерживать. Именно так поступали французские якобинцы, эти несравненные мастера революционной тактики. Нам надо следовать их примеру, а не восстановлять против себя монархистов-конституционалистов.

Конечно, мы переживаем такое время, когда, по известному французскому выражению, ружья, а следовательно, и револьверы, сами стреляют, но именно в такое время самопроизвольная стрельба ружей (и револьверов) может стать прямо гибельной для нашего дела. Совет Рабочих Депутатов в Петербурге очень хорошо понял это. В одной из статей, напечатанных в его «Известиях», мы читаем:

«О, товарищи! Г-н Витте знает, что пролетариат и пробудившееся крестьянство воспользуются каждой уступкой правительства, чтобы выйти на улицу и пред'явить свои требования. Но он знает также, что народ в массе еще не успел организоваться, не успел вооружиться, что уличные митинги, демонстрации еще беспорядочны, что неорганизованная толпа легко переходит от героизма к трусости. Вы сами знаете, что многие пугаются одного возгласа: казаки!», и разбегаются в разные стороны. Знает это и Витте, знает он также, что плохо организованная толпа легко возбуждается, что каждую минуту среди нее могут найтись отдельные лица и группы, готовые пойти на вызов и без крайней нужды начать борьбу с черной сотней, с полицией и т. д. Знает он все это и спешит, торопится вызвать народ на улицу и кинуть его в беспорядки, чтобы теперь же, пока народ не организован и не вооружен, расстрелять его. Момент для Витте чрезвычайно «удобный»!

митинги, говорящим крестьянам речи. В некоторых местностях учительский и врачебный персоналы уже фактически пострадали».

Крестьян вербуют в черную сотню. Но с этим можно бороться. «Нужно сказать, — читаем мы в том же номере, — что это явление не повсеместное: в некоторых местах наоборот: крестьяне обращаются к учителям и к врачам с просьбой раз'яснить им манифест». Вот тут-то и надо выставить аграрный вопрос и поставить требование земли в связь с требованием созыва Учредительного Собрания. Какой острый характер принимает это требование, видно из следующей телеграммы, напечатанной в том же номере «Нового Времени».

Саратов, 25 октября (РА). По словам «Саратовского Листка» в Аткарском уезде на минувшей неделе разграблено крестьянами более 20 усадеб землевладельцев. Ночью взломан пороховой склад; похищено три пуда пороха. Преступники скрылись.

Крестьяне вооружаются. Подстрекательства черной сотни разобьются о требование земли. Ceci tuera cela.

Это несправедливо по отношению к Витте. Вызывать народ на улицу теперь вряд ли в его интересах. Но это справедливо в применении к той реакционной камарилье, главным представителем которой в администрации был до сих пор Трепов, которая совсем не думала сдаваться и которая как нельзя более рада была бы выступлению народа на «улицу». Вот почему говорить о вооруженном восстании нужно теперь гораздо рассудительнее, чем это делают многие из наших товарищей. Что великие исторические вопросы разрешаются в конце концов только огнем и мечом, что пролетариату, не только русскому, но и западно-европейскому, нельзя будет обойтись без «критики посредством оружия», это я доказывал еще в предисловии ко второму изданию моего перевода «Манифеста Коммунистической Партии», вышедшему летом 1900 года. Но вооруженное восстание дело нешуточное, от него зависит вся дальнейшая судьба движения, и потому легкомысленная болтовня о нем составляет настоящее преступление перед революционным пролетариатом. Между тем некоторые наши товарищи обнаруживают в этом случае почти невероятное легкомыслие. Их головы превратились в своего рода «органчики», наигрывающие одну только арию вооруженного восстания. В этом восстании для них заключается альфа и омега всей тактической мудрости. Но именно благодаря этому их тактическая мудрость становится тактическим безумством.

До какой степени легкомысленно некоторые болтают у нас теперь о вооруженном восстании, показывает пример некоего г. Г. Воинова.

На так называемом третьем с'езде нашей партии, бывшем на самом деле с'ездом только одной половины ее, этот «товарищ», между прочим, сказал:

«Я полагаю не лишним познакомить с'езд с мнением о вооруженном восстании нашего великого учителя Карла Маркса. Вот маленькая историческая справка на этот счет (цитирую книгу Маркса: «Революция и контр-революция»): «Восстание есть искусство совершенно такое же, как военное или всякое другое. Это искусство, по примеру прочих, имеет свои правила, которыми ни одна партия не может пренебрегать безнаказанно... Прежде всего никогда нельзя играть в восстание, если не решился итти на все его последствия» и т. д. [1]). Последующее для нас неважно. Я считаю себя обязанным только указать на то, что г. Воинов *неправильно цитирует* «своего» великого учителя Карла Маркса, миросозерцание которого он, между прочим, отвергает в одной из его

[1]) «Третий очередной с'езд», Женева 1905, стр. 88.

самых важных частей (хорош ученик!): у Маркса первое правило науки восстания *гласит в английском подлиннике так:* Firstly never play with insurrection unless you are fully prepared to face the consequences of your play [1]). Это значит: во-первых, никогда не играйте с восстанием, прежде чем вы не приготовились к тому, чтобы справиться со всеми последствиями вашей игры. В русском переводе, изданном Е. М. Алексеевой, это выходит почти буквально так: «Во-первых, не затевайте восстания, пока вы не подготовитесь вполне справиться с последствиями вашей затеи» (стр. 98). Но у г. Воинова вышло, как мы видим, совсем иначе. У Маркса речь идет об об'ективной готовности к восстанию. В переводе г. Воинова говорится лишь о суб'ективной готовности итти до конца. Я не удивляюсь тому, что г. Воинов плохо понял своего «великого учителя». Но я не понимаю, как это на с'езде не нашлось ни одного человека, который захотел бы или сумел бы поправить г. Воинова. Очевидно, никто из присутствовавших там товарищей не имел понятия об истинном взгляде Маркса на вооруженное восстание. А между тем все они были марксисты и все толковали о вооруженном восстании... по Марксу. Это было бы очень смешно, если бы не было так грустно.

Дело не в том, решились или не решились мы довести восстание до конца, а в том, готов ли к нему рабочий класс. Вот что на самом деле говорит наш великий учитель. Люди, собиравшиеся на третий с'езд, не знали этого. Поэтому у них и до сих пор сохранился самый легкомысленный взгляд на вооруженное восстание. И этот легкомысленный взгляд лежит в основе их тактики. Это уже не смех, а горе!

Эти люди воображают себя крайними революционерами на том основании, что они «решились» без конца говорить о восстании. Но если стены иерихонские пали по милости Иеговы от трубного звука, то наша монархия не падет от революционной фразы. Прежде чем начинать восстание, нужно к нему подготовиться.

Накануне войны 1870 года во Франции маршал Лебеф легкомысленно твердил: «Nous sommes prêts, archiprêts; quand la guerre devrait durer un an, il ne nous manquerait pas un bouton de guêtre». (Мы готовы, вполне готовы; если бы война должна была затянуться на целый год, то у нас и тогда было бы налицо все, до последней пуговицы на солдатской гамаше.) Этот маршал, наверно, считал себя большим патриотом и чрезвычайно решительным полководцем. А в Германии в то же время

[1]) «Revolution and contre-revolution of Germany in 1848 by Karl Marx», by Eleanor Marx-Aveling. London 1896, p. 120.

систематически готовился к войне фельдмаршал Мольтке, неизменным правилом которого было: erst wägen, dann wagen (сначала взвесить, потом отважиться). Кто лучше служил своему делу? Кто лучше понимал его? Кто победил?

Еще раз: прежде, чем начинать вооруженное восстание, нужно к нему подготовиться. А чтобы подготовиться к нему, нужно, между прочим, исполнить постановление международного Амстердамского конгресса, нужно *об'единиться*. Во втором номере своего Дневника я рекомендовал враждующим между собой братьям войти во взаимную федеративную связь. Недавние события заставили их поступить именно так, установив «федеративный совет». Это было уже большим шагом вперед; но этого недостаточно. От федерации надо итти к полному об'единению. Когда рабочие организации об'являют о своем присоединении к единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, то, как вы думаете, что собственно они имеют в виду: большинство или меньшинство?

Ни то, ни другое. Они имеют в виду именно единую российскую социал-демократию.

Старые ненавистные распри отжили свой век. Наступает пора совместной положительной работы.

Так называемые большевики говорят: как же могут об'единиться две фракции нашей партии, когда одна из них признает, а другая отрицает участие во временном правительстве?

Отвечаю: с точки зрения принципа стремление к участию во временном правительстве есть несомненно промах, оппортюнизм на революционной подкладке. Оппортюнизм — грех. Но ведь этот грех относится к будущему времени. Он неизвестно когда совершится. Неизвестно даже, совершится ли он когда-нибудь. Во-первых, наших товарищей «большевиков» могут не принять во временное правительство. Во-вторых, неизвестно, будет ли существовать само это правительство. Ведь вот великая французская революция совсем обошлась без него. Что если обойдется без него и великая российская революция? Ведь тогда выйдет, что нашему об'единению воспрепятствовала простая гипотеза.

Нет, товарищи! Зачем говорить пустяки и зачем из-за пустяков вредить общему делу? В нашей стране, как и во всякой другой, должна быть одна социал-демократическая партия, как есть в ней один пролетариат.

Мелкие заметки

I. «Погромы»

Наше христолюбивое правительство натравливает в России и в Польше христиан против евреев, а на Кавказе — мусульман против христиан-армян. Излишне распространяться о том, до какой степени гнусны подобные натравливания и до какой степени отвратительны те кровавые зверства, к которым они приводят: мои читатели сами понимают это; я пишу не для «черных сотен». Но есть в последних наших погромах одна сторона, еще нуждающаяся в освещении.

На собрании русской колонии в Берне, состоявшемся 13 ноября в Café des Alpes, некоторые из присутствовавших утверждали, что между «христианами», защищавшими в Одессе евреев от пьяных горилл, выдвинутых полицией, не было *рабочих*. Доказывали это утверждение ссылкой на корреспондента «Neue Freie Presse», *который «ничего не говорит» об участии рабочих* в борьбе с погромщиками. С логической точки зрения это, конечно, очень жалкое доказательство. Но раз был выставлен подобный упрек против русского «христианского» пролетариата, его не следует оставлять без внимания. В интересах нашего дела я приглашаю моих товарищей, — все равно: «христиан» или евреев, — лучше меня знающих фактическую сторону этого дела, высказаться о нем в печати. Кому же, как не нам, дорожить честью нашего пролетариата?

На этом же собрании была высказана также та мысль, что борьба с громилами хорошо велась только там, где были сильны *национальные рабочие организации*. Я думаю, что в этом случае имела значение *сила* организаций, а не их принадлежность к той или другой *национальности*. Более того. Есть основание думать, что, например, в Одессе, мы были бы гораздо лучше подготовлены к борьбе с громилами, если бы идея еврейского национализма меньше влияла на тамошнее рабочее движение. Но об этом я поговорю подробнее, после того, как товарищи-практики ответят на вопрос, который я им здесь ставлю: тогда у меня будет в руках больше данных.

II. «Новая жизнь»

Об'явление об издании «Новой Жизни» наводит на весьма поучительные размышления. Оно пестрит именами людей, до сих пор остававшихся чуждыми марксизму. Ленин тонет, как муха в молоке, в массе эмпириомонистов и вполне законченных декадентов. Г-н Н. Минский и г-жа Венгерова оказываются теперь нашими «товарищами». Невольно спрашиваешь себя: а где же «товарищ» Волынский? Где «товарка» З. Н. Гиппиус? Где «товарищи», ютящиеся вокруг «Скорпиона»?

Ленин не хотел работать вместе с П. Аксельродом, В. Засулич, Л. Мартовым и т. п. Эти люди были в его глазах оппортюнистами, а г. Минский не оппортюнист, г-жа З. Венгерова не оппортюнистка. Пусть же читатель сам судит теперь о том, к чему сводится на самом деле *непримиримость* Ленина. Теперь очевидно, что в ней нет и следа *принципиального* отношения к делу.

III. Фемик-Паша

В Константинополе совершено было на днях покушение на жизнь одного из самых усердных слуг «красного султана». Я охотно верю тому, что покушение это имело свое вполне достаточное основание в деятельности названного выше паши. Но какими *бледными* представляются подобные покушения в виду той массовой борьбы за свободу, которую ведет теперь российский пролетариат! Какими *жалкими* кажутся нам теперь те страны, которые могут противопоставить деспотизму только героизм отдельных лиц! Как *счастлива Россия тем*, что она уже переросла это жалкое, варварское состояние!

Женева, ноябрь 1905 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Речи и реплики на втором с'езде заграничной Лиги русской революционной социал-демократии

(Октябрь 1903)

Председательствующий голосует предложение тов. Мартова о составе президиума: «За — 17 голосов, кто против»?

Плеханов. Не имеет смысла: очевидно, кто против.

Голоса не считаются. Троцкий вносит предложение о порядке выборов.

Плеханов. Это все равно, можно и так.

Избранная в вице-председатели Засулич отказывается в пользу Ортодокс что вызывает недоумение последней.

Плеханов. Мне кажется, что отказываться в чью-нибудь пользу здесь неудобно. Если вы отказываетесь, то тов. Ортодокс вступает в бюро по праву, так как она — следующий кандидат по большинству голосов, а не потому, что вы отказываетесь в ее пользу.

(Голоса: *Ну да!.. Конечно!)*

На попытку Дейча раз'яснить устав Лиги в том смысле, что члены Лиги, находящиеся в России, не пользуются правом голоса в заграничной организации,

Плеханов замечает: Устав партии этого не запрещает.

По этому вопросу, после двух ораторов (Литвинова и Мартова), поступает в бюро предложение прекратить прения.

Плеханов. Слишком спешите, товарищи!

Председатель ставит предложение на голосование — «за» не подает голоса никто.

Плеханов. Прошу секретарей отметить в протоколе: никто!

В порядке прений.

Плеханов. Дейч указывает, что администрация ни о каких делах Лиги членов, находящихся в России, не уведомляет и с их мнением

не считается. Но с'езд — явление исключительное, и потому прежние прецеденты иметь значения не могут. Далее допустим, что администрация не сделала всего, от нее зависящего, для уведомления всех членов, находящихся теперь в России. Это касается только администрации, и ей можно высказать строгое порицание. Но нельзя же из-за справедливости, для утешения заключенных товарищей, лишать права голоса других. Не понимаю, какие могут быть коллизии при одновременном участии одного лица в двух организациях. Устав нам этого не запрещает, и в уставе нет также того, чтобы люди, переехавшие границу, лишались права голоса.

По окончании прений 17 голосами против 15 мандаты присланных из России признаются недействительными

Плеханов просит занести в протокол энергичный протест.

Груздев. А партийная дисциплина?

Плеханов. Вы об этом скажете в речи или напишете об этом.

Мартов иронически говорит о партийной дисциплине по поводу протеста Плеханова.

Плеханов. Протестовать всякий имеет право, и потому в данном случае нет нарушения партийной дисциплины, — я не следую дурным примерам.

Во время речи Дейча, когда тот, мотивируя свое предложение, сослался на себя, говоря, что ни на каторге, ни в ссылке к нему ни с какими делами не обращались,

Плеханов (с места). А как же вы нас ругали в каждом письме по всяким поводам?..

Этот свой возглас он и раз'яснил перед голосованием.

Плеханов. Если я упомянул относительно того, что Дейч ругал нас в письмах, то только для того, чтобы показать, что Дейч знал о наших делах и что мы считались с его голосом.

Т. Эмануилов пытается внести поправки к принятой резолюции о лишении мандата. Председатель раз'ясняет, что, «раз резолюция принята, поправки вноситься не могут».

Плеханов (с места). Вы забыли регламент.

После прений по вопросу о том, можно ли внести поправки, председатель пытается окончить этот спор без вотума, перейдя просто к порядку дня. Н. Ленин протестует.

Плеханов просит занести протест тов. Ленина в протокол.

Петербуржец пытается доказать, что поправки «всюду и всегда голосуются перед голосованием предложения».

Плеханов. Нет!

«Всюду и всегда. (Верно! Конечно!) Всюду и всегда!»

Плеханов. На международных конгрессах бывает иначе.

Предложение и поправки отвергаются. После доклада Дейча и Шарко — первый пункт порядка дня, «Доклад администрации».

Плеханов. У Дейча значится 43 члена. Это — с лишенными прав или без «лишенных прав»?

Председатель отвечает: «Без уехавших в Россию».

После короткого диспута по докладу с'езд переходит к обсуждению второго пункта порядка дня: «Доклад делегата Лиги на партийном с'езде».

Мартов требует себе слова содокладчика, ибо он был также делегирован от Лиги на с'езд: «На самом с'езде мне пришлось передать свой голос тов. Ленину. Но... мы с Лениным оказались на разных полюсах».

Плеханов. Тов. Мартов сам нам говорит, что он сложил свои полномочия как представитель Лиги. Слушатели же все равно будут ознакомлены со с'ездом из доклада Ленина и из дебатов по поводу доклада, и так как время не ограничено для этого пункта порядка дня, то тов. Мартов может в качестве оппонента сказать все, что он хочет, по поводу с'езда партии. Сделать же законными те права, которые перестали быть законными, не имеет смысла.

Старовер возражает, ссылаясь на германскую социал-демократию.

Плеханов. Ленин находится в положении подсудимого. Если члены Лиги будут им, как делегатом, недовольны, то они могут ему это высказать. Следовательно, невозможно его лишить заключительного слова, как невозможно лишить заключительного слова всякого обвиняемого.

За предложение Мартова продолжают высказываться Троцкий, Рудников; против — Ортодокс, Ленин.

Плеханов. Я говорю одно, что Мартов будет говорить не как делегат. Про английский парламент говорят, что он может сделать все, но не может превратить мужчину в женщину. Наш с'езд может сделать все в своей сфере, но не может отменить законы логики. Вы сложили свои полномочия, и нет такой силы, которая бы восстановила вашу делегатскую невинность. Здесь были указания по поводу вопроса Ортодокс. Но и я слышал, если мне слух не изменяет, что вначале говорили, будто Лига представляет одно целое, теперь же оказывается, что существуют «большинство» и «меньшинство». Можно требовать многого, но с'езд, повторяю, не может отменить законы логики.

Председатель раз'ясняет, что Мартов хочет выступить не как делегат, а лишь как корреспондент. С'езд соглашается с этим. Перед тем, как приступить к докладу, происходит обмен мнений по вопросу о том, доклады-

вать ли только то, что было на официальных заседаниях, или также и о частных совещаниях групп. Мартов поддерживает первое, Ленин и Плеханов — второе.

Плеханов. В речи тов. Мартова я нашел удивительный метод исследования истины, метод усечения способов узнания оной.

Мартов выражает опасение, что будут затронуты факты, вокруг которых создастся атмосфера сплетен.

Плеханов протестует против слов Мартова. Лига была частью организации «Искры», теперь же рекомендуется не говорить о том, что происходило на ее заседаниях. В интересах истины я предлагаю не отклонять предложения тов. Ленина говорить о частных заседаниях «Искры».

Троцкий заявляет, что «относительно частных заседаний «Искры» важно выяснить самый смысл с'езда, и вовсе незачем знать *все*, что происходило за с'ездом... Например, знать биографические сведения о всех делегатах было бы также интересно для выяснения истины».

Плеханов. Совершенно верно! Но это приходится устранить. Если я верно понимаю тов. Мартова, то он лишь выражал надежду, что частные собрания будут использованы минимально, так как всякие неточности вызовут контр-заявления, и такие пререкания могут завести нас слишком далеко.

Мартов говорит: «Заявление тов. Плеханова, что я таким образом хочу усечь истину, развязывает мне руки»...

Плеханов. Ого!

Мартов снимает с себя всякую ответственность и обещает коснуться противоречий, бывших в «поведении» тов. Плеханова: «на частных заседаниях «Искры» он говорил одно, а на с'езде другое».

Плеханов. Это неверно!

Дан предлагает выслушать эти сведения, но не на заседании Лиги, ибо Лига не суд.

Плеханов. Однако судьи — судят!

С'езд принимает резолюцию: «С'езд просит тов. Ленина касаться всего, что он найдет нужным, не исключая и заседаний «Искры».

Плеханов. На мой взгляд с'езд должен просить не только тов. Ленина, но также специально и тов. Мартова высказать все, что он знает, ввиду тех неясных намеков, которые были здесь сделаны на мое, якобы противоречивое, поведение

С'езд соглашается. Мартов раз'ясняет, что он инкриминирует Плеханову то, что «на частных заседаниях организации «Искры» вы были солидарны со мной, голосовали же на с'езде не со мной».

Плеханов снова протестует против слов Мартова, повторяя несколько раз, что его утверждение неверно.

«Я, — продолжает Мартов, — не думаю касаться нравственной личности тов. Плеханова. Я говорю исключительно о его политическом поведении».

Плеханов. Тов. Мартов говорит, что он не касается моей нравственной личности, но я утверждаю, что вопрос о моем личном поведении совершенно здесь неуместен.

Мартов раз'ясняет, что его указание на противоречивость поведения Плеханова — указание политическое, а не моральное.

Плеханов. Я совершенно не удовлетворен об'яснением тов. Мартова. Если в понедельник я был с ним солидарен, а в четверг убедился и стал переходить на сторону других, то это еще нельзя назвать противоречивым поведением.

Далее с'езд приступил к выслушиванию двух докладов. Мартов в своем докладе, передав содержание речи Плеханова об относительной ценности демократических принципов, прибавляет: «Эти слова вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политичсские права, как свободу печати»...

Плеханов. Merci!

После доклада Мартова, который носил личный характер, Ленин подает заявление с протестом, а

Плеханов заявляет, что он собирался отвечать Мартову на его так называемый корреферат длинной речью принципиального характера и полагает, что все видели, как он делал с этой целью отметки в своей тетради, но происшедшая сцена не дает ему возможности отвечать и потому он ограничивается констатированием того, что, вопреки своему заявлению на первом заседании с'езда Лиги, Мартов в своем реферате ни о каких противоречиях в поведении его, Плеханова, на заседаниях организации «Искры» и на заседаниях с'езда не упоминал [1]).

---

[1]) *Из письма, посланного по этому поводу Плехановым в редакцию «Протоколов 2-го очередного с'езда Лиги»:*

«Итак, между тем, что я говорил на заседаниях организации «Искры», и тем, что говорилось мной на заседаниях с'езда, *противоречия не было.* Значит, опасение указать на это не существовавшее противоречие не могло никому помешать ссылаться на заседания «Искры». Quod erat demonstrandum.

«Что же касается заявлений, сделанных мной в частных разговорах, то тов. Мартов упоминает только об *одной* фразе в *одном* разговоре

Слово предоставляется Троцкому. Плеханов и многие другие в это время выходят из залы заседания. В обсуждении второго пункта они более не принимают участия. С'езд переходит к обсуждению третьего пункта порядка дня — об уставе Лиги. Троцкий докладывает устав. В прениях после Мартова выступает

Плеханов. Мы собрались на с'езд не затем, чтобы обмениваться такими выражениями, как бюрократизм, помпадурский централизм и т. д. В интересах достоинства с'езда, которое может быть нарушено, я обращаюсь к председателю с предложением высказать порицание предыдущему оратору и поддерживать больший порядок. Председатель предоставляет нам в этой области слишком большую автономию.

Председатель и Мартов не соглашаются с Плехановым.

Плеханов. Мы слишком расходимся с председателем в определении того, что нарушает порядок и что, задевая личности, недопустимо в заседаниях. Не желая говорить что-нибудь обидное, я прошу не переносить дебатов на личную почву, я предлагаю избегать всяких намеков на личности. Тут целое направление характеризуется как помпадурское. Ясно, что тов. Ленин, занимая известный общественный пост, оказывается, в таком случае, помпадуром. Мы собрались сюда, чтобы серьезно обсудить устав, а не для того, чтобы усиливать раскол. Если последовать моему совету, — можно избежать беспорядков.

с *одним* человеком. Если бы была возможность точно воспроизвести эту фразу, то я показал бы, что и она ничему не противоречит в моем поведении. Но *такая* полемика не поведет ни к чему. Верно то, что я уже давно высказывался *против узости,* которую замечал в некоторых действиях и отношениях «искровцев». Напомню тов. Мартову свои письма большинству редакции по поводу происшествий 1902 г. в Петербургском Комитете. Но тогда тов. Мартов не был солидарен со мной, энергично отстаивая то, что мне представлялось и было на самом деле непозволительной узостью. Я очень рад был видеть на с'езде, что он как будто готов согласиться со мной. Но эта радость была непродолжительна: предложенная им формулировка параграфа первого устава казалась и кажется мне очень ошибочной. Я увидел, что в некоторых отношениях мы все-таки различно смотрим на вещи и что в этих отношениях ко мне ближе подходят другие люди. Вот только и всего. Это — жаль, но своими *действиями* я не противоречил не только тому, что я говорил на заседаниях «Искры», и не только своим частным разговором, но даже своим *сновидениям.*

«Еще два слова. Протоколы заставляют меня говорить: «Я не перешел на сторону других». Я не помню, как именно я выразился, но *так* выражаться я не имею привычки».

В порядке прений выступает

Плеханов. Прения, которые начались, должны привести к важным решениям. И прежде всего необходимо выяснить вопрос, как понимаем мы автономию организации и кто может определить пределы этой автономии. Параграф 8 партийного устава говорит следующее: «Все организации, входящие в состав партии, ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы». Всякий комитет, вырабатывающий себе устав, должен выяснить, как понимает он этот пункт. Может быть, я не понял докладчика, но мне показалось так: если все организации ведают свои дела автономно, то мы автономны в выработке своего устава. Такое рассуждение неправильно. Параграф 6 говорит, что комитеты создаются высшими инстанциями; значит, они не могут быть автономны в создании своей организации, в выработке своего устава. Если бы это было так, то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов неограниченны: они могут прийти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является. Наглядным примером нарушения этого принципа может служить «Бунд». Значит, пределы автономии определяет или с'езд, или та высшая инстанция, которую создал с'езд. «Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете». С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти. Если бы тов. Ленин, которого называют представителем помпадурского централизма, смотрел так, он был бы не более как анархист. Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места. Мне говорят, будто этот параграф надо понимать так, что ЦК организует комитеты там, где их нет. Будто бы это так? А как же понимать параграф об об'единении и направлении их деятельности? Это что? Теперь, когда началось царство единства... *(Громкий смех)* Вам это смешно? Нас этот смех не удивляет. Мы отвечаем на него презрительным пожиманием плеч. ЦК имеет право и обязанность, если не организовать наново там, где уже что-нибудь есть, то реорган-

зовать эти учреждения таким образом, чтобы их деятельность не вредила деятельности целого.

Выступает затем ряд ораторов (Ортодокс, Троцкий, Мартов, Дейч), после которых вновь берет слово

Плеханов. Тов. Троцкий советует не злоупотреблять такими словами, как «анархизм», «оппортюнизм» и т. д. Этот совет может быть плох или хорош, но, следуя ему, пришлось бы избегать и таких выражений, как помпадурский централизм, бюрократизм и т. д. Скорее *эти* выражения неуместны, чем те, которые я употребил. Я не понимаю, почему «анархизм» не употреблять, а «бюрократизм» и «помпадурство» употреблять можно. Какие выражения хуже, резче? В данном случае невольно вспоминается тот дикарь, который на вопрос, хорошо ли с'есть чью-нибудь жену, ответил: мою жену с'есть плохо, а чужую — хорошо. Это относительно формы речей... Теперь перехожу к содержанию. На вопрос тов. Дейча я отвечу вопросом же. Он спрашивает: если не утвердят устава, будет ли Лига считаться существующей? Я же его спрошу: можно или нет продолжать существовать, если устав не получит утверждения? *(«Можно! Конечно, можно!»)*. На основании какого же устава? На основании того устава, который ЦК находит не соответствующим интересам партии? Если бы я так поступал, я бы поступал не как член партии.

С ответом ему выступают Мартов и Дейч, который в конце своей речи обращается к Плеханову: «Вы не обижайтесь на меня, тов. Плеханов».

Плеханов. Я на вас никогда не обижаюсь.

Далее слово берет

Плеханов. Я не сомневаюсь, что тов. Дейч умеет читать, хотя он никогда не злоупотреблял этим умением. Но что он умеет читать в сердцах, я этого не знал. Во всяком случае, данные, добытые таким путем, не поддаются проверке, и я не буду даже разбирать, прав ли он, или нет. «Жоресизм» и «анархизм» употреблять неудобно, а «lèse-majesté» и «помпадурство» — удобно. Приходится сказать: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ли кума...» и т. д. Несомненно, резолюция тов. Конягина («Устав Лиги вступает в силу лишь с момента утверждения его ЦК») представляет большие неудобства, и я, при других обстоятельствах, был бы против нее. Но я был бы против нее только потому, что она представляет из себя аксиому и что странно ставить на голосование аксиому. Но в настоящее время понятия так спутались, что многие аксиомы подвергаются сомнению. Поэтому я нахожу, что резолюцию тов. Конягина принять необходимо. Резолюция же

тов. Мартова, насколько я понял, гласит так: «Мы должны выработать устав и готовы представить его на рассмотрение ЦК». Если смысл этого предложения таков, что мы выработаем устав и будем держаться его даже в том случае, если он будет забракован, то я категорически против такого предложения, и целый лексикон щедринских слов не мог бы убедить меня в противоположном. Нельзя иначе поступить, как голосовать за предложение тов. Конягина. Но раз мы признаем апелляцию, как говорит тов. Мартов, то тем самым мы признаем, что устав должен быть утвержден. Тов. Мартов сказал, что, когда я говорил об единстве, то он засмеялся горьким смехом, и указал на то, что мы сидим с самого начала за двумя разными столами. Таким образом вы становитесь на точку зрения чисто механического единства, и, пожалуй, мо ...о видеть нарушение единства и в том, что у членов партии носы разные. Я нахожу, что такого разногласия в точках зрения нет, чтобы нарушилось единство, и что царство единства, действительно, существует, несмотря на обнаружившиеся разногласия. Вероятно, горький смех был вызван воспоминаниями о вчерашних сценах, но это были инциденты чисто личного характера, а не политические. Единство должно существовать. Партия должна быть единой и нераздельной, и если эта мысль, в моих устах, удивляет тов. Дейча, то это свидетельствует о том, что он плохо читает в сердцах. Я настаиваю на принятии резолюции тов. Конягина, дабы она еще раз подтвердила наше единство. Для выражения нашего единства, мы и должны подтвердить, что мы, как часть, подчиняемся целому.

После выступления Троцкого и Ленина слово опять берет

Плеханов. Я вижу важное недоразумение, а не разногласие. Во внутренних делах мы автономны, это так. А во внешних? Кто определяет пределы, рамки автономности каждой организации? *(«С'езд! Параграф 13!»)* Параграф 13 надо истолковать. Дать право интерпретировать закон — значит дать право отменять его. Кто будет интерпретировать этот закон? Относительно определения своих внешних отношений мы не можем быть автономными. Это — точка зрения Бунда, которая с треском провалилась, а вы становитесь на нее. Вот почему резолюция тов. Конягина должна быть принята. А резолюция тов. Мартова, если в ней — тот смысл, который я вкладывал, может быть тоже принята. Преклоняться перед партией — необходимо.

Отвечая Плеханову, Мартов говорит, что интерпретирует устав тот «кто будет делать это наиболее толково».

Плеханов. А кто решит, кто толков?

«Борьба решит. *(«Ага!»).* Да, решит борьба, идейная борьба...»

Голосование дает 18 за резолюцию Конягина, в том числе и Плеханов, 2 воздержалось и 22 против; за резолюцию Мартова — обратное соотношение.

При пунктовом обсуждении устава, к параграфу 10 Мартов вносит поправку: «Изменения в уставе Лиги принимаются лишь на очередных с'ездах Лиги».

Плеханов. В принципе нельзя согласиться на такую поправку, так как предполагается, что ЦК может изменить устав Лиги. Вношу к предложению тов. Мартова следующую поправку: «за исключением тех случаев, когда изменения вносятся ЦК».

Начинается спор по поправке.

Плеханов. Я считаю прения по поводу моей поправки совершенно излишними, — до такой степени она очевидна для всякого.

Поправка голосуется и отклоняется. По пункту 12-му — о приеме новых членов в Лигу — происходят длительные споры.

Плеханов. Здесь часто кстати и некстати говорили о бюрократии, о централизме бюрократическом и т. п., но лучшая иллюстрация бюрократизма — предлагаемый пункт устава. Во Франции, например, никто не может быть профессором, если он определенное время не прослужит по министерству народного просвещения. Тов. Мартов рекомендует нам лучше изучить устав. Я был бы ему очень благодарен, если бы он явился нам на помощь при изучении устава. Но, насколько я знаю устав, он говорит прямо и ясно в пользу предложения тов Конягина (о праве ЦК ввести в Лигу новых членов).

В самом деле, параграф 6 партийного устава ясно говорит: «ЦК организует комитеты... распределяет силы...». Если ЦК организует комитеты, то он их также и реорганизует, а как он может их реорганизовать, если он не может вводить новых членов? То же самое относится и к распределению сил. Далее параграф 9 говорит: «Все постановления ЦК обязательны для всех партийных организаций». И так как все постановления... *(Все постановления? И незаконные также?)* обязательны для всех партийных организаций, то я нисколько не сомневаюсь, что если ЦК постановит ввести в нашу организацию новых членов, то мы и обязаны их принять. Я говорю это в присутствии ЦК и очень может быть, что, — всякие теперь обвинения в ходу, — навлеку на себя этим обвинение в сервилизме.

Ему отвечают Троцкий, Дейч, Мартов; последний заканчивает выражением уверенности, что поправка тов. Конягина «будет отвергнута единогласно».

Плеханов. Единогласие может быть достигнуто путем взаимного понимания. Я хочу знать, как именно вы это интерпретируете. ЦК предлагает кандидата; Лига его отвергает; тогда ЦК переносит в Совет. А дальше?

Троцкий раз'ясняет, что решение Совета окончательное. Мартов соглашается с этим.

Плеханов. Предложение тов. Конягина будет соответствовать уставу, если после его поправки вставить: «в случае непринятия Лигой такого кандидата, ЦК апеллирует в Совет». Но после данных здесь об'яснений ясно, что лишь по постановлению Совета могут быть введены отвергнутые Лигой кандидаты.

Поправка Конягина отвергается. Устав в целом принимается 22 голосами против 14 при 4 воздержавшихся. Тогда член ЦК, тов. Х., делает заявление, что устав должен быть безусловно утвержден ЦК, что всякие действия Лиги на основании неутвержденного устава — недействительны и противоречат уставу партии, и вносит ряд поправок в устав Лиги. Председатель отказывается голосовать и ставить на обсуждение и предлагает обжаловать действия члена ЦК, как не соответствующие уставу партии. Тогда член ЦК тов. Х. об'является это собрание незаконным, как не исполнившее распоряжения ЦК: «Удаляюсь с него и предлагаю желающим последовать за мной».

(Один за другим при общем возбуждении оставляют зал заседания член ЦК тов. Х., Таг, Конягин, С. Сарафский, Бонч-Бруевич, Перова, *Плеханов,* Исакович, Ортодокс, Эммануилов.)

Редакция «Протоколов» пишет по поводу речей:

«Протоколы не стенографические, но редакция за точную передачу *смысла* ручается».

Речи на Амстердамском международном социалистическом конгрессе

Речь в день открытия конгресса

Первый вариант

Я счастлив находиться в президиуме вместе с Катаямой, представителем самого молодого международного рабочего движения, и мне хотелось бы об'яснить здесь, что ответственность за эту преступную войну лежит не на русском народе, а на его злейшем враге — царском правительстве. Если даже Россия выйдет победительницей из этой войны, то побежденной окажется не Япония, а русский народ. Не Япония начала эту войну, она была начата русским самодержавием, жаждавшим грабежей, эксплоатации и завоеваний, русским самодержавием, насильственно окружившим себя целым кольцом чужих народностей. И все слои русского общества платят ему ненавистью за свое угнетение. Теперь, наконец, кажется наступает час, когда деспотизм стоит перед своим заслуженным концом. И когда приходит сообщение за сообщением о русских поражениях, царское правительство нигде не встречает сочувствия, оно совершенно изолировано морально. Все те в России, кто ориентируется на прогресс и свободу, с надеждой взирают на социалистическое движение, на пролетарскую классовую борьбу. Буржуазия во всех странах стала консервативной; мы видим даже, что буржуазия одной из так называемых республик стала сильнейшей опорой деспотизма, что она платит золотом самодержавному палачу всея Руси. Именно поэтому все, что в России стремится к свободе и к прогрессу, обращает свои взоры на социал-демократию, ибо все убеждены в том, что пролетариат является носителем культуры.

Второй вариант

Войну с японским пролетариатом ведет не русский народ, а злейший враг русского народа — русское правительство. *(Аплод.)*

Если Россия потерпит поражение, побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ. *(Аплод.)*

Русское правительство провоцировало войну *(аплод.)* своей политикой угнетения и жаждой завоеваний.

Русское правительство окружило себя кольцом порабощенных славянских народов. Но карой для народов, отнимающих свободу у других народов, является то угнетение, на которое они осуждены сами. Русский народ не менее угнетен, чем население Сибири, Финляндии и т. д.

Могильная тишина царит над Москвой так же, как и над Варшавой. Русское правительство сильно только с внешней стороны, в действительности же оно является колоссом на глиняных ногах. Япония ломает теперь одну ногу этого колосса; она мстит за угнетенные народы, а русское правительство искупает свои неудачи порабощением своего собственного народа.

Русское правительство является врагом цивилизации, поэтому взоры русских рабочих обращены на международный конгресс. В союзе с царской Россией находится не французская пролетарская республика, а французская буржуазия. Французский народ так же, как и русский, проклинает царское правительство. (Шумное одобрение. Все французы аплодируют.)

Вот почему мы счастливы своим присутствием здесь, где мы общаемся интеллектуально и морально с делегатами всех трудящихся мира. Да здравствует пролетарский Интернационал!

(Продолжительные аплодисменты.)

Третий вариант

... Я сказал, что войну с Японией ведет не русский народ, а злейший враг этого народа... Я сказал, что, в случае победы царского правительства над Японией, главным побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ.

...Победоносное царское правительство могло бы, пользуясь обаянием победы, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает страну. Я напомнил с'езду ту, к сожалению, неоспоримую исто-

рическую истину, что иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себе все те из окружавших нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и что оно окружило собственно-русскую землю целым ожерельем из побежденных народностей, возвращающих ему, в виде ненависти, то, что они получили от него в виде угнетения. И я прибавил, что от такой политики само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободен, служа орудием угнетения своих соседей, и потому, что «порядок», который благодаря нашему правительству, царствовал в Варшаве, в Гельсингфорсе и в Тифлисе с такой же силой, с какой «царствует» смерть на кладбище, «царствовал» также в Петербурге, в Москве, в Киеве, в Одессе, словом во всей России... Я сказал, что, преследуя в нашей несчастной стране все талантливое, все живое и независимое, царское правительство видит себя теперь изолированным, окруженным жалкими и жадными бездарностями, которые думают только о своей собственной карьере и не могут обеспечить ему ничего, кроме целого ряда постыднейших поражений. И, когда я говорил все это, я сознавал, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей...

Выступление в «Комиссии по международной социалистической тактике»

Плеханов не хочет ни осуждать, ни заклеймить кого бы то ни было. Этого духа осуждения или порицания нет и в дрезденской резолюции. Речь идет только о том, чтобы принять или отвергнуть эти тенденции.

В Германии Бернштейн и его друзья не считают себя ни осужденными, ни заклейменными в Дрездене.

Нельзя, однако, ставить под сомнение компетенцию международного социалистического конгресса в вопросах тактики. Практика не отделяется пропастью от теории. Если выдвигается возражение в некомпетентности, для чего же тогда международные конгрессы?

Недостаточно быть согласными относительно конечного идеала, надо еще быть согласными и относительно способов действия — в противном случае вы компрометируете в глазах пролетариата социалистический идеал.

Я не понимаю, как может Адлер отказываться осудить тенденцию, которую он сам об'являет ложной и ошибочной. Не следует отказываться от осуждения вредных тенденций, во имя того, чтобы пощадить отдельных лиц.

Здесь говорили о русских террористах; видели ли вы когда-нибудь террориста, склонного участвовать в самодержавном русском правительстве? *(Смех.)*

Никто не без греха, говорит пословица. Но мы не в праве допускать идейного разброда среди партий и политических деятелей. Конгресс обязан определить социал-демократическую тактику.

Оратор упрекает резолюцию Вандервельде-Адлера в отсутствии ясности и точности; дрезденская резолюция более ясна и определенна.

Принятие этой резолюции более, чем какой-нибудь другой акт международного конгресса, обеспокоит наших клерикальных и реакционных врагов.

Следует подчеркнуть также важность резолюции, принятой в Париже в 1900 г., которая не только ни в чем не расходится с опытом последних четырех лет, но даже была ему на пользу.

Речь на собрании членов РСДРП

2 сентября 1904 года

Непримиримые называют теперь наши центральные учреждения сборищем интриганов. К этим интриганам я имею честь принадлежать как член редакции и как член Совета, и именно в качестве «интригана» я буду говорить теперь. Моя первая интрига состоит в том, что я кооптировал в редакцию товарищей Мартова, Аксельрода, Засулич и Старовера. Говорят, что я этим нарушил волю большинства. Но это неверно. Я следовал уставу, который предоставил центральным учреждениям право кооптации. Да и каково было наше знаменитое большинство на с'езде? Нас было одним человеком более, так что, когда этот человек перешел на сторону меньшинства, то с'езд оказался разделенным на две половины, что и выразилось в его последней резолюции, касающейся судьбы протоколов. Продолжать политику так называемого «большинства» значило организовать в партии гражданскую войну, упорную и крайне вредную для нашего дела, борьбу между почти равными силами. Какой смысл могла иметь идейная борьба? Говорят, что это была бы борьба с оппортюнизмом. Но нужно, чтобы слова имели человеческий смысл. Какой же Мартов оппортюнист? Какой оппортюнист Аксельрод или Старовер? Когда Каутский услыхал, что их называют оппортюнистами, то он расхохотался. Обвинение их в оппортюнизме совершенно бессмысленно, а между тем этим обвинением прикрывалась братоубийственная борьба, благодаря которой падали наши политические акции и поднимались акции социалистов-революционеров и «Освобождения». Эту вредную борьбу необходимо было прекратить, и на это я еще осенью прошлого года указал ЦК, и в том же направлении действовал я, пользуясь своим законным правом кооптации. Такова моя первая интрига.

Редакцию «Искры» обвиняют в резкости полемики с нашими «твердокаменными». Эта резкая полемика есть, очевидно, моя вторая

интрига, потому что я полемизировал резче, чем кто-либо другой. Почему я так поступал? На это отвечают слова чириковского Нахмана, взятые мною эпиграфом к моей статье: «Централизм или бонапартизм?» Мне больно было видеть те, может быть неизлечимые, раны, которые «твердокаменные» наносили нашей партии. Товарищ Л. сказал, что мы должны были бы обращаться с зарвавшимися комитетами так, как учитель обращается с учеником, но я не знаю, какая педагогическая система требует, чтобы учитель гладил по головке того ученика, который, с своей стороны, осыпает его бранью? Во всяком случае я не сторонник такой системы. А что зарвавшиеся комитеты не церемонились с нами в выражениях, в том каждый может убедиться.

Здесь было высказано опасение насчет того, что от восстановления мира в партии пострадает т. Ленин. Но, во-первых, это опасение заставляет меня вспомнить известные слова одной из героинь Островского: «Кто тебя, батюшка, Кит Китыч, обидит! Ты сам всякого обидишь». А, во-вторых, я не понимаю, каким образом мог бы он пострадать? Разве кто-нибудь предлагает против него какие-нибудь специальные меры? Об этом нет и речи! А если психология т. Ленина такова, что он чувствует себя хорошо только во время партийных междоусобий, то тем хуже для него; нам жаль, но помочь ему мы не можем.

«Интрига» ЦК состоит в том, что он будто бы принял некоторые незаконные меры к умиротворению нашей партии. В принципе я не отрицаю возможности для ЦК, — как и всякой другой коллегии или всякого отдельного лица, — принять незаконную меру: errare humanum est. Но разбирать и поправлять его ошибку надо законным порядком, а «твердокаменные», — эти, повидимому, неуклонные сторонники дисциплины, — поступают совсем незаконно, осыпая ЦК бранью и рекомендуя товарищам не повиноваться ему. Вот она дисциплина «твердокаменных»! ЦО провинился только в том, что не захотел продолжать междоусобие. Но это — непростительный, смертный грех в глазах «твердокаменных». Они напоминают мне албанцев, о которых я прочитал сегодня в «Journal de Genève» странное известие: албанцы отправили к султану депутацию, которая должна поставить ему на вид, что они, албанцы, взбунтуются, *если он не возьмет назад тех уступок, которые он делает македонцам*. Албанцы ничего не требуют для себя, они народ бескорыстный: они хотят только, чтобы «красный султан» не переставал резать македонцев. Спрашивается, как угодить албанцам, не нарушая справедливости? Это невозможно. И совершенно

так же невозможно угодить нашим албанцам, — нашим «твердокаменным», — не губя партии.

Но мы не должны, не можем и не будем губить ее. Амстердамский конгресс принял, между прочим, резолюцию, гласящую, что в каждой стране должна быть только одна социалистическая партия, подобно тому, как в каждой стране есть только один пролетариат. Мы, стоящие на точке зрения пролетариата, должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы и у нас в России была только одна социал-демократическая партия, подобно тому, как есть в ней только один рабочий класс.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Предисловие редактора III

Вопросы тактики накануне революции 1905 г.
1903 — 1905 гг.

Чего не делать («Искра» № 52 от 7 ноября 1903 г.) 3
Ответ на письмо тов. Ленина.— От редакции «Искры» («Искра» № 53 от 25 ноября 1903 г.) 11
Нечто об «экономизме» и об «экономистах» («Искра» № 54 от 1 декабря 1903 года) 14
Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» («Искра» № 54 от 1 декабря 1903 г.) 23
Забавное недоразумение («Искра № 55 от 15 декабря 1903 г.) 34
Ответ на письмо Н. Ленина о его выходе из редакции «Искры». — От редакции «Искры» («Искра № 55 от 15 декабря 1903 г.) 41
Письмо об обстоятельствах, сопровождавших выход тов. Ленина из редакции «Искры» (Л. Мартов, «Борьба с «осадным положением» в РСДРП», Женева, 1904 г.) 43
Грустное недоразумение («Искра» № 57 от 15 января 1904 г.) 46
Замечания к письму уфимцев и уральцев.— От редакции «Искры» («Искра» № 63 от 1 апреля 1904 г.) 57
«А все-таки движется» («Искра» № 63 от 1 апреля 1904 г.) 59
Болонский с'езд итальянских социалистов («Искра» № 63 от 1 апреля 1904 г.) 65
Письмо в редакцию «Mouvement Socialiste» (от 29 апреля 1904 г.) 76
Централизм или бонапартизм? («Искра» № 65 от 1 мая 1904 г.) 81
«Строгость необходима» («Искра № 65 от 1 мая 1904 г.) 94
Голлабрун и Ка-льен-тзе («Искра» № 66 от 15 мая 1904 г.) 101
Теперь молчание невозможно («Искра» № 66 от 15 мая 1904 г.) 106
Ответ тов. Лядову («Искра» № 67 от 1 июня 1904 г.) 111
Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция («Искра» № 70 от 25 июля и № 71 от 1 августа 1904 г.) 116
Социал-демократия и терроризм («Vorwärts» № 187 от 11 августа 1904 г.) . 141
Торжество социалистов-революционеров («Искра» № 75 от 5 октября 1904 г.) 147
Довольно ли? («Искра» № 78 от 20 ноября 1904 г.) 151
Еще о двойной бухгалтерии («Искра» № 82 от 1 января 1905 г.) 157
Пора об'яснаться («Искра № 82 от 1 января 1905 г.) 159
Ответ нашим непоследовательным сионистам («Искра» № 82 от 1 января 1905 г.) 165

Стр.

О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом (Изд. РСДРП, Женева, 1905 г.) 169
Врозь итти, вместе бить! («Искра» № 87 от 10 февраля 1905 г.) 188
Священник Г. Гапон («Искра» № 93 от 12 марта 1905 г.) 198
К вопросу о захвате власти («Искра» № 96 от 5 апреля 1905 г.) 203
Открытое письмо ко всем членам РСДРП («Искра» № 96 от 5 апреля 1905 г.) 212
В ожидании первого мая («Искра» № 97 от 18 апреля 1905 г.) 214
Об'единение французских социалистов («Искра» № 99 от 1 мая 1905 г.) . . 219
Выход из редакции «Искры».— Письмо в редакцию «Искры» (№ 101 от 1 июня 1905 г.) 226
Предисловие к брошюре «На два фронта» (Женева, 1905 г.) 227

«Дневник социал-демократа» № 1.
(Март 1905 г.)

Два слова о моем «Дневнике» 233
Мукден 235
«Мужики бунтуют» 241
О некоторых наших «нехватках» 252

«Дневник социал-демократа» № 2.
(Август 1905 г.)

Патриотизм и социализм 263
Выбранные места из переписки с друзьями.— Письмо в редакцию газеты «Пролетарий» 273
Враждующие между собою братья 305
Мелкие заметки.—I. «Князь Потемкин Таврический».— II. Г-н П. С. и «крайние партии».— III. Восьмичасовой рабочий день в английских государственных мастерских 320

«Дневник социал-демократа» № 3.
(Ноябрь 1905 г.)

Наше положение 329
Мелкие заметки.— I. «Погромы».— II. «Новая жизнь».— III. Фемик-паша . . . 357

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Речи и реплики на втором с'езде заграничной Лиги русской революционной социал-демократии 361
(«Протоколы 2-го очередного с'езда заграничной Лиги рус. рев. соц.-дем.» под ред. И. Лесенко и Ф. Дана; изд. загр. Лиги рус. рев. соц.-дем.)
Речи на Амстердамском международном социалистическом конгрессе (три варианта) 372
(«Sixième Congrès Socialiste International tenu à Amsterdam 14—20 août 1904».— Bruxelles, 1904.)
Речь на собрании членов РСДРП 2 сентября 1904 г. 376
(«Краткий отчет о собрании членов РСДРП в Женеве», изд. Партийного Клуба, 1904 г.)